This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Герман Фадеевич

ЧЕРТЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ СОСЛОВІЙ

ВЪ

Юго-западной Галицкой (Руси) XIV—XV в.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

И. А. Линниченка.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздв. пер., д. Лисснера.
1894.

Н 1/16
535

По постановленію историко-филологическаго факультета печатать разрѣшается. 17 марта 1894 г.

Деканъ историко-филологическаго факультета *М. Троицкій.*

Памяти отца

благоговѣйно

посвящаю этотъ трудъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый трудъ не представляетъ собою ничего цѣльнаго. Авторъ не имѣлъ въ виду писать полной исторіи внутреннихъ отношеній въ Галицкой Руси XIV—XV в. Три отдѣльныя главы предлагаемой книги посвящены разсмотрѣнію разныхъ вопросовъ въ исторіи трехъ сословій — дворянскаго, крестьянскаго и мѣщанскаго. Связаны очерки (помимо связи хронологической) одной общей имъ всѣмъ цѣлью: авторъ старался прослѣдить въ исторіи каждаго изъ трехъ сословій процессъ перехода отъ старыхъ русскихъ порядковъ къ новымъ, созданныхъ здѣсь польскимъ правительствомъ, и отмѣтить жившіе еще здѣсь въ XIV—XV в. остатки древнерусскаго права. Изученіе этихъ вопросовъ въ исторіи Галицкой Руси представляется особенно важнымъ въ виду того обстоятельства, что въ Червоную Русь новые порядки были введены двумя столѣтіями (если считать начало ихъ съ эпохи завоеванія Полышей наслѣдія Романовичей) ранѣе, чѣмъ въ остальныя части Юго-Западной Руси; уясненіе процесса замѣны старыхъ русскихъ порядковъ новыми въ Гал Руси можетъ поэтому служить хорошимъ пропедевтическимъ средствомъ для уясненія пониманія такого же процесса въ исторіи другихъ западно-русскихъ областей. Авторъ держался въ своемъ изслѣдованіи главнымъ образомъ метода описательнаго. Къ методу сравнительному (сравненію институтовъ галицко-русскихъ съ аналогичными западно-русскими или сѣверно-русскими) авторъ прибѣгалъ рѣдко, ибо для правильнаго примѣ-

ненія сравнительнаго метода въ настоящемъ изслѣдованіи автору пришлось бы сдѣлать тройную работу (два описательныхъ изслѣдованія и одно сравнительное).

Въ заключеніе авторъ горячо благодаритъ всѣхъ такъ или иначе содѣйствовавшихъ ему въ его трудѣ и in primis уважаемыхъ пріятелей: доктора Антонія Прохаску, вицедиректора Львовскаго Бернардинскаго Архива, бывшаго автору незамѣнимымъ совѣтникомъ при чтеніи рукописныхъ судебныхъ книгъ XV в., и библіотекаря петербургской публичной библіотеки П. А. Соколовскаго, неистощимая любезность, котораго хорошо извѣстна всѣмъ работавшимъ въ историческомъ отдѣленіи этого лучшаго книжнаго собранія на Руси.

Если результаты настоящаго труда не соотвѣтствуютъ массѣ потраченной на него любезности со стороны друзей и знакомыхъ автора, то... „non eorum erit id damnum, sed meum“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе ..... V—VI
Глава I. Политика польскихъ королей и судьба древнерусскаго боярства въ Галицкой Руси XIV—XV вв. ..... 1—71
Глава II. Судьба крестьянскаго населенія Галицкой Руси XIV—XV в. ..... 71—209
Глава III. Мѣщанство въ Галицкой Руси XIV—XV вв. 210—238
Дополненія и поправки ..... 239—240
Опечатки 241

ГЛАВА I.

Политика польскихъ королей и судьба древне-русскаго боярства въ Галицкой Руси XIV—XV в.

Въ срединѣ XIV ст. Галицко-Володимерское княжество теряетъ свою самостоятельность. Къ концу XIV ст., послѣ многолѣтней борьбы трехъ сосѣднихъ государствъ изъ-за наслѣдія Романовичей, большая часть его окончательно утверждается за Польшей.

Не станемъ слѣдить за перипетіями борьбы изъ-за наслѣдства Романовичей — вопросу этому удѣлено уже не мало вниманія въ исторической литературѣ[1]). Нашему вниманію будетъ посвящено изслѣдованіе тѣхъ измѣненій, которыя внесло во внутренній строй Галицко-Русскаго княжества новое господство[2]).

---

[1]) О послѣднихъ временахъ самостоятельнаго существованія Галицко-Володимерскаго княжества см. соч. Д. Зубрицкаго, Анонимъ Гнѣзненскій и Янъ Длугошъ, и особенно J. Reżabek, Jirzi II posledne knize veszkeré Malé Rusi, časopis Musea Královstvi českeho 1883, и рецензію на это сочиненіе А. В. Лонгинова, Грамоты малорусскаго князя Юрія II и вкладная запись князя Юрія Даніиловича Холмскаго XIV в. Москва 1887.

Исторіей борьбы Польши, Литвы и Венгріи за Галицко-Владимірское княжество занимаются: Joh. Matijów, Der polnisch-ungarische Streit um Galizien und Lodomerien. Lemberg 1886; Huber, Ludwig I von Ungarn und die ungarischen Vassallenländer (Archiv für oesterr. Gesch. B. 66, I); K. Gorżycki, Połączenie Rusi czerwonej z Polska przez Kazimierza Wielkiego. Lwow 1889. Ern. Breiter, Władysław książe Opolski, pan na Wieluniu, Dobrzyniu i Kujawach, palatyn węgierski i wielkorządca Polski i Rusi. Lwow, 1889. И. Филевичъ, Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Володимірское наслѣдіе, С.-Пб. 1890. Рецензіи на это сочиненіе: Czuczynski (Kwar. Hist. 1891 № I). Ant. Prochaska, W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego. Наша статья: Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, № 5, 6, 7, гдѣ разсмотрѣны вышеуказанные труды Лонгинова, Брейтера, Горжицкаго и отчасти г. Филевича). Отвѣтъ г. Филевича критикамъ (въ томъ числѣ и намъ) въ Ж. М. Н. П. 1891. № 12. см. также общія сочиненія, Caro, Geschichte Polens, II, И. И. Шаранѣвичъ, Исторія Галицко-Володимірской Руси. Львовъ, 1863.

[2]) Вопросы, разбираемые въ этой главѣ, отчасти уже разсмотрѣны нами въ двухъ статьяхъ: Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси

Не можемъ однако не коснуться здѣсь дипломатической судьбы Черв. Руси въ XIV в. Особенности строя Галицко-Русскаго княжества въ первую эпоху польскаго владычества въ значительной степени объясняются ея особенными отношеніями къ Польшѣ, результатомъ договоровъ Польши съ сосѣдними государствами относительно наслѣдія Романовичей.

Приглашеніе на Галицко-Владимірскій столъ мазовецкаго князя было крупной политической ошибкой со стороны галицко-русскаго боярства. Заботясь о своихъ личныхъ интересахъ, галицко-русское боярство поступило въ этомъ случаѣ крайне недальновидно, такъ какъ послѣдствія этого необдуманнаго шага обрушились прежде всего на его же голову. Результаты приглашенія чужеземнаго князя были еще печальнѣе для судьбы всего края. По весьма вѣроятнымъ соображеніямъ Прохаски, предпринятая Болеславомъ-Юріемъ реформа, равно какъ и переходъ его въ католицизмъ, преслѣдовали очень опредѣленную цѣль — втянуть Галицкую Русь въ общій строй европейской политики и, прибавимъ отъ себя, оторвать ее отъ общерусскаго тѣла. Путемъ принятія католицизма, по мнѣнію г. Прохаски, Болеславъ-Юрій хотѣлъ укрѣпить положеніе Черв. Руси какъ самостоятельнаго княжества, прекратить претензіи къ ней сосѣднихъ государствъ, отнявъ религіозную санкцію у ихъ завоевательныхъ попытокъ, обезпечить Гал. Руси помощь Запада въ дѣлѣ освобожденія отъ татарскаго ига[1]).

(Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, № 5, 6, 7) и Юридическія формы шляхетскаго землевладѣнія и судьба древне-русскаго боярства въ юго-западной Руси XIV—XV в. Юридич. Вѣстн. 1892, № 6—7. См. также Alex. Stadnicki, Ziemia lwowska za rządów polskich w XIV i XV wieku we względzie społecznych stosunków rozpoznana, Bibl. Ossolinskich, poczet nowy, t. III. Lwów 1863 и Izydor Szaraniewicz, Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w drugiej połowie piętnastego wieku. Lwów, 1869.

[1]) Въ статьѣ A. Прохаски (W sprawie zajęcia Rusi przez Kaz. W.) есть нѣсколько не безынтересныхъ дополненій къ извѣстнымъ уже фактамъ начала XIV в. Такъ имъ впервые указанъ мало извѣстный источникъ — генеалогія мазовецкихъ князей, напечатанная Нарбутомъ (Pomniejscze pisma). Въ этой генеалогіи жена Тройдена именуется русской княжной, сестрой галицкаго короля Льва. О женѣ Болеслава-Юрія въ ней читаемъ: Болеславъ, сынъ Тройдена, получившій княженіе въ Черв. Руси какъ наслѣдство матери, отравленный русскими въ 1340 г., имѣлъ женою Офку, въ христіанствѣ Марію, дочь в. кн. лит. Гедимина, сброшенную подъ ледъ въ Вислу у Завихоста, 5 февр. 1342 г. (Pomn. pisma histor. Wilno 1856, p. 296. Извѣстіе это Нарбутъ приводитъ изъ рукописной генеалогіи мазовецкихъ князей, составленной въ XVI в., оригиналъ писанъ по латыни, но Н. приводитъ его въ польскомъ переводѣ). Изъ этихъ словъ впрочемъ нельзя дѣлать заключенія, какое дѣлаетъ уважае-

Что Болеславу могли мерещиться подобныя радужныя картины — весьма возможно, хотя мы сильно сомнѣваемся, чтобы онѣ зародились самостоятельно въ его головѣ.

Хотя папа и представляетъ намѣреніе Болеслава перейти въ католицизмъ какъ вышедшее изъ его личной иниціативы, но это обычная манера римской куріи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что иниціатива къ этому вышла отъ самой куріи, и картина выгодъ принятія католизизма была развернута передъ галицко-владимірскимъ княземъ какимъ-нибудь гласнымъ или негласнымъ папскимъ делегатомъ. Нечего было бы просить помощи Локетка къ обращенію Болеслава, если бы иниціатива обращенія шла отъ самого галицко-владимірскаго князя [1]).

мый ученый, будто Марія была ярой прозелиткой католицизма и за это погибла насильственной смертью. Согласно съ А. В. Лонгиновымъ, А. Прохаска, на основаніи разнообразія титуловъ въ грамотахъ Юрія-Болеслава, утверждаетъ постепенное распространеніе его власти, но не вширь такъ сказать, а вглубь, въ отношеніяхъ къ боярству, такъ какъ Болеславъ напираетъ на то, что онъ сталъ княземъ Руси не по волѣ боярства, а по милости Божіей и какъ сынъ русской княгини. Но вслѣдъ за тѣмъ почтенный авторъ не могъ не указать на несомнѣнныя попытки боярства ограничить власть князя и думаетъ даже, что направленный противъ татаръ параграфъ въ первыхъ договорахъ съ крестоносцами былъ опущенъ въ послѣднихъ договорахъ по требованію боярства, которое въ хорошихъ отношеніяхъ съ татарами видѣло ручательство своей силы. Какимъ образомъ произошло такое умаленіе власти князя, почтенный ученый не старается объяснить. Въ дѣлѣ отравленія Болеслава, по мнѣнію автора, можно подозрѣвать союзъ боярства съ татарами.

[1]) До папы дошли только *слухи* о желаніи Юрія перейти въ католицизмъ (audivimus), въ папскихъ буллахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на прямое обращеніе Юрія къ папскому престолу (вспомнимъ при этомъ дѣло объ обращеніи въ католичество Гедемина, гдѣ папа имѣлъ дѣйствительное основаніе ссылаться на иниціативу литовскаго князя: папа постоянно ссылается на письма Гедимина и приводитъ ихъ подробное содержаніе). По всей вѣроятности, къ папѣ дошли лишь неопредѣленные слухи о желаніи Юрія перейти въ католицизмъ, вѣрнѣе, что кто-либо изъ миссіонеровъ или пограничныхъ съ Русью польскихъ епископовъ указалъ папѣ на русскаго князя, рожденнаго отъ католическихъ родителей и перешедшаго затѣмъ въ православіе, какъ на хорошій объектъ для пропаганды. Что какіе-то католическіе миссіонеры появились въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ въ первые годы правленія Юрія, доказательство видимъ въ утвержденіяхъ любушскаго епископа, что sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris galathe, que Ruscia nuncupatur, in loco videlicet *Flandemiria* (въ другомъ мѣстѣ Flademiria) ab antiquo extitit situata, et adhuc ibi patent plura episcoporum sepulchra... Замѣчательно, что это утвержденіе и жалоба на разныя препятствія, заставившія любушскаго епископа уйти изъ Владиміра и даже потерять въ этой области юрисдикцію (правильность такого утвержденія другой вопросъ) относятся именно къ году обращенія папы къ Юрію-Болеславу (1327) и нѣсколькими мѣсяцами предшествуютъ папскимъ булламъ къ Локетку и Юрію (Theiner № 376, 383, 384).

Впрочемъ примѣръ Даніила могъ служить послѣднему галицко-русскому князю яснымъ доказательствомъ эфемерности надеждъ на помощь папы въ дѣлѣ освобожденія отъ татарскаго ига. Главная политическая выгода обращенія Руси состояла бы въ ограниченіи религіозной санкціи для завоевательныхъ плановъ сосѣднихъ государствъ. Но если этимъ актомъ упрочивалось положеніе Галицко-Владимірскаго княжества со стороны Запада, зато кореннымъ образомъ измѣнялось его отношеніе къ Востоку — католическая Черв. Русь переставала быть своей, родной, обратилась въ такую же враждебную страну иновѣрцевъ, какъ Венгрія и Польша.

Этого мало. Удача или неудача плановъ Болеслава должна была въ концѣ концовъ повести къ паденію самостоятельности Галицкой Руси. Если бы Болеславу-Юрію и удалось утвердиться въ Черв. Руси, положеніе его княжества, окруженнаго съ трехъ сторонъ сильными и давно питавшими къ богатой русской странѣ вожделѣнія государствами могли быть только весьма прекарнымъ. Въ виду претензій могучаго Литовско-Русскаго государства на наслѣдство Романовичей, предъявленія пресумптивныхъ правъ на ту же область со стороны Венгріи, Галицкой Руси въ концѣ концовъ оставалось бы примкнуть къ одному изъ сосѣднихъ государствъ, и едва ли можно сомнѣваться, что въ виду родственныхъ связей мазовецкій князь въ концѣ концовъ примкнулъ бы къ Польшѣ.

Какъ бы то ни было, но смерть Болеслава открыла дорогу всѣмъ претендентамъ на Гал. Русь. Конечно, съ точки зрѣнія русскаго государственнаго права княжеской Руси, наслѣдство Романовичей не переходило ни къ одному изъ претендентовъ. Древне-русское государственное право не признавало перехода княженія по наслѣдству: Ольговичевъ не хочемъ быти, аки въ задничи, говорятъ кіевляне. Князь избирался и утверждался на столѣ общиною. Въ Гал. Руси, гдѣ община была рано подавлена, выборъ князя de facto перешелъ въ руки боярства, а съ половины XIII в. новый князь еще утверждался и татарскимъ ярлыкомъ[1]).

Но, съ другой стороны, вполнѣ понятно, что никому изъ претендентовъ не было дѣла до русскаго государственнаго права:

---

[1]) Ип. 591—слова Владиміра Васильковича Мстиславу Даніиловичу „а даю тобѣ, брату своему, землю свою всю и городы, по своемь животѣ; а се ти даю *при царѣхъ и при его рядьцахъ*.

въ дипломатическихъ вопросахъ *право* имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько за нимъ стоитъ *сила*, возможность его защитить. А въ Гал. Руси единственной дѣйствительной силой, съ которой приходилось посчитаться, были татары, при весьма вѣроятномъ участіи которыхъ и произошла катастрофа 1340 года.

Каждому изъ претендентовъ, считавшихъ свое право на Черв. Русь наизаконнѣйшимъ, нужно было для успѣха дѣла отстоять его передъ прочими и помимо того заручиться поддержкою татаръ, de facto верховныхъ господъ Руси. Яснѣе всего понялъ дѣло Казимиръ; онъ прекрасно сообразилъ, что однимъ дипломатическимъ путемъ ему не удастся отстоять своихъ пресумптивныхъ правъ на Черв. Русь. Избѣжать борьбы изъ-за такого лакомаго куска все равно не было возможности. По справедливому замѣчанію Прохаски, было еще иное право, на основаніи котораго можно было обезпечить себѣ въ то время обладаніе страною языческой или схизматической — jus prius occupantis. Папы, крайне щедрые на раздачу того, что имъ не принадлежало, обыкновенно дарили католическимъ государямъ всѣ тѣ языческія или схизматическія страны, которыми они овладѣютъ. А поддержка папы въ то время не мало значила.

Всѣми этими соображеніями объясняется необыкновенно быстрый и смѣлый наѣздъ Казимира на Черв. Русь. Въ то время какъ Черв. Русь еще не успѣла опомниться отъ катастрофы 25 марта, когда извѣстіе о ней только что дошло до сосѣдей, Казимиръ уже стоитъ подъ стѣнами Львова.

Если этотъ первый успѣхъ могъ быть только весьма эфемернымъ при тѣхъ незначительныхъ силахъ, какими могъ располагать Казимиръ, съ такой невѣроятной быстротой совершившій свой походъ въ Черв. Русь, то значеніе этого шага не могло конечно не быть понятымъ въ Венгріи. Мы не можемъ согласиться съ Прохаскою, чтобы уже въ первомъ наѣздѣ на Черв. Русь Казимиръ дѣйствовалъ совмѣстно съ венграми. Мы думаемъ, что походъ Карла-Роберта на Русь, о которомъ сохранилось свидѣтельство въ грамотѣ отъ 15 мая 1340 г.[1]), былъ вызванъ или тѣми же соображеніями, что и походъ Казимира[2]), или даже прямо явился отвѣтомъ на наѣздъ польскаго короля на Черв.

[1]) Cod. dipl. Hung. Andegav. IV, p. 26.

[2]) А также и непосредственно за катастрофой 25 марта послѣдовавшими набѣгами татаръ на Венгрію.

Русь. Трудно также согласиться съ тѣмъ же уважаемымъ ученымъ, чтобыеще въ 1338 г., т.-е. при жизни Болеслава, состоялось соглашеніе между польскимъ и венгерскимъ королями относительно Черв. Руси. Если въ трактатѣ 1350 г. и есть намекъ на какое-то предыдущее соглашеніе обоихъ королей, то нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній не допустить, чтобы соглашеніе это послѣдовало уже послѣ наѣзда Казимира.

Хотя своимъ смѣлымъ наѣздомъ Казимиръ и пріобрѣлъ новое, съ дипломатической точки зрѣнія, право на Черв. Русь, но факты показываютъ, что Венгрія не имѣла никакого желанія отказаться отъ своихъ предполагаемыхъ правъ на Гал. Русь. Поддержать свои старыя и новыя права на Черв. Русь можно было только силой, при чемъ приходилось отстаивать ихъ съ двухъ сторонъ — со стороны Литвы и Венгріи. Выдержать борьбу съ двумя сильными претендентами Казимиру было не подъ силу. Оставалось войти въ соглашеніе съ однимъ изъ претендентовъ. Цѣлый рядъ обстоятельствъ, родственныя отношенія и предыдущіе договоры привязывали Казимира къ Венгріи. Въ результатѣ этого и состоялся извѣстный договоръ польскаго и венгерскаго королей по вопросу о Черв. Руси. Заключенъ онъ былъ еще между Казимиромъ и Карломъ-Робертомъ и повторенъ въ договорѣ Казимира съ Лудовикомъ 1350 г.[1]). По этому договору Черв. Русь остается въ пожизненномъ владѣніи Казимира, по смерти его, въ случаѣ если польскій король оставитъ потомка мужескаго пола, Черв. Русь выкупается Венгріею за 100 т. флориновъ у наслѣдника польскаго короля, если же Казимиръ умретъ, не оставивъ потомковъ мужескаго рода, то Гал. Русь вмѣстѣ съ Польшей переходитъ къ Лудовику Венгерскому (вопросъ о наслѣдованіи Лудовикомъ Польши былъ рѣшенъ еще раньше трактатомъ 1338 г).

Договоръ этотъ показываетъ ясно, что Казимиромъ были вполнѣ признаны права Венгріи на Черв. Русь, которая остается за за нимъ только пожизненно на правахъ wiederkauf'a, какъ вѣрно замѣчаетъ Прохаска.

Такъ обр. въ силу этого договора Черв. Русь является не государственной собственностью, не провинціей Польши, даже не

---

[1]) Договоръ не разъ напечатанъ подъ разными датами: у Стадницкаго, Synowie Gedymina II, p. 231, откуда его перепечаталъ Матіовъ, Der poln.-ung. Streit, p. 45. По копіи Нарушевича — Смолька (Rok 1386, p. 135) и по копіи Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Прохаска (W. Sprawie Zaj. R. przez. K. W., p. 30). Принимаемъ дату послѣдняго (см. у него p. 23).

кролевщиной, а *личной* и притомъ лишь на пожизненномъ правѣ *собственностью* Казимира. Ясное пониманіе этого отношенія Черв. Руси къ Польшѣ имѣетъ большое значеніе для нашего дальнѣйшаго изложенія.

Сущность договора совершенно ясна, но нѣкоторые пункты его съ дипломатической стороны изложены нѣсколько неопредѣленно, во всякомъ случаѣ не юридически точно (да, какъ кажется, договоръ этотъ былъ тайнымъ), что и повело впослѣдствіи къ неодинаковому его пониманію у обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

По смерти Казимира Черв. Русь вмѣстѣ съ Польшей отошла къ Лудовику, но по смерти Лудовика долженъ былъ возникнуть вопросъ, на какомъ правѣ владѣлъ Лудовикъ Черв. Русью, какъ король польскій или король угорскій? Въ первомъ случаѣ Черв. Русь отходила къ Польшѣ, во второмъ — къ Венгріи.

Если въ договорѣ 1350 г. Лудовикъ прямо именуетъ Черв. Русь regnum nostrum, ad nos iure successorio devolutum и въ качествѣ такого отдаетъ его въ пожизненное владѣніе Казимиру, то съ другой стороны въ договорѣ проскользнула фраза, что въ случаѣ безпотомной смерти Казимира regnum Russie tanquam ius nostrum proprium *eodem modo sicut regnum Poloniae* ad nostras manus devolvetur. Впрочемъ едва ли нужно прибѣгать къ такимъ дипломатическимъ тонкостямъ въ обсужденіи договора 1350 г. — есть основанія предполагать, что документъ этотъ не предназначался во всеобщее свѣдѣніе [1]).

Что договоръ 1350 г. не былъ обнародованъ, показываютъ pacta conventa Лудовика со шляхтою польскою при занятіи имъ польскаго престола. Въ нихъ находимъ лишь общее обязательство не отчуждать земель, принадлежащихъ польской коронѣ, но никакихъ спеціальныхъ пунктовъ относительно Гал. Руси нѣтъ. Если бы договоръ покойнаго короля съ Лудовикомъ былъ извѣстенъ польскимъ панамъ, они несомнѣнно подняли бы при коронаціи венгерскаго короля вопросъ о будущности Черв. Руси.

Намѣренія свои относительно Гал. Руси Лудовикъ скрываетъ нѣкоторое время. Лишь два года спустя послѣ занятія польскаго престола онъ раскрываетъ свои карты, отдавъ Черв. Русь въ

---

[1]) На документѣ нѣтъ печатей и подписей ни польскихъ ни угорскихъ пановъ. И впослѣдствіи документъ этотъ составлялъ дипломатическую тайну, почему и не попалъ въ сборникъ Dogiel'a (Prochaska l. c. p. 23).

ленъ Владиславу Опольскому, одному изъ вѣрнѣйшихъ своихъ споспѣшниковъ.

Передача Черв. Руси въ ленъ такому лицу, какъ Владиславъ Опольскій, лицу крайне не симпатичному польской шляхтѣ, извѣстному своими венгерскими симпатіями, должна была ясно показать польскимъ панамъ, что Лудовикъ смотрѣлъ на Черв. Русь какъ на свою собственность, а не какъ на провинцію польскаго государства. Что Лудовикъ передалъ Черв. Русь опольскому князю какъ *угорскій*, а не польскій король, ясно показываетъ надпись на монетахъ Владислава, битыхъ на Руси: L съ надписью Ludovicus rex Ungariae (на обратной сторонѣ изображеніе льва, стоящаго на заднихъ лапахъ, — герба Черв. Руси, и надпись Vladislaus Dux).

Что шляхта польская, въ свою очередь, прекрасно поняла значеніе этого шага, показываетъ одно изъ постановленій Кошицкаго съѣзда 1374 г., по которому Лудовикъ обязывается не отдавать польскихъ замковъ и крѣпостей въ управленіе или въ ленъ лицамъ княжескаго происхожденія. Едва ли можно сомнѣваться, что это постановленіе направлено прямо противъ Владислава Опольскаго. Однако, давши подобное обязательство, Лудовикъ не признаетъ его силы по отношенію къ Руси, и Владиславъ и послѣ Кошицкаго съѣзда еще нѣсколько лѣтъ владѣетъ Русью.

Что Владиславъ получилъ Черв. Русь не въ собственность, а только въ ленъ, доказываетъ ясно грамота Лудовика, извѣщающая населеніе Польши и Угріи о передачѣ Черв. Руси опольскому князю ad gubernandum et conservandum, при чемъ населеніе Черв. Руси не выходитъ изъ высшаго подчиненія Лудовика (homines ac mercatores... tanquam nostros subjectos fideles ac dicioni nostre subjectos... habeatis[1]).

Въ званіи русскаго князя (Опольскій именуетъ себя Dominus et haeres Russie, Dux Russie) Владиславъ остается около шести лѣтъ[2]). Въ концѣ 1378 г. Владиславъ получаетъ взамѣнъ Руси землю Добринскую, а Русь передаетъ Лудовику.

---

[1]) Akta gr. III № 20.

[2]) Грамота Лудовика, увѣдомляющая населеніе Польши и Венгріи о передачѣ Черв. Руси Владиславу датирована 30 окт. 1372 г. (A. gr. III № 20). Грамота Лудовика землѣ Добринской (увѣдомленіе о замѣнѣ ею Руси опольскому князю) отъ 8 дек. 1378 г. (A gr. V. № 14). Грамота Опольскаго жителямъ Руси, освобождающая ихъ отъ присяги ему на вѣрность, отъ 13 янв. 1379 (A. gr. III № 27).

Янъ Чарнковскій объясняетъ отказъ Владислава отъ богатаго лена миролюбивымъ характеромъ опольскаго князя, уставшаго отъ непосильныхъ трудовъ держать въ повиновеніи безпокойный край, подверженный къ тому же частымъ нападеніямъ враговъ[1]). Длугошъ, хорошо понимавшій значеніе переуступки Владиславомъ Лудовику Руси, довольно наивно объясняетъ эту переуступку тѣмъ, что Лудовикъ, проѣзжая по Черв. Руси, восхитился богатствомъ и красотою незнакомой ему раньше области[2]). Длугошъ хорошо понялъ что Лудовикъ перенялъ у Владислава Черв. Русь какъ *венгерскій,* а не польскій король, и дѣлаетъ по этому поводу репримандъ польскимъ панамъ[3]).

По мнѣнію одного изъ изслѣдователей исторіи Черв. Руси XIV в.[4]), Лудовикъ передачей Черв. Руси опольскому князю имѣлъ въ виду подготовить окончательный переходъ этой области къ Венгріи. Задачей дѣятельности Владислава въ Черв. Руси было, по мнѣнію автора, введеніе здѣсь управленія на венгерскій ладъ и внутренняя подготовка спорной области къ переходу подъ непосредственную власть Венгріи. Мы уже подробно разбирали это мнѣніе и пришли къ заключенію, что порядки, заведенные Опольскимъ въ Черв. Руси, ни въ чемъ существеннымъ образомъ не отличались отъ порядковъ, устроенныхъ здѣсь Казимиромъ: Владиславъ только продолжалъ дѣло Казимира, не вводя ничего особенно оригинальнаго[5]). По нашему мнѣнію, эпоха управленія Владислава на Руси имѣла значеніе подготовки перехода Руси къ Венгріи главнымъ образомъ съ дипломатической стороны. Отдавая Русь въ ленъ лицу, извѣстному своими вен-

[1]) Cernens Vladislaus quod mobile regnum Russiae propter insultus Lithuanorum pacifice teneri non possit... (Mon. pol. II, p. 680).

[2]) L. X ad a. 1377, ed. Przezdziecki, t. XII, p. 374. При этомъ Длугошъ забываетъ свой разсказъ подъ 1351 г. о совмѣстномъ походѣ Казимира и Лудовика на Русь.

[3]) l. c Terrarum Russiae Ludovicus Hungariae et Poloniae Rex anno superiori glebam uberem et situm contemplatus, quorum sibi antea ignotus erat conspectus cum esset in Hungaros magis quam Polonos tam affectione quam largitione propensior, applicare illas et *subiicere Hungarie Regno* et a Polonis Regno sequestrare, in cuius ditione eas fuisse reperierat, in animum inducit. Wladislaum itaquem Opoliensem Ducem... ex terris Russiae et districtibus atque castris sibi inscriptis, quo facilior Regno Hungariae illarum accedat successio, amovet... castraque, districtus, oppida et villas Russiae Hungaris, Polonis necquicquam obstantibus aut improbantibus aut committit, aut partitur: quod solum Polonis documento esse potest, ne propriis iuxta ponant exteros, cum ad Regni sui Poloniae integritatem scindendam tot pestes viderint peregrinum Regem excivisse.

[4]) Breiter, Władisław, książe Opolski, Lwów 1889.

[5]) Жур. Мин. Нарн. Пр. 1891, № 7.

герскими симпатіями, и оставляя ее въ его власти и послѣ указаннаго нами соглашенія 1374 г. съ польскими панами, Лудовикъ открыто заявилъ, что считаетъ Черв. Русь своею собственностью и можетъ ею распоряжаться по усмотрѣнію. По уходѣ Владислава, Черв. Русь переходитъ въ вѣдѣніе угорскаго старосты, и важнѣйшія уряды въ ней замѣщаются уграми.

Съ 1378 по 1387 г. Черв. Русь остается подъ властью Угріи, хотя вопросъ о возвращеніи ея Польшѣ и былъ поднятъ польскими панами немедленно послѣ смерти Лудовика[1]).

Однако только въ 1387 г. послѣ похода Ядвиги Черв. Русь окончательно переходитъ къ Польшѣ, при чемъ Ягелло даетъ обѣщаніе, что не отдастъ Руси никому изъ князей, а оставляетъ ее себѣ, Ядвигѣ, дѣтямъ и *Коронѣ Польской*[2]). Мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ[3]), что обѣщаніе это, по всей вѣроятности, было выдано Ягелломъ по настоянію польской шляхты, опасавшейся возможности вторичнаго отчужденія Черв. Руси. И Ягелло, какъ и Лудовикъ, стоялъ во главѣ двухъ государствъ, претендовавшихъ на Гал. Русь, и онъ, какъ и Лудовикъ, больше симпатизировалъ родинѣ, чѣмъ новоприобрѣтенной Коронѣ.

Наше предыдущее изложеніе имѣло цѣлью доказать, что до конца XIV ст. Черв. Русь находилась въ особенныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ: она не была ея составною частью, провинціей польскаго государства, а личной собственностью сначала Казимира, потомъ Лудовика, и оба государя считали себя поэтому вправѣ распоряжаться ею по произволу, помимо представителей польской шляхты.

---

[1]) Подробности см. у Matijów, Der poln. ungr. Streit.

[2]) Akta gr. II, 17: Promittimus et spondemus quod districtum ac terram nec non civitatem nostram Lemburgensem nulli ducum aut cuipiam hominum dabimus aut quomodolibet conferemus, sed eundem districtum ac civitatem Lemburgensem pro nobis ac inclita domina Hedvige, Regina Poloniae, consorte nostra carissima, nec non liberis nostris et *Corona Regni nostri Poloniae* tenebimus, habebimus et habere volumus temporibus perpetuis et in evum (отъ 30 сент. 1388 г.). То же повторено еще яснѣе въ актѣ 1 окт. 1389 г.: dictam civitatem nostram Lemburgensem ipsiusque cives et incolas Corone Regni nostri Poloniae unimus, aggregamus perpetuis temporibus adiungentes, eandemque civitatem Lemburgensem et ipsius cives et incolas sub proteccione nostra et Corona Regni nostra predicti volumus iugiter respirare (Acta gr. III, № 50). Фактическій переходъ Черв. Руси къ Польшѣ не прекратилъ правда претензій Венгріи къ наслѣдію Романовичей; но эти претензіи выражались лишь на почвѣ дипломатической и mutuo consenu заглохли около средины XV в. (см. подробности у Matijów, Der poln. ungr. Streit).

[3]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1891 г., № 7.

Только что указаннымъ фактомъ, равно какъ и особенными условіями Черв. Руси, какъ новозавоеванной страны, объясняются особенности ея внутреннихъ распорядковъ въ продолженіе второй половины XIV. ст. и первыхъ десятилѣтій XV.

1435 г. считаютъ обыкновенно за эпоху введенія польскаго *права* въ Черв. Русь и окончательное (юридическое) превращеніе русской области въ польскую провинцію. Мнѣніе это не совсѣмъ справедливо.

Съ одной стороны, польское право начало растраняться въ Черв. Руси еще съ первыхъ лѣтъ польскаго владычества, съ другой — и послѣ 1435 г. оно не стало здѣсь единственнымъ дѣйствующимъ правомъ. На самомъ дѣлѣ 1435 годомъ обозначается только введеніе въ Черв. Русь администраціи и судопроизводства на польскій ладъ, такъ какъ до этого времени эти обѣ сферы управленія имѣли въ Черв. Руси значительныя отличія отъ установившихся въ Польшѣ порядковъ. 1435 г. не былъ въ то же время эпохою прекращенія жизнедѣятельности всѣхъ другихъ *правъ*, кромѣ польскаго: онѣ (въ томъ числѣ и русское) продолжаютъ жить и дѣйствовать еще долго спустя послѣ 1435 г.

Дѣло въ томъ, что польское право, jus Polonicum, и послѣ 1435 г. распространялось въ Черв. Руси только на тѣхъ, *кто ему подлежалъ*, а не на всѣхъ обитателей древняго Галицко-Владимірскаго княжества. Но и до 1435 г. въ Черв. Руси было не мало лицъ, состоявшихъ in jure Polonia, какъ и послѣ 1435 г. въ ней оставалось не мало субъектовъ на другомъ правѣ. 1435 г. распространилъ право польское лишь на одни высшіе классы Черв. Руси, при чемъ это распространеніе имѣло для нихъ характеръ давно желанной привилегіи. Остальные классы туземцевъ, равно какъ и разнообразные инородцы, заселившіе Черв. Русь, и послѣ 1435 г. жили по своимъ старымъ правамъ и на основаніи старыхъ своихъ обычаевъ отвѣчали передъ администраціей и судомъ, сформированными на польскій ладъ.

Фактъ этотъ (доказательствомъ которому будетъ служить все наше изслѣдованіе) тѣмъ важенъ для насъ, что, благодаря ему, сохранились обломки стародавнихъ обычаевъ какъ древнерусскаго, такъ и нѣкоторыхъ другихъ правъ, имѣвшихъ въ XIV—XVв. еще жизненную дѣятельность. Съ 1435 г. кругъ лицъ, не подлежавшихъ польскому праву, только сузился, но далеко не изчезъ.

Обратимся теперь къ очерку внѣшняго устройства Черв. Руси въ переходную отъ русскихъ къ польскимъ порядкамъ эпоху. Потсараемся, насколько возможно оттѣнить отличительныя черты

управленія Черв. Руси въ этотъ періодъ, отношеніе этого временного устройства къ старой русской системѣ управленія и господствовавшимъ въ чисто-польскихъ областяхъ порядкамъ въ администраціи и управленіи.

Система управленія въ Гал. Руси княжескаго періода известна намъ весьмо плохо. Мы знаемъ то огромное значеніе, какое имѣло боярство въ Гал. Руси — de facto не только въ эпохи междукняжія или малолѣтства князей, но и при взрослыхъ князьяхъ, судьбы Черв. Руси находились въ рукахъ всемогущаго боярства. Какъ велико было значеніе боярства въ Гал. Руси видно напр. изъ того факта, что мятежный бояринъ Судиславъ, бѣжавшій къ Уграмъ, принятъ съ честью Мстиславомъ и получаетъ отъ него въ управленіе Звенигородъ[1]).

Какъ и въ остальной Руси, боярство составляло въ Гал. Руси думу при князѣ; юридическаго значенія такая дума конечно не имѣла, но фактическое значеніе ея было громадно — оно опиралось на солидарности интересовъ всего боярства. Въ самомъ боярствѣ различаемъ въ XIII ст. два слоя — бояре велиціи и рядовое боярство, хотя юридической разницы между обоими слоями незамѣтно. Ни Роману, ни Даніилу не удалось вполнѣ сломить силу боярства. Не мало тяжелыхъ минутъ и личныхъ оскорбленій пережилъ Даніилъ отъ боярства; какъ кажется, независимѣе Даніила въ отношеніи боярства находился Василько и его сынъ Владиміръ на Волыни. Мало довѣряя боярству, послѣдній въ разныхъ приговорахъ предпочитаетъ пользоваться въ качествѣ пословъ лицами духовнаго сословія[2]). Передъ смертью онъ передаетъ землю Волынскую Мстиславу Даніиловичу, при царяхъ и при его рядцахъ[3]), не спрашивая согласія бояръ.

Однако боярство съ его стремленіями не исчезло и въ волынской землѣ, его сдерживала лишь сила и популярность Владиміра Васильковича — быть можетъ на защиту отъ боярскаго произвола указываетъ плачъ владимірцевъ по Владимірѣ: „добро бы ны, господине с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшеть отъ всѣхъ обидъ[4]). Но уже Мстилаву пришлось опять считаться съ бояр-

---

[1]) Ип. 493. Лучшая характеристика галицкаго боярства у Н. П. Дашкевича, Даніилъ, король галицкій.

[2]) Ип. 592, 593, 600, 611.

[3]) Ib. 591.

[4]) Ib. 605.

ствомъ — онъ еще при жизни Владиміра заводитъ съ ними сношенія и старается расположить ихъ въ свою пользу[1]).

Съ конца XIII в. до времени Юрія-Болеслава значеніе бояръ еще болѣе растетъ. Грамота Андрея издана ex Consilio baronum ac nobilium nostrorum[2]). Замѣтимъ, что съ средины XIII ст. мѣстное галицкое боярство усиливается приливомъ новой струи — служилыхъ князей, лишившихся почему-либо своихъ удѣловъ. Положеніе ихъ мало отличалось отъ положенія остальныхъ бояръ, галицко-володимірскій князь называется по отношенію къ нимъ господиномъ[3]), они служатъ у него воеводами, намѣстниками[4]).

При Юріѣ Болеславѣ мы находимъ при князѣ уже нѣчто въ родѣ сената на польскій или угорскій ладъ, съ несомнѣннымъ ограничительнымъ въ отношеніи княжеской власти характеромъ. Разсматривая составъ этого боярскаго совѣта, мы видимъ, что онъ существеннымъ образомъ отличается отъ состава русской боярской думы — послѣднюю составляли всѣ находившіеся при князѣ бояре, въ составѣ совѣта Юрія находятся лишь воеводы главнѣйшихъ городовъ, надворный княжескій судья и епископъ. Съ ихъ согласія издаются важнѣйшіе акты. Повидимому, Юрій-Болеславъ въ послѣдніе годы правленія затѣялъ рядъ реформъ въ Гал. Руси, и реформа боярской думы находится въ связи съ реформой всего управленія на польскій ладъ.

Въ XIII ст. мы находимъ въ главнѣйшихъ галицко-русскихъ городахъ въ качествѣ намѣстниковъ князя тысяцкихъ[5]), въ нѣкоторыхъ воеводъ и тіуновъ[6]). Подъ тысяцкимъ были сотс-

---

[1]) Ib. 592. Тогда же повѣдаша: «братъ (Мстиславъ) ти даетъ городъ Всеволожь бояромъ и села роздаваетъ». Мстиславъ чувствовалъ, что ему придется вступить въ борьбу за наслѣдство Владиміра Васильковича съ другими претендентами на это наслѣдіе и искалъ заранѣе содѣйствія бояръ. Другими претендентами были Левъ и его сынъ Юрій, начавшіе интриговать противъ Мстислава еще при жизни Владиміра. Немедленно по смерти Владиміра Юрій, заранѣе согласившись съ Берестьянами занимаетъ ихъ городъ (Ип. 610—13).

[2]) Supplementum ad hist. Russiae Monum. № 38.

[3]) Ип. 584.

[4]) Василько, князь Вослонимскій. Ип. 583—4; Юрій, князь Пороссній, ib. 612; Даніилъ Острожскій.

[5]) Въ Перемышлѣ, Галичѣ. Занявъ Кіевъ, Даніилъ «вдасть Кневъ в руцѣ Дмитрови обьдержати противу иноплеменныхъ языкъ, безбожьныхъ татаровъ». (Ип. 521). Этотъ Дмитръ носилъ званіе тысяцкаго (ib. 523). О тысяцкихъ въ Гал. Руси см. Ип. 490, 491, 493, 494, 499, 508, 509, 511, 527, 545, 572.

[6]) Ип. 514. Даніилъ раздаетъ города боярамъ и воеводамъ «и бѣаше корма у нихъ много». Воевода Холмскій Ип. 583. Брестскій воевода 586. Впрочемъ въ послѣднихъ двухъ случаяхъ не можемъ сказать, были ли указанные воеводы вмѣстѣ и прави-

кіе[1]). При князѣ дворскій, печатникъ, дворскіе слуги, между которыми важнѣйшую роль играли дѣти боярскія[2]).

Тысяцкіе и воеводы имѣли повидимому кромѣ административной и военную власть въ городахъ, такъ какъ мы находимъ ихъ часто во главѣ мѣстныхъ полковъ. Въ пользу тѣхъ правителей шли кажется извѣстныя дани съ населенія[3]).

Вотъ все, что мы можемъ, на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, сказать о системѣ управленія въ Гал. Руси до Юрія[4]).

Мы не знаемъ въ точности характера отношеній правителей городовъ къ великому князю, но повидимому Юрію онъ казался слишкомъ самостоятельнымъ, и онъ думалъ замѣнить старыхъ русскихъ тысяцкихъ и воеводъ такими безусловно зависимыми отъ князя правителями, какіе были назначаемы въ Польшѣ въ началѣ XIV в. Такіе правители съ названіемъ Palatinus появляются въ главнѣйшихъ городахъ Галицко-Владимірскаго кня-

---

телями городовъ. Въ Дрогичинѣ упоминается держатель града. Ип. 524. Но держатель названіе общее — и Даніила галичане называютъ держателемъ (= правитель: Ип. 517, яко се есть держатель нашъ, Богомъ данный). Тіунъ упоминается въ Возвягѣ, Ип. 555. Возвягляне же солгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивунити. Тіунъ шюмавинскій Ип. 486.

[1]) Ип. 509 соцкій Микуло. Соцкихъ находимъ впослѣдствіи и при польскомъ владычествѣ (львовскій 1386 и 1400, Головацкій, Пам. дипл. снош. № 7, 20. Теребовльскій ib. № 7, Подъ 1381 г. упоминается Баграмъ, писарь львовскій (Przegląd Archeolog. 1882, I, p. 73), б. м. одно лицо съ Баграмомъ, львовскимъ сотникомъ. Соцкій львовскій Юшко въ напечатанномъ нами актѣ Ж. М. Н. Пр. 1891 № 7, приложеніе.

[2]) Дворскій Ип. 527, 529, 530, 533—4, 539, 545, 550, 551—3. Печатникъ Ип. 526. Дворные слуги 584 (дворный слуга, любимый сынъ боярскій Михайловичь, именемъ Рахъ), 604. Роль дворскаго опредѣлить трудно, но едва ли можно согласиться съ В. И. Сергѣевичемъ (Русск. Юрид. Древн. р. 393), «что это только новое наименованіе для домовыхъ ключниковъ». Дворскій играетъ видную роль, участвуетъ въ походахъ, гдѣ командуетъ цѣлыми отрядами. Думаемъ, что это министръ двора, comes palatii. Роль печатника установить также трудно. Въ лѣтописи онъ появляется только одинъ разъ въ качествѣ слѣдователя по злоупотребленіямъ бояръ (Курилова же сущо печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даніломъ княземь и Василкомъ исписати грабительство нечестивыхъ бояръ, утиши землю. Ип. 526.

[3]) Ип. 514.

[4]) Прибавимъ еще то, что сельское населеніе повидимому было раздѣлено на сотни, какъ видно изъ Ип. 613, и повинности накладывались на сотню огуломъ. Что повинности состояли главнымъ образомъ въ дани натурой, видно изъ Ип. 521. Даніилъ же и Василко въдаста ему ходити по землѣ своей, и даста ему пшеницѣ много, и меду, и говядъ, и овець доволѣ». Упоминается еще — поборъ и татарщина, дань (Ип. 595). Изъ спеціальныхъ повинностей — ловчее (Ип. 613). Изъ косвенныхъ налоговъ — мыто (595).

жества: Белзѣ, Перемышлѣ, Львовѣ, Луцкѣ[1]). На новое значеніе такихъ правителей указываетъ и то, что на мѣстѣ ихъ видимъ только однихъ иностранцевъ, а не представителей мѣстнаго боярства, и что любопытно, нѣсколько чеховъ (судя по фамиліямъ, напр. Ходоръ Отекъ) — а какъ извѣстно, новая организація мѣстнаго управленія пришла въ Польшу изъ Чехіи[2]).

Юрій же задумалъ и реформу городского управленія, сдѣлавъ первыя попытки введенія въ русскія города нѣмецкаго права. Отъ его времени впрочемъ сохранилась только грамота Саноку на нѣм. право[3]).

Съ переходомъ Черв. Руси подъ власть Польши въ системѣ ея управленія опять начинаются видоизмѣненія. Время до 1435 г., обозначаемое въ актахъ, какъ tempus iuris Ruthenicalis, характеризуется въ этомъ отношеніи двумя относительными чертами: 1) стремленіемъ къ централизаціи, 2) сосуществованіемъ нѣкоторыхъ старыхъ русскихъ порядковъ съ новыми польскими, 3) неоднократной перемѣной въ системѣ управленія, что впрочемъ понятно при тѣхъ перипетіяхъ, которыя испытывала Черв. Русь во вторую половину XIV в.

Во главѣ центральнаго управленія въ Черв. Руси при Казимирѣ стоитъ староста (Capitaneus terrae Russiae generalis[4]). Кромѣ генеральнаго старосты всей Руси въ эпоху Казимира

---

[1]) Грамота 1335 г. у А. В. Лонгинова, Грамоты малор. кн. Юрія II, p. 41.

[2]) Въ Польшѣ они появляются въ эпоху кратковременнаго господства чешскаго короля Вацлава. О значеніи новой власти говоритъ Бобржинскій слѣд: Starostowie ci od króla zupelnie zależni i poleceniom jego ślepo posłuśzni, stanowili teraz najsilniejsza, nigdy niezawodzącą podporę rządów królewskich, i byli największą rękomią jedności panstwa. Въ ихъ рукахъ была власть административная, судебная и военная; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ подъ ними были буркграбіи, въ городахъ повѣтовыхъ, а сами старосты называли себя королевскими намѣстниками (Dz. polski I, ed. II, p. 210). См. еще Caro, Gesch. Polens, II, p. 5.

[3]) Напечатано у Реппеля, Ueber die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten poln. Reichs, ostwärts der Weichsel, Breslaw 1857. Войтъ нѣмецкій упоминается во Львовѣ еще въ эпоху Льва (Akta gr. II, № 1, 1352 г., que bona discreto viro Bertholdo olym *advocato Lemburgensi*, avo ipsorum per magnit. principem felicis recordacionis dictum Leonem Ducem Russie pro suis fidelibus servi, cys donata dinoscuntur. Впрочемъ это могъ быть войтъ только одной нѣмецкой общины во Львовѣ.

[4]) Первымъ старостой Руси былъ Авраамъ heres in Baranow. (Akta gr. II № 1). Съ 1359—1371, Отто Пилецкій (ib. № 2), Головацкій, Пам. дипл. снош. № 4. Ж. М. Н. Пр. 1891 № 7, наша статья, приложеніе № 3. Akta gr. VIII, № 3, 5.

находимъ старосту только въ Санокѣ[1]). Въ остальныхъ городахъ Черв. Руси при Казимирѣ упоминаются только воеводы[2]).

При Владиславѣ Опольскомъ во главѣ центральнаго управленія стоитъ точно такъ же староста, въ городахъ сначала воеводы[3]), затѣмъ каштеляны — въ Белзѣ, Ярославѣ, Галичѣ, Любачевѣ и Львовѣ[4]), но въ Перемышлѣ и Санокѣ старосты[5]).

При Лудовикѣ воеводы опять возстановляются. Ихъ находимъ въ Любачевѣ, Галичѣ, Городкѣ[6]), но во Львовѣ каштелянъ[7]), въ Белзѣ староста[8]). Намѣстникомъ короля попрежнему староста всея Руси[9]).

Со времени окончательнаго водворенія Польши въ Гал. Руси (съ 1387 г.) число старостъ растетъ. Такъ въ концѣ XIV в. и началѣ XV в. находимъ старостъ галицкихъ и снятинскихъ, самборскяхъ, жидачевскихъ, саноцкихъ, перемышльскихъ, теребовльскихъ[10]). Во то же время увеличивается и количество воеводъ. Ихъ находимъ при старостахъ въ главныхъ городахъ: Львовѣ, Галичѣ, Санокѣ и часто даже въ довольно незначительныхъ городкахъ[11]).

Замѣна воеводъ сначала каштелянами (при Опольскомъ), а затѣмъ старостами, не есть только замѣна одного названія другимъ.

---

[1]) Akta gr. VIII, № 1.

[2]) Въ Перемышлѣ Цтиборъ, Akta gr. VIII, № 3, въ Жидачевѣ (Cod. dipl. Min. Pol. I, № 255, Петръ Ивановичъ). Во Львовѣ при старостѣ — воевода (Головацкій № 4, Панъ Блотницевскій, Ж. М. Н. Пр. 1891 № 7, прил. 3. Въ Санокѣ при старостѣ буркграбій, A. gr. III, № 9, VIII, 1. 1359 г. Саноцкая область называется еще каштелянією (A. g. III, № 9).

[3]) A gr. III, 21 Palatinus Gumpert въ Перемышлѣ. Яловецкій воевода упоминается A. gr. V, № 15.

[4]) A. gr. III, 23, II, 6, II, 7, 8, V, 8. Въ Жидачевѣ подъ 1374 г. упоминается буркграбій.

[5]) A. grodzkie II, 5, V, 11, VIII, 9, 11, IX 1.

[6]) A. g. II, 11.

[7]) Ib.

[8]) Ib.

[9]) A. g. II, 11, 13, III, 31, 33, VI, 1.

[10]) Галицкіе 1398 — Головацкій 13, 1401 ib. 24, 30, 31. Самборскихъ старостъ встрѣчаемъ лишь въ 1-й четверти XV в. Голов. № 33 (1422 г.), A. gr. IV, V и VI. Жидачевскаго 1424 (Голов. № 36, 39, 40). Теребовльскаго 1408, Prochaska Mat. Arch. № 19. Особенное положеніе занималъ Спытко Мелштинскій въ Самборѣ въ концѣ XIV в. Онъ и именуетъ себя dominus et haeres districtus Samboriensis, а русскихъ князей своими предшественниками. (Marc. Turkawski, Spytko z Melsztyna, wojew. Krak. Lwów 1876, p. 27).

Въ Ярославѣ староста 1425 г.

[11]) Akta gr. XI предисловіе.

Въ первую эпоху польскаго господства положеніе Черв. Руси, какъ области новозавоеванной, требовало значительной централизаціи власти, поэтому-то и власть червонорусскихъ старостъ была еще значительнѣе власти старостъ польскихъ. Червонорусскіе старосты при Казимирѣ повидимому имѣли власть административную, судебную и военную. Въ саноцкой судебной книгѣ находимъ замѣчаніе, что tempore iuris Ruthenicalis erat moris inscripciones facere coram capitaneis pro causis quibuscumque[1]). Можно предположить, что и воеводы вначалѣ обладали значительными прерогативами, почему Опольскій и старался замѣстить ихъ каштелянами, болѣе, чѣмъ воеводы, зависимыми отъ старостъ.

Со времени Ягелла, съ увеличеніемъ числа старостъ, начинается въ Гал. Руси эпоха децентрализаціи, такъ какъ каждый староста желалъ быть вполнѣ независимымъ въ своей области, считая себя въ ней намѣстникомъ короля. Но съ введеніемъ польскаго права, т.-е. администраціи и судопроизводства на польскій ладъ, падаетъ и значеніе самихъ старостъ, т. к. значительная часть ихъ судебной компетенціи отошла къ суду земскому и шляхетскимъ собраніямъ (colloquia, wiece).

Власть воеводъ падаетъ съ увеличеніемъ числа старостъ. Въ эпоху Казимира воеводы стоятъ во главѣ отдѣльныхъ земель. Въ концѣ XIV в. воеводъ находимъ уже подъ старостами или въ менѣе значительныхъ городахъ. Воевода при старостѣ играетъ роль его намѣстника, а кое-гдѣ спускается и до положенія простаго буркграбія[2]). Подъ начальствомъ воевод еще до начала XV ст. удержались старые русскіе сотскіе, бывшіе въ эпоху княжескую подъ тысяцкими[3]).

Вопросъ о раздѣленіи Черв. Руси въ административномъ отношеніи представляетъ пока еще много неяснаго.

Съ 1435 г. Черв. Русь дѣлится на 4 административныхъ округа (terrae, — Льв., Гал., Перем., Сан.); каждый округъ, въ свою очередь, повидимому, дѣлится на болѣе мелкія административныя

[1]) A. gr. XI, p. 189.

[2]) Akta gr. XI предисловіе пр. Лиске. Въ Жидачевѣ при князѣ Ѳеодорѣ Любартовичѣ воевода играетъ роль его намѣстника и въ его отсутствіе творитъ судъ вмѣстѣ съ княжескимъ судьей и ассесорами. A. gr. III, p. 166.

[3]) Hube, Wyrok Lwowski r. 1421, Warszawa 1888, Liske, Kilka uwag o sądownictwie czerwonoruskiem Kwart, Hist. 1888 r., III. Разборъ обоихъ мнѣній см. въ нашей статьѣ, Крит. обзор. новѣйшей литературы по исторіи Гал. Руси, Журн. Мин. Нар. Пр. 1891 г. № 7. См. также рецензію на Akta grodzkie проф. Бальзера, Kwart. Histor. 1890 г., III.

части (territorium, ambitus, см. предисловіе Лиске къ A. gr. XI—XV). До 35 г., повидимому, административное дѣленіе было иное — число равноправныхъ въ административномъ отношеніи округовъ было значительно болѣе, чѣмъ послѣ 35 г. Мы уже указывали на частую смѣну въ XIV в. старостъ то каштелянами, то воеводами. Въ этомъ фактѣ, какъ кажется, можно видѣть симптомы борьбы двухъ системъ — правительственной централизаціонной и шляхетской децентрализаціонной: представитель каждаго, даже мелкаго, административнаго округа стремился къ самостоятельной роли, хотѣлъ быть полнымъ господиномъ и судьей въ своемъ округѣ. Этимъ соображеніемъ, думаемъ, мы возможно примирить разногласіе между проф. Лиске и проф. Бализромъ относительно указаннаго вопроса. Проф. Лиске насчитываетъ до 17 гродовыхъ старостъ въ XIV—XV в., имѣвшихъ каждый свой особый судъ, съ судьей и возными. Проф. Бальзеръ (Kwart. Hist. 1890, III, p. 554) думаетъ, что многія изъ указываемыхъ проф. Лиске старостъ были старостами *не* гродовыми, простыми держаніями (Tenuta). Судъ такихъ державцевъ былъ просто обычнымъ патримоніальнымъ судомъ надъ мѣстнымъ населеніемъ, а не гродскимъ судомъ; если и шляхтичи иногда обращались въ подобные суды, то большею частью только по дѣламъ съ населеніемъ, подвѣдомственнымъ державцѣ.

Въ правильности нашей мысли убѣждаетъ и замѣтка въ Саноцкой судебной книгѣ, что до 35 г. на судѣ старостами рѣшались всевозможныя дѣла, т.-е. какъ тѣ, которыя остались позже въ гродскомъ судѣ, такъ и тѣ, которыя перешли въ судъ земскій (A. gr. XI, p. 189). Такое безпорядочное судопроизводство прекратилось лишь постепенно послѣ реформы 35 г., когда учреждены были 4 земскихъ суда. Замѣтимъ еще, что число самостоятельныхъ административныхъ округовъ XIV в., подчиненныхъ всѣхъ вмѣстѣ генеральному старостѣ, по всей вѣроятности соотвѣтствовало мало намъ извѣстному административному дѣленію русскаго періода въ Червоной Руси. Повидимому, правительство, вручая значительную компетенцію каждому отдѣльному начальнику округа, непосредственно подчиненному генеральному старостѣ, думало достигнуть помощію такого порядка централизаціи власти. Однако стремленіе такихъ окружныхъ начальниковъ эмансипироваться отъ подчиненія генеральному старостѣ заставляло замѣнять однихъ урядниковъ другими, пока съ учрежденіемъ 4 земствъ въ Черв. Руси здѣсь вводится правильная децентрализація, признанная закономъ.

Вопросъ о компетенціи старостъ и воеводъ явился objectum litis между извѣстнымъ польскимъ ученымъ Ром. Губе и издателемъ червоно-русскихъ актовъ, проф. Лиске[1]). Губе утверждалъ, что воеводы стояли во главѣ мѣстнаго управленія и имѣли юрисдикцію по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ (хотя лишь второстепеннымъ). Проф. Лиске отрицаетъ самостоятельное судебное значеніе воеводъ и утверждаетъ, что воевода предсѣдательствовалъ на судѣ только въ отсутствіе старосты, при чемъ рѣшеніе воеводы могло итти еще на усмотрѣніе старосты. Мы уже указывали выше на тѣ перипетіи, которыя пережила должность воеводъ — изъ самостоятельныхъ правителей отдѣльныхъ областей они съ теченіемъ времени перешли въ роль подчиненныхъ старостамъ чиновниковъ; мы думаемъ поэтому, что въ первую эпоху польскаго владычества, воеводы, имѣя значеніе, подобное позднѣйшимъ гродовымъ старостамъ, имѣли и самостоятельную судебную власть. Съ утвержденіемъ старостъ польскаго образца, воеводы теряютъ во всѣхъ отношеніяхъ, а слѣдовательно и въ судебномъ, свою компетенцію.

Не легкимъ является и рѣшеніе вопроса объ отношеніи власти генеральнаго старосты къ власти воеводъ и позднѣйшихъ гродовыхъ старостъ. Думаемъ однако, что въ первую эпоху польскаго владычества правители отдѣльныхъ округовъ находились въ значительной зависимости отъ генеральнаго старосты, какъ единственнаго королевскаго намѣстника на Руси. Возможно, что власть генеральныхъ старостъ распространялась на урядниковъ отдѣльныхъ повѣтовъ не только въ административномъ, но и въ судебномъ отношеніи — судъ генеральнаго старосты могъ быть первой аппеляціонной инстанціей для суда правителей окружныхъ. Съ введеніемъ администраціи на польскій ладъ гродовые старосты, какъ кажется, стремились во всѣхъ отношеніяхъ эмансипироваться отъ власти генеральнаго старосты, считая себя равносильными ему королевскими намѣстниками въ своихъ округахъ.

До появленія въ Черв. Руси судоустройства на польскій ладъ судебная компетенція старостъ была весьма значительна. До 1435 г. судъ старостъ совмѣщалъ въ себѣ компетенціи двухъ разрядовъ позднѣйшихъ судовъ—гродскаго и земскаго. Судъ старостъ однако не былъ судомъ единоличнымъ, но коллегіальнымъ: въ составъ его входили асессоры изъ шляхты и нѣкоторые чи-

[1]) Лиске въ указанной выше статьѣ.

новники (но послѣдніе, какъ кажется, случайно — въ качествѣ шляхтичей). Предсѣдателемъ суда былъ староста, а не судья, какъ въ Польшѣ; роль судьи состояла лишь въ формулировкѣ рѣшенія. Иногда староста обходился и безъ судьи[1]). Суду старосты подлежали какъ дѣла гражданскія, такъ и дѣла уголовныя (въ первомъ отношеніи также causae hereditariae, т.-е. споры о земельномъ владѣніи, передачѣ имущества и т. д.). Какого *права* держался судъ при постановленіи рѣшенія? Судебныя книги XIV—XV в. даютъ намъ на это вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: того права, которому подлежалъ отвѣтчикъ. Поэтому-то поляки отвѣчали по праву польскому, русскіе — русскому, армяне — армянскому и т. под. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ очень часто при судѣ надъ иностранцами представителей разныхъ національностей (армянъ, жидовъ, валаховъ) въ качествѣ асессоровъ старосты — въ такихъ смѣсныхъ судахъ староста является предсѣдателемъ суда, слѣдящимъ за правильностью судебнаго процесса, но рѣшеніе постановляется по приговору соплеменниковъ обвиняемаго и на основаніи того національнаго права, въ которомъ жилъ отвѣтчикъ. Такъ какъ главная масса населенія Черв. Руси принадлежала національности русской, то въ XIV и началѣ XV в. мы и встрѣчаемся съ любопытнымъ фактомъ существованія дьяковъ и судей русскаго происхожденія при польскихъ старостахъ[2]).

Съ 1435 г. въ Черв. Русь вводится судоустройство на польскій ладъ. Суды подраздѣляются на гродскіе и земскіе. Во главѣ суда гродскаго стоитъ староста, которому приданъ еще особый гродскій судья (judex castri). Въ отсутствіе старосты мѣсто предсѣдателя на этомъ судѣ занимаетъ воевода.

Земскій судъ является въ качествѣ учрежденія самостоятельнаго, независимаго отъ старосты — во главѣ его стоитъ судья и подсудокъ, — асессорами состоятъ земяне, наконецъ съ этого времени вводятся въ Черв. Руси и вѣчевые суды, colloquia

---

[1]) Liske, Kwart. Hist, 1888, III.

[2]) Костко Болестратицкій дьякъ и писарь старосты, поповичъ по происхожденію, впослѣдствіи перемышльскій судья, Akta gr. VIII, № 3, 5, Головацкій, № 11, Prochaska, Mat. archiw. № 19. Подробнѣе въ нашей статьѣ, Крит. обзор. Журн. Мин. Нар. Пр. 1891, № 7, p. 162, прим. 1 и 163, пр. 2. Нѣсколько постановленій суда по р. праву см. ibidem, p. 166. Дьяки по мѣстамъ продолжали существовать и въ XVI в., XVII в. см. Regestr. Zloczynców grodu Sanockiego 1554—1638 гг. Lwow. 1891, № 119, 121.

generalia, общіе съѣзды шляхты. Эти съѣзды разбираютъ важнѣйшія дѣла, по отношенію къ рѣшеніямъ земскихъ судовъ играютъ роль аппелляціонныхъ инстанцій.

Termini particulares собирались по отдѣльнымъ землямъ каждыя четыре недѣли; colloquia generalia, или вѣча, четыре раза въ годъ въ каждомъ изъ червоно-русскихъ земствъ [1]).

Шляхетскія вѣча имѣли значеніе апелляціонныхъ инстанцій по отношенію къ гродскимъ и земскимъ судамъ, а также по отношенію къ termini particulares (усиленный составъ обыкновенныхъ земскихъ судовъ).

Гродскому суду осталась юрисдикція надъ подвѣдомственнымъ замку населеніемъ и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (articuli castrenses) судъ надъ шляхтичами и ихъ крестьянами. Всѣ же дѣла, не подходившія подъ articuli castrenses, разбирались на земскихъ судахъ. Но и компетенція земскихъ судовъ была ограничена въ дѣлахъ гражданскихъ извѣстнымъ предѣломъ суммы иска (до 30 гривенъ), а также извѣстными разрядами дѣлъ. Такъ, по опредѣленію перваго же вѣча въ Перемышлѣ въ 1437 г. [2]), земскіе суды не имѣли права совершать актовъ о resignatio bonorum hereditariorum (отчужденіе наслѣдственнаго имущества); закладныя и вѣновыя записи могли совершаться въ земскихъ судахъ.

Дѣла, разбиравшіяся на вѣчахъ, были самаго разнообразнаго характера — суду вѣча подлежали какъ дѣла гражданскія, такъ и дѣла уголовныя и разрѣшеніе всевозможныхъ процессуальныхъ вопросовъ. Протоколы вѣчевыхъ постановленій записывались въ особыя книги (liber colloquialis, liber terrestris colloquialis), обломки которыхъ сохранились въ нѣкоторыхъ судебныхъ книгахъ [3]).

Кромѣ судебныхъ рѣшеній, вѣча издавали и общія постанов-

---

[1]) Akta gr. XI, p. 95, гдѣ обозначены сроки этихъ вѣчъ. Colloquia generalia называются иногда въ актахъ *vyelkye poroczki* (A. gr. XII, p. 342) termini generales (ibid.), conventio magna dominorum, alias *wyecz* (A. gr. XII, p. 2), judicium magnum (ibid. p. 351). Хотя colloquia generalia и были опредѣлены для Черв. Руси реформой 1435 г., но не во всѣхъ земствахъ они стали тотчасъ правильно собираться: такъ первое вѣче въ Саноцкой землѣ собирается только въ 1437 г. (A. gr. XI, p. 123, XIII, p. 45. Кажется и въ Перемышлѣ только съ этого года появляются вѣча (ibidem). cf. p. 588. Но cf. XI, p. 104, гдѣ указано colloquium generale въ Санокѣ въ 1436 г.

[2]) A. gr. XIII, p. 594.

[3]) A. gr. XIII, p. 588 sq.

ленія законодательнаго характера, имѣвшія впрочемъ силу только въ предѣлахъ даннаго земства[1]).

Въ вѣчахъ участвовали всѣ высшіе чиновники (dignitarii majores) данной земли и неопредѣленное число мѣстныхъ шляхтичей. Для постановленій вѣча, вѣроятно, по общему правилу для всѣхъ шляхетскихъ собраній въ Польшѣ, требовалось единогласіе. Продолжительность собранія зависѣла, по всей вѣроятности, отъ количества дѣлъ, подлежавшихъ его рѣшенію.

Повидимому вскорѣ послѣ введенія польскаго права въ Черв. Русь вся червонно-русская шляхта стала собираться и на общіе сеймики, первое упоминаніе о которыхъ встрѣчаемъ подъ 1437 г.[1]) Сеймикъ этотъ называется въ латинскихъ актахъ то convencio, то convencio generalis, то convencio generalis terrestris, то прямо сеймомъ[3]).

Сеймики эти собираются почти ежегодно[4]) и продолжаются по нѣсколько дней.[5]). Опредѣленнаго срока для созыва сеймиковъ, кажется, не было, хотя извѣстные намъ сеймики собирались преимущественно весной и лѣтомъ (апрѣль, май, іюль, августъ[6]). Первые сеймики собирались въ Мосцискѣ (convencio in Moscisku) до 1448, но въ 1444 и 1446 г. мы находимъ ихъ въ Вишнѣ[7]), а послѣ 1448 г. уже постоянно въ этомъ городѣ[8]).

---

[1]) Такихъ общихъ постановленій сохранилось нѣсколько въ судебныхъ книгахъ Черв. Руси. Сводъ ихъ сдѣланъ проф. Бальзеромъ въ Kwart. Hist. 1891, № II, p. 356.

Постановленія такія носятъ названіе laudum., statutum, uchwala. Въ изданныхъ до сихъ поръ актахъ находимъ слѣд. общія постановленія вѣчъ: Галицкаго — о преслѣдованіи преступниковъ (A. gr. XII, p. 425), выходѣ крестьянъ, торговлѣ въ городахъ (ib.), военной службѣ валашскихъ общинъ (ib. p. 128), о продолжительности засѣданій termini partic. (ib. p. 291). Саноцкаго — о пр. конфискаціи имущества преступниковъ крестьянъ, и т. под.

[2]) Akta gr. XIII, p, 27.

[3]) A. gr. XIV, p. 42 secundum convencionem, alias Seymu Moszczyczienseм statutum.

[4]) Въ судебныхъ книгахъ мы отмѣтили ихъ подъ 1437, 1439, 1440, 1441, 1442, 1443, 1444, 1446, 1447, 1448, 1457, 1459, 1463, 1467, см. Akta gr. XI—XV.

[5]) Сеймикъ 1441 г. 4 дня — съ 21—24 мая, A. gr. XIV, p. 502.

[6]) A. gr. XI—XV passim.

[7]) A. gr. XIV, p. 138 и 244.

[8]) Въ одномъ актѣ встрѣчаемъ указаніе, что подобные сеймики собирались даже in loco campestri, A. gr. XV, p. 17, causam ad primam convencionem, que primum hic in terra Russie fuerit, si in Wysznya, bene, si vero non fuerit in Wysznya, *sed in loco campestri*, ipse recepit ad consulendum dominos, qui in convencione fuerint.

Проф. Balzer (Kwart. Hist. 1890, III, p. 553) неправильно утверждаетъ, что Вишенскій сеймикъ существовалъ одновременно съ сеймикомъ въ Мосцискѣ. Въ промежуткѣ 1437—48 г. упоминается лишь два раза сеймикъ въ Вишнѣ, именно въ тѣ года, когда нѣтъ свѣдѣній о сеймикѣ въ Мосцискѣ (1444 и 1446).

Встрѣчаемъ еще извѣстіе о convencio во Львовѣ [1]), но, быть можетъ, названіе convencio употреблено писцомъ вмѣсто colloquium, такъ какъ срокъ для этихъ convenciones совпадаетъ съ срокомъ обыкновеннаго второго Львовскаго colloquium'а (около 9 мая).

Что касается convencio generalis въ Гродкѣ, 1442 г., то, быть можетъ, это былъ какой-нибудь спеціальный съѣздъ назначенныхъ королемъ judices deputati, на что указываетъ и составъ этого convencio (краковскій каштелянъ, львовскій каштелянъ, львовскій подсудокъ, князь Гольшанскій); это собраніе должно было разобрать дѣло снятинскаго старосты съ Альбертомъ Жаковѣцкимъ [2]). Такой же частный характеръ могло имѣть и convencio въ Кроснѣ 14 г. [3]). Рѣшаемся утверждать это на томъ основаніи, что срокъ для этого собранія былъ назначенъ львовскимъ старостой, между тѣмъ какъ сроки для сеймиковъ назначались королемъ [4]).

Наконецъ всего одинъ разъ упоминается общій сеймикъ для Краковскаго и Сандомирскаго воеводства и Черв. Руси въ 1443 г. [5]). Составъ присутствовавшихъ на червоно-русскихъ сеймикахъ опредѣляется изъ одного сеймиковаго постановленія, записаннаго въ львовскія судебныя книги [6]): здѣсь указаны — львовскій архіепископъ, перемышльскій и каменецкій епископы, львовскіе староста и каштелянъ, каменецкій каштелянъ, и прочіе *dignitarii et officiales ac terrigenae Leopolienses, terrarum Russiae et Podoliae terrigenae* [7]).

Точно опредѣлить вопросы, разбиравшіеся на сеймикахъ, трудно. Полные протоколы сеймиковыхъ постановленій XV вѣка до насъ не дошли. Въ судебныя книги занесены лишь тѣ изъ сеймиковыхъ постановленій, которыя касались подлежа-

---

[1]) A. gr. XIV, p. 65, 82, 88.

[2]) Состоялось ли convencio въ Гродкѣ 1458 г. (A. gr. XIV, p. 506), мы не знаемъ, но оно могло имѣть такой же частный характеръ.

[3]) A. gr. XIV, p. 93.

[4]) A. gr. XI, p. 172. Но конечно, помимо ординарныхъ сеймиковъ, экстраординарные могли собираться по требованію короля или шляхты въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время, cf. Prochaska, Konfederacya lwowska 1464 r. Kwart. Hist, 1892, IV.

[5]) A. gr. XIV, p. 85 convencio, ubi terre Cracovienses, Sandomirienses et Russie convencionaliter conveniant, alias Seymasya.

[6]) A. gr. XIV, p. 502.

[7]) Такъ въ заголовкѣ протокола, въ текстѣ его перечислены еще львовскіе судья и подсудокъ, перемышльскій судья, львовскій коморникъ, перемышльскій мечникъ. Въ виду того, что на сеймикахъ рѣшались главнымъ образомъ дѣла судебныя, нужно думать, что въ этихъ собраніяхъ обязательно присутствовали члены мѣстныхъ судовъ.

щей земли. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ примѣръ, находящійся въ книгахъ Львовскаго земскаго суда подъ 1441 г.[1]). На основаніи заголовка (Convencio generalis terrestris dominica Rogac. et tribus diebus seqnentibus est in Mosciska celebrata per rever in Cho Patr. D. Joh. Dei gr. Arch. Leop....) можно бы принять эту запись за полный протоколъ всего сеймика, но изъ дальнѣйшаго оказывается, что составитель судебной книги занесъ въ нее только постановленія, касающіяся одной Львовской земли (рѣшенія спорныхъ дѣлъ разныхъ лицъ), постановленія только одного *второго дня* собранія (fer sec. Convencionis predicte)[2]).

Замѣчательно, что мы знаемъ лишь одно общее постановленіе сеймика, касающееся всей Черв. Руси — это постановленіе Вишенскаго сеймика 1453 г., что шляхтичъ, обвиненный кметомъ въ воровствѣ, можетъ очиститься отъ этого обвиненія самоличной присягой[3]). Въ большинствѣ случаевъ дошедшія до насъ постановленія сеймиковъ касаются разныхъ частныхъ дѣлъ, поднятыхъ въ первой инстанціи въ гродскихъ и земскихъ судахъ.

Не можемъ также, на основаніи сохранившихся данныхъ, сказать что-нибудь опредѣленное объ отношеніи общихъ сеймиковъ къ colloquia generalia отдѣльныхъ земель, хотя весьма вѣроятно, что первые служили апелляціонной инстанціей по отношенію къ послѣднимъ, но, какъ кажется, дѣла съ гродскихъ и земскихъ судовъ можно было вносить и прямо въ сеймики, минуя colloquia generalia, подобно тому, какъ въ Польшѣ XIV—XV в. всякое дѣло можно было представить на усмотрѣніе короля, который или приказывалъ его разсмотрѣть въ своемъ надворномъ судѣ, или назначалъ для его изслѣдованія особыхъ судей (judices deputati), или передавалъ въ обыкновенные суды[4]).

Всматриваясь въ представленную нами картину постепеннаго видоизмѣненія во внѣшнемъ строѣ управленія и судоустройства въ Черв. Руси, нельзя не замѣтить въ ней двухъ противоположныхъ теченій: правительство видимо стремится къ централизаціи власти въ Черв. Руси, имѣя при этомъ въ виду какъ обезпеченіе своей власти въ новозавоеванномъ краѣ, такъ и

---

[1]) A. gr. XIV, p. 502.
[2]) Cf. A. gr. XIII, p. 557.
[3]) A. gr. XIV, p. 370.
[4]) Hube, Wyrok Lwowski 1421 r.

нѣкоторыя спеціальныя цѣли, о которыхъ ниже. Поэтому-то польскіе короли и стараются ввести въ Черв. Руси администрацію, отличную отъ польской, рядъ чиновниковъ, подчиненныхъ одинъ другому, а всѣхъ вмѣстѣ центральной власти генеральнаго старосты всей Руси, какъ непосредственнаго королевскаго намѣстника. Однако правительству не удается провести своихъ намѣреній, вслѣдствіе противодѣйствія какъ со стороны польской шляхты, такъ и со стороны мѣстныхъ, имъ же назначенныхъ чиновниковъ.

Особенности вводимаго въ Черв. Русь административнаго строя приходились очень не по вкусу какъ всей польской шляхтѣ, такъ и въ частности той ея части, которая переселилась на жительство въ Черв. Русь. Польская шляхта никакъ не можетъ примириться съ мыслью видѣть въ Черв. Руси только королевскую собственность; она требовала включенія ея въ составъ собственности государственной и, какъ мы видѣли, добилась этого признанія въ первые же годы правленія Ягелла. Переселившаяся въ Черв. Русь польская шляхта точно такъ же стремилась къ уравненію своихъ правъ съ правами родовитой польской шляхты, а это могло наступить только съ введеніемъ администраціи и судоустройства на польскій ладъ. Наконецъ мѣстная администрація тяготилась своимъ подчиненнымъ положеніемъ и въ свою очередь стремилась къ болѣе самостоятельной роли. Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ тенденцій и состоялась реформа 1435 г.

Высказаннымъ нами предположеніемъ о причинахъ реформы 1435 г. какъ бы противорѣчитъ показаніе одного источника. Подъ 1434 г. Длугошъ, разсказывая объ уравненіи червонорусской шляхты въ правахъ съ шляхтою польской, прибавляетъ, что такимъ уравненіемъ были недовольны польскіе магнаты, такъ какъ Ягелло, не успѣвшій привести эту реформу къ концу, не думалъ будто бы давать червонорусской шляхтѣ такихъ значительныхъ привилегій. Ягелло, предполагая облегчить положеніе червонорусской шляхты, хотѣлъ однако сохранить за нею нѣкоторыя повинности, какъ военную службу безъ вознагражденія изъ королевской казны, поправку укрѣпленій земянскими людьми и натуральную дань съ каждаго лана шляхетскихъ владѣній. Между тѣмъ Владиславъ освободилъ шляхту Черв. Руси отъ всѣхъ этихъ повинностей, создавъ ей такое положеніе, котораго польская шляхта добилась лишь послѣ столь долгихъ трудовъ на пользу отечества[1]).

[1]) Длугошъ, ad. a. 1434, ed. Przezdziecki, t. XIII, p. 548.

Недовольство польской шляхты могло, какъ мы думаемъ, происходить отъ другихъ причинъ, чѣмъ приводимыя Длугошемъ.

Недовольна могла быть польская шляхта дарованіемъ значительныхъ льготъ шляхтѣ русской, послѣ реформы 1435 г. получившей полныя шляхетскія права, какими до этого времени пользовались только отдѣльные русскія земяне за особыя услуги польскому правительству, такъ какъ, въ этомъ актѣ польская шляхта могла видѣть captatio benevolentiae червонорусской шляты для какихъ-либо сокрытыхъ королевскихъ намѣреній — недовѣріе къ королю, вѣчныя подозрѣнія какихъ-либо мѣропріятій съ его стороны во вредъ шляхетскимъ прерогативамъ проходятъ черезъ всю исторію Польши.

Если особенныя отношенія, въ которыхъ до 1435 г. червонорусская шляхта находилась къ королю, могли безпокоить польскихъ магнатовъ, то теперь въ нравственныхъ результатахъ реформы — благодарности за значительныя дарованныя королемъ привилегіи, шляхта могла видѣть нежелательныя для нея симптомы сближенія короля съ червонорусскими земянами.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію условій земельныхъ пожалованій въ Черв. Руси съ первыхъ лѣтъ польскаго владычества, попытаемся очертить постепенно измѣнявшіяся условія этого пожалованія и затѣмъ перейдемъ къ изученію судьбы собственно *русскихъ* земянъ, потомковъ древняго галицко-русскаго боярства подъ новымъ владычествомъ.

Съ переходомъ Червоной Руси подъ власть Польши русское государственное право уступило здѣсь мѣсто государственному праву польскому. Мы уже указали въ другомъ мѣстѣ[1]) на существенныя черты отличія государственнаго права обоихъ государствъ: верховнымъ владѣльцемъ всей территоріи государства былъ въ Польшѣ de jure король. De facto однако онъ давно уже потерялъ это право, уступивъ высшему сословію одну за другой составныя части этого права. Польскій шляхтичъ XIV в. владѣлъ землею не только безусловно (jure hereditario), но имѣлъ въ своемъ земельномъ участкѣ даже jura ducalia. Онъ имѣлъ право полнаго распоряженія своимъ земельнымъ имуществомъ, владѣлъ имъ jure hereditario, могъ его отчуждать всѣми способами: завѣщать, дарить, заложить, продать. Внутри владѣнія

[1]) Журн. Мин. Народн. Просв., 1891 г., № 6.

онъ полный господинъ, и не только самой территоріи земли, но и ея населенія — послѣднее подчинено его доминіальной власти и только черезъ его посредство входитъ въ сношенія съ государствомъ. Населеніе шляхетскаго имѣнія точно заслонено его владѣльцемъ отъ государства: только ничтожная подать въ пользу государства и появленіе на судѣ по иску третьихъ лицъ (и то только въ извѣстныхъ случаяхъ) служили слабымъ воспоминаніемъ давнишнихъ правъ государства на населеніе его территоріи.

Воинская повинность, отбываемая шляхтичемъ, составляла не столько его обязанности, сколько его право (Статутъ Великопольскій выражается такъ: quia in armata milicia *honor* et defensio tocius regni defendet...) тѣмъ болѣе, что вопросъ о необходимости военнаго ополченія рѣшался самой шляхтой.

Кромѣ личнаго отправленія военной повинности землевладѣльцы-шляхтичи должны были поставлять извѣстное число вооруженныхъ людей со своихъ помѣстій; условія отбыванія воинской повинности въ древней Польшѣ намъ очень плохо извѣстны; при отсутствіи точнаго измѣренія величины земельныхъ участковъ, сомнительно, чтобы число воиновъ соотвѣтствовало числу единицъ мѣры земли; скорѣе въ расчетъ бралось количество населенія земельныхъ участковъ; древнѣйшая подать — подымное или поральное — могла дать основанія для такого исчисленія. Съ введеніемъ нѣмецкаго права и раздѣленіемъ земли на правильно отмѣренныя единицы (ланы) военная служба могла раскладываться по этимъ земельнымъ мѣрамъ, къ которымъ съ тѣхъ поръ стали уже пріурочивать и всѣ повинности и платежи[1]).

---

[1]) *Smolka,* въ соч. Mieszko stary i jego wiek, p. 430, предполагаетъ, что военную службу отправляли всѣ (?). Всѣ обязаны были являться въ городъ, а каштелянъ уже отбиралъ изъ нихъ, сколько было нужно. S. строитъ это предположеніе на актѣ привилегіи станятецкаго кляштора, населеніе котораго въ 1270 г. было освобождено отъ воинской повинности, но тѣмъ не менѣе монастырь долженъ былъ со всѣхъ своихъ имѣній поставить 17 вооруженныхъ людей. Если это, говоритъ S., значило *освобожденіе* отъ военной службы, то слѣдовательно нормальнымъ положеніемъ была служба всѣхъ.

Выводъ такой едвали можно признать правильнымъ.

Мы знаемъ, какъ велики были имѣнія монастырскія; количество 17 вооруженныхъ для обширныхъ земель дѣйствительно могло равняться почти полному освобожденію отъ военной службы. Но и самое выраженіе *expeditio* растяжимо: возможно, что оно здѣсь понимается въ смыслѣ expeditio generalis, pospolitego ruszenia, когда вся шляхта должна была итти поголовно безъ отговорокъ, всеобщее ополченіе въ случаѣ общей опасности (ср. Cod. diplom. Min. Pol. I, № 60, 1262 актъ освобожденія

Если принять еще въ расчетъ, что значительная часть земельныхъ имуществъ Польши сосредоточивалась въ рукахъ духовенства которое очень часто въ числѣ другихъ льготъ получало и освобожденіе отъ воинской повинности; далѣе, что король, благодаря плохому состоянію своихъ финансовъ, не могъ ни содержать, ни нанимать значительнаго войска, то этимъ всѣмъ легко объясняется та зависимось отъ шляхты, въ которую попали польскіе короли.

Отсутствіе постояннаго войска лишало королей всякой возможности приводить въ исполненіе задуманныя ими законодательныя мѣры и преслѣдовать какія-либо внѣшнія политическія цѣли, помимо согласія шляхты. Статутъ Казимира прямо говоритъ, что походы за границы государства не лежали на обязанности шляхты, а зависѣли исключительно отъ ея доброй воли. Приходилось поэтому королямъ заняться изысканіемъ средствъ къ увеличенію своей боевой силы съ наименьшими затратами.

Въ завоевательный періодъ польской исторіи шляхта составляла княжескую дружину, жила при дворѣ князя и получала отъ него содержаніе. Когда дружина осѣла, завоевательная дѣятельность сократилась, вознагражденіе за боевыя заслуги деньгами и цѣнными подарками при слабомъ состояніи княжеской казны стало затруднительнымъ. Князья и короли стали вознаграждать шляхту пожалованіемъ земельныхъ участковъ, освобождая ихъ притомъ отъ разныхъ повинностей. Но раздача земель шляхтѣ не увеличивала боевой силы короля. Шляхтичъ получаетъ новый участокъ на тѣхъ же правахъ, на которыхъ владѣлъ своимъ участкомъ, т.-е. jure hereditario. Изъ-за новопожалованной земли онъ не вступаетъ въ какія-либо новыя условія по отношенію къ королю, не становится его личнымъ вассаломъ, обязаннымъ по первому требованію выступать во всякій походъ съ своимъ сюзереномъ. Онъ попрежнему обязанъ участвовать только въ войнахъ оборонительныхъ, на защиту государства. Участіе его въ военныхъ предпріятіяхъ за предѣлами государ-

---

имѣній цистеріанскаго монастыря въ Копривницѣ ab expedicione aliqua et pogon, *excepto duntaxat cum exercitus aliquis terram nostram invaserit intraveritque occupando*, Ibid. № 104. Въ Вислицк. статутѣ это высказано очень ясно: declaramus eciam et decernimus, quod barones et nobiles nostri terre Polonie nobis et successoribus nostris *in terra et regno Polonie* servire in armis, sicut melius poterunt, teneantur, sed *extra metas regni non tenentur servire nobis, nisi ipsis competens satisfaccio per nos impenditur aut per nos fuerint* petiti et rogati. Это же условіе повторено и въ договорѣ шляхты съ наслѣдникомъ Казимира, Людовикомъ Угорскимъ.

ства зависитъ исключительно отъ его личнаго желанія или общаго согласія всей шляхты.

Правда, не одни шляхтичи шли на войну; и остальные классы общества обязаны были поставлять опредѣленное количество вооруженныхъ людей, первоначально, повидимому, по первому требованію князя (порядокъ исправленія воинской повинности низшихъ классовъ намъ неизвѣстенъ, хотя весьма вѣроятна раскладка и воинской, какъ и другихъ повинностей, по древнимъ территоріальнымъ единицамъ, каковы были *ополья*). Съ переходомъ значительнаго количества территоріи и массы низшаго населенія къ шляхтѣ и духовенству, и въ военной повинности низшихъ классовъ общества должно было произойти существенное измѣненіе, тѣмъ болѣе что старая связь общинъ (opole) была теперь нарушена (въ актахъ XIII в. мы постоянно встрѣчаемъ въ числѣ другихъ льготъ землямъ шляхтичей и духовенства освобожденіе ихъ отъ opole). Населеніе владѣльческихъ земель освобождается отъ разныхъ повинностей и въ томъ числѣ и отъ обязанности выступать въ походъ по первому требованію князя: привилегія шляхты участвовать обязательно только въ оборонительныхъ войнахъ распространяется и на подвластное ей населеніе[1]).

Въ XIV в. дѣлаются, повидимому, попытки, хотя и довольно робкія, произвесть и реформу въ военномъ дѣлѣ. Основная мысль новой реформы, какъ кажется, состояла въ стремленіи перевесть военную повинность на землю. Статутъ Казимира выражается однако еще очень неопредѣленно: шляхтичи кромѣ личной военной службы обязаны поставлять еще извѣстное число вооруженныхъ людей, смотря по величинѣ и доходности своихъ участковъ. Отъ XIV и XV в. не сохранились „описы“ военной повинности, поэтому очень трудно сказать, что-нибудь о критеріумѣ, принятомъ для исчисленія числа воиновъ, обязательно поставляемыхъ шляхтою съ своихъ имѣній. Раскладка воинской повинности происходила, вѣроятно, на собраніяхъ шляхтичей (colloquia, wiece).

Что въ основаніе раскладки бралось не количество населенія участка, а его величина, доказывается грамотами на нѣмецкое право. Каждый солтысъ (представитель общины на нѣмецкомъ

[1]) Въ числѣ jura polonicalia, общаго обозначенія для множества древне-польскихъ повинностей, нерѣдко находимъ въ актахъ pogon и wojna; освобожденіе отъ этихъ послѣднихъ повинностей не равнялось, однако, полному освобожденію отъ военной службы, такъ какъ при этомъ дѣлается нерѣдко оговорка объ обязательномъ участіи въ expeditio generalis въ случаѣ отпора вражескому нападенію извнѣ.

правѣ) обязанъ не только лично отбывать военную повинность, но и вооружать извѣстное число воиновъ, смотря по величинѣ солтыства. Трудно и въ этомъ случаѣ сказать что-нибудь опредѣленное объ отношеніи величины участка къ числу воиновъ, положеннаго на него, тѣмъ болѣе что доходность участка не зависѣла отъ его абсолютной величины. Вѣрнѣе всего, что это число стояло въ извѣстной зависимости отъ доходности участка и опредѣлялось взаимнымъ соглашеніемъ владѣльца и его солтыса. Но такъ какъ грамоты на нѣмецкое право утверждались королемъ или старостой, то въ нихъ для насъ сохранились первыя точныя указанія на число вооруженныхъ людей, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой (и довольно значительной, т. к. съ XIV в. число поселеній на нѣмецкомъ правѣ растетъ съ неимовѣрною быстротой) части шляхетскихъ земель.

Устройство поселеній на нѣмецкомъ правѣ было тѣмъ выгодно для шляхтичей, что, помимо увеличенія доходовъ съ пустовавшихъ земельныхъ участковъ, давало возможность шляхтичу свалить на солтыса обязанность доставленія вооруженныхъ силъ или conductus militaris (военнаго обоза), слѣдуемыхъ съ его имѣнія (въ грамотахъ частныхъ лицъ на устройство въ ихъ имѣніяхъ поселеній на нѣмецкомъ правѣ нерѣдко военная обязанность солтыса является обязанностью по отношенію къ землевладѣльцу — nobis sit astrictus — отсюда ясно, что солтысъ принималъ на себя часть обязанностей шляхтича по отношенію къ государству. Само собой, однако, разумѣется, что солтысъ не могъ заступить *личной* военной повинности шляхтича, избавляя его только отъ труда самому заботиться о снаряженіи вооруженныхъ людей съ своихъ имѣній).

Для королей устройство поселеній на нѣмецкомъ правѣ имѣло особенно важное значеніе: солтысъ не есть собственникъ земли, а только ея пожизненный или наслѣдственный арендаторъ, хотя отношенія солтыса къ землевладѣльцу гораздо сложнѣе, чѣмъ отношенія арендатора къ послѣднему. Солтысъ въ сущности вассалъ владѣльца, обязанный въ отношеніи его, кромѣ сдачи главной части доходовъ, еще и военной службой. Въ солтысѣ король пріобрѣталъ новую и притомъ лично отъ него зависимую боевую силу и сохранялъ при томъ право собственности на землю, между тѣмъ какъ земля, отданная шляхтичу jure hereditario, становилась полной собственностью послѣдняго.

Но конечно и зависимое положеніе солтысовъ не могло особенно исправить одного изъ главныхъ недостатковъ Польши —

отсутствіе постояннаго войска. Едва ли въ интересахъ короля могла быть постоянная военная служба солтыса. Солтысы, набиравшіеся изъ низшихъ классовъ свободныхъ людей, не были спеціалистами военнаго дѣла; военная служба разстраивала и хозяйство самого солтыса, и систему управленія, и доходность имѣнія. Притомъ и солтысы, какъ и шляхтичи, конечно туго собирались въ походъ, и они, подобно первымъ, долго снаряжались и, вѣроятно, выходили только послѣ третьяго оповѣщенія.

Между тѣмъ экономическое положеніе шляхты уже въ XIV в. стало очень критическимъ. Огромное количество королевскихъ земель перешло къ церкви или отдано было заслуженнымъ шляхтичамъ. Путемъ завѣщанія и даровъ шляхетскія земли переходили къ духовенству. Въ то же время многіе шляхетскіе роды сильно разрослись, и земельные ихъ надѣлы до крайности раздробились. Такимъ образомъ на ряду съ крупными землевладѣльцами—королями, духовенствомъ и отдѣльными магнатами, скопившими разными путями огромныя latifundia, образовался значительный классъ или совсѣмъ безземельной шляхты (голоты) или владѣвшей совершенно ничтожными клочками земли. Эта безземельная шляхта составляла самый безпокойный элементъ тогдашняго польскаго общества, слонялась по дворамъ магнатовъ, участвовала во всевозможныхъ наѣздахъ, представляя изъ себя чуть не разбойническія шайки. Если изъ среды такой голоты всегда легко было набрать охотниковъ для всякаго военнаго предпріятія, то зато эта нестройная толпа не подчинялась никакой дисциплинѣ, и прохожденіе черезъ польскія земли подобныхъ воиновъ оставляло слѣды, совершенно равносильные непріятельскому нашествію, на что указанія находимъ уже въ статутѣ Казимира.

Удовлетворить эту голодную толпу, дать ей средства къ существованію, привесть ее къ порядку, составляло задачу весьма не легкую для современныхъ польскихъ королей.

Задача эта была на время разрѣшена неожиданнымъ и легкимъ пріобрѣтеніемъ обширныхъ земель галицко-русскаго княжества.

Мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ[1]), что Червоная Русь стала въ особыя отношенія къ королю. Онъ разсматриваетъ ее не какъ государственную собственность, даже не какъ кролевщину, а какъ свою личную собственность, свою вотчину; онъ именуетъ себя *dominus* et *haeres* Russiae, утверждая, что Русь

[1]) Ж. М Н. Пр., 1891 г., № 6.

перешла къ нему какъ законному наслѣднику послѣдняго русскаго князя Юрія-Болеслава Тройденовича, и считаетъ поэтому себя въ правѣ распоряжаться ею по личному усмотрѣнію, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ всякій haeres — собственникъ распоряжался своимъ имуществомъ, т.-е. съ правомъ продажи, мѣны, залога, завѣщанія. Договоръ Казимира съ Людовикомъ доказываетъ это яснѣе всего. Казиміръ на извѣстныхъ условіяхъ продаетъ Червоную Русь племяннику: если у перваго будутъ наслѣдники мужского рода, то Людовикъ уплачиваетъ имъ значительную сумму и получаетъ Червоную Русь.

Если король съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ на новоприобрѣтенную землю, то, естественно, онъ могъ раздавать въ ней участки на какихъ угодно условіяхъ, не стѣсняясь господствовавшими въ современной Польшѣ условіями шляхетскаго землевладѣнія.

И дѣйствительно, стóитъ только бросить бѣглый взглядъ на земельныя наданія въ Червонной Руси и сравнить ихъ съ земельными пожалованіями въ Польшѣ, чтобы увидать существенную разницу въ условіяхъ пожалованій обѣихъ земель.

Изслѣдованіе древнѣйшихъ земельныхъ пожалованій польской шляхтѣ приводитъ къ весьма интереснымъ результатамъ. Мы можемъ, разсматривая такія пожалованія въ хронологическомъ порядкѣ, прослѣдить постепенный ростъ шляхетскихъ привилегій и въ то же время, исходя изъ того соображенія, что освобожденіе отъ извѣстныхъ повинностей доказываетъ ихъ usus въ эпоху, предшествующую привилегіи, опредѣлить древнѣйшія повинности шляхты и степень ея зависимости отъ верховной власти.

Всѣ извѣстныя намъ древнѣйшія земельныя пожалованія польской шляхтѣ даются *jure hereditario*. Jus hereditarium, вотчинное право, есть понятіе сложное, слагаемое изъ цѣлаго ряда иммунитетовъ и привилегій и въ свою очередь составляющее часть (самую важную) права рыцарскаго (jus militare) [1]). Понятіе juris hereditarii уже потому уже понятія juris militaris, что на вотчинномъ правѣ (jure hereditario) земли жалуются не одной только шляхтѣ, а и другимъ, непривилегированнымъ классамъ. Въ болѣе общемъ смыслѣ jus hereditarium есть только полное право собственности на свое имущество: право пользо-

1) *Piekosinski*, O dynastycznem szlachty polskiey pochodzeniu, pag. 29: prawo dziedziczne (jus heriditarium) nie jest u nas w wiekach średnich niczem innem jak tylko częścią składową, i to najbardziej charakterystyczną prawa rycerskiego.

ванія и распоряженія. Но въ примѣненіи къ шляхтичу, пользовавшемуся полными рыцарскими правами, jus hereditarium пріобрѣтаетъ новую окраску и значеніе, подобно дичку, облагороженному драгоцѣнной прививкой[1]).

Владѣющій земельной собственностью jure hereditario шляхтичъ (пользовавшійся правами рыцарскими, plenum jus militare) имѣлъ въ XIV в. слѣдующія права на свое владѣніе[2]):

1) Право владѣнія, даренія, продажи, мѣны, вообще право распоряженія имуществомъ по своему усмотрѣнію.

2) Передачу своихъ правъ наслѣдникамъ по завѣщанію или закону.

Внутри имѣнія[3]) — право полнаго распоряженія въ недвижимой части имѣнія и взысканія исключительно въ свою пользу всѣхъ ея доходовъ.

3) Полную патримоніальную власть надъ населеніемъ своего участка; владѣльческое населеніе освобождено отъ суда всѣхъ княжескихъ чиновниковъ и подчинено исключительно суду dominus'a. Послѣднему принадлежитъ какъ низшая, такъ и высшая юрисдикція надъ населеніемъ своего участка и взиманіе въ свою пользу всѣхъ виръ и штрафовъ съ преступниковъ изъ числа своихъ крестьянъ.

4) Освобожденіе отъ всѣхъ повинностей и податей. Это освобожденіе касается не только личности шляхтича, но и зависимаго отъ него населенія. Вся совокупность древнихъ повинностей носитъ общее названіе jura polonicalia. Населеніе шляхетскаго владѣнія или совершенно отъ нихъ освобождается, или повинности эти переносятся съ лица князя на лицо владѣльца.

Разумѣется, такое привилегированное положеніе шляхты явилось не вдругъ, а путемъ долгаго процесса, отдѣльными привилегіями и иммунитетами. Въ древнѣйшихъ пожалованіяхъ шляхтѣ (къ сожалѣнію, самыя раннія изъ извѣстныхъ намъ земельныхъ пожалованій не восходятъ раньше первой половины XIII в.) нѣтъ одной общей формулы привилегій; это все отдѣльныя грамоты на отдѣльные иммунитеты, различныя для каждаго пожалованія, хотя чѣмъ ближе къ XIV в., тѣмъ яснѣе тенденція обобщенія ихъ въ одну формулу, такъ что въ XIV в.

. :вяз
салу зем
но въ та
ную отъ

Реппель (Gechichte Polens I, 585, пр. 36) замѣтилъ, что въ понятіе jus вовсе не входятъ implicite всевозможные иммунитеты и привилегіи.
inki, l. c. *R. Hube*, Prawo polskie w XIV w.
Н. Пр., 1891 г., № 7.

пожалованіе шляхтичу jure hereditario въ Польшѣ уже зак[illegible] въ себѣ implicite всѣ тѣ привилегіи, которыя мы очертили.

Замѣчательно однако, что во всѣхъ пожалованіяхъ земельных[illegible] имуществъ шляхтѣ нѣтъ упоминанія о военной повинности, какъ самого пожалованнаго шляхтича, такъ и населенія его участка. Личная военная служба потому въ пожалованіи не упоминается, что составляла главную обязанность шляхтича, связанную неразрывно съ его званіемъ. Болѣе страннымъ является отсутствіе указанія на военную повинность населенія пожалованнаго участка. Что шляхетскія имѣнія не были освобождены отъ военной повинности, это мы знаемъ уже изъ статута Казимира, говорящаго объ этомъ очень категорически, хотя и въ общихъ чертахъ.

Между тѣмъ огромная масса пожалованій въ Червоной Руси XIV в. и въ первой половинѣ XV в. происходитъ совершенно на иныхъ основаніяхъ. Въ то время какъ земельныя пожалованія шляхтѣ въ Польшѣ представляютъ собой односторонній актъ, въ которомъ идетъ только рѣчь о правахъ жалуемаго и совершенно умалчивается объ его обязанностяхъ, подавляющее большинство земельныхъ наданій въ Червоной Руси является актомъ двустороннимъ, содержащимъ какъ перечисленіе льготъ и преимуществъ жалуемому, такъ и обязанностей послѣдняго. Первая и главная обязанность его — военная повинность съ *пожалованнаго участка,* при чемъ способъ ея отбыванія всегда точно обозначенъ. Кромѣ личной военной службы шляхтичъ, получившій надѣлъ въ Червоной Руси, обязанъ на свой счетъ вооружать опредѣленное число воиновъ, точно обозначенное въ жалованной грамотѣ; и не только число вооруженныхъ людей, но и способъ ихъ вооруженія всегда предусмотрѣнъ въ актѣ пожалованія, причемъ иногда обозначено даже самое качество вооруженія. Пожалованный землею шляхтичъ обращается въ лично зависимаго отъ короля воина, обязаннаго выступать въ походъ *по первому его требованію* (ad quamlibet expedicionem quocienscunque necesse fuerit, necesse et oportunum fuerit); устанавливается такимъ образомъ настоящая *феодальная* зависимость воина-шляхтича отъ короля. Король является феодаломъ, шляхтичъ-землевладѣлецъ — его вассаломъ.

Въ грамотахъ Казимира пожалованные въ Черв[illegible]й Руси землею шляхтичи не называются еще вассалами: быть можетъ, Казиміръ боялся употребить этотъ терминъ, въ Польшѣ необычный и шляхтѣ польской ненавистный. Онъ употребляетъ тѣ же юридическіе термины, къ которымъ привыкло польское шляхет-

ство. но, какъ видно изъ содержанія актовъ, въ совершенно иномъ, нежели въ грамотахъ польскихъ, значеніи. Шляхтичъ получаетъ и здѣсь землю, какъ и въ Польшѣ, jure hereditario, но всегда съ существенной оговоркой, которой нѣтъ въ польскихъ грамотахъ, что пожалованный обязанъ служить королю съ своего участка.

Другое важное отличіе наданій червонорусскихъ—*личное присутствіе получившаго участокъ шляхтича въ Червоной Руси.* Въ грамотахъ Казимира это опять не высказывается прямо, но вытекаетъ неминуемо изъ обязанности личной службы съ полученнаго участка. Такимъ образомъ червонорусскія грамоты Казимира представляютъ собой весьма ловкій юридическій изворотъ: съ внѣшней стороны онѣ походятъ на польскія грамоты, не содержа на первый взглядъ повидимому ничего такого, что бы могло оскорбить шляхтича въ его достоинствѣ: шляхтичъ получаетъ землю и здѣсь, какъ и въ Польшѣ, jure hereditario, патримоніальную власть надъ населеніемъ, съ котораго ему идутъ, какъ и въ Польшѣ, всѣ платы и повинности, личный иммунитетъ (судится только королемъ или его намѣстникомъ). Но въ сущности однако положеніе шляхтича въ Червоной Руси было, какъ мы видѣли, совершенно иное, чѣмъ въ Польшѣ; онъ является здѣсь не полноправнымъ шляхтичемъ, обязаннымъ только военной службой ad rem publicam, а вассаломъ короля, привязаннымъ къ своему участку, за который несетъ своему феодалу военную службу.

Въ грамотахъ Казимира нѣтъ упоминаній о согласіи короля на отчужденіе шляхтичемъ своего участка — земля дается jure hereditario, при чемъ владѣлецъ можетъ свой участокъ tenere, possidere, utifrui, vendere, commutare, donare, obligare et in usus suos proprios suorumque successorum convertere prout sibi suisque legitimis successoribus melius et utilius videbitur expedire. Между тѣмъ есть основаніе предполагать, что, несмотря на умолчаніе объ этомъ въ жалованныхъ грамотахъ, отчужденіе пожалованнаго участка могло происходить только съ согласія пожаловавшаго.

Отношенія вассала къ сюзерену зиждутся на личномъ договорѣ и опредѣляются взаимными обязательствами, вытекающими изъ связующаго обоихъ звена, какимъ является уступленная вассалу земля. Вассалъ можетъ порвать свои отношенія къ сюзерену, но въ такомъ случаѣ не сохраняетъ права на землю, полученную отъ послѣдняго. Раздавая свои земли шляхтичамъ, король

дѣйствуетъ не изъ какихъ-либо филантропическихъ чувствъ, не изъ горячаго желанія поддержать убогое дворянство, а преслѣдуетъ свои, вполнѣ реальные интересы, *стремясь создать въ Червоной Руси необходимую ему боевую силу для сохраненія этой завоеваной области,* — предметъ вожделѣній не одного сосѣда. А разъ земельная дача не есть подарокъ шляхтичу, а только эквивалентъ его боевой правоспособности, то и отчужденіе ея можетъ происходить только съ согласія короля.

Если новыя начала для шляхетскаго землевладѣнія проводились Казимиромъ, такъ сказать, подъ сурдинку, подъ прикрытіемъ внѣшнихъ формъ польскихъ порядковъ, то уже Владиславъ Опольскій, временно управляющій Червоною Русью въ короткое время венгерскаго господства совершенно ясно поставилъ въ этомъ отношеніи les points sur les i.

Мы уже указывали, что Опольскій получилъ отъ Людовика Червоную Русь не въ управленіе, какъ доказываютъ одни, и не въ собственность, какъ другіе, а въ ленъ.

Человѣкъ Запада по своимъ симпатіямъ, хорошо знакомый съ нѣмецкими и венгерскими феодальными порядками, вѣрный слуга Людовика, не имѣвшій никакихъ общихъ съ польской шляхтой интересовъ, а наоборотъ, по многимъ причинамъ, недружелюбно къ ней расположенный (за что и шляхта, въ свою очередь, отвѣчала ему острой враждой), опольскій князь, ставъ haeres et dominus Russiae, проводитъ въ Червоной Руси весьма систематично начало феодальнаго землевладѣнія, не стѣсняясь называть новые порядки ихъ собственнымъ именемъ.

Почти всѣ извѣстныя намъ пожалованія Владислава въ Червоной Руси происходятъ jure feodali или in feudum. Условія феодальнаго владѣнія обозначены въ его грамотахъ очень опредѣленно: 1) получившій земельный участокъ шляхтичъ владѣетъ имъ наслѣдственно (hereditarie) съ правомъ отчужденія, но лишь съ согласія сюзерена; 2) онъ обязывается вносить въ княжескую казну по 2 гроша съ каждаго дома, дворища (fumo или curia, разумѣется, крестьянскаго) или кмета своего лена[1]); 3) отбывать личную военную службу и поставлять опредѣленно обозначенное для каждаго жалуемаго участка число вооруженныхъ воиновъ, по первому требованію сюзерена (ad quamlibet expedicionem, seu viam, quociensque *in terra nostra Russie* necessa-

[1]) Ср. постановленіе шляхты земли Сѣрадзкой: nobiles обязаны вносить въ княжескую казну по $^1/_2$ гроша съ кмета, а milites vero pauperes, kmethones non habentes, per duos grossos dare debebunt.

rium fuerit, secundum quod alii ejusdem terre barones serviunt); 4) вассалъ обязывается личнымъ присутствіемъ на Руси, а если семейный, то — съ женой и дѣтьми. Получившихъ на такихъ основаніяхъ земельные участки, Опольскій прямо именуетъ своими *вассалами* (jure et eadem libertate et consuetudine, qua ceteri *nostri vassalli* bona ipsorum tenent).

Обязанности сюзерена въ отношеніи вассала выражаются въ заботѣ о его матеріальномъ обезпеченіи (что достигается земельнымъ надѣломъ вассала), обѣщаніи вознагражденія за понесенные на войнѣ убытки и выкупѣ вассала изъ плѣна[1]).

Если мы еще примемъ во вниманіе, что особое положеніе Червоной Руси, какъ страны новозавоеванной, вызвало и особенности въ ея управленіи, значительно отличномъ отъ управленія земель польскихъ, особенности, состоявшія въ значительной административной централизаціи, цѣломъ рядѣ правительственныхъ чиновниковъ, снабженныхъ широкими правами и обширной юрисдикціей, подъ которую подходили и такіе классы, которые въ Польшѣ пользовались уже полнымъ иммунитетомъ, не признавали никакой власти, кромѣ княжеской, наконецъ, что до второй четверти XIV в. здѣсь не было земскихъ судовъ для шляхты, а одинъ общій судъ королевскихъ намѣстниковъ для всѣхъ классовъ общества, то разница въ положеніи шляхтича червонорусскаго сравнительно съ шляхтичемъ въ Польшѣ окажется весьма значительной[2]).

Какія же причины заставляли польскаго шляхтича подчиняться такимъ, по современнымъ шляхетскимъ понятіямъ унизительнымъ для шляхетскаго достоинства, условіямъ?

Жалованныхъ грамотъ шляхтичамъ на землю въ Червоной Руси сохранилось совсѣмъ ничтожное количество за время Казимира и Владислава Опольскаго (такихъ грамотъ Казимира мы знаемъ всего около десятка). Но уже по однимъ подписямъ свидѣтелей на этихъ грамотахъ является возможность увеличить число польскихъ шляхтичей, переселившихся въ Русь, въ нѣсколько десятковъ разъ. Не всѣ упомянутые въ грамотахъ шляхтичи основались, конечно, прочно въ Червоной Руси; одни могли выселиться въ другія области польскаго государства, а

[1]) Permittimus (? вм. promittimus) quod si aliqua damna notabilia in nostro exercitu sub nostro banirio in equis interfectis perciperint, vel detenti seu captivati fuerint, talia omnia damna restituere et ab hujusmodi captivitate liberare absque ipsorum damnis (Akta gr. II, № 6).

[2]) См. нашъ разборъ соч. *R. Hube,* Wyrok lwowski, Ж. М. Н. Пр. 1891, № 7.

другіе умереть безпотомно; прослѣдить судьбу всѣхъ извѣстныхъ по древнѣйшимъ грамотамъ шляхтичей очень трудно еще потому, что обращеніе земельной собственности, мѣна, продажа, покупка земельныхъ участковъ происходили въ XIV и XV в. необыкновенно часто, а у шляхты вошло въ обычай именоваться не по родовымъ прозвищамъ, а по названію принадлежащей имъ земельной собственности (Бенко de Kuchar получаетъ имѣніе Жабокруки и называется de Zabokruk); мы можемъ прослѣдить судьбу только нѣкоторыхъ родовъ, достигшихъ особенно важнаго значенія въ Червоной Руси, какъ Гербурты, Габданки, Одрованжи, Тарновскіе, Сѣнинскіе, Ходецкіе и др.[1]). Но и исторія этихъ родовъ доказываетъ намъ ясно, какимъ элементомъ заселилась Червоная Русь: переселившіеся сюда польскіе шляхтичи принадлежали къ родамъ, не игравшимъ въ Польшѣ никакой роли, шляхтѣ убогой, малоземельной или вовсе безземельной, искавшей на Руси поправленія своего критическаго положенія. Такая убогая шляхта, разумѣется, не могла особенно настаивать на своемъ шляхетскомъ гонорѣ и принимала на первое время съ благодарностью то, что ей давали, хотя бы и на условіяхъ, стѣснявшихъ шляхетскую вольность. Есть даже основанія предполагать, что многіе изъ надѣленныхъ въ Червоной Руси землею поляковъ принадлежали не къ разряду полныхъ шляхтичей (пользовавшихся pleno jure militari), а къ разряду *владыкъ*, полублагородныхъ, имѣвшихъ лишь simplicem militiam, mediam nobilitatem. Владыки были лично свободны, могли отправлять низшія должности, владѣли наслѣдственными участками (hereditarie), не заселенными крестьянами; за раны и убійство владыки платилась вира въ половину меньшая, чѣмъ за голову и раны шляхтича[2]).

Для такихъ полушляхтичей земельный надѣлъ на Руси представлялъ двойную выгоду, ибо, кромѣ матеріальнаго обезпеченія они получали расширеніе своихъ правъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и надежду перейти въ разрядъ полныхъ шляхтичей.

Кромѣ польскихъ шляхтичей земельныя наданія въ Червоной Руси на такихъ же условіяхъ получаютъ многіе иностраные

[1]) О Гербуртахъ см. статью *Стадницкаго* въ Przew. Nauk. 1874 г. Біографія остальныхъ родовъ у *Шараневича*, Rys wewnetrznych stosunkow Galicyi wschodnej w drugiej polowie XV w.

[2]) *R. Hube*, Prawo polskie въ XIV w., p. 32; Piekosiński, o dynastycznem Szlachty polskiej pochodzeniu.

выходцы — нѣмцы, чехи, венгры, валахи и русскіе — туземцы (о послѣднихъ рѣчь ниже). Для такихъ выходцевъ можно было, конечно, предписывать какія угодно условія, не стѣсняясь господствовавшими въ Польшѣ обычаями шляхетскаго землевладѣнія.

Раздача земель шляхтичамъ на условіяхъ исправленія военной службы не была единственнымъ источникомъ увеличенія боевой силы для польскихъ королей. Устройство поселеній на нѣмецкомъ правѣ и въ Червоной Руси давало королямъ обильный контингентъ военной силы. Условія раздачи земель на нѣмецкомъ правѣ настолько сходны съ условіями земельнаго наданія шляхтѣ, что Опольскій и эти наданія называетъ jure feodali. Солтысъ получаетъ солтыство jure hereditario, обязывается, какъ и шляхтичъ, личной военной службой съ своего солтыства, а также снаряженіемъ извѣстнаго числа вооруженныхъ людей, обязанъ лично присутствовать въ Червоной Руси, вносить въ королевскую казну извѣстную плату съ своего солтыства. Согласно съ основными установленіями нѣмецкаго права солтысъ освобождается отъ присуда княжескихъ чиновниковъ, подлежитъ только суду короля или его намѣстника и пользуется правомъ низшаго и высшаго суда надъ населеніемъ солтыства.

Но въ положеніи солтыса сравнительно съ положеніемъ шляхтича, даже получившаго землю на феодальномъ правѣ, все же есть значительная юридическая разница. Шляхтичъ получаетъ въ надѣлъ *землю,* недвижимое имущество, солтысъ только *солтыство,* т.-е. *право* на извѣстную часть доходовъ съ земли владѣльца. Солтысъ имѣетъ право отчужденія своего солтыства, въ большинствѣ случаевъ съ согласія владѣльца, такъ какъ владѣлецъ долженъ быть увѣренъ, что покупатель солтыства способенъ исполнить лежащія на солтысѣ обязанности.

Солтысомъ можетъ быть всякій свободный человѣкъ: шляхтичъ, мѣщанинъ, кметъ (встрѣчаемъ даже случаи продажи солтыства еврею), солтысомъ можетъ быть и самъ землевладѣлецъ въ своемъ имѣніи, обязываясь однако исполнять всѣ солтыскія обязанности, въ томъ числѣ непремѣнно личную военную службу съ солтыства.

Условія раздачи земель въ Червоной Руси нѣсколько измѣняются при Ягелло.

Ягелло, какъ избранный шляхтою король, не могъ держать себя такъ независимо, какъ Пястъ-Казимиръ. Если стремленія Казимира считать Червоную Русь своей личной собственностью должны были возбуждать неудовольствіе и опасенія шляхты, то признаніе этой столь желанной для шляхты области личной ко-

ролевской собственностью могло при Ягелло повести къ весьма нежелательнымъ для Польши послѣдствіямъ: какъ литовскій князь, Ягелло могъ стать на сторону литовскихъ претензій на Червоную Русь, какъ онъ это сдѣлалъ относительно Волыни и Подоліи, и присоединить ее къ литовскому государству. Такое присоединеніе должно было окончательно разбить всѣ шляхетскія вожделѣнія къ этой богатой странѣ: унія Польши съ Литвою была только личною, оба государства объединялись только въ лицѣ одного правителя, оставаясь чуждыми другъ другу во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: полякъ по отношенію къ литовцу, и обратно, считался чужеземцемъ. Полякъ не могъ исполнять какихъ-либо должностей въ предѣлахъ литовско-русскаго государства, не могъ получать тамъ земельныхъ надѣловъ. Съ присоединеніемъ Червоной Руси къ Литвѣ пришлось бы сказать прости навѣкъ (или по крайней мѣрѣ *вѣка)* богатымъ червонорусскимъ пажитямъ. Это-то опасеніе и было причиной, заставившей шляхту взять отъ Ягелла обѣщаніе, что онъ не отдастъ Червоной Руси никому изъ князей, а оставляетъ ее себѣ, Ядвигѣ, дѣтямъ и *коронѣ польской*[1]). Актъ этотъ не могъ быть вызванъ, какъ утверждаетъ Зубрицкій[2]) и Шайноха, посольствомъ отъ города Львова, явившимся къ королю вслѣдствіе слуховъ, будто Ягелло намѣревался отдать Червоную Русь кому-то изъ князей, а горожане опасались, что удѣльный князь станетъ ихъ донимать податями. Правленіе Владислава Опольскаго, сильно покровительствовавшаго червонорусскому мѣщанству, могло скорѣе склонить львовянъ въ пользу удѣльнаго князя, чѣмъ говорить противъ него. Мы думаемъ, поэтому, что актъ Ягелло выданъ имъ скорѣе *по настоянію польской шляхты* изъ-за указанныхъ

---

[1]) Promittimus et spondemus, quod districtum ac terram nec non civitatem nostram Lemburgensem nulli ducum aut cuipium hominum dabimus, aut quomodolibet conferemus, sed eundem districtum ac civitatem Lemburgensem pro nobis ac inclita principe domina Hedvige, Regina Polonie, consorte nostra carissima, nec non liberis nostris et *Corona Regni nostri* Polonie tenebimus, habebimus et habere volumus temporibus perpetuis et in evum. 30 сент. 1388 (Akta gr. II, № 17). Это же ясиѣе подтверждено другимъ актомъ отъ 1 окт. 1389 г., изданномъ въ Львовѣ: dictam civitatem nostram Lemburgensem ipsiusque cives et incolas Corone Regni nostri Polonie unimus, aggregamus perpetuis temporibus adiungentes, eandemque civitatem Lemburgensem et ipsius cives et incolas sub proteccione nostra et Corona Regni nostri predicti volumus jugiter respirare (Akta gr. III, № 50).

[2]) Kronika Miasta Lwowa, p. 57. *Szajnocha*, Jadwiga i Jagiello, III p. 319. За ними то же повторяетъ *Вашкевичъ* (въ примѣчаніи къ изданію акта) и *Шараневичъ* (Ист. Гал. Волод. Руси, p. 295).

выше причинъ, и важнѣйшей частью акта мы считаемъ признаніе Червоной Руси принадлежностью польскаго государства, что лишало короля права располагать ею, какъ своей личной собственностью. Тенденція акта и вынужденный (во всякомъ случаѣ не по настоянію львовянъ) его характеръ ясно проглядываютъ въ обѣщаніи не отдавать Червоной Руси никому изъ князей.

Ягелло имѣлъ массу родственниковъ, владѣвшихъ удѣлами въ литовско-русскихъ областяхъ на вассальныхъ къ великому князю отношеніяхъ. Возможность отдачи и Червоной Руси какому-либо родственнику Ягелла на такихъ же основаніяхъ, обезпокоивала польскую шляхту, которая и вынудила у короля подобное обѣщаніе.

Такимъ образомъ Червоная Русь осталась при коронѣ польской и попрежнему убѣжищемъ для обѣднѣвшей польской шляхты. И Ягелло, какъ его предшественникъ, щедро раздаетъ земли полякамъ, но условія раздачи при немъ измѣняются. Разъ Червоная Русь перестала быть личной собственностью короля, а присоединена къ коронѣ польской, шляхта могла уже требовать примѣненія къ червонорусскимъ наданіямъ польскихъ порядковъ и уничтоженія тѣхъ основаній земельной раздачи, которыя считала унизительными для своего шляхетскаго достоинства. И дѣйствительно, съ Ягелла прекращается въ Червоной Руси раздача земли jure feodali, земля дается только jure hereditario, даже прежнія наданія на правѣ феодальномъ освобождаются отъ ленныхъ условій и переводятся на права вотчинныя (jus hereditarium)[1]). Изъ прежнихъ условій раздачи земли остается одно — военная служба точно опредѣленнымъ количествомъ воиновъ съ жалуемаго участка. Однако условія феодальнаго землевладѣнія не вовсе исчезаютъ въ Червоной Руси — они только территоріально передвигаются далѣе на юго-востокъ въ крайніе предѣлы Червоной Руси и польскую часть Подоліи, гдѣ потребность

---

[1]) Такъ въ 1386 г. Ягелло подтверждаетъ Бенку Жабокрупскому наданія Владислава Опольскаго, отмѣняя, однако, ленныя условія этихъ пожалованій: omnia jura feodalia et consuetudines universos removentes; имѣнія переводятся въ jus hereditarium, но Бенко оставляется circa omnia et singula jura Ruthenica in terra Russiae ab antiquis temporibus tenta et habita (Лит. Метр. IV, B, 9, p. 90, об.).

1416 г. имѣнія Васьки Тептуковича въ Жидачевской, Галицкой, Коломыйской и Снятинской земляхъ освобождаются ab omni jurisdiccione feodali, constituimusque ipsum vel ipsos veros et legittimos heredes et possessores sepe dictarum villarum secundum ritum et consuetudinem aliorum terrigenarum nostre Corone Regni Poloniae (Akta gr. V, № 30). Въ обоихъ случаяхъ остается, однако, военная служба съ пожалованныхъ имѣній.

вооруженной силы, вполнѣ зависимой отъ правительства, ощущалась особенно сильно вслѣдствіе необезпеченности края отъ нападенія татаръ и литовцевъ. Здѣсь, въ земляхъ Жидачевской, Теребовльской, Коломыйской и Подоліи раздача земли происходила на прежнихъ ленныхъ условіяхъ: личное присутствіе для защиты земли ставится непремѣннымъ условіемъ пожалованія въ этихъ областяхъ[1]). Заботы правительства колонизовать Подолію особенно усиливаются въ концѣ правленія Ягелла, когда началась серьезная борьба между Польшей и Литвою за эту область[2]).

Съ Ягелла въ Червоной Руси появляется еще новая форма владѣнія землей, весьма употребительная и въ Польшѣ, — форма владѣнія по записи извѣстной суммы на имѣніи.

Форма записи свидѣтельствуетъ какъ о печальномъ состояніи финансовъ польскаго правительства, такъ и о появленіи заботы экономизировать государственными землями.

Мы знаемъ, что по договорамъ со шляхтою король обязывался за всякій походъ внѣ границъ государства платить

---

[1]) 1399 г. Ягелло даетъ валаху Драгнію с. Чолханъ въ Жидачевской землѣ *jure feodali* (Лит. Метр. IV В. 9, p. 62). 1410 г. Иванъ Korzenya получаетъ имѣніе Korzewa и Lisky съ обязательствомъ служить на каждую потребу двумя конными стрѣльцами ydziebi tego bila niektora nagla od naszych nieprziaciol na naszei ziemie Haliczka thedi ma sluga nass I. K. ssam swym ziwothem cziągnącz ze wssitkiemy swoiemi liudzi, y ma sluga I. K. w tei ziemi Haliczkiej bicz yako y yny nassi ziemianie (актъ въ переводѣ съ русскаго на польскій, Лит. Метр. IV В, 9, p. 120)

[2]) 1431 г. Гринко Кердейовичъ получаетъ имѣніе Mechowcze, Chrostkow, Howylow, Ostrow Теребовльской земли *jure feodali* (Лит. Метр. IV, В. 9, p. 337) 1431 г. Nobiles Николай и Янъ de Borissowcze, подольскіе земляне (terrigene Podolienses) за услуги temporibus guerrarum in terra Podoliensi vigencium получаютъ запись въ 40 грив. на им. Десково дворище Барскаго повѣта (districtus Baroczensis), ita tamen, quod dicti fratres ibidem in terra Podolie residenciam faciant personalem.

1433 г. Ягелло записываетъ Nob. Domaratho 50 грив. на имѣніи Шаравкѣ въ Смотрицкомъ повѣтѣ hoc tamen adjecto specialiter et expresso, quod in terris Podolie residenciam faciat personalem, ipsarumque defensioni toto posse intendat (Akta gr. IV, № 81). 1433. Ивашкѣ Гинцовичу записывается 50 грив. на имѣніе Dziuacouicze Галицкой земли: hoc etiam addito et expresso, quod idem Iwaschco terrigena Podolie in Podolia continuam faciat mansionem circa defensionem ejusdem terre. На такихъ же условіяхъ въ томъ же году Николай Ральовскій получаетъ запись въ 40 гр. на имя Virzbena въ Латичевскомъ повѣтѣ Подоліи (Prochaska, Mater. archiwalne, № 88 и 89).

Огромное количество земель какъ въ Польшѣ, такъ и въ Черв. Руси были записаны и заложены шляхтѣ во время пребыванія Владислава Ягеллончика въ Венгріи. Длугошъ подъ 1442 г. разсказываетъ, что новые владѣльцы изгоняли съ наслѣдственныхъ участковъ старыхъ собственниковъ (русскихъ), и эти послѣдніе бѣжали къ татарамъ и вмѣстѣ съ ними нападали на Русь.

шляхтичу по 5 гривенъ. Но и помимо этого, являлась часто необходимость вознагражденія разныхъ лицъ, заслуженныхъ передъ правительствомъ, отличившихся на войнѣ, удачно справившихъ (нерѣдко на своихъ издержкахъ) посольства, наконецъ просто выручившихъ правительство въ критическіе моменты денежнымъ займомъ и т. п. Между тѣмъ польское правительство страдало хроническимъ безденежьемъ и не имѣло возможности готовыми деньгами платить по своимъ обязательствамъ. Оставалось прибѣгать по прежнему къ старому источнику погашенія долговъ — раздачѣ обширныхъ еще государственныхъ земель. Однако правительство хорошо понимало, что съ истощеніемъ и этого источника оно очутится въ положеніи банкрота. При пожалованіи jure hereditario государственная земля отчуждалась въ полную собственность пожалованному, оставалась наслѣдственно въ его родѣ. Раздача на ленныхъ правахъ не долго просуществовала, да и она точно такъ же лишала правительство права собственности на землю вассала, ибо онъ получалъ ее въ собственность съ правомъ передачи наслѣдникамъ на условіяхъ отбыванія обычныхъ для вассала повинностей. Приходилось изыскать такой способъ пожалованія, при которомъ земля по истеченіи извѣстнаго времени возвращалась бы правительству, или по крайней мѣрѣ послѣднее сохраняло на нее право собственности и могло по истеченіи условій пожалованія вернуть ее обратно. Такими формами временнаго пользованія землей явились держаніе (tenuta) до воли или пожизненно или даже съ правомъ передачи наслѣдникамъ на тѣхъ же условіяхъ, какими связанъ былъ первый ея tenutarius, и наконецъ форма *записи* извѣстной суммы на какомъ либо королевскомъ имѣніи.

Форма пожалованія земли по записи есть въ сущности закладная на имѣніе, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ отъ современной закладной, что въ первой земля въ обезпеченіе записанной суммы переходитъ въ пользованіе получившаго запись. Давшій запись — должникъ, получившій ее заимодавецъ. Земля, въ рукахъ заимодавца является обезпеченіемъ долга, доходы съ нея играютъ роль процентовъ по закладной.

Желая вознаградить извѣстное лицо за какія-либо услуги, король оцѣниваетъ ихъ опредѣленной суммой и какъ бы признаетъ себя должникомъ такого лица въ этой суммѣ, которую и обезпечиваетъ на какомъ-либо изъ своихъ имѣній. Такой заимодавецъ пользуется землей до выплаты ему или его наслѣдникамъ опредѣленной въ записи суммы. Совершенно такъ же обез-

печивается и реальный долгъ, заемъ правительства у частнаго лица.

Такова общая форма владѣнія (правильнѣе — пользованія) землей по записи. Но встрѣчаются и частныя отличія въ этомъ способѣ пожалованія. Напр., пожалованный пользуется землей пожизненно, а его наслѣдники только до выплаты записанной на имѣніи суммы. Съ согласія короля полученное въ пользованіе по записи имѣніе можетъ быть передано другому лицу, уплатившему первому заимодавцу лежавшій на имѣніи долгъ; въ такомъ случаѣ всѣ права перваго заимодавца переносятся на выплатившаго ему записанную сумму, и король становится въ той же суммѣ должникомъ второго.

Въ актахъ записей на имѣнія въ Червоной Руси обыкновенно нѣтъ упоминаній о какихъ-либо повинностяхъ ея временнаго владѣльца, нѣтъ даже упоминаній о военной службѣ, всегда выговоренной въ пожалованіяхъ jure hereditario. Но военная повинность и residencia personalis всегда обозначена въ актахъ записей на имѣнія въ Подоліи.

Любопытной чертой въ исторіи записей являются весьма часто практиковавшіяся прибавки къ прежнимъ записямъ. Такія прибавки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ нашимъ вторымъ, третьимъ и т. д. закладнымъ. Желая вознаградить за какія-либо новыя услуги лицо, уже пользующееся землей по записи, король къ прежней записи прибавляетъ новую. Эта финансовая операція представляется на первый взглядъ вовсе невыгодной для пожалованнаго; разъ запись равняется долгу, признанному правительствомъ, то прибавка къ записи какъ будто прямо убыточна для заимодавца — долгъ увеличился, а заимодавецъ пользуется тѣмъ же имѣніемъ, слѣдовательно съ увеличившагося долга получаетъ прежній процентъ (для правительства это точно особый видъ конверсіи долга). Хотя имѣніе, отданное въ пользованіе по записи, всегда превышало своею цѣнностью сумму записи (это видно ясно изъ того, что имѣнія съ многими разновременными записями весьма часто продавались за общую сумму всѣхъ записей, и покупщикъ, конечно, еще не былъ въ накладѣ), и, съ другой стороны, цѣнность земли съ теченіемъ времени и по мѣрѣ привлеченія къ ней поселенцевъ, расширявшихъ ея обработку, а слѣдовательно и доходы, увеличивалась, однако этими обстоятельствами не можетъ объясняться прибавка къ записямъ тѣмъ болѣе, что такая прибавка часто дѣлалась по просьбѣ

самого пожалованнаго[1]), которому, казалось, была бы гораздо выгоднѣе запись на другомъ королевскомъ имѣніи. Существовалъ однако цѣлый рядъ причинъ, почему получившему въ пользованіе имѣніе было выгоднѣе соединеніе нѣсколькихъ записей на одномъ имѣніи, чѣмъ переводъ каждой на новое.

При тогдашнихъ условіяхъ земля сама по себѣ имѣла немного цѣнности: только заселенное несвободнымъ или платившимъ извѣстныя платы и повинности свободнымъ населеніемъ имѣніе представляло болѣе или менѣе значительную цѣнность. Поэтому только устроенный и хорошо колонизованный участокъ представлялъ реальную стоимость, земля же необработанная и незаселенная, пустошь — только проблематическую; требовались не малыя предварительныя хлопоты и издержки для полученія доходовъ съ имѣнія. Притомъ новые поселенцы получали обыкновенно *волю,* т.-е. освобожденіе отъ всякихъ платъ и повинностей на довольно значительный промежутокъ времени. Между тѣмъ, раздача заселенныхъ участковъ вовсе не была въ интересахъ правительства; послѣднее раздавало преимущественно пустоши, loca deserta, гдѣ еще предстояло завести поселеніе: на defectus hominum in terra Russiae постоянно жалуются польскіе короли и стараются всѣми средствами привлечь сюда колонистовъ, какъ изъ шляхтичей — силу боевую, такъ и изъ крестьянъ — силу рабочую.

Получивъ участокъ, созвавъ сюда населеніе, устроивъ солтыство, шляхтичъ или солтысъ по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ начиналъ наконецъ получать доходы съ своего участка, но оставался всегда подъ опасеніемъ возможности потерять его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и награду за свои труды и старанія. Правительство всегда имѣло право (если не было какихъ-либо особыхъ условій, напримѣръ, отдачи въ пожизненное поль-

---

[1]) Иногда въ промежуткахъ, столь близкихъ по времени, что вышеприведенныя соображенія, очевидно, не могли играть въ нихъ никакой роли.

Въ 1477 король записываетъ 200 гр. Рафаилу de Jaroslaw на имѣніи Dankowize, но такъ какъ это имѣніе было отдано раньше Перемышльской капитулѣ, то запись переводится на гор. Лежайскъ, находящійся уже въ пользованіи Рафаила, (Prochaska, Mat. № 196).

То же самое соображеніе имѣло мѣсто и по отношенію къ королю: послѣдній, если желалъ вернуть себѣ участокъ, записанный шляхтичу, долженъ былъ уплатить послѣднему общую сумму всѣхъ записей. cf. актъ 1505 г., въ которомъ король дозволяетъ Львовской капитулѣ выкупить имѣніе Черкассы въ Львовской землѣ у ея державцевъ, хотя на этомъ имѣніи были записи, превышающія стоимость его (Лит. м. IV В., p. 331).

зованіе) выкупить имѣніе за цѣну на немъ записанную. Такой выкупъ представлялъ часто большую выгоду, ибо запись давалась на бездоходную пустошь, а теперь за ту же цѣну пріобрѣталось устроенное и доходное имѣніе. Правда, правительство первое время рѣдко прибѣгало къ такимъ выкупамъ, можетъ быть, по недостатку денегъ, или вслѣдствіе сознанія неприличія подобной операціи. Однако, если не правительство, то сосѣдъ, хорошо знающій обстоятельства смежнаго имѣнія и довольно безцеремонный въ средствахъ обогащенія, могъ предложить правительству сумму записи и просить перевода имѣнія на свое имя за уплатой первому владѣльцу записанной на имѣніи суммы — операція по внѣшнему виду вполнѣ легальная, хотя по существу настоящее мошенничество. Возможно было нерѣдко, конечно, что задолжавшій кому-либо владѣлецъ имѣнія по записи былъ вынужденъ согласиться на подобную операцію.

Являлась такимъ образомъ необходимость обезопасить имѣніе отъ подобной непріятной возможности. Застраховать имѣніе отъ подобныхъ случайностей можно было двумя путями, — обращеніемъ его въ полную собственность (переходъ въ jus hereditarium) и прибавками къ прежней записи на имѣніе новыхъ суммъ. Очевидно, мѣтившимъ на чужое имѣніе была выгодна операція перевода записи только въ томъ случаѣ, когда цѣнность имѣнія въ нѣсколько разъ превышала сумму записи — за грошъ пріобрѣтался рубль; поэтому, задачей владѣльца стала забота сдѣлать подобную операцію невыгодной, а это достигалось увеличеніемъ первоначальной суммы записи до эквивалента стоимости имѣнія или до размѣровъ, его превышающихъ въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ особенно дорожилъ своимъ имѣніемъ. Въ подобномъ случаѣ владѣлецъ съ выкупомъ ничего не терялъ, могъ даже и выиграть.

Такими соображеніями, кажется намъ, слѣдуетъ объяснить столь частыя прибавки къ записямъ на имѣнія.

Одной изъ частныхъ формъ записей была такъ называемая intercessio, родъ поручительства третьяго лица за чей-нибудь долгъ съ обезпеченіемъ его записью на своемъ имѣніи, при чемъ поручитель, или правильнѣе принимавшій на себя этотъ долгъ (король) записывалъ его на имѣніи, находившемся уже по прежнимъ записямъ въ пользованіи заимодавца[1]). Въ числѣ разныхъ

[1]) Prochaska, Mat. arch. № 171. Король заступаетъ долгъ своего дворянина, Андрея Олешницкаго, Спытку de Iaroslaw и записываетъ его на гор. Лежайскѣ, уже находящемся въ пользованіи Спытка по прежнимъ записямъ.

частныхъ случаевъ подобныхъ интерцессій встрѣчаемъ, напр., слѣдующую сложную сдѣлку: нѣкій Индришко de Bobrek занялъ у Петра Одрованжа, львовскаго воеводы, 200 венгерскихъ флориновъ, кромѣ того, тотъ же Одрованжъ по просьбѣ короля занялъ 100 венг. фл. нѣкоему Коритану. Но Петръ Одрованжъ въ свою очередь долженъ 300 венг. фл. своему родственнику Добеславу. Поэтому король записываетъ весь долгъ въ 300 фл. Добеславу на имѣніяхъ, отданныхъ въ пожизненное пользованіе Петру Одрованжу. Добеславъ будетъ пользоваться имѣніями до смерти Петра Одрованжа, а послѣ его смерти до выплаты ему королемъ 300 фл.[1]).

Не трудно замѣтить, что сдѣлка эта чисто фиктивная. Петръ Одрованжъ получилъ имѣнія только пожизненно, слѣдовательно, по смерти его они переходили successione vera et legitima къ королю. Желаніе удержать эти имѣнія въ своемъ родѣ заставляетъ Петра Одрованжа выдать своему родственнику фиктивный вексель на 300 фл. и просить короля записать этотъ долгъ, на пожалованныхъ ему, Петру, пожизненно имѣніяхъ. Что это долгъ фиктивный, доказываетъ другой актъ[2]), въ которомъ король отдаетъ эти имѣнія тому же Добеславу въ *пожизненное* пользованіе, записывая на нихъ только 150 фл., слѣдовательно Добеславъ отказывался отъ 150 фл. за право владѣть имѣніями пожизненно.

Запись на имѣніе дѣлалась очень часто по просьбѣ и указанію жалуемаго, — послѣдній или просилъ сдѣлать запись на имѣніи, которымъ уже пользовался, или самъ указывалъ имѣніе, на которое желалъ получить запись. Въ королевской канцеляріи, видимо, не особенно тщательно велись списки записей, такъ какъ нерѣдко были случаи недоразумѣній. Какое-нибудь лицо получаетъ, напр., запись на имѣніе, а на послѣднее предъявляютъ jura propinquitatis наслѣдники лица, имѣвшаго на немъ запись[3]); или же дѣлается запись на какомъ-либо имѣніи, а оно оказывается пожалованнымъ раньше третьему лицу[4]) и т. п.

Встрѣчаемъ запись долга на замкахъ, но безъ права судить населеніе, взимать exaccio съ крестьянъ шляхетскихъ имѣній, а только съ населенія замковыхъ имѣній[5]).

[1]) Prochaska., № 124.
[2]) Ib., № 154.
[3]) Proch., № 105.
[4]) Ibid , № 196.
[5]) Ibid., № 137.

Путемъ пожалованій, записей (въ реальныхъ и фиктивныхъ долгахъ), всевозможными финансовыми оборотами, покупкой, принятіемъ въ залогъ за долги и т. п., отдѣльныя болѣе ловкія и оборотливыя лица успѣвали соединять въ своихъ рукахъ огромныя земельныя богатства и держали въ экономической зависимости цѣлый край. Самыми замѣтными представителями подобнаго рода дѣятелей являются Одроважи, десятки лѣтъ ворочавшіе всей Червоною Русью. Несмотря на массу злоупотребленій этихъ вице-королей Руси, постоянныя жалобы населенія, короли не могли долго справиться съ этими магнатами, ибо и сами находились отъ нихъ въ экономической зависимости, заложили имъ, за огромную по тому времени сумму, 20 тысячъ гривенъ, важнѣйшіе изъ червоно-русскихъ замковъ. Населеніе, измученное ненасытнымъ къ наживѣ родомъ, само пришло на помощь королю и сложилось для выкупа замковъ изъ ихъ рукъ[1]).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію судьбы древнихъ *русскихъ* землевладѣльцевъ и постараемся, насколько возможно, отмѣтить тѣ измѣненія, которыя внесло въ ихъ положеніе новое владычество.

Основныя черты русскаго государственнаго права княжескаго періода существенно отличались отъ основаній государственнаго устройства древней Польши. Отличія эти выступаютъ особенно рѣзко въ вопросѣ о правѣ на земельную собственность.

Древне-русскій князь не былъ верховнымъ собственникомъ всей территоріи своего княженія. Главная масса поземельной собственности на Руси состояла во владѣніи городскихъ и сельскихъ общинъ. Но на ряду съ общинной поземельной собственностью рано появляется (хотя, быть можетъ, пока и въ ограниченныхъ размѣрахъ) частная земельная собственность. Могла она произойти и путемъ уступки общинами тянувшихъ къ нимъ земель въ личное пользованіе или владѣніе, или путемъ обработки частнымъ лицомъ земель пустопорожнихъ, на которыя никакія общины не предъявляли своихъ правъ.

Князь древне-русскій является намъ въ качествѣ землевладѣльца на ряду съ другими частными землевладѣльцами. Землей въ *собственность* князь владѣетъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и другіе отдѣльные землевладѣльцы. *Личной* княжеской собствен-

---

1) О злоупотребленіяхъ Одроважей см. весьма интересную статью А. Прохаски, Konfederacya lwowska r. 1464, Kwart. Hist. 1892, IV.

ностью являются тѣ земли, которыя онъ пріобрѣлъ у общинъ или отдѣльныхъ лицъ, заселилъ и обработалъ *своими* людьми — въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, рабами. Владѣетъ князь и городами, какъ личной собственностью, но только основанными на его личныя средства, заселенными его собственной челядью. Доказательствъ вышеприведенныхъ положеній имѣемъ нѣсколько.

Подъ 996 г. въ лѣтописи приводится разсказъ о построеніи Владиміромъ Святымъ Богородичной (Десятинной) церкви въ Кіевѣ и помолившуюся ему и рекъ сице: „се даю церкви сей святѣй Богородицѣ отъ *имѣнія своего* и отъ *моихъ градъ десятую часть*[1]“. Едва ли возможно, какъ замѣтилъ уже Е. Е. Голубинскій, чтобы Владиміръ подарилъ десятинной церкви десятый городъ по всей Руси[2]). Между тѣмъ десятинная церковь несомнѣнно владѣла цѣлыми городами — подъ 1172 г. въ лѣтописи находится разсказъ о набѣгѣ половцевъ на Кіевскую землю: „ѣхаша за Кыевъ воевать и пріѣхаша къ Полоному къ святѣй Богородицѣ *къ граду десятинному* и къ сѣмьчю и възяша села безъ учьта, съ людми и с мужи и съ женами и конѣ и скоты и овьцѣ погнаша въ половьцѣ“[3]).

Мы думаемъ, что Владиміръ подарилъ десятинной церкви десятую часть *лично* ему принадлежавшихъ селъ и городовъ, заселенныхъ его челядью. На эту мысль между прочимъ, наводитъ и самое названіе десятиннаго города, *Полоное,* едва ли не намекающее на происхожденіе города — заселеннаго княжескимъ *полономъ,* плѣнными рабами[4]).

Подъ 1158 г. лѣтопись передаетъ подробности о смерти вдовы князя Глѣба Всеславича, дочери Ярополка Изяславича. Лѣтописецъ указываетъ на особенную любовь престарѣлой княгини (умерла 84 лѣтъ, провдовствовавъ 40 лѣтъ) и ея отца къ Печерскому монастырю. Ярополкъ отдалъ знаменитой обители *всю жизнь свою* (т.-е. все свое имѣніе), Небльскую волость, Дервьскую, Лучьскую и около Кіева, Глѣбъ же вда въ животѣ своемъ, съ княгинею, 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по княжи животѣ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ

---

[1]) Ип. 85.

[2]) Ист. русск. Церкви.

[3]) Ип. 380.

[4]) Половинхъ было нѣсколько въ Кіевской и Волынской земляхъ (см. Барсовъ, Матер. для историко-геогр. словаря Россіи, р. 164). Для огражденія своихъ границъ отъ набѣговъ кочевниковъ Ярославъ строитъ города по Рси и населяетъ ихъ плѣнными ляхами (Ип. 205, Ярославъ и Мьстиславъ повоеваста лядьскую землю, и многы

золота; а по своемъ животѣ вда княгини *5 селъ и съ челядью*, и все да и до повоя“ [1]).

Это лѣтописное мѣсто имѣетъ для насъ большую важность: Ярополкъ Изяславичъ княжилъ во Владимірской землѣ (тамъ онъ и погибъ отъ руки убійцы, на дорогѣ изъ Владиміра въ Звенигородъ)[2]). Между тѣмъ, волынскій князь даритъ Печерскому монастырю имѣніе *возлѣ Кіева*, очевидно, свою личную собственность, свое село, имъ устроенное и заселенное его челядью. Такимъ образомъ, еще въ княжескую эпоху князь одной земли могъ имѣть личную земельную собственность въ другомъ княженіи. Дочь Ярополка владѣетъ пятью селами, заселенными ея челядью — это, вѣроятно, ея наслѣдство послѣ отца. Ярополкъ же могъ получить принадлежавшія ему лично села отъ отца, Изяслава Ярославича.

Итакъ, древне-русскій князь владѣетъ личной поземельной собственностью и вполнѣ отграниченной отъ собственности государственной, и только этой цервой можетъ безусловно распоряжаться. Поэтому, напр., мы ни разу не встрѣчаемъ въ княжескій періодъ отдачи въ приданое за русской княжной государственной земельной собственности (города, части княженія): распоряжаться общинной собственностью, какъ своей, русскій князь не имѣлъ права[3]). Но, какъ видно изъ приведеннаго случая, князь могъ передать дочери свою *личную* земельную собственность, свои села, заселенныя его рабами.

Въ качествѣ личной собственности князь могъ владѣть не только селами, но и городами, имъ построенными и его рабами заселенными.

Къ числу такихъ городовъ, вѣроятно, принадлежали подаренные Владиміромъ десятинной церкви.

Что такъ же было и въ Галицкой и Волынской землѣ, ясно видно изъ драгоцѣннаго памятника конца XIII в., завѣщанія волынскаго князя Владиміра Васильковича. Умирающій князь передаетъ всю

ляхы приведоста, и раздѣлиста я, и посади Ярославъ своя по Рси, и суть до сего дне. — Въ лѣто 6540 Ярославъ почя ставити городы по Рсі). О дѣятельности Владиміра Св. по построеніи городовъ см. статью *М. Н. Бережкова*, Святый Владимиръ — строитель городовъ. Чтен. въ историч. общ. лѣтописца Нестора, кн. II Кіевъ 1888. О судьбѣ плѣнныхъ — *Лохвицкаго*, О плѣнныхъ по русскому праву.

[1]) Ип. 338. Лѣтопись не говоритъ здѣсь о *городахъ* Неблѣ и Луцкѣ, вѣроятно дѣло идетъ о какихъ-нибудь княжескихъ селахъ въ землѣ Волынской, ибо невозможно, чтобы Ярополкъ отдалъ Печерскому монастырю такіе города, какъ Луцкъ и Небль.

[2]) Ип. 144.

[3]) См. наше изслѣдованіе. Взаимныя отношенія Руси и Польши, гл. II.

свою землю и города вмѣстѣ съ стольнымъ городомъ Владиміромъ двоюродному брату Мстиславу Даніиловичу, женѣ же своей онъ завѣщаетъ „*городъ свой* Кобрынь и с людми и з данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей. Иже далъ есмь ей *село свое* городелъ, и с мытомъ, а людье како то на мя страдалѣ, тако и на княгиню мою по моемъ животѣ; аже будетъ князю городъ рубити, и ни к городу, а побором и тотарщиною ко князю. А Садовое и Сомино же далъ есмь княгинѣ своей, и монастырь свой Апостолы же создахъ и своею силою. А *село есмь купилъ* Березовичѣ у Юрьевича у Давыдовича Фодорка, а далъ есмь на немь 50 гривенъ кунъ, 5 локоть скорлата, да бронѣ дощатые; а тое село далъ есмь ко Апостоломъ же“ [1]).

Такимъ образомъ, изъ этого акта мы видимъ, что волынскій князь передаетъ свое *княженіе* (съ согласія татаръ „при царѣхъ и его рядцяхъ“ [2]), двоюродному брату. *Личную* же свою собственность, состоящую въ городѣ и селахъ (какъ кажется, заселенныхъ его челядью) завѣщаетъ женѣ. Въ актѣ указанъ и одинъ изъ способовъ пріобрѣтеній личной собственности — покупка.

Существованіе частной поземельной собственности въ галицкой Руси княжескаго періода доказывается многими фактами. Бояре XIII в. владѣютъ вотчинными селами и свободно ими распоряжаются (продаютъ). Бояре и разные классы свободныхъ людей владѣютъ землей, какъ на правахъ полной собственности, такъ и на правахъ пользованія (держаніе).

Какимъ путемъ создавалась здѣсь земельная собственность? По всей вѣроятности, путемъ „займанщины“ [3], обработкойпустопорожнихъ земель, путемъ пріобрѣтенія земли у общинъ и путемъ княжескаго пожалованія.

Послѣдній способъ пріобрѣтенія можетъ возбуждать нѣкоторыя недоумѣнія и какъ бы стоитъ въ противорѣчіи съ выше нами высказаннымъ положеніемъ объ отсутствіи у князя вотчиннаго права на всю территорію княженія. Какимъ образомъ князь могъ пожаловать боярину или кому другому то, что ему не принадлежало на правахъ собственности?

---

[1]) Ив. 595.

[2]) Ib. 611.

[3]) О займанщинѣ въ юго-западной Руси писано не мало въ послѣднее время гг. Лучицкимъ, Багалѣемъ, Гуровымъ, Шимановымъ, Ковалевскимъ. См. интересную статью послѣдняго: трудъ, какъ источникъ права собственности на землю въ Малороссіи и на Украйнѣ. Юридич. Вѣстн. 1892, май — іюнь, гдѣ приведена и литература (не совсѣмъ полная) вопроса.

Противорѣчіе это отчасти разрѣшается давно уже указаннымъ нашими изслѣдователями древне-русскаго права фактомъ смѣшенія государственнаго права съ правомъ частнымъ въ нашей жизни княжескаго періода. Съ другой стороны, есть основаніе предполагать, что общинными землями считались лишь тѣ, на которыхъ былъ какой-нибудь слѣдъ экономической дѣятельности общины[1]).

При слабой населенности тогдашней Руси несомнѣнно существовала огромная масса земель пустопорожнихъ, общиною не экономизированныхъ. Такія земли должны были считаться „Божьими да княжескими“ (государственными)[2]). Такія пустопорожнія земли князья могли раздавать частнымъ лицамъ на правахъ полной собственности, а тѣ заселяли ихъ своими рабами или перезывали населеніе другихъ поселеній, сманивая его „волею“, освобожденіемъ отъ повинностей на извѣстное число лѣтъ.

Можетъ князь пожаловать и землю съ поселенными на ней *несвободными* людьми, рабами и плѣнными[3]).

Наконецъ князь, при существовавшемъ въ древнее время смѣшеніи права государственнаго съ частнымъ, могъ отдавать частному лицу и участки, заселенные свободными землевладѣльцами; но въ данномъ случаѣ отдавалась въ собственность не земля и на ней поселенные люди, а только право на доходъ, шедшій князю съ населенія (дань, поборы, вины, головничество). Населеніе такихъ участковъ не закрѣпощалось, земля оставалась во владѣніи членовъ общины, хотя конечно такимъ путемъ открывался широкій просторъ злоупотребленіямъ „державцевъ“.

Вслѣдствіе разныхъ способовъ пріобрѣтенія частными лицами земельной собственности и права на ея владѣніе доказывались неодинаково: владѣвшіе землею по княжескому пожалованію имѣли на это княжескія грамоты. Пріобрѣвшіе землю покупкой имѣли (хотя, быть можетъ, вслѣдствіе слабаго еще развитія грамотности далеко не всегда) купчія на свои земли.

Однако, значительная часть землевладѣльцевъ (особенно мелкихъ), поселившихся на общинныхъ земляхъ по словесному съ

1) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, помѣстья въ Лит. Государствѣ, р. 5.

2) Ср. выраженія Мстислава Давіиловича — на жалобу Владиміра Василькевича, что Мстиславъ еще при жизни Владиміра раздаетъ его города и села боярамъ, Мстиславъ отвѣчаетъ «господине, рци, брате, *земля Божия и твоя*, и *городи твои*» (пп. 593).

3) Ср. актъ князя Льва (Akta gr. т. I, № 4). А се я князь Левъ вызвали есмо с литовскоѣ землѣ два братѣньца Тутеня и Монтсѣка. Дал есми ѣма от перемыскоѣ волости село добаневичь *исъ землею*, со оусѣми поборы ис винами ис головничьством и серпомъ и с косою и с млином со оусѣми оужитки какъ есмы сам держал».

общиной договору, далѣе лица, утвердившіяся „займанщиной“ на пустопорожнихъ участкахъ, наконецъ, пріобрѣвшія землю покупкою, но не утвердившія ее письменными актами, не имѣли никакихъ фактическихъ доказательствъ своихъ правъ на находившуюся въ ихъ владѣніи землю; результаты такой формальной незащищенности земельнаго владѣнія весьма невыгодно отразились на судьбѣ русскихъ землевладѣльцевъ при переходѣ Червоной Руси подъ власть Польши.

Собственникомъ всей земельной территоріи Червоной Руси теперь становится король. Она принадлежитъ ему въ силу завоеванія. Король распоряжается здѣсь земельной собственностью, какъ верховный собственникъ, раздавая на разныхъ условіяхъ земельные участки частнымъ лицамъ.

Спрашивается, однако, въ какія отношенія сталъ король къ той массѣ русскихъ землевладѣльцевъ, которыхъ онъ здѣсь засталъ?

Общій секвестръ земельнаго имущества не могъ быть въ интересахъ короля: въ продолженіе почти всей второй половины XIV в. изъ-за обладанія Червоной Русью шла упорная борьба между захватившей эту богатую русскую область Польшей и другими претендентами — Литвою, Угріей. Возстановлять противъ своего господства мѣстное населеніе, къ внѣшнимъ затрудненіямъ прибавлять внутреннія волненія, которыя были бы, несомнѣнно, вызваны такой крутой мѣрой, вовсе не входило въ интересы короля. Мы видимъ, наоборотъ, заботы короля привлечь къ себѣ населеніе милостями и льготами. Города получаютъ нѣмецкое право, т.-е. самоуправленіе, надѣляются землей, жалуются торговыми льготами; король старается сблизиться съ высшими классами населенія Червоной Руси, приглашаетъ ихъ въ свой совѣтъ во время объѣздовъ по новопріобрѣтенной землѣ, подтверждаетъ ихъ староземельныя пожалованія, надѣляетъ новыми. Таковы подтвержденія грамотъ Льва Ходку Быбельскому[1]), Ходку Матутейовичу[2]) Матвѣю Калдофовичу (подтверждается купчая грамота, утвержденная княземъ Львомъ)[3]).

[1]) Akta gr. I, № 5.

[2]) Mon. medii aevi res. g. pol. ill., т. X, № 737.

[3]) Ib. № 743. Отмѣтимъ здѣсь всѣ извѣстныя намъ грамоты Льва.

Akta gr I., № 4, жалованная грамота князя Льва литовскимъ выходцамъ Тутеню и Монтсѣку на с. Добанѣвичи Перем. волости «со оусѣми поборы ис винами ис головництвом и серпом и с косою и с млином со оусѣми оужитки, какъ есмы сам держал.

Лит. Метр. IV B. 9, л. 112 об. Ecce ego Dux Leo dedi servitori meo Kunath militi duas villas in districtu Premisliensi, vct. Rythorowicze et Rogossno. Cum omni iure, cum capitalibus paenis et mericis et cum omnibus pratis, cum sylwa Radossow,

Такимъ образомъ лица, имѣвшія документальныя доказательства своихъ правъ на земельныя владѣнія получали легко отъ

---

pascuis aut zyrem, et dedi eidem perpetuo, et nullus se in hoc se (sic) intromittat. At quis se in verbum meum intromiserit, iudicium nu (?) fiet coram Deo (въ подтвержденіи 1470 г. На слѣды этой грамоты указывалъ. А. Петрушевичъ, Гал. Ист. Сборникъ, II, p. 86. Ср. Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея, p. 116.

Лит. Метр. IV B. 9, л. 309. Sig. Aug. Sign. etc. Exhibitas esse nobis litteras pargameneas Illris Leonis Ducis Russiae titulo et sigillo eius dentali (?) solito munitas nec corruptas, nec aliqua in parte suspectas, donationem villarum Hordynie et Dorozewo in Districtu Samboriensi sittarum in continen. (?) Rutheno idiomate scriptas, quae quidem litterae polonice redditae sic habent: Ja knyasz Lew wezwali iesmo z Litewskoe zyemly Stephana Lizda, y dali esmo iemu w Samborskioi volosthy selo Hordunye, a druhoie Dorazowa ze wssymi wsithy y ziemlyeiu y syenoziathmy, y z dubrowamy, y z liessamy, z borcmi, s soczem, z rekamy, zo mlynom, zo ziczem, z potoky, z kryniczamy, z wyniamy, y zo wsemy prawy, tak jako iessmi ssamy dzierzely, tak dali esmo yemu na wyeky, y nye nadobie sie w toje nykomu wstupowaty. A kto ssie wstupith, ząd budziecz s nym pyered Bogem (въ подтв. 1557 г.).

Лит. Метр. IV B. 9, p. 310. Подтв. 1556 г. грамоты Льва (начало подтвержденія дословно съ предыдущей грамотой). Ja w Bodze Lew xyaze pan (sic) Russkyei ziemye, dalem Kolczicze sludze swemu Melenthyowi Thurkowyczowy w Samborskyei wloszczy syelo Kolczicze ze wsithkyemi pozythki iakossmy sami trzimaly, s polmy y z łąkamy y z dąbrowamy, i z lyassi y z zyri y z barcziamy y s siczia, y dalissmy mu na wyeky wyeczne, potomkom iego. A kto by chczyal zlamacz nasse listhy, sand bedzie myal s nyem przed Bogiem (о подтвержденіи просятъ nobiles Романъ, Юрко, Ѣелько Тарасовичъ, Темко, Хома, Илько Колчицкіе).

О. Ант. Петрушевичъ (Гал. Ист. Сб. т. II, p. 84) приводитъ 10 подложныхъ грамотъ Льва: 1) Крилосской Успенской церкви, 2) монастырю св. Николая на 2 нивы въ с. Башевѣ, 3) Сеньку Татариновичу на имѣнія въ Самб. землѣ, 4) львовскимъ доминиканцамъ, 5) боярину Нерунову на с. Страшевичи, 6) монастырю св. Спаса на с. Страшевичи и монастырь Созанскій, 7) ему же на имѣніе при монастырѣ съ освобожденіемъ его отъ всякихъ повинностей, 8) церкви св. Николая на имѣніе, 9) владыкѣ Антонію на Лавровъ монастырь, 10) епископіи Перемышльской на с. Рушевичи. Кромѣ того о. А. Петрушевичъ указываетъ на слѣды грамоты Льва на имѣніе Ритаровичи (эту грамоту мы привели выше) и Холмскому собору на с. Покровку. Приведенныя уважаемымъ ученымъ доказательства подложности этихъ грамотъ вполнѣ убѣдительны.

Однако, кромѣ приведенныхъ нами грамотъ, существуетъ цѣлый рядъ указаній на грамоты Льва и Юрія, начиная съ XIV в.

1361 г. Казиміръ подтверждаетъ Ходку Быбельскому «князя Львовы листы и инныхъ старыхъ князи листы. (Akta gr. I, № 5).

1352. Тотъ же король подтверждаетъ дѣтямъ львовскаго войта Матвѣя пожалованіе ихъ дѣду Бертольду «per magn. principem felicis recordacionis dictum Leonem Ducem Russiae. (A. gr. II, № 1).

1469. Казиміръ Ягеллончакъ подтверждаетъ Шептицкимъ владѣніе им. Шептицы и Онуфріевымъ монастыремъ въ Самборской землѣ «juxta litteram praeclari principis domini Leonis ducis Russiae praedecessoribus eorum datam et concessam». (A. gr. VI, № 92).

королей подтвержденія своихъ владѣльческихъ правъ. Однако, какъ мы высказали выше, весьма многіе владѣльцы не были

1422 г. Староста самборскій разграничиваетъ имѣнія Перемышльскаго епископства отъ Стрѣлковичей. Владыка заявляетъ при этомъ: Милии панове! то есть црквнаіа земліа стго спса — по Лисичий бродъ и за кніазіа Юрьіа и за иныхъ многихъ державець (A. gr. VII, № 35).

При Сигизмундѣ I перем. владыка проситъ короля подтвердить грамоты Льва Перемышльской епископіи, сгорѣвшія во время пожара (A. gr. VII, p. 52).

1360 г. Казимиръ подтверждаетъ nobili Chodkowi Mathuteiowicz de chlopczycze «literam privilegialem sibi et successoribus legitimis a inclito principe duce Leone nostro predecessore charissimo super villam chlopczycze dictam et datam, quam literam ipse Chodko aspectui maiestatis nostre obtulit... (Kodeks dyplom. Malop. III, № 737).

1361 г. Казимиръ подтверждаетъ Матвѣю Кальдофовичу «priwilegium quod habuit illustrissimi principis Leonis ducis Russie super emptionem villarum, puta Boratyno et Dobkowycze (ib. № 743)

1403 г. Ягелло подтверждаетъ nobili Hywanko Kaplycz de Nahorcze грамоту Льва на им. Нагорцы въ Жидач. землѣ: quomodo nob. H. K. ...jura ducis Leonis felicis memorie praedecessoris nostri coram nobis demonstravit et produxit... (Prochaska, Mat. archiwalne, № 19).

1415 г. Ягелло утверждаетъ за попомъ Михаиломъ Терлецкимъ владѣніе имѣніями церкви Рождества пресв. Богородицы, «а также оставляемъ его іако за князя Льва были, за русскихъ княжатъ, а то не имаеть николи нарушено быти на веки вѣчныи (Головацкій, Пам. диплом. языки въ др. Гал. волод. кн. p. 65).

Укажемъ еще на 2 несомнѣнно подложныя грамоты Льва: 1) монастырю Петра и Павла (Лит. Метр. IV B. 22 л. 418 об.) и 2) епископству Перемышльскому (Лит. Метр. IV, B. 9, л. 15).

3 грамоты (подложныхъ) Перемышльской епископіи находятся въ архивѣ Перемышльской греко-уніатской Капитулы. (Hauser, Monografysa. miasta Przemyslu, см. нашу статью, Архивы въ Галиціи, Кіевская Старина 1888 г. № 10).

Подложная грамота Шептицкимъ напечатана въ Annales ecclesiae Ruthen. Гарасѣвича, p. 146.

Грамота Льва церкви св. Николая — въ Львовскомъ Бернардинскомъ архивѣ.

Грамоты — боярину Неронову и монастырю въ Страшовицахъ въ Варшавскомъ Центральномъ архивѣ.

Въ Dod. do Gaz. Lw. 1859 г. напечатанъ актъ мѣны Созанскаго монастыря на им. Яриловцы «cum munimentis et privilegiis ducum Russiae praedecessorum nostrorum.

Cod. dipl. Pol. I, p. 209 границы гор. Рѣшова: Secundum quod antiquitus per serenissimos duces Russiae exstitit limitatum.

Dod. do Gaz. Lw. 1857 г. разграниченіе Васютина «поколя ему (Кондрату) князь Левъ оуѣхалъ» (въ указанномъ изданіи грамота (отъ 1401 г.) напечатана латинскими литерами; мы имѣемъ копію съ оригинала, хранящагося въ библіотекѣ Павликовскагово Львовѣ).

См. еще Востоковъ, Опис. рукописей Румянц. музея p. 114—116 и Карамзинъ, ист. Госуд. Росс. IV, пр. 203, Anta gr. I, p. 96.

Изъ перечисленныхъ нами грамотъ Льва ни одна не дошла до насъ въ подлинникѣ, притомъ только первыя три изъ нами перечисленныхъ могутъ быть признанными неподложными; подложность остальныхъ бьетъ ярко въ глаза (въ одной — грамотѣ Шептицкимъ упоминаются даже полковники) и притомъ указываетъ на одну и ту же фабрику (въ большинствѣ грамотъ одни и тѣ же свидѣтели, иногда указанъ одинъ и

въ состояніи документально защищать свои владѣльческія права на томъ основаніи, что владѣли землей безъ всякихъ оправдательныхъ документовъ.

Спрашивается, какова была судьба такихъ необезпеченныхъ юридическими документами владѣній?

Есть основанія предполагать, что и къ такимъ необезпеченнымъ юридически въ своихъ правахъ владѣльцамъ польское правительство отнеслось милостиво на первыхъ порахъ, оставивъ ихъ при владѣніи родовыми и пріобрѣтенными участками. Если въ срединѣ XV в. еще существовало не мало русскихъ землевладѣльцевъ, доказывавшихъ и выигрывавшихъ на судѣ свои права на земельное имущество одною только давностью (когда условія землевладѣнія для русской шляхты значительно измѣнились къ худшему), то нужно думать, что въ XIV в. давность владѣнія, подтвержденная свидѣтельствомъ „сусѣдей — околичныхъ", могла служить достаточнымъ, въ глазахъ правительства.

тотъ же день и годъ, хотя грамоты и помѣчены разными мѣстностями). Повидимому большинство подлоговъ было сдѣлано въ срединѣ XVI в. При ревизіи правъ на владѣніе земельными имуществами ревизоры 1565 г. замѣчаютъ относительно подобныхъ документовъ: confirmatia listhu Leonis Ducis opisania granicz isz iescze nigdi byla similis около listow Leonis Ducis y ynnich książąth Ruskich, iesli mają isz, *poniewasz po nich ziem Ruskich mieczem dostano* — do krola I. M. (Лит. Метр. IV В., 8, л. 98 об.). Дѣло объ утвержденіи старыхъ привилегій Льва и Свидригайла поднималось не разъ на сеймахъ XVI в. (Vol. leg. II, p. 47 — tez i kognicya około listow Swidrygala, Lwa y innych xiązat: okolo ktorych listow na przeszlym Seymie Warszawskim przy rewizyi nieiaka rożnica była, a tu sie na ten Seym odłożyla: do drugiego blisko przyszlego Seymu koronnego odkładamy). На Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. однако рѣшено было утвердить эти спорныя грамоты и оставить владѣвшихъ на основаніи этихъ документовъ земельными имуществами при ихъ владѣніи (ib. p. 65. A w dalszym teyże konstytucyi przeglądaniu o sądzeniu starych listow Lwa, Swidrygała y innych xiązat, ktorych kognicya na ten Seym była odłożona, tak cum ordinibus Regni należliśmi: iz ktożkolwiek za listy temi iest in possessione bonorum quorumcunque, przy niey ma bydź zachowan perpetue et in aevum juxta tenorem earundem litterarum).

То же самое имѣло мѣсто и въ другихъ областяхъ Руси. Въ актѣ привилегіи земли Волынской (Vol. leg. II, p. 80, a. 1569) король обѣщаетъ подтвердить земланамъ всѣ старыя пожалованія литовскихъ князей и польскихъ королей. (A iesliby ktorzy z nych na dobra swe oyczyste y dziedziczne listow niemieli, a bez listow onych dobr spokoynie używali, tedi takowe dobra tymze W. X. L. prawem, wedle starego y nowego statutu, iako do tego czasu trzymali, będą dzierżeć wiecznem y czasy: ani ku położeniu y pokazaniu na to listow y przywileiow przed Nami i przed żadnym urzędem naszym żadnym obyczaiem nie mogą, ani maią bydz przymuszani (ib. p. 83). Ссылка на Лит. стат. относится вѣроятно къ Арт. 19, разд. I, kto posiadał dobra za przodkow króla wiecznem prawem, *chocby nie mial* nadań, wiecznie trzymac ma. (Czacki, o polsk i lit. prawach, ed. Turowskiego 1861, p. 211).

не желавшаго возбуждать противъ себя мѣстное населеніе, оправданіемъ владѣльческихъ правъ на землю.

Притомъ для своихъ финансовыхъ и политическихъ цѣлей правительство и помимо имѣній, находившихся во владѣніи частныхъ лицъ, располагало еще огромнымъ количествомъ земельной территоріи, въ составъ которой входили какъ княжескія земли, такъ и имѣнія, конфискованныя у бѣжавшихъ изъ Руси лицъ, не желавшихъ признать новое господство, выморочныя имущества и наконецъ обширные незаселенные участки, пустоши (loca deserta).

На недостатокъ людей (defectus hominum in terra Russiae) въ Червоной Руси часто жалуются короли въ XIV и XV вв. и усиленно стараются колонизовать эту богатую естественными продуктами область, безъ людей представлявшую мертвый капиталъ. Сюда перезываются колонисты нѣмцы, валахи, щедро раздаются земельные участи польской шляхтѣ. Земли было много, пришельцевъ легко было удовлетворить и не тревожа старыхъ русскихъ землевладѣльцевъ.

Съ 30 годовъ XV в. обстоятельства однако измѣнились. Едлинской привилегіей 1430 г. на Руси вводится польское право, а въ 1434 г. русская шляхта Червонной Руси и Подоліи уравнивается въ правахъ съ польской шляхтой.

Въ концѣ XIV в. польская шляхта сложилась уже въ отдѣльное замкнутое сословіе, обладавшее извѣстными привилегіями и правами. Понятіе шляхетства уже совершенно опредѣленное: полный родовитый шляхтичъ (имѣющій — plenum jus militiae) есть лицо привилегированное, владѣющее на правахъ безусловной собственности (jure hereditario) землею, не несущее никакихъ другихъ повинностей, кромѣ военной службы, и притомъ непремѣнно принадлежащее къ какому-нибудь польскому гербу. Доказывалось шляхетство свидѣтельскимъ показаніемъ опредѣленнаго числа шляхтичей изъ рода отца и рода матери и шляхтичами посторонняго рода. Свидѣтели показывали, что данное лицо принадлежитъ къ извѣстному шляхетскому роду. При родовомъ характерѣ польской шляхты возведеніе въ шляхетское достоинство, нобилитація, означало пріемъ нобилизируемаго въ одинъ изъ польскихъ шляхетскихъ родовъ (адоптація). Такъ по Городельской уніи 1413 г. 47 польскихъ шляхетскихъ родовъ принимаютъ въ свою среду (ad fraternitatis et consanguineitatis consortia) литовскую шляхту [1]).

[1]) *Dzialynski*, Zbiór praw litewskich, p. 17. *Piekosinski*, O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu, p. 465.

Отдѣльные боярскіе роды въ Червоной Руси еще въ XIV ст. быть можетъ получили шляхетское достоинство. Общая нобилитація древнерусскихъ боярскихъ родовъ должна была наступить въ эпоху сравненія червонорусской шляхты съ польскою (право нобилитаціи до половины XVI в. принадлежало королю).

Спрашивается однако, какого принципа держалось польское правительство при нобилитаціи, и кто изъ потомковъ русскихъ бояръ былъ принятъ въ число дворянъ польскихъ, какія условія и данныя требовались для полученія шляхетскаго достоинства? Точнаго и опредѣленнаго отвѣта на это ни въ актахъ ни въ современныхъ лѣтописяхъ мы не имѣемъ. Однако къ рѣшенію этого вопроса мы можемъ прійти путемъ нѣкоторыхъ соображеній.

Русскіе бояре, разумѣется, не могли имѣть никакихъ грамотъ на боярство; старое русское боярство не являлось сословіемъ, не было и придворнымъ чиномъ, оно составляло лишь классъ общества, выдававшійся своимъ матеріальнымъ положеніемъ.

Исключительныхъ правъ и привилегій мы у древняго боярства не замѣчаемъ, какъ не замѣчаемъ въ немъ замкнутости, кастическаго устройства. Нобилитаціи поэтому въ польскомъ смыслѣ древняя Русь не знала. Каждое свободное лицо, выдѣлившись своимъ матеріальнымъ положеніемъ или занимавшее важное административное мѣсто выступаетъ уже съ именемъ боярина (боларина, бо̀льшаго человѣка).

Боярство Галицкой Руси, правда, нѣсколько отличается отъ общаго типа древнерусскаго боярства. Примѣръ Польши и Угріи, гдѣ шляхта играла важную роль, мимолетное господство польскихъ и угорскихъ королей въ Червоной Руси, постоянныя тѣсныя сношенія съ польскимъ и угорскимъ правительствами, принимавшими дѣятельное участіе въ галицкихъ смутахъ XIII в., не могли остаться безъ вліянія на тенденціи галицко-русскаго боярства.

Аристократическія тенденціи послѣдняго не подлежатъ сомнѣнію. О Судьичѣ еще въ третьемъ поколѣніи помнятъ, что онъ *попова внукъ*. Бояре стремятся удержать въ своихъ рукахъ управленіе городами и волостями, возстаютъ противъ отдачи въ держаніе или даже откупъ болѣе крупныхъ волостей лицамъ не боярскаго происхожденія. Лѣтописецъ разсказываетъ, что послѣ похода татаръ, когда въ Галицкой землѣ наступили большія нестроенія, галицкіе бояре называли Даніила княземъ, но самовольно распоряжались всей землей, Данiилъ послалъ къ вокняжившемуся боярину Доброславу своего стольника Якова съ укоромъ, что бояре

не исполняютъ его приказаній, и велѣлъ ему раздавать волости галицкимъ, а не черниговскимъ боярамъ, а соляныя копи въ Коломыѣ оставить въ его собственное распоряженіе. Въ то время, когда Яковъ передавалъ Доброславу приказаніе князи, къ „вокняжившемуся“ боярину подошли два беззаконника отъ племени смердья, Лазарь Домажиречъ и Иворъ Молибожичъ и поклонились ему до земли. На вопросъ Якова, что значатъ эти поклоны, Доброславъ отвѣтилъ: „я отдалъ имъ (вѣроятно на откупъ) Коломыю“. „Какъ осмѣлился ты безъ княжескаго повелѣнія отдать Коломыю, которую князья оставляютъ себѣ на содержаніе оружниковъ? Вѣдь эти люди *не достойны держать даже Вотьнина*“ (небольшое село). На это Доброславъ усмѣхнулся, сказалъ: „то что могу же глаголати“ [1]).

Приведенные факты, равно какъ многіе другіе, доказываютъ если не стремленіе галицкаго боярства замкнуться въ отдѣльное сословіе (и польская шляхта до конца XIV в. еще не составляла вполнѣ замкнутаго сословія), то во всякомъ случаѣ указываютъ на его несомнѣнную тенденцію провести грань между классомъ боярства и другими свободными классами [2]).

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что понятіе боярства, знатности, было въ Галицкой Руси болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ Руси. Если юридически привилегіи галицкаго боярства и не были оформлены, то фактически галицкое боярство несомнѣнно рѣзко выдѣлялось отъ остальнаго населенія. Въ XIII и XIV в., повидимому, не столько тотъ или другой важный урядъ давалъ право на званіе боярина, сколько боярское происхожденіе,

---

[1]) Ип. 525. Замѣтимъ, что притяжательныя Домажиречъ, Молибожичъ, указываютъ, по нашему мнѣнію, что упомянутые смерды были людьми бояръ Домажира и Молибога — фамилія Молибожичей, очень многолюдная, играла одно время немаловажную роль въ средѣ галицкаго боярства, см. Ип. 508, 509, 515. Печера Домажира, вѣроятно, село боярина Домажира, упоминается Ип. 527 (Ростиславъ... пришедъ къ Печерѣ Домажири и *прельсти е* Володиславъ, и вдашася Ростиславу,— понимаю это мѣсто въ томъ смыслѣ, что Домажиричи перешли на сторону Ростислава). Если это такъ, то быть можетъ отдача Коломыи двумъ указаннымъ смердамъ на откупъ представляетъ извѣстнаго рода фиктивную операцію — за этими смердами скрывались ихъ бояре, которымъ самимъ неловко было явиться въ роли откупщиковъ.

[2]) Характеристику галицкаго боярства см. особенно въ соч. *Н. П. Дашкевича*, Княженіе Даніила Галицкаго р. 20 sq. И этотъ почтенный изслѣдователь замѣчаетъ: «указаніе на незнатность происхожденія... свидѣтельствуетъ объ исключительности подобныхъ явленій (p. 31)... въ Галичинѣ смотрѣли на то, изъ какого званія выходилъ человѣкъ (ib.).

въ силу фактическаго преобладанія боярства въ странѣ, давало право на высшіе уряды. Бояре de facto управляли страной и сосредоточили въ рукахъ своего класса всѣ высшія должности. Въ XIV в. они уже составляютъ высшій совѣтъ, сенатъ при особѣ князя, издающаго важнѣйшіе акты съ ихъ согласія „ex consilio baronum nostrorum“ [1]). Въ совѣтѣ князя участвуютъ воеводы важнѣйшихъ городовъ: Белза, Перемышля, Львова, Луцка, надворный судья (judex curiae nostrae), княжескій дядька, епископъ.

Количество бояръ галицкихъ было весьма значительно еще въ XIII в. Лѣтопись говоритъ, что Игоревичи перебили 500 бояръ (Кадлубекъ говоритъ о Романѣ, что онъ еще раньше извелъ массу бояръ), а между тѣмъ разсказъ лѣтописи о послѣдующихъ событіяхъ кишитъ боярскими именами. Въ лѣтописи выступаютъ цѣлые боярскіе роды, состоящіе изъ нѣсколько десятковъ членовъ (въ родѣ Арбузовичей упоминается 28 членовъ). Однако уже въ XIII в. мы замѣчаемъ въ галицкомъ боярствѣ два слоя — верхній. бояре велиши, въ сущности и бывшіе единственными заправилами въ странѣ и т. с. рядовое боярство. Разумѣется, юридической разницы между обоими слоями не существовало. Отдѣльныя лица выдѣлялись въ боярствѣ своимъ матеріальнымъ положеніемъ и личной энергіей. Къ этимъ великимъ боярамъ (ихъ-то польскіе лѣтописцы называютъ barones) примыкали остальные бояре, далеко уступавшіе имъ въ богатствѣ и значеніи.

Фактическая разница въ положеніи отдѣльныхъ представителей боярскаго сословія не могла не отразиться на судьбѣ всего боярскаго класса въ эпоху перехода Червоной Руси къ Польшѣ.

Мы, къ сожалѣнію, имѣемъ очень мало данныхъ для исторіи галицкаго боярства первой половины XIV в. Одно можно утверждать съ значительной вѣроятностью, что приглашенный на галицко-волынскій столъ силезскій князь Болеславъ-Юрій Тройденовичъ пытался въ концѣ своего правленія вступить въ борьбу съ всесильнымъ галицкимъ боярствомъ. Имена членовъ его совѣта и высшихъ должностныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ грамотахъ Юрія, доказываютъ его несомнѣнное стремленіе отстранить отъ участія

---

[1]) Supplem. ad hist. Russ. Monum. № 38, грамота Андрея 1320 г. Торунскому магистрату, грамота 1334 г. Юрія Болеслава магистру Людеру: quam unionem cum nostris baronibus nec non commilitaribus (approbamus). Его же грамота нѣм. ордену 1336 г. — nos una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque (*А. В Ломиновъ*, Грамоты малорускаго князя Юрія II, 1887. Москва).

въ дѣлахъ мѣстное сильное и сплоченное въ преслѣдованіи собственныхъ интересовъ боярство людьми пришлыми, новыми. Воеводы белзскій, львовскій, луцкій при Юріи иностранцы (Михаилъ Елизаровичъ, Борисъ Кракуля, вѣроятно валахи; Ходоръ Отекъ, судя по фамиліи, чехъ; валашское происхожденіе одного изъ членовъ его совѣта ясно изъ cognomen — Александръ *Молдаовичъ;* не русскій вѣроятно и Хотко Яромировичъ). Несомнѣнно русскій въ числѣ членовъ его совѣта, кажется, одинъ только Димитрій Детко, по смерти Юрія ставшій старостой Руси (capitaneus terrae Russiae).

Эта борьба съ старымъ русскимъ боярствомъ оказалась однако не подъ силу Юрію-Болеславу: онъ погибъ насильственной смертью; большинство его приверженцевъ было перебито. Печальная судьба силезскаго князя должна была ясно показать Казимиру, что сила русскаго боярства далеко не умерла и что съ боярствомъ еще приходится считаться въ Червоной Руси.

Каковы были взаимныя отношенія Казимира и галицкаго боярства, мы можемъ опредѣлить до нѣкоторой степени по намекамъ въ актахъ и лѣтописяхъ. Часть русскаго боярства, недовольная новымъ правительствомъ, переселилась въ Литву и Валахію [1]). Большинство однако, повидимому, осталось въ странѣ.

Нѣкоторые изъ представителей болѣе крупныхъ боярскихъ родовъ играютъ немаловажную роль при Казимирѣ и его преемникахъ, таковы: Быбельскіе, Дворсковичи, Лойевичи, Васько Кузьмичъ и др. [2]). Хотя польскіе короли и остерегаются давать русскимъ боярамъ высшіе административные уряды, но тѣмъ не мѣнѣе мы ихъ постоянно встрѣчаемъ при королѣ во время его объѣздовъ по Червоной Руси и при русскихъ старостахъ. Короли ласкаютъ этихъ бояръ, подтверждаютъ имъ владѣнія земельнымъ имуществомъ, утверждая грамоты русскихъ князей, придаютъ новыя земли.

Значеніе польской шляхты въ государствѣ, выгоды полнаго шляхетства (plenum jus militare) были хорошо извѣстны галицкорусскому боярству, и вотъ мы замѣчаемъ у послѣдняго со второй половины XIV в. несомнѣнное стремленіе сравняться съ польской шляхтой въ правахъ — получить польское шляхетство. Еще

---

[1]) Упоминаются еще: Грицько Коссаковичъ, Васько Кудриновичъ, Юрій Лысый, Хотко judex curiae (можетъ быть одно лицо съ Хоткомъ Яромировичемъ).

[2]) Генеалогическую связь этихъ родовъ съ извѣстными намъ представителями боярства XIII в. нѣтъ возможности установить.

въ третьей четверти XIV в. галицко-русское высшее сословіе именуетъ себя боярами, но къ концу XIV в. видимо избѣгаетъ этого названія: прежніе бояре встрѣчаются въ актахъ конца XIV в. только съ prаetopem панъ (dominus), и только по отчествамъ и фамиліямъ возможно опредѣлить ихъ происхожденіе. Далѣе они усвоиваютъ и обычай польской шляхты называться по своимъ родовымъ имѣніямъ (Ходоръ *Быбельскій* — отъ с. Быбло[1]).

Хотя еще Казимиръ даетъ крупнѣйшимъ представителямъ русскаго боярства землю jure hereditario, однако юридически русская шляхта сравнялась съ польской только въ тридцатыхъ годахъ XV в. Едлинская привилегія 1430 г. распространяетъ и на Русь польскіе порядки въ администраціи и вводитъ здѣсь польское право. Послѣднее впрочемъ, распространяется здѣсь только на тѣхъ, кто ему подлежалъ, кто былъ in jure polonico. Впрочемъ, несмотря на это, русская шляхта, въ Червоной Руси еще значительно отличается въ правахъ отъ шляхты польской; въ то время какъ единственное обязательство послѣдней по отношенію къ государству состояло въ личномъ отбываніи военной службы, и то лишь въ границахъ государства на его защиту, шляхта русскихъ земель обязана военной службой и за границами государства безъ всякаго вознагражденія со стороны короля, должна была своими людьми поправлять королевскіе замки въ Червоной Руси. платить съ каждаго лана земли 2 мѣры овса, двѣ мѣры пшеницы и 4 гроша.

Только въ 1434 г. всѣ эти onera et gravamina были сняты, къ большому, по словамъ Длугоша, неудовольствію польской шляхты, съ червоно-русскаго дворянства, и оно было окончательно сравнено въ правахъ со шляхтой польской[2]).

Возвращаясь къ постановленному выше вопросу о судьбѣ русскаго боярства подъ новымъ владычествомъ, приходимъ къ слѣдующему заключенію.

Привилегія 1434 г. распространила полное шляхетское право, повидимому, не на все древнее русское боярство. Только болѣе крупные его представители, бывшіе въ данную эпоху *на виду*. были приняты въ число польской шляхты. Принятіе это, кажется.

---

[1]) См., напр., актъ конфедераціи шляхты Львовскаго и Жидачевскаго повѣта 1464 (Akta gr. VII, № 55). Только по печатямъ съ русскими надписями можно видѣть, что значительная часть упомянутыхъ въ актѣ шляхтичей русскаго происхожденія. См. также актъ конфедераціи Спытка Мелштинскаго 1439 г. у Прохаски. Konfederacya Spytka z Melsztyna, Lwow 1887, p. 84.

[2]) Длугошъ ad. an. 1434.

произошло на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и принятіе литовско-русской шляхты, т.-е. путемъ *адоптаціи* польскими шляхетскими родами[1]). Благодаря этому немалое число русскаго боярства должно было остаться за бортомъ шляхетскихъ привилегій. Части мелкаго боярства, однако, явилась возможность пріобрѣтенія полнаго шляхетства, благодаря характерной сторонѣ польской шляхты — ея родовому строю. Съ введеніемъ полнаго шляхетства для древне-русскаго боярства, съ уравненіемъ его правъ съ польской шляхтой, и на первую должны были распространиться польскіе способы доказательства принадлежности къ шляхетскому званію – показаніями шляхетскихъ свидѣтелей о принадлежности ищущаго шляхетства къ извѣстному шляхетскому роду. Представитель русскаго боярства могъ доказывать свое шляхетство, установивъ свидѣтельскими показаніями свое родство съ признанными шляхтичами[2]).

Вышеприведенныя соображенія подтверждаются однимъ весьма любопытнымъ судебнымъ процессомъ, сохранившимся въ львовскихъ судебныхъ книгахъ[3]).

Въ 1444 г. шляхтичъ Янъ Далановскій выпросилъ себѣ у короля имѣніе Чеперовъ, но имѣніе это находилось во владѣніи братьевъ Станислава и Супруна, не желавшихъ имъ поступиться. Далановскій вызываетъ отвѣтчиковъ на судъ старосты. На вопросъ суда, какія права имѣютъ отвѣтчики на свое владѣніе, послѣдніе отвѣтили, что это ихъ отчина отъ дѣдовъ и прадѣдовъ и просили судъ оставить ихъ при владѣніи имѣніемъ на основаніи общихъ для всѣхъ дѣдичей доказательствъ правъ на владѣніе (petentes se circa eadem bona remanere eo jure, quo alii heredes alias *oczcziczowye* sua bona docent et reclinantur alias *dokaszuja* et *odpadaja*). Староста спросилъ ихъ, къ какому они гербу принадлежатъ и, вообще, кто они такіе (de quibus armis essent, et quid fuerint in terra Russie). Они отвѣтили: мы отчичи и древніе

[1]) Доказательствомъ этому служитъ весьма любопытный актъ конфедераціи Львовской и Жидачевской шляхты 1454 (Akta gr., т. VII, № 55). При актѣ сохранилось 44 печати, подписавшихъ его шляхтичей. Нѣкоторыя изъ печатей съ русскими надписями, очевидно принадлежали русскимъ шляхтичамъ (а се печать Юрьева), но и при этихъ надписяхъ находятся гербовые знаки, соотвѣтствующіе извѣстнымъ польскимъ гербамъ — Sas, Salawa и пр.

[2]) Въ литовской Руси случалось мелкому боярству доказывать свое шляхетство ссылкой на какой-либо судебный актъ, въ которомъ данное лицо было названо nobilis (шляхетный урожовый). (Сообщено намъ С. А. Бершадскимъ).

[3]) Akta gr. XIV, p. 197.

русскіе земяне. А относительно герба отвѣтили, что ихъ относятъ къ гербу шляхтича Викентія Шамотульскаго. Кромѣ того сказали, что находятся въ родствѣ съ шляхтичами Ременевскими и Лопатичами. Староста отложилъ дѣло до ближайшаго вѣча, на которомъ долженъ былъ быть рѣшенъ общій вопросъ, какимъ образомъ отчичи должны доказывать свои права на владѣніе.

Постановленія вѣча мы не знаемъ, но въ актахъ, къ счастью, сохранилось окончаніе этого любопытнаго дѣла.

Дѣло нѣсколько разъ отлагалось, то за неявкой свидѣтелей, то за нежеланіемъ ихъ приносить присягу по русскому обычаю, пока, наконецъ, не было рѣшено въ 1446 г. Отвѣтчики представили въ качествѣ свидѣтелей четырехъ польскихъ шляхтичей и восемь шляхтичей русскихъ. Свидѣтели показали подъ присягой, что спорное имѣніе никогда не было королевскимъ, а принадлежало отвѣтчикамъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Судъ въ послѣднемъ рѣшеніи разсматривалъ только вопросъ о правѣ владѣнія, не касаясь другого вопроса о правѣ отвѣтчиковъ на шляхетство. Что послѣдній вообще рѣшенъ также въ благопріятномъ для отвѣтчиковъ смыслѣ (б. м. на colloquio generali) доказывается наименованіемъ ихъ nobiles.

Подобныхъ процессовъ изъ-за владѣнія земельнымъ имуществомъ, не защищеннымъ ничѣмъ, кромѣ давности (ab avis et proavis, z dziada i pradziada) сохранилось нѣсколько въ судебныхъ книгахъ Червоной Руси[1]). Отвѣтчиками являются по боль-

---

[1]) Начинаются эти процессы въ сороковыхъ годахъ XV в., что между прочимъ объясняется слѣд. причиной: именно въ эту эпоху Владиславъ Ягеллончикъ, нуждаясь въ содѣйствіи шляхты для предпринятыхъ имъ военныхъ походовъ, раздаетъ щедрой рукой земли въ Червоной Руси польской шляхтѣ. Источникъ, безпристрастіе котораго въ данномъ случаѣ трудно заподозрить (Длугошъ ad. a. 1442), разсказываетъ, что Владиславъ, нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ и записалъ шляхтѣ едва ли не всѣ города, замки, имѣнія и разные источники доходовъ. Польская шляхта, выпросивъ себѣ города и имѣнія на Руси и Подоліи, изгоняла изъ нихъ старыхъ владѣльцевъ, которые въ отчаяніи убѣгали къ татарамъ и вмѣстѣ съ ними опустошали Русь (ed Przezdziecki, т. XIII, p. 683). Въ приведенномъ въ текстѣ процесса Далановскій выпрашиваетъ себѣ имѣніе *sub* nobilibus Stanislav et Suprun. Современная буйная шляхта вводила сама себя во владѣніе путемъ наѣзда, вооруженнымъ нападеніемъ, не всѣмъ, конечно удалось такъ счастливо отстоять судебнымъ порядкомъ свои права, какъ братьямъ Чеперовскимъ.

Подъ 1453 г. въ судебныя книги Львовской земли занесено слѣд. дѣло: Львовскій подсудокъ судится съ шляхтичами Неслуховскими изъ-за двухъ обывателей Ѳедора и Чирника; Неслуховскіе утверждаютъ, что эти люди кметы и отбываютъ въ ихъ пользу крестьянскія повинности (daciones, tributa, census), Ѳедоръ и Чирникъ утверждаютъ, что они nobiles. Дѣло отлагается на восемь недѣль, и судъ долженъ

шей части мелкіе землевладѣльцы, сидящіе на мелкихъ участкахъ (sortes, dzielniczy). Они не имѣютъ никакихъ документальныхъ доказательствъ на свои владѣнія: „мы владѣемъ здѣсь отъ дѣда и прадѣда, вотъ въ чемъ наши права“, отвѣчаютъ они обыкновенно на требованіе суда оправдать свое владѣніе. Въ большинствѣ случаевъ показаніемъ свидѣтелей о дѣйствительной давности владѣній дѣло рѣшается въ пользу этихъ отвѣтчиковъ.

Такимъ образомъ, и части мелкаго русскаго боярства удалось отстоять свои земельныя владѣнія и добиться признанія за ними шляхетства.

Какова же была судьба тѣхъ потомковъ мелкаго русскаго боярства, которымъ не удалось доказать своего шляхетства?

Польское право XV в. знаетъ только три сословія: шляхту,

постановить, которой изъ спорныхъ сторонъ предоставить право доказывать свои претензіи (Неслуховскимъ — что Ѳедоръ и Чирникъ крестьяне, или Ѳедору и Чирнику свое шляхетство). Akta gr. XIV, n. 387. Дѣло, повидимому, возникло изъ того, что Ѳедоръ и Чирникъ (названные nobiles) продали львовскому подсудку свою материнскую часть въ Неслуховѣ за 30 гр. съ правомъ жить на этомъ участкѣ до выплаты имъ покупной суммы. Владѣльцы села Неслухова (шляхтичи) опротестовали эту продажу — вѣроятно потому, что земля Ѳедора и Чирника, которыхъ они считали за своихъ крестьянъ, обѣлялась, переходя къ шляхтичу. Крайне любопытно окончаніе этого дѣла: одинъ изъ спорящихъ, Ѳедоръ, призналъ, что онъ крестьянинъ Неслуховскихъ и отбывалъ имъ съ своей земли такія же повинности (census, proventus, labores), какъ и остальные крестьяне (Akta gr. XIV p., 356 и 455). Что заставило Ѳедора дать такое показаніе — не извѣстно. См. еще Acta gr. XIV, p. 71. Suspendimus terminum mfo Hriczkoni Pal. Pod. actori et nobili Jacobo de Gnyewochyna pro villa Konyuchi, usque ad regressum nuncii de Ungaria a dom. Rege, secundum quo aliis suspensi sunt termini, qui habent agerum (sic) pro ipsorum bonis, que habent ab ewo, ab awis et prothavis, et privilegia super ipsa non habent. Въ 1443 г. Nob. Nykel cum patruo suo представляютъ въ львовскій гродскій судъ грамоту на имѣніе Погорцы, но Nob. Хотко съ братомъ Андреемъ заявляютъ свои права на два дворища въ этомъ имѣніи, которыми они владѣютъ какъ отчинами (in quibus nunc sedemus, et pater noster felicis memorie tenuit et possedit tamquam verus heres legittimus). Съ своей стороны Nob. Филь Нашчешичь съ племянникомъ Ляшкомъ заявляютъ о своихъ правахъ на одно дворище въ томъ же имѣніи, которымъ какъ отчиной владѣютъ сообща (habeo unam curiam meam patrimonialem heriditatem al. *ocziszna*, quam nunc teneo cum ipso). Подобныя же претензіи представляютъ Стецько Бреховичъ, Nob. Олешко de Pohorcze, котораго и оставили при владѣніи дворищемъ Бастіевымъ, его отчиною (Acta gr. XIV, p. 81—3). Подобнаго же рода дѣло между Nob. Христофоромъ, львовскимъ мытникомъ и Nob. Иванкомъ и Петромъ, сыновьями Бѣлика, владѣвшими небольшими участками (sedentibus in sortibus, al. *dzielnyczach*) въ с. Major Lybyne, державцемъ котораго былъ Христофоръ. На требованіе суда представить оправдательные документы на свои владѣнія они отвѣчаютъ: ista sunt nostra jura, quod hoc est nostrum patrimonium a patre et ab avis et proavis, et hoc volumus probare... (ibidem. p. 290).

мѣщанъ и кметовъ. Каждая единица въ государствѣ должна была необходимо принадлежать къ одной изъ этихъ трехъ категорій. Переходныхъ ступеней отъ одного сословія къ другому не было въ польскомъ правѣ. Между шляхтичемъ, пользовавшимся всѣми правами и привилегіями, и безправнымъ кметомъ лежала непроходимая пропасть. Мѣщанское сословіе не представляло собою переходной ступени отъ кмета къ шляхтичу. Въ глазахъ шляхты мѣщанинъ мало чѣмъ отличался отъ кмета, отъ мѣщанства до шляхетства было такъ же далеко, какъ и отъ кметства до званія полнаго шляхтича. Нобилитація мѣщанъ такъ же рѣдка, какъ и нобилитація кмета, хотя въ фактическомъ положеніи мѣщанства, конечно, была не малая разница сравнительно съ положеніемъ кмета.

Правда, въ самомъ шляхетствѣ польскомъ было два слоя — полныхъ шляхтичей, владѣвшихъ полнымъ jus militare, и *владыкъ*, имѣвшихъ только simplicem militiam, mediam nobilitatem (о положеніи послѣднихъ мы знаемъ, впрочемъ, очень мало). Хотя положеніе владыкъ было гораздо ниже положенія шляхтича, но тѣмъ не менѣе свободный человѣкъ, кметъ или мѣщанинъ, не могъ самъ собою, путемъ одного матеріальнаго возвышенія, стать въ разрядъ владыкъ. Кметъ или мѣщанинъ попадалъ въ число шляхты исключительно только путемъ нобилитаціи, право которой первоначально принадлежало только королю а затѣмъ сейму (съ 1578 г.).

Полная нобилитація, какъ кажется, наступала только въ случаяхъ *индигената* — утвержденія въ шляхетствѣ чужеземнаго шляхтича — и *адоптаціи* — принятія нобилитованнаго въ одинъ изъ польскихъ шляхетскихъ родовъ. Поэтому кметъ, возведенный въ шляхетство (creowanny), не получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же всѣхъ шляхетскихъ привилегій.

На Руси въ XV в. съ введеніемъ польскаго права образуется поэтому классъ населенія, не входящій въ рамки польскаго общественнаго права — это потомки мелкаго русскаго боярства, не попавшіе въ завѣтную область шляхетства. Ихъ нельзя причислять къ шляхтѣ, но они сами не хотятъ считать себя кметами. Въ виду такой неопредѣленности положенія, судьба этого класса очень разнообразна. Владѣя незначительными земельными участками, эти лица попадаютъ въ экономическую зависимость старостъ или даже сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Послѣдніе смотрятъ на нихъ, какъ на крестьянъ, требуютъ отъ нихъ крестьянскихъ повинностей; первые считаютъ себя не только свободными, но и nobiles. Судебные процессы изъ-за такихъ коллизій имѣютъ

разный исходъ, оканчиваясь то признаніемъ за отвѣтчиками шляхетскаго достоинства, то обращеніемъ ихъ въ кметовъ [1]). Часть этихъ потомковъ мелкаго русскаго боярства мы застаемъ въ XV в. на службѣ у замковаго начальства, въ качествѣ замковыхъ слугъ; положеніе ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію литовскихъ путныхъ и панцырныхъ бояръ. Эти слуги (servitores, служки, служебные), жившіе на небольшихъ участкахъ, вблизи замковъ, исполняли разныя полицейскія, административныя и военныя обязанности въ пользу замка, развозили письма зам-

[1]) Какимъ образомъ старосты старались закрѣпощать замковыхъ слугъ, видно изъ слѣд. примѣра, приведеннаго въ люстраціи Холмскаго староства (Лит. Метр. IV, B, 7. p. 293). W ziemi Chelmskiej sliachta w Lipiu Lipsczy pod starostwem Krasnostawskim za panow z Teczina przinuczeni szą na poslugi zamku Krasnostawskiego. Placza golego plathu starosczie dzisieiszemu 10 grziwien, owsza 40 kor., caplunow 20, y k temu poslugami nieznosnemi obcziązayą ye. A iest wiadomoscz swieza wszithkiej sliachti, ysz staradawna bili volnemi ziemiani, yeno ze iem listhi w Crasnim stawie pogorzali, iako yniej sliachczie.

М. Ф. Владимирскій-Будановъ (Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XV в. до Люб. уніи 1569, Кіевъ 1891, p. 98—9) повидимому дѣлаетъ нѣкоторое различіе между *слугами* и *служками* (отмѣчая послѣднее названіе въ трехъ повѣтахъ польскаго Подолья), считая первыхъ высшимъ разрядомъ служебныхъ людей. Съ такимъ разграниченіемъ слугъ отъ служекъ не согласенъ рецензентъ труда М. Ф., г. В. М. (Кіевская Старина 1892, октябрь), утверждающій, что это два наименованія для того же разряда служебныхъ людей. Съ своей стороны мы присоединяемся скорѣе къ мнѣнію М. Ф. Изъ многихъ фактовъ можно убѣдиться, что *слуга* — названіе болѣе почетное, чѣмъ служка (и филологически это имѣетъ оправданіе — служка уменьшительное отъ слуга). Казимиръ называетъ *слугою* Ходка Бибельскаго, одного изъ крупнѣйшихъ представителей галицко-русскаго боярства XIV в. Въ люстраціяхъ XVI в., какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, *служками* дѣйствительно называется лишь низшій разрядъ служебныхъ людей, исполняющихъ разныя замковыя послуги. Разрядъ служебныхъ людей, обязанныхъ главнымъ образомъ военной службой на замокъ, встрѣчается наичаще подъ наименованіемъ слугъ, servitores, бояръ, мановъ земянъ. *Бояре*— въ Сокальскомъ старостве въ с. Цыганы: Tamze Bojarow iest dwoch, ktory zadnego czynszu nie daią, bo *miasto sluzkow* (powinni) są koniem iechac, gdzie starosta kaze. Любомирскій (Rolnicza ludnosc w Polsce) указываетъ на бояръ въ одномъ селѣ Львовской земли XVI в. Въ Львов. землѣ въ XVI в. было нѣсколько wzi manow albo ziemianow zamkowi Lwowskiemu sluzączich (Л. Метр. IV, B. 19, л. 186): такъ село Липица zupelne zdawna iest nadana *slugom*, которые должны ѣздить на сторону къ Татарской, Валашской и Угорской границамъ czasu trwogi, или когда велитъ львов. староста, ѣздить со старостой въ ловы, какъ видно изъ ихъ привилегіи и старыхъ инвентарей. Люстратору жаловался замковый урядъ на ихъ непослушаніе. Въ с. Лозина живутъ земяне или маны (manowie), осажденные на одномъ дворищѣ. Повинности ихъ тѣ же, что и мановъ с. Липицы; далѣе въ актѣ они именуются *служками*. Мы думаемъ, что разница между *слугами* и служками затерялась отъ многихъ причинъ, а главное отъ стремленій старостъ, нами уже указанныхъ, закрѣпостить слугъ или по крайней мѣрѣ заставить ихъ отбывать возможно больше разнообразныхъ повинностей въ пользу замка.

коваго начальства, выбирали вмѣстѣ со старостой подати и пошлины, давали военную сторожу въ замокъ, оберегали границы повѣта и пр.

Иллюстрацію положенія такихъ слугъ даетъ намъ исторія рода Добрянскихъ, судьбу которыхъ мы можемъ прослѣдить съ самаго начала XV в. Въ 1402 г. Ягелло жалуетъ уличскимъ слугамъ (servitores de Ulicz), Юрію, Зану и Димитрію, за ихъ вѣрную службу поле Добра въ Саноцкой землѣ. За это пожалованье братья обязаны были отправлять военную службу тремя стрѣльцами и служить тремя конями Саноцкому замку (ad castrum nostrum Sanocense in eisdem tribus equis servire quociens fuerit oportunum et fuerint requisiti). Эта жалованная грамота сослужила Добрянскимъ великую службу; изъ нея они выводили всевозможныя для себя привилегіи, опирались на нее въ своихъ постоянныхъ пререканіяхъ со старостами; считали себя шляхтичами, неподсудными старостинскому суду, утверждали, что находятся подъ особымъ покровительствомъ короля и ему только хотѣли давать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ мы постоянно встрѣчаемся въ саноцкихъ судебныхъ книгахъ съ Добрянскими. Это, повидимому, былъ элементъ очень буйный, задорный и завзятый. Старосты жалуются, что Добрянскіе не заботятся о выполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей, не хотятъ служить замку, развозить писемъ, выступать со старостой въ походъ. Сосѣди постоянно обвиняютъ Добрянскихъ въ насиліяхъ, воровствѣ, поджогахъ, убійствахъ — это настоящіе enfants terribles всей окрестности.

Добрянскіе владѣютъ землею на правахъ собственности, продаютъ ее, мѣняютъ, передаютъ по наслѣдству. Они имѣютъ своихъ крестьянъ, обрабатывающихъ ихъ землю.

Благодаря настойчивости Добрянскихъ въ защитѣ своихъ дѣйствительныхъ или презумптивныхъ правъ, неопредѣленности выраженій въ ихъ уставной грамотѣ, законъ совершенно безсиленъ въ отношеніи Добрянскихъ; онъ не знаетъ къ какой категоріи ихъ отнести. Добрянскіе фигурируютъ въ актахъ то какъ homines, kmethones, то какъ heredes, terrigenae, domini. Они настаиваютъ на своемъ шляхетствѣ, но неохотно показываютъ свои привилегіи, да кажется, кромѣ уставной грамоты Ягелла, никакихъ привилегій и не имѣли, а грамоту эту дѣйствительно можно было толковать на разные лады.

Въ концѣ концовъ однако Добрянскіе вышли побѣдителями въ борьбѣ со старостами. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось до-

биться признанія своего шляхетства. Въ 1621 г. въ галицкія книги вносится упомянутая грамота Ягелла Добрянамъ по требованію „*nobilis* Andree Dobrzanski de Dobre districtus Sanocensis“. Часть рода Добрянскихъ однако и по сіе время осталась въ крестьянствѣ, тогда какъ владѣтели Добры въ настоящее время шляхтичи.

Добрянскіе сохранили свое православное вѣроисповѣданіе и понынѣ [1]).

---

[1]) Привилегію Ягелла Добрянскимъ см. Akta gr. VII, № 22. Жалоба старосты сяноцкаго на Добрянскихъ Akta gr. XI, p. 282. О нихъ вообще Akta gr. XI passim, а также Akta gr., т. X. Позднѣйшая судьба въ примѣчаніи къ изданію грамоты 1402 г. (Akta gr. VII, № 22). Исторія рода Добрянскихъ до средины XVI в. прекрасно разсказана люстраторомъ XVI в. (Лит. Метр. IV, B. 19, p. 53 об.). Если другіе приводимые нами примѣры указываютъ исторію умаленія слугъ, то исторія Добрянскихъ содержитъ интересныя указанія на способы, какими настойчивые слуги пользовались для эмансипаціи отъ старостинской власти. Приводимъ цѣликомъ этотъ любопытный актъ:

Dobra, wyes przi rzecze Szanie, w ktorej wszithko ziemianie miesskaią, maiącz gruntu dossicz y osziadloscz nyemala, pol y lyassow y ląk bardzo wyelie. Polie wielkie na którem ta wyesz zdawna zassiadla było dane przecz krolia Wladislawa niejakiem slugom (съ боку приписка: anno Dni 1402) in ea conditione, aby s tej wszi ustawicznie trzemi konmy byla sluzba do zamku Sanoczkiego, ku wsseliakiej potrzebie panu starosczie Sanoczkiemu pro tempore existenti (надъ строкой: iako o tem dekreth seymowy obmawia), y na woyni przy panu starosczie Sanoczkiem takze byli powinni yachacz zwiczaiem swoyem. Iakoz tak szie zachowywalo przez lyath wyele, po them successu temporis odkupuiącz z sluzbe potoczna y ustawiczna, którą byli (ut praemissum est) zamkowi powynni, okrom woyni (bo yako szie niektorzi ziemiane stamtądze do tego znali, ze nie tilko na woyni, alie ku wszelakiej potrzebie tak s panem starostą, yako s podstaroscziem yezdzali na graniczi węgerskie (съ боку: dawaiącz czinsz). Alie the ustawiczna sluzbe, tho iest ze onich trzech sluskow, ktorzi muszieli mieskacz przi zamku ustawicznie, possilano z listi barani wibieracz y wieprze, nad lyudzmi przi zaczięgu stawaly, etc., tho oni odkupuiącz postąpili byli dawacz na zamek Szanozoki na kazdi rok grziwien dziesiecz, a czasu trwogi wszelyakiej, gdy ym z zamku dano znacz, yachali przędsie y dawali ten czinsz do zamku Sanoczkiego az po nynyeiszi rok. Alie na seymie blisko przeslem Piotrokowskym a. D. 1565 otrzimali ssobie przziwilyej libertacyej od takowego czinssu, ad relationem R—di D. Petri Miskowski, R. P. Vicecanc. in ea conditione, abi czassu ruszenia pospolitego s tei wszi wsiszi ziemianie wyprawily na woyne thilko czterech jezdnich. A oni przed thym na kazda woyne nyetilko czterich yezdnich wissilali, alie kazdi s swego gospodarstwa zwiczaiem ziemian y sliachcziczow polskich yezdzali. A iak czo liepiej, tho niechai J. K. M. uzna. О слугахъ замковыхъ или путныхъ въ Литовской Руси, см. предисловіе В. Б. Антоновича къ архиву юго-зап. Россіи, ч. IV, т. I. (Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи). Кіевъ. 1887. „Слуги замковые или путные, владѣя небольшими участками земли, обязаны были за нее отправлять послугу замковую; изъ этой службы замковой важнѣйшую обязанность составляла „сторожа“, т.-е. обязанность поочередно содержать

Замѣтимъ, что названіе слугъ, служекъ, служебныхъ, servitores, serviles общее для всѣхъ лицъ, отбывающихъ извѣстныя повинности въ пользу замка. Повинности эти весьма разнообразны. Кромѣ указанныхъ уже повинностей, служками назывались ре-

---

караулъ у воротъ замка; къ послугѣ замковой относится еще „погонъ“, т.-е. исполненіе административныхъ распоряженій державцы или старосты и оповѣданіе вѣстей, т.-е. развозка писемъ, пакетовъ и оповѣщаній по приказанію старосты или державцы; вслѣдствіе послѣдней обязанности бояре замковые и получили впослѣдствіи названіе *путныхъ*. Кромѣ того, они платили въ пользу замка поплаты и пошлины. Въ административномъ отношеніи путные слуги были подчинены „зверхности замковой“, т.-е. власти старосты или державцы, управляющаго тѣмъ замкомъ, къ которому они были приписаны, p. 6. Послѣ Люблинской уніи замковые слуги были призваны людьми посполитыми, подвластными королевскому старостѣ, къ которому они стали почти въ такія же юридическія отношенія, въ какихъ находились крестьяне къ владѣвшимъ ими шляхтичамъ, и отличались отъ послѣднихъ только по отношенію къ землевладѣнію, ib., p. 7.

Для XV в. болѣе всего болѣе данныхъ о служебныхъ людяхъ находимъ въ судебныхъ книгахъ Саноцкой земли (Acta gr. XI). Для XVI в. см. Люстрація русскаго воеводства въ Архивѣ Мин. Юст. Лит. Метр. книги переписей, IV, B. № 12.

Въ с. Ямница Галицкой земли 4 служки, ѣздятъ съ письмами, куда прикажутъ, стерегутъ и выбираютъ мито, собираютъ съ писаремъ пчельную и баранью десятины. Одинъ изъ нихъ возный. Въ пользу замка ничего не платятъ.

Въ с. Калуша ландвойтъ, возный, слуга мѣйскій liberi (отъ повинностей) ratione poslug; кушнеръ служитъ своимъ ремесломъ.

Въ Теребовльской землѣ с. Зубово. Трое служекъ: десятникъ, лѣсничій и кушнеръ, сидятъ на службѣ, дани не даютъ; с. Каптуры — 2 служекъ, ничего не платятъ resp. serviciorum, т. к. стерегутъ лѣса, ѣздятъ съ письмами, и со старостой и подстаростой для разныхъ надобностей, выбираютъ овецъ и свиней. Даютъ только поволовщину и пчельную дань.

Борекъ, мѣстечко. Коваль работаетъ на замокъ. 7 человѣкъ оказываютъ державцѣ послуги, какія прикажетъ. Свободны отъ дани.

Каменка, мѣстечко. Коваль работаетъ ко двору, ничего не платитъ.

Львовская земля, с. Смерековъ. 25 крестьянъ на дворищахъ, которыя больше лана. Ничего не платятъ, т. к. сидятъ на службѣ (na posludzie), ѣздятъ подводами на 16 миль. Пашцины 7 дней въ году, ходятъ на толоку. Почты по 2 курицы, 10 яицъ. Всѣ вмѣстѣ $5^1/_2$ полумѣръ меду.

Самборская земля. с. Березницы. 3 служекъ исполняютъ всякія послуги, стражу надворную, ѣздятъ съ письмами. Платятъ только по $2^1/_2$ гроша почты и 2 гр. подымщины. Каждый на $^3/_4$ лана.

С. Колчицы. — Были прежде *ловчіе*, платившіе по 5 полумѣрокъ меду съ борти, теперь рольныхъ крестьянъ 36.

С. Великая Былина. Крестьяне ѣздятъ съ письмами и работаютъ въ фольваркѣ.

Саноцкая земля, с. Беско. 11 служекъ (обязанности не обозначены, 1 возный).

С. Трепча. 3 служекъ лѣсныхъ; стерегутъ лѣса, служатъ, разъѣзжая, куда прикажутъ. Ничего не платятъ.

С. Новосельцы. 5 служебныхъ, каждый на $^1/_2$ лана, платятъ только по 48 гр. съ лана. Ѣздятъ, куда прикажутъ.

мещенники, служившіе замку своимъ ремесломъ, лѣсничіе, оберегавшіе замковые лѣса, ловчіе, атаманы и десятники въ селахъ.

Служебные люди получали извѣстный участокъ земли, иногда съ инвентаремъ и за пользованіе имъ отбывали разныя замковыя повинности. Поступали въ служебные люди крестьяне, мѣщане и потомки древнихъ обѣднѣвшихъ бояръ. Разница въ повинностяхъ вліяла и на положеніе служебныхъ людей: служебные, исполнявшіе административныя, полицейскія и военныя обязанности, стояли, разумѣется, de facto гораздо выше служебныхъ, работавшихъ въ замковыхъ фольваркахъ, хотя юридической разницы въ положеніи разныхъ разрядовъ служебныхъ и не было. Разница въ обязанностяхъ отразилась и на судьбѣ служебныхъ, хотя старосты и старались подвесть всѣхъ служекъ подъ одну категорію — крестьянъ. Высшая категорія служекъ, по своимъ обязанностямъ стоявшая однако ближе къ шляхтѣ, чѣмъ къ крестьянству, вступаетъ со старостами въ борьбу и, какъ мы видѣли на примѣрѣ Добрянскихъ, иногда выходитъ побѣдителемъ, добившись завѣтной цѣли всякаго обывателя сословнаго польскаго государства — шляхетства.

ГЛАВА II.

Судьба крестьянскаго населенія Галицкой Руси XIV—XV в.

Исторія крестьянъ Галицко-Русскаго княжества за время русскихъ князей намъ почти не извѣстна. До второй половины XIII в. мы знаемъ о крестьянахъ Гал. Руси немногимъ болѣе того, что они здѣсь существовали. Но каково было ихъ общественное устройство, ихъ экономическій бытъ, на какіе разряды дѣлился низшій слой населенія Галицко-Русскаго княжества, на это мы не находимъ отвѣтовъ въ единственномъ источникѣ для этого періода — нашей древней лѣтописи. Одно только можемъ сказать, что и до XIII в. здѣсь существуютъ рабы и свободное крестьянство.

Классъ рабовъ пополнялся здѣсь главнымъ образомъ путемъ плѣна, но набирался не только изъ однихъ плѣнныхъ непріятелей, а также и изъ мѣстныхъ жителей, — въ смутахъ XIII в. находимъ случаи, когда жители мятежныхъ городовъ раздавались „на подѣлъ“ [1]).

Низшіе классы населенія Гал. Руси встрѣчаются въ лѣтописи подъ разными наименованіями. Такъ, названіе „челядь“ [2]), „чадь“ [3]),

---

[1]) Ип. 556. Данило беретъ гор. Возвягль: и городъ зажьже, люди же изведе и вдасть я на подѣлъ ово брату си, ово же Львови, другихъ Шварнови.

[2]) Ип. 505: створиша же межи собою клятву Русь и Ляхове: аще посемь коли будеть межи ими усобица, не воевати Ляхомъ Руское челяди, ни Руси Лядьской.

Cf. ib. 582. Законъ же бяше в Ляхохъ таковъ: челяди нѣ имати, ни бити, но купяхуть. Впрочемъ какъ соблюдались эти договоры, видно изъ Ип. 586: и воспомяну Володимѣръ, оже преже того Лестко,ославъ Люблинѣць, взялъ бяшеть у него село на Вькраинци, именемъ Воинь, и напоминалъся ему Володимиръ о томь много, *абы ему воротилъ челядь, онъ же не вороти ему челяди его:* за се же посла нань Литву И воеваша около Люблина и *поимаша челяди множьство,* и ополонившеся и тако поидоша назадъ с честью.

Ib. 587. Юрьи же... посла рать свою. И тако шедше взяша Сохачевъ городъ и поимаша в немь товара много и *челяди,* а прокъ иссѣкоша.

Ib. 599. Юрій (въ походѣ на Люблину) возвратися восвояси со множествомъ полона, челяди, скота и коней.

[3]) Кондратъ... многи поби отъ полку Лестькова бояръ и простую чадь. Ип. 590. Названіе челядь (czelanth) встрѣчаемъ и въ XV и XVI в. въ значеніи дворовыхъ

употребляется въ галицко-волынской лѣтописи для обозначенія низшаго класса населенія вообще. Что названіемъ челяди обозначалось не одно только несвободное населеніе, а крестьянское сословіе вообще, видно изъ договоровъ русскихъ князей съ польскими — не воевать челяди, и изъ многихъ другихъ мѣстъ лѣтописи.

Другія названія для низшихъ классовъ населенія въ Гал. волод. княжествѣ — смерды, люди.

Смердами, повидимому, называются какъ крестьяне, такъ и низшіе разряды горожанъ[1]).

Названіе „люди", какъ кажется, въ частности примѣнялось къ классу населенія несвободному, прикрѣпленному къ землѣ, отбывавшему натуральныя повинности въ пользу землевладѣльца[2]).

Къ эпохѣ же княжескаго періода несомнѣнно нужно отнести и *сотныхъ* людей. Названіе *кузники*[3]) обозначаетъ конное войско, а не классъ населенія. Наконецъ еще въ княжескій періодъ мы встрѣчаемся съ свободнымъ классомъ населенія, поселеннымъ

слугъ (Akta gr. XI, p. 273, инвентарь имущества фольварка въ Уличѣ). Въ XVI в. эта челядь была большей частью наемной, получала жалованье. (Лит. Метр. IV B 12 passim (въ описаніи замковыхъ фольварковъ).

[1]) Ип. 341: ... а смерди скачуть чересъ заборола къ Иванови и перебѣже ихъ 300.

Ib. 494: боярин боярина плѣнивше, смердъ смерда, градъ града...

Ib. 525: приидоста Лазарь Домажиречь и Иворъ Молибожичь два беззаконьника отъ племени смердья.

Смерды пѣшцѣ. Ип. 529.

[2]) Завѣщаніе Владимира Васильковича... городъ Кобрынь (женѣ) и с людми и з данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать даютъ княгинѣ моей. Иже далъ есмь ей село свое Городелъ и с мытомъ, а *людье како то на мя страдали*, тако и на княгиню мою по моемъ животѣ.

Ип. 555. Люди татарскіе.

Ип. 556: люди же изведе и дасть и на подѣлъ (Данило).

cf. Люди = холопы въ позднѣйшихъ великорусскихъ актахъ; *людскіе* дворы въ отличіе отъ крестьянскихъ (Костомаровъ, Стенька Разинъ. От. Зап. 1858 г., 11).

[3]) Ип. 517: приде вѣсть Данилу... яко Ростиславъ сошелъ есть на Литву со всѣми боляры и с *кузники*...

Ип. 538. Наутрѣя же собрашася вси Ятвязѣ, пѣшци и *сузници*.

Ип. 549. Ятвезем вытекъшимъ на нь (на Льва) изо осѣка, сущии же с нимь *сузници* возбѣгоша.

Ип. 556. Сузникомъ же сравившимся не стерпѣша, но на бѣгъ обратишася.

Словарь церковно-слав. и русск. яз. Акад. Наукъ: *Сузникъ* — всадникъ; «не елени стрѣляти и сузнику быти, но тѣло обуздовати. Сборн. 212 об. Сузній — церк. конный. «И се самъ грядетъ сузнь мужъ». Исаіи, XXI ст. Остр. нзд.

Бортниковъ находимъ въ Гал. Руси, какъ особый классъ свободнаго населенія. (Akta gr. II, № 8 въ числѣ свидѣтелей... а се бортници Пашко, бортникъ исъ Емелина, Юрко Мошничь, Михно Великопольскій и Чолко Залѣсскій). Шараневичъ, Rys wewn. stos., p. 55 и 70 приравниваетъ бортниковъ къ боярамъ — едвали основательно.

на границахъ государства для защиты отъ набѣга кочевниковъ. Въ XIII ст. на юго-восточныхъ границахъ Галицко-Русскаго княжества мы въ этой роли находимъ Болоховцевъ, по всей вѣроятности, валашскихъ выходцевъ, сидѣвшихъ общинами съ князьями во главѣ.

Низшіе классы населенія занимаются земледѣліемъ и разными промыслами[1]).

Изъ позднѣйшихъ актовъ можно заключить, что одна часть населенія жила отдѣльными дворищами[2]), другая была устроена по сотнямъ[3]). По нашему мнѣнію, на сотни дѣлилось населеніе, поселенное въ ближайшихъ къ городамъ селахъ. Эти поселенцы получали землю и хозяйственный инвентарь и за это обязаны были *службой,* т.-е. исполнять разныя повинности въ пользу города и содержать сидѣвшую въ городѣ дружину[4]).

Повинности крестьянскаго населенія состояли въ разныхъ данях и поборахъ; съ XIII в. къ нимъ прибавляется и татарщина, татарская дань, собираемая князьями. Населеніе селъ, ближайшихъ къ городамъ, обязано было ремонтировать городскія укрѣпленія. Дань и поборы собирались съ крестьянскаго населенія натурой — овсомъ, рожью, льномъ, хлѣбами, медомъ, скотомъ и разной живностью[5]). Несвободное населеніе

---

[1]) Рыболовы галицкіе. Ип. 341. Сѣдельники, лучники, тульники, кузнецы — вѣроятно городскіе ремесленники. Ип. 558.

[2]) О владѣніи дворищами рѣчь будетъ ниже.

[3]) Ип. 613. Мстиславъ налагаетъ ловчее на Берестьянъ: со *ста* по двѣ лукнѣ меду... а на горожанахъ 4 гривны кунъ.

[4]) Доказательства см. въ дальнѣйшемъ изложеніи при характеристикѣ сотныхъ XV в.

[5]) Изложенное въ текстѣ основано на завѣщаніи Владимира Васильковича и грамотѣ Мстислава Берестьянамъ. Въ первой читаемъ: далъ есмь княгинѣ своей, по своемь животѣ, городъ свой Кобрынь и с людми и з *данью,* како при мнѣ дали, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей. Иже далъ есмь ей село свое Городелъ и с мытомъ, а людье, *како то на мя страдалъ,* тако и на княгиню мою по моемь животѣ; аже будеть *князю городъ рубити, и ни к городу,* а *побором* и *Татарьщином ко князю.* Ип. 595.

Въ грамотѣ берестьянамъ: Се азъ князь Мьстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны и в вѣкы за нихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадесять десяткъвъ ляну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ; а потолку со всякаго ста; а на горожанахъ 4 гривны кунъ... Ип. 613.

cf. Ип. 521. Данилъ же и Василко въдаста ему (Михаилу) ходити по землѣ своей, и даста ему пшеници много и меду и говядъ и овѣць доволѣ. Упоминаются еще повинности — дамница, путница (Akta gr. I, № V). Изъ косвенныхъ податей — мыто (завѣщаніе Влад. Васильковича).

обязано было и разными работами въ пользу владѣльца *(страдать)* [1]).

Широкое развитіе боярства и боярскаго землевладѣнія въ Гал. Руси объясняетъ намъ то печальное положеніе низшихъ классовъ населенія, намеки на которое мы находимъ въ галицко-волынской лѣтописи [2]). Бояре притѣсняютъ и грабятъ населеніе какъ землевладѣльцы и правители — законные и незаконные. Пріобрѣвъ разными путями обширныя земельныя имущества, бояре конечно старались привлечь на нихъ возможно большее количество населенія и подчинить его своей власти. Если признать подлинность нѣкоторыхъ грамотъ XIII в., дошедшихъ до насъ въ позднѣйшихъ копіяхъ, то уже въ это время князья уступали отдѣльнымъ боярамъ юрисдикцію надъ населеніемъ ихъ земель [3]).

Злоупотребленія галицко-русскаго боярства привели къ весьма любопытному факту: измученное боярскими вымогательствами населеніе нерѣдко предпочитало закладываться за татаръ, переходить подъ ихъ непосредственную власть, чѣмъ оставаться подъ властью князя, безсильнаго обуздать боярское корыстолюбіе [4]).

Вотъ тѣ немногія данныя, которыя даетъ лѣтопись о положеніи крестьянъ въ княжескій періодъ Гал. Руси [5]).

Древняя исторія сословій въ Польшѣ, а въ частности исторія древне-польскаго крестьянства изучены до настоящаго времени

---

[1]) Завѣщаніе Влад. Вас. Ип. 595. О холопахъ-страдникахъ см. В. О. Ключевскаго, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. Русск. Мысль 1886 г., кн. 5, 7, 9, 10.

[2]) Ип. 605. Владимирцы въ такихъ выраженіяхъ оплакиваютъ Владимира Васильковича: добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшеть отъ всихъ обидъ.

[3]) Akta gr. I, № 4. Жалованная грамота князя Льва литовскимъ выходцамъ Тутеню и Монтсѣку на село Добанѣвичи Перем. волости: со оусѣми поборы ис винами исъ головнитъством и серпом, ис косою, ис млином, со оусѣми оужитки какъ есмы сам держал.

[4]) Относящіеся къ этому явленію факты выбраны изъ лѣтописи г. Сергіенко въ статьѣ «Громадьский рух на Вкраини Руси въ XIII в.», Записки товариства имени Шевченко, ч. I, Львовъ 1892 г. Впрочемъ на значеніе этого движенія указывали Н. П. Дашкевичъ (Княженіе Даніила Галицкаго, р. 61), Н. В. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, гл. VI.

[5]) Замѣтимъ еще, что ко времени Болеслава-Юрія относятся первыя попытки введенія нѣм. права въ Гал. волод. княжествѣ. См. грамоту у Реппеля, Ueber die Verbreitung des Magdeb. Stadtrechts. Грамота эта дана Бартку Сандомирскому на войтовство въ Санокѣ; въ числѣ свидѣтелей находимъ войтовъ de Bahna, de Varsov. Размѣръ чинша съ лана земли опредѣленъ въ грамотѣ въ 16 грошей; *воля* — 15 лѣтъ.

очень слабо[1]). Изслѣдователи не согласны между собою ни относительно числа классовъ, на которые распадалось древнее польское общество, ни относительно происхожденія ихъ, ни относи-

[1]) Довольно полную библіографію изученія исторіи крестьянъ польскихъ можно найти въ предисловіи къ соч. Wal. Przyborowski, Włościanie u nas i gdzie indziej, Wilno 1881. Само это произведеніе однако болѣе публицистическій трактатъ, притомъ крайне тенденціозный, чѣмъ научное послѣдованіе (авторъ писалъ исключительно по пособіямъ). Рецензію на этотъ трудъ см. Al. Jelski, Uwagi w kwestyi włoscijan, a mianowicie: jak było u nas i gdzie indziej, Warszawa 1884 r.

Древнѣйшей исторіи польскаго крестьянства посвящены многія страницы въ полемическихъ статьяхъ Бобржинскаго, Смольки и Пѣкосинскаго о происхожденіи польскаго общества (Rozprawy i sprawozdania Akad. Um. w Krakowie, wydzialu hist. filozof. т. XIV, см. также соч. Smolka, Mieszko Stary i jego wiek, Warsz. 1881, Piekosinski, O dynastycnem szlachty polskiej pochodzeniu, Krakow 1888 r.; его же любопытное примѣчаніе въ изданномъ имъ томѣ Cod. dipl. cath. Krak. I (Monum. medii aevi I, p. 81). Для XIII и XIV в. см. соч. Rom. Hube, Prawo polskie w XIII w. Warsz. 1874. Его же Prawo polskie w wieku XIV (Ustawodawstwo Kazimierza W. Warsz. 1881) и особенно его Prawo polskie w XIV w.: Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schiłkowi XIV w. Warsz 1886, основанное на массѣ неизданнаго матеріала.

Изъ русскихъ трудовъ укажу на соч. Виноградова, Изслѣдованіе памятника обычнаго права XIII в., писаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, Варшава, 1888, и Горемыкина, Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. Спб. 1869.

Изъ старыхъ трудовъ: Grevenez, Der Bauer in Polen, Berlin 1818. Edm. Stawiski, Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego, Warsz 1858, и особенно T. Lubomirski, Rolnicza ludnosc w Polsce od XV do XVIII w. (Bibl. Warsz. 1857—62), трудъ, основанный на первоисточникахъ, хотя содержащій много ошибокъ и неточностей. Перечисленіе другихъ менѣе важныхъ трудовъ (въ томъ числѣ и Maciejowski, Hist. wloscian w Polsce, Warsz. 1874) у Пржиборовскаго. Послѣдній по времени трудъ, посвященный исторіи крестьянъ въ Польшѣ, принадлежитъ г. Бобржинскому (Karta z dziejów ludu wiejskiego w Polsce, Rocznik Akademii umiejętności w Krakowie, rok 1891—92, Krakow 1892). Статья г. Бобржинскаго основана исключительно на законодательныхъ постановленіяхъ, собранныхъ въ Volumina Legum и рисуетъ историческую картину закрѣпощенія крестьянъ въ Польшѣ на основаніи однихъ лишь юридическихъ памятниковъ; г. Бобржинскому вѣроятно не извѣстно изслѣдованіе проф. Антоновича, Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVIII в. (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. II), иначе онъ воспользовался бы богатымъ фактическимъ матеріаломъ этого труда, превосходно иллюстрирующимъ теоретическія соображенія г. Бобржинскаго о причинахъ ухудшенія положенія польскихъ крестьянъ съ конца XVII в.

При Краковской академіи существуетъ премія имени ген. Октавія Августиновича за трудъ, посвященный исторіи польскаго крестьянства. Учредитель преміи предлагаетъ слѣдующую задачу: „Исторія паденія крѣпостного права въ земляхъ, входившихъ нѣкогда въ составъ Рѣчи Посполитой, съ предварительнымъ обзоромъ исторіи образованія крестьянскаго сословія въ древней Польшѣ, его развитія и упадка и разсмотрѣнія всѣхъ явленій какъ въ области литературы, такъ и въ общественной жизни, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе положенія крестьянскаго сословія. Предложенная тема раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ:

тельно характеристики ихъ правъ. Одни изслѣдователи насчитываютъ 7 классовъ (Бобржинскій), другіе — только 3 (Смолька, Пѣкосинскій). Одни принимаютъ туземное происхожденіе всѣхъ общественныхъ классовъ въ древней Польшѣ, другіе — выводятъ только низшіе классы отъ туземцевъ, принимая классы высшіе за потомковъ чужеземныхъ нашельцевъ, родину которыхъ одни ищутъ въ землѣ прибалтійскихъ славянъ, другіе — въ землѣ Норманновъ.

По мнѣнію однихъ, землевладѣльцами въ древнюю эпоху Польши являются только низшіе классы, въ то время какъ классы высшіе землею до XII в. не владѣютъ, составляя безземельную княжескую дружину, жившую частью при дворѣ князя, частью въ качествѣ гарнизона по разнымъ польскимъ городамъ (Пѣкосинскій). По мнѣнію другихъ, только высшіе классы владѣютъ земельной собственностью, въ то время какъ крестьяне собственной землей не владѣютъ, а живутъ на княжескихъ земляхъ въ качествѣ чиншевиковъ (дѣдичи). Изъ низшихъ классовъ только свободные люди, происшедшіе отъ дѣдичей, освобожденныхъ князьями отъ личной зависимости, и чужеземные колонисты имѣютъ право пріобрѣтать землю въ собственность (Бобржинскій). Наконецъ третьи считаютъ ядромъ польскаго народа свободное населеніе мелкихъ земельныхъ собственниковъ (владыкъ) (Смолька).

Что касается самой организаціи крестьянскаго сословія, то всѣ изслѣдователи согласны въ признаньи *ополья* (opole), соотвѣтствующаго нашей верви, одной изъ древнѣйшихъ формъ крестьянской организаціи. Глубокая древность ополья доказывается уже тѣмъ, что мы застаемъ эту форму въ XII в. уже въ состояніи разложенія [1]).

---

1. Исторія крестьянскаго сословія въ древней Пястовской Польшѣ, т.-е. Великой Польшѣ, Малой Польшѣ, Мазовіи, Куявіи и Силезіи.

2. Исторія крестьянства на Руси и Литвѣ.

3. Исторія паденія крѣпостной зависимости въ присоединенныхъ къ Руси областяхъ Рѣчи Посполитой, а также въ Лифляндіи и Курляндіи.

4. Исторія паденія крѣпостного права въ областяхъ польскихъ, присоединенныхъ къ Пруссіи.

5) Исторія паденія крѣпостного права въ польскихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Австріи (см. Rocznik Akad. umiejętności w Krakowie, rok 1891—92, p. 141).

Нужно надѣяться, что эта премія (срокъ — конецъ декабря 1894) вызоветъ рядъ трудовъ по мало разработанной исторіи польскаго крестьянства.

1) Объ ополѣ см. Roeppel, Gesch. Polens I, приложеніе II, Виноверъ, l. c., p. 98, Smolka, Mieszko Stary, p. 124, Piekosiński, Rospravvy i sprawozd. XIV p. 228. Себастіанскій, Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства, Харьковъ 1888 г., p. 106, слѣд.

Г. Виноверъ принимаетъ еще административное, болѣе мелкое чѣмъ ополе, дѣленіе крестьянскаго сословія на деревни (p. 99).

Ополе, повидимому, есть древнѣйшій бытовой союзъ отдѣльныхъ сосѣднихъ деревень для нѣкоторыхъ общихъ цѣлей, изъ которыхъ намъ извѣстны лишь немногія. Мы знаемъ, что деревни, входившія въ составъ ополья отвѣчаютъ круговой порукой за преступленіе, совершонное въ его предѣлахъ. Центральное село, вокругъ котораго группировались остальныя, называлось *чело*. Опольемъ воспользовались князья для своихъ финансовыхъ цѣлей, налагая подати и повинности на все ополье кругомъ, а оно, вѣроятно, отвѣчало за нихъ, какъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, виновники которыхъ были неизвѣстны (или не выдавались общиной), круговой порукой. Однако уже въ XII ст. эта форма крестьянской организаціи клонится къ упадку. Въ многочисленныхъ земельныхъ пожалованіяхъ церкви встрѣчаемъ въ числѣ разныхъ привилегій и освобожденіе отъ опольной связи (a vicinia, s. opole liberamus). По всей вѣроятности, это происходило вслѣдствіе того, что церковь нерѣдко получала пожалованье на отдѣльныя села, входившія какъ часть въ составъ ополья. Разъ отдѣльныя части ополья находились подъ властью разныхъ лицъ или учрежденій, послѣднія и старались оторвать принадлежавшія имъ села отъ связи съ другими опольными селами, въ виду разныхъ неудобствъ, которыя вытекали для владѣльцевъ изъ старыхъ отношеній ихъ крестьянъ къ ополью.

По мнѣнію Пѣкосинскаго, въ эпоху первыхъ польскихъ князей на ряду съ опольемъ существовала и другая форма организаціи крестьянскаго сословія, которую этотъ ученый именуетъ *нарочной* или уставной *(narokowa)*. Села, расположенныя вблизи городовъ или военныхъ поселеній, обязаны были исполненіемъ извѣстныхъ спеціальныхъ повинностей въ пользу военнаго гарнизона: одни пекутъ для нихъ хлѣбъ (пекари), другіе приготовляютъ пищу (кухари), доставляютъ разную живность (ловцы, рыбари), стерегутъ скотъ, коней (конюхи) и т. д. Они находятся въ распоряженіи завѣдывающаго городомъ и отбываютъ повинности по очереди. За исполненіе указанныхъ повинностей нарочники пользуются извѣстными участками земли. Но съ того времени, когда шляхта получаетъ земельный надѣлъ, нарочники становятся излишними, и ихъ вмѣстѣ съ земельными участками, на которыхъ они сидятъ, князья начинаютъ раздавать монастырямъ и костеламъ. Наконецъ, по мнѣнію Пѣкосинскаго, нѣкоторая часть низшаго сословія была еще устроена по *сотнямъ:* военноплѣнныхъ садили въ разныхъ мѣстахъ десятками родовъ, и 10 такихъ поселеній должны были поставлять одного вооруженнаго воина.

Надъ десятью такими десятками стоялъ *сотникъ*, собиравшій съ нихъ подати и слѣдившій за отбываніемъ повинностей сотныхъ, а надъ всѣми сотниками начальствовалъ *Pstresto*.

Что касается экономическаго положенія древне-польскаго крестьянства, то мы имѣемъ слишкомъ мало фактовъ для сколько-нибудь точной его характеристики[1]).

Правовое и экономическое положеніе польскаго крестьянства становится намъ лучше извѣстнымъ съ половины XIV в. Юридическое положеніе ихъ опредѣляется изъ памятниковъ законодательства и судебныхъ книгъ, экономическое изъ многочисленныхъ уставныхъ грамотъ на Нѣмецкое право, имѣвшее такое широкое распространеніе во всѣхъ частяхъ Польши.

Статутъ Каз..мира знаетъ только одинъ разрядъ низшаго класса населенія — крестьянъ (kmethones, villani). Рабства, какъ отдѣльный институтъ, въ статутахъ Казимира не находимъ. Однако servi illiberi, которыхъ dominus ubi vult, locare potest, упоминаются въ одномъ изъ статутовъ 15 в.[2]). Оффиціальной отмѣны рабства въ польскихъ законодательныхъ актахъ нѣтъ. Закрѣпощеніе крестьянъ и вліяніе церкви — два условія исчезновенія рабства въ Польшѣ. Первое дѣлало рабство излишнимъ, т. к. приблизило положеніе крестьянъ къ рабскому состоянію. Вторая возставала противъ порабощенія католиковъ. Поэтому, если рабство de facto еще продолжало существовать въ Польшѣ (въ Литвѣ оно существовало и de jure въ XVI в.), то рабами признавались лишь одни нехристіане.

Польскій крестьянинъ XIV в. являлся еще лицомъ, имѣющимъ значительныя юридическія права. Онъ еще лично свободенъ, владѣетъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, на которое имѣетъ право распоряженія, ведетъ самолично судебные процессы; за убійство и покалѣченіе крестьянина установлена вира[3]). Свобода его ограничена только въ двухъ отношеніяхъ — въ правѣ выхода и подсудности по нѣкоторымъ дѣламъ. Что касается перваго, то въ этомъ отношеніи мы находимъ въ источникахъ нѣкоторое противорѣчіе. Въ статутѣ Казимира находится извѣстное постановленіе о выходѣ крестьянъ: ежегодно изъ каждаго

---

[1]) Перечисленіе крестьянскихъ повинностей см. у Смольки, Mieszko Stary, dodatek III.

[2]) Стат. Ягайла 1420, Bandtkie, Ius Polon., p. 219, § 31. De servis aut ancillis illiberis, evadentibus aut fugientibus.

[3]) Hube, Prawo polskie, w 14 wieku. Ero же Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schylkowi 14 wieku.

села могутъ выйти безъ согласія пана только одинъ или два крестьянина, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ крестьяне могутъ оставить село (если панъ насилуетъ крестьянскихъ женъ или дочерей, если за вину пана крестьяне терпятъ имущественный убытокъ, если за вину пана крестьяне въ теченіе цѣлаго года подлежатъ экскоммуникаціи)[1]). Изъ этого постановленія можно бы вывесть заключеніе о существованіи закрѣпощенія крестьянъ въ Польшѣ уже въ XIV в. — если безъ воли пана только одинъ или два крестьянина могли выходить изъ села, то изъ этого можно бы заключить, что остальные крестьяне лишены были права свободнаго выхода. Между тѣмъ многочисленные факты въ судебныхъ актахъ не только XIV но и XV в. доказываютъ обратное — существованіе въ это время свободнаго reclinatio (перехода) крестьянъ. Противорѣчіе это разрѣшается сравненіемъ указаннаго постановленія Висл. статута съ подобнымъ же параграфомъ статута Великопольскаго[2]). Здѣсь перечислены условія, которымъ долженъ былъ удовлетворить крестьянинъ при выходѣ: указанъ во-первыхъ срокъ выхода (на Рождество Христово и непремѣнно днемъ), во вторыхъ разъяснены и условія которымъ долженъ былъ удовлетворить крестьянинъ при выходѣ: сидѣвшій на польскомъ правѣ крестьянинъ долженъ былъ оставить въ порядкѣ свой дворъ (domo relicta bene et decenter septa), если сидѣлъ на *волѣ,* то отслужить пану столько лѣтъ, сколько сидѣлъ на волѣ. Сидѣвшій на нѣмецкомъ правѣ крестьянинъ могъ выйти, уплативъ пану чиншъ за всѣ года *воли,* поставивъ на свое мѣсто другого крестьянина, или обработавъ и засѣявъ свое поле. Не исполнившій этихъ условій крестьянинъ считался бѣглымъ, и всякій принявшій его долженъ былъ его вернуть пану, уплативъ кромѣ того пеню. Но если такъ, какъ же объяснить постановленіе Висл. статута о правѣ выхода одного или двухъ крестьянъ изъ каждаго села, помимо воли пана? Значитъ, одинъ или два крестьянина могутъ во всякое время оставить село, не исполнивъ своихъ обязательствъ по отношенію къ пану?

Намъ кажется, что объясненіе значенія этого постановленія находится въ одномъ варіантѣ его, напечатанномъ у Гельцеля[3]),

---

[1]) Hube, Prawo polskie w XIV w.

[2]) Ib. p. 185 и L.

[3]) Starodawne prawa polskiego pomniki I, p. Summa stat. Kaz. z tłómaczeniem ks. Swietosława.

тамъ мы читаемъ „plures kmethones de una villa ad aliam recedere non possunt nisi *a decem unus,* praeter domini villae voluntatem". Если мы вспомнимъ, что одно изъ важныхъ отличій поселеній на правѣ польскомъ отъ селеній на правѣ нѣмецкомъ состояло въ характерѣ раскладки повинностей, т.-е. что крестьяне на правѣ польскомъ платили *огуломъ* извѣстныя дани, между тѣмъ какъ каждый крестьянинъ, сидѣвшій на правѣ нѣмецкомъ, отбывалъ опредѣленныя повинности и платы *за себя,* то сущность этого постановленія станетъ намъ ясна, — задачи его гарантировать платежную правоспособность общины крестьянъ, сидѣвшихъ на польскомъ правѣ. Съ уменьшеніемъ числа членовъ общинѣ было все труднѣе отбывать наложенныя на нее повинности — одинъ и тотъ же размѣръ ихъ съ уходомъ соучастниковъ разлагался на меньшее число членовъ. Аналогію для этого постановленія мы найдемъ ниже и въ поселеніяхъ на русскомъ правѣ, гдѣ точно такъ же право свободнаго выхода имѣлъ только одинъ изъ каждаго десятка.

Другое важное ограниченіе личныхъ правъ крестьянина состояло въ подсудности крестьянина доминіальной власти пана. Съ внѣшней стороны здѣсь еще нѣтъ ограниченія правъ, это только перестановка судебной компетенціи,—государство переуступаетъ частному лицу судебную свою компетенцію надъ крестьяниномъ. Въ дѣйствительности однако, этотъ фактъ имѣлъ огромное и чреватое послѣдствіями значеніе для личнаго положенія крестьянина.

Юрисдикціи пана подлежали дѣла между его собственными крестьянами, а также претензіи другихъ лицъ къ его крестьянамъ. Въ случаѣ отказа пана удовлетворить обиженнаго, послѣдній могъ переносить дѣло въ общіе суды [1]). Такой порядокъ на первое время былъ даже выгоденъ для крестьянъ, такъ какъ защита интересовъ своего крестьянина составляла и прямой интересъ пана. Съ другой стороны, до самаго XVI в. крестьянинъ имѣлъ еще право иска противъ своего пана и судебнымъ порядкомъ могъ искать защиты противъ его злоупотребленій. Такимъ образомъ до конца XV в. польскій крестьянинъ не представлялъ еще такого юридически безправнаго лица, какимъ онъ намъ является въ XVI в. Юридическое закрѣпощеніе крестьянъ начинается лишь съ конца XV в. Отъ времени статутовъ Казимира и до статута 1496 г. въ законодательныхъ памятникахъ нѣтъ какихъ-либо особенно существенныхъ постановленій, стѣсняющихъ свободу крестьянъ. Это не значитъ конечно, чтобы въ фактическомъ

[1]) Hube, Sądy etc. p. 39.

положеніи крестьянина не произошло никакихъ измѣненій съ средины XIV до конца XV в. Статуту 1496 г. несомнѣнно должны были предшествовать извѣстныя обычныя нормы, юридически закрѣпленныя въ этомъ статутѣ.

На положеніе польскаго крестьянина въ XIV в. долженъ былъ несомнѣнно отразиться въ хорошемъ смыслѣ фактъ пріобрѣтенія Черв. Руси. Необходимость въ рабочихъ рукахъ заставляла шляхту Червоной Руси призывать на очень льготныхъ условіяхъ рабочее населеніе изъ Польши. Въ свою очередь, опасеніе остаться безъ рабочихъ рукъ должно было заставлять и польскую шляхту, особенно ближайшихъ къ Черв. Руси польскихъ земель, умѣрять свои требованія къ крестьянамъ. Въ виду этого повинности польскаго крестьянина XIV в. еще довольно незначительны; они сводятся къ довольно умѣренному чиншу (около 1 гр. въ годъ) и незначительной панщинѣ (4 дня въ годъ)[1]).

Новыя условія помѣщичьяго хозяйства въ XV в., явившіяся вслѣдствіе возможности выгоднаго сбыта хлѣбныхъ продуктовъ, успѣшное заселеніе Черв. Руси, сократившее усиленное перезываніе польскаго крестьянина на *волю* — вотъ важнѣйшія причины, создавшія новыя, болѣе тягостныя, условія для положенія польскаго крестьянина. Съ конца XV в. юридическія права крестьянъ польскихъ подвергаются все болѣе и болѣе стѣснительнымъ ограниченіямъ въ трехъ направленіяхъ: 1) прикрѣпленіи ихъ къ землѣ, 2) увеличеніи количества повинностей и особенно барщины, 3) безусловномъ подчиненіи доминіальной власти пана. Юридически процессъ закрѣпощенія польскаго крестьянина завершился во второй половинѣ XVI в., хотя фактически онъ завершился лишь къ концу XVII в.[2]).

Низшіе классы населенія Черв. Руси встрѣчаются въ актахъ подъ самыми разнообразными наименованіями. Одни изъ этихъ наименованій указываютъ на правовое положеніе того или другого разряда населенія, другія на его экономическое положеніе, третьи на характеръ отбываемыхъ повинностей.

Въ правовомъ отношеніи низшіе классы подраздѣляются существеннымъ образомъ на два разряда — несвободныхъ и свободныхъ (illiberi, liberi).

---

[1]) Huba, l. c., p. 39.

[2]) Bobrżynski, Karta z dziejow lude wiejskiego w Polsce, p. 175. Экономическое положеніе польскаго крестьянина въ древней Польшѣ ждетъ еще своего изслѣдователя.

Къ числу несвободныхъ принадлежатъ какъ полные рабы (servi), такъ и цѣлый рядъ лицъ зависимаго состоянія, не имѣвшихъ полнаго права распоряженія своей личностью. Къ такимъ принадлежатъ *коланные* (kalanny, kalannik, caleny, calennik), *ордынцы* и *сотные*.

Свободные классы низшаго разряда населенія встрѣчаются въ актахъ главнымъ образомъ подъ именемъ *homines, kmethones*[1]).

Свободные (liberi) крестьяне, имѣвшіе право выхода (похожіе, zapochodzączy), по способу отбыванія повинностей дѣлятся на данниковъ (homines tributarii) и людей служебныхъ, исполнявшихъ въ пользу земледѣльцевъ тѣ или другія службы (servi-les, servitores, służebny[2]).

По экономическому положенію крестьяне дѣлятся на possessionati (osiadły, obssessi, locati) и impossessionati (inquilinus, subses, podsadek). Первые, смотря по количеству земли, находившейся въ ихъ владѣніи (или пользованіи), носятъ названія — arealis, curialis, curista, dwornik, podworzyszczny, de area, in curia sedens, de media area (de quartale agri; kmetho qui habet aratrum). Люди дворовые встрѣчаются подъ названіемъ familia, servitores, servi, челядь[3]).

Разслѣдованіе правового и экономическаго положенія крестьянскаго населенія Черв. Руси начнемъ съ класса рабовъ и несвободныхъ.

Происхожденіе древняго рабства вездѣ одно и то же: плѣнъ, продажа, рожденіе и разнаго рода зависимыя состоянія ведутъ къ рабству. Но тѣмъ не менѣе положеніе раба у разныхъ народовъ и въ разное время далеко не одинаково. Не только въ фактическомъ, но и въ юридическомъ положеніи раба мы найдемъ не мало отличій, сравнивая рабство у разныхъ народовъ. Понятно, что у одного и того же народа въ разные періоды его исторіи институтъ рабства долженъ былъ видоизмѣняться вмѣстѣ

[1]) Встрѣчаемъ однажды названіе смердъ, но уже въ качествѣ браннаго слова. (A. gr. XIV, p. 15 «ipsum infamavit, dicens ipsum gauconem, alias *smarddze;* ib. p. 106. N. Nic. de Grzonda inculpavit nob. Petrum Zolthansky, quomodo appellaret eum minimum, alias *smard).* Однажды встрѣчаемъ названіе *ратай* (A. gr. XII, p 9. Decem boves violenter una cum aratro et homine circa aratrum existenti, alias *ratajem* et duobus famulis pellentibus aratrum... in curiam incipavit. Очень часто общее названіе — incola, colonus.

[2]) По роду занятій — конюхи (agazones), сокольничіе, загродники, molendinator, propinator (корчемникъ), бортникъ.

[3]) Sedentes in camera XIV, 209, б. м. aediles и дворники (domus... in qua sedit aedilis suus, alias dwornyk, A. g. XV p. 123.)

со всѣмъ строемъ общественной жизни. У современныхъ цивилизованныхъ народовъ юридическое рабство исчезло, законъ уже не знаетъ раба, не признаетъ человѣка вещью, которою можетъ безконтрольно, по личному своему усмотрѣнію, распоряжаться господинъ. Рабство однако и теперь не исчезло, оно только перемѣнило свой обликъ — человѣкъ привязанъ теперь не къ лицу, не къ землѣ, а къ *обязательству;* законъ не спрашиваетъ, кто и что прикрѣпили человѣка къ обязательству, но смотритъ на послѣднее какъ на господина, а на связаннаго имъ какъ на раба. Конечно, de iure въ положеніи связаннаго обязательствомъ и раба большая разница — прикрѣпленіе къ обязательству ведетъ въ дурномъ случаѣ лишь къ ограниченію правъ, хотя бы и порою весьма важному, какъ временному лишенію свободы, а рабство — къ полной утратѣ всѣхъ личныхъ правъ. De facto положеніе экономически зависимаго однако нерѣдко хуже положенія древняго раба, приводя человѣка въ безвыходное моральное рабство. Но сравненіе стараго рабства съ новымъ не входитъ въ нашу задачу и повело бы насъ слишкомъ далеко.

Однако и въ прошломъ у разныхъ народовъ, стоявшихъ на одинаковыхъ ступеняхъ культурнаго развитія, въ эпоху полнаго господства рабства, признаннаго и охраняемаго закономъ, мы замѣчаемъ не мало интересныхъ оттѣнковъ, а иногда и довольно существенныхъ чертъ отличія въ относительномъ положеніи раба. Національный характеръ, преобладаніе одного какого-либо источника происхожденія рабства, экономическія условія страны, извѣстныя культурныя теченія — все это отражалось и на положеніи раба не только въ фактическомъ, но и въ юридическомъ отношеніи.

„Рабъ — человѣкъ не свободный, онъ принадлежитъ не себѣ, а господину, онъ не субъектъ, а объектъ правъ. Но исходя изъ мысли, что рабъ есть собственность, предки наши не могли же не замѣчать, что есть разница между собственностью-человѣкомъ и всякой другой собственностью... Рабъ есть собственность, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ этого принципа въ частностяхъ“ [1]).

Другой изъ нашихъ лучшихъ знатоковъ права, идетъ еще дальше, замѣчая, что состояніе холопства есть только наибольшее ограниченіе правъ, но не окончательное лишеніе ихъ; холопы обладаютъ нѣкоторыми правами, поэтому почтенный авторъ и

[1]) Сергѣевичъ, Русск. юрид. древн. 97.

отнесъ отдѣлъ о холопахъ не къ ученію о вещахъ (объектахъ), а къ ученію о субъектахъ [1]).

И то и другое мнѣніе имѣютъ за собою одинаково вѣскія основанія — это два противоположные момента рабства. На первыхъ ступеняхъ цивилизаціи, при господствѣ одного обычнаго права, рабъ является дѣйствительно только собственностію господина, объектомъ *его* правъ. Такъ было вездѣ, такъ было конечно и у насъ [2]).

Съ развитіемъ гражданственности, съ проникновеніемъ въ нашу жизнь разныхъ культурныхъ началъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто слѣдуетъ отвесть христіанству, и положеніе раба постепенно видоизмѣняется. Онъ все болѣе и болѣе теряетъ характеръ безусловной собственности, объекта, и все болѣе, такъ сказать, субъективируется. Какъ вездѣ, такъ и въ юридическомъ положеніи раба, практика идетъ далеко впереди закона. Въ то время какъ законъ еще долго стоитъ на сторонѣ старыхъ понятій, признаетъ раба вещью и оберегаетъ одни интересы господина-собственника, самъ собственникъ, подъ вліяніемъ разныхъ культурныхъ и нравственныхъ теченій, начинаетъ разбираться въ своихъ правахъ и дѣлать человѣку-вещи разныя уступки, отдавая ему, хотя и очень постепенно, нѣкоторыя права. Житейская практика начинаетъ проникать въ законодательство, узаконяю-

[1]) Влад. Будановъ, Обз. ист. русск. пр. 329.

[2]) Главнѣйшіе труды по исторіи рабства на Руси:

Б. Н. Чичеринъ, Несвободныя состоянія въ древней Руси (Опыты по ист. русск. права); В. О. Ключевскій, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи (Русск. Мысль 1886, кн. V, VII, IX; его же—Происхожденіе крѣпостного права, ib. 1885, № VIII и X; М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, Кіевъ 1888 г., р. 329—343; В. И. Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, 1890, р. 94—160; И. В. Лучицкій, Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. К. Унив. Изв. 1885 г., № 11—12; его же, Русскіе рабы и рабство въ Руссильонѣ въ XIV и XV в., ib. 1886, № 11.

Мы не имѣемъ въ виду дѣлать здѣсь изслѣдованія исторіи древнерусскаго рабства; мы ограничимся только краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе, по нашему мнѣнію, обоснованныхъ выводовъ разныхъ изслѣдователей по данному вопросу. Не можемъ однако не указать на два, по нашему мнѣнію, значительныхъ недостатка въ методѣ нѣкоторыхъ изслѣдователей древнерусскаго рабства (недостатки эти отражаются очень часто на изслѣдованіи другихъ сторонъ древнерусскаго быта разными учеными):

1) не принимаются во вниманіе мѣстныя особенности отдѣльныхъ древнерусскихъ земель.

2) институтъ не разсматривается достаточно строго въ его историческомъ развитіи и въ связи съ измѣненіями въ общемъ строѣ жизни; а между тѣмъ общій строй мѣстныхъ особенностей, характеръ занятій населенія и т. п. должны были несомнѣнно отразиться и на положеніи раба въ отдѣльныхъ земляхъ; на это сохранились намеки въ разныхъ памятникахъ.

щее нѣкоторыя изъ обычныхъ правъ раба. Еще дальше само государство изъ собственныхъ, чисто впрочемъ фискальныхъ, цѣлей, не сочувствовавшее распространенію полнаго рабства, начинаетъ сокращать разные источники рабства, и послѣднее вымираетъ естественною смертью. Замѣчателенъ фактъ, указанный уже не разъ нашими изслѣдователями русскаго права, что у насъ не было никакого законодательнаго акта отмѣнявшаго институтъ рабства. Культурныя теченія, смягчавшія на практикѣ суровость рабства въ соединеніи съ постепеннымъ закрытіемъ источниковъ самаго института и узаконеніемъ разныхъ правъ нѣкогда вовсе безправнаго человѣка-вещи совершенно видоизмѣнили сущность этого института. Въ то же время умаленіе правъ другихъ классовъ общества порвало тѣ рѣзкія грани которыя отдѣляли когда-то раба не только отъ свободнаго, но и отъ временно зависимаго субъекта, и рабство окончательно слилось съ крестьянствомъ, съ своей стороны утерявшимъ большую часть своихъ правъ,—старое холопство, слившись съ крестьянствомъ, отравило его своимъ безправіемъ.

Такова въ короткихъ чертахъ общая схема исторіи нашего рабства.

Въ то время какъ въ Польшѣ рабство перестало уже существовать de jure, въ Галицкой Руси, долго еще послѣ введенія польскаго права, оно продолжало жить и, если не признавалось, то терпѣлось закономъ, значительно однако ограничившимъ и смягчившимъ этотъ древній институтъ. Какъ увидимъ изъ примѣровъ судебной практики, правительство стремилось обратить существовавшее еще здѣсь рабское состояніе въ состояніе кабальной зависимости и опредѣляло способы прекращенія этой зависимости.

Въ галицкихъ актахъ мы находимъ нѣсколько терминовъ для обозначенія рабскаго состоянія: *servus, illiber* (familia illibera = невольная челядь), *kallanny*.

Терминъ servus можетъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе, такъ какъ онъ прилагается къ несвободному и свободному (чаще) населенію — въ послѣднемъ случаѣ въ смыслѣ слуги[1]).

Терминъ familia точно такъ же относится къ разрядамъ какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ лицъ (familia libera, familia illibera)[2]).

---

[1]) A. gr. XIII, p. 398—9. Nobiles servi, ib. p. 434. Продажа servicii et obedientiae надъ nobiles servi. Servitores illiberi. A. gr. II, № 58.

[2]) Nob. Georg. de Krosna... lucratus est (na D. Th. de Buczacz) supervencionem

Kalanny, kalanstwo есть видъ несвободнаго состоянія, хотя въ разговорномъ языкѣ, повидимому, этотъ терминъ употреблялся и въ общемъ смыслѣ — рабства[1]).

Акты XV в. указываютъ намъ нѣсколько еще дѣйствующихъ источниковъ рабства: покупку и отдачу въ рабство за невыполненіе извѣстныхъ обязательствъ. Оба эти источника существовали и въ болѣе древнее время, но съ инымъ характеромъ

Открытая продажа и покупка рабовъ въ предѣлахъ польскаго государства не допускалась, поэтому пріобрѣтеніе рабовъ покупкой могло происходить только за предѣлами собственной Польши. Въ Литвѣ однако въ XV в. рабство существовало еще въ значительныхъ размѣрахъ. Тамъ существовали довольно значительные рынки работорговли, и продажа рабовъ происходила открыто съ соблюденіемъ тѣхъ же обычаевъ, что и при всякихъ торговыхъ сдѣлкахъ при свидѣтеляхъ и питіи могорыча. Изъ одного акта мы узнаемъ, что подобный рынокъ находился между прочимъ въ Луцкѣ, и что работорговлей тамъ занимались евреи[2]).

Упомянутый актъ — любопытное судебное дѣло о паробкѣ Яковцѣ или Иванкѣ, проданномъ и перепроданномъ въ рабство. Дѣло состояло въ слѣд.: нѣкій шляхтичъ Андрей de Sennow продалъ армянину Ивану (providо Iwanis Armeno) паробка Янка (Jankowyecz iuvenem, въ другихъ мѣстахъ онъ называется Jakouyecz, т.-е. Яковъ) за двѣ копы. Однако другой шляхтичъ, Петръ Жолтанскій, задержалъ этого паробка, утверждая, что онъ сынъ его крестьянина Шимка и жены его Ганки (Hancze), захваченный вмѣстѣ съ двумя конями и тридцатью козами татарами во время ихъ набѣга на Русь. Андрей de Sennow утверждаетъ, что купилъ паробка въ *Луцкѣ* у *еврея* и продалъ его *за русскаго* (et eundem e contra *pro Rutheno* vendidit), въ доказательство чего указываетъ на могорычниковъ (mercipotores) Гринка и Юшка (de districtu Premisliensi), свидѣтелей продажи. Но отецъ и мать паробка заявляютъ, что имя ему Иванъ, а не Яковецъ, и что онъ *христіанинъ*, а не *русскій (et est Christianus, non Ruthenus)*.

---

violentem al. *nagyasdu* (нагздъ) super octo nobilibus, qui eciam *familiam ipsius liberam et illiberam* disperserunt violenter. A. gr. XIV, p. 22.

[1]) ....asserebat esse *illiber et regius*, alius *ordyniecz* i *kalanny*, Acta Castr. Leop. 1470, (A. Gr. VX, p. 461) *illiber*, vulg. *kalanny*, illiberi al. kallany kalanni al. illiberi, A. gr. XII, № 871, 891, 3028. Приводимой Любомирскимъ цитаты Iurscha — dedit se ad ordam in *kalanstwo*, мы же нашли въ львовскихъ актахъ.

[2]) A. gr. XIV, p. 257 ad. a. 1448.

Къ сожалѣнію, въ актахъ львовскихъ нѣтъ окончанія этого любопытнаго дѣла; львовскій староста, на судѣ котораго это дѣло разбиралось, отложилъ его на судъ короля и пановъ будущаго вѣча. Рѣшеніе высшей инстанціи намъ не извѣстно.

Разсказанное дѣло очень важно для исторіи рабства въ Галицкой Руси XV в. Мы видимъ, что въ XV в. христіанинъ, какимъ по понятіямъ поляковъ былъ только католикъ, не могъ быть проданъ въ рабство. Продавецъ оправдывается тѣмъ, что считалъ его за русскаго (за какого и купилъ). Но и самая продажа въ рабство русскаго происходитъ уже въ сурдинку, безъ письменныхъ актовъ, а только въ присутствіи свидѣтелей (могорычниковъ). Мы не знаемъ рѣшенія суда въ этомъ дѣлѣ, но изъ другихъ судебныхъ дѣлъ можемъ опредѣлить взглядъ закона на состояніе рабства: законъ не признаетъ продажи свободнаго человѣка въ вѣчное рабство; законъ признаетъ только временное зависимое состояніе, временную кабалу, которая прекращалась погашеніемъ условія, его вызвавшаго. Въ доказательство такого взгляда закона приведемъ нѣсколько судебныхъ рѣшеній по дѣламъ о проданныхъ въ рабство.

Галицкій еврей Мардохей требуетъ судебнымъ порядкомъ возвращенія бѣжавшей отъ него несвободной женщины, пріобрѣтенной покупкой (et ipse eam emit). Опрошенная на судѣ женщина заявляетъ, что еще маленькой была куплена за копу; еврей утверждаетъ, что купилъ ее за шесть копъ. Судъ порѣшилъ, что отвѣтчица должна уплатить еврею копу грошей, а если еврей докажетъ свидѣтелями, что заплатилъ за нее больше, то отвѣтчица должна столько же ему уплатить. Судъ не договариваетъ, но смыслъ рѣшенія ясенъ — уплативъ сумму, за которую была продана, отвѣтчица становится свободной.

Къ сожалѣнію, это интересное дѣло изложено въ актахъ слишкомъ кратко и неполно — мы не знаемъ, гдѣ была куплена отвѣтчица и кѣмъ продана въ рабство[1]).

Итакъ изъ этого дѣла вытекаетъ, что рабъ освобождался уплативъ покупную сумму своему господину. Можно было бы пред-

[1]) Приводимъ цѣликомъ этотъ любопытный актъ: Mardocheus Iudeus de Halycz actor proposuit super feminam illiberam, quam coram iure adduxit, quia sibi fugit, et ipse eam emit. Et mulier per iudicium est interrogata, unde esset. Que dixit: parwa fui, quando sum empta pro sexagena, Iudeus dixit: domini, ego eam emi pro sex sexagenis et habeo super hoc homines. Domini decreverunt Iudeo sexagenam pro ea, et si quid plus docebi litera de iudicio portata, quod homines ibidem existentes coram iudicio recognoscerent, quia plus daret pro ea, hoc sibi Iudeo mulier solvere debet. A. gr. XIV, p. 280.

положить, что освобожденіе происходитъ здѣсь потому, что евреямъ запрещалось имѣть рабовъ-христіанъ, но мы уже видѣли, что христіанами признавались только католики. Мы не знаемъ вѣроисповѣданія отвѣтчицы, но думаемъ, если бы она была католичка, то судъ освободилъ бы и даже безъ уплаты покупной цѣны. Что евреи владѣли рабами, на это есть много фактовъ. Въ одномъ актѣ грубешовскій еврей за долгъ въ 150 м. закладываетъ львовскому старостѣ все свое имущество, въ томъ числѣ десять купленныхъ рабовъ [1]).

Что законъ возставалъ противъ порабощенія свободнаго человѣка, доказываетъ слѣд. дѣло: генеральный староста Руси возбуждаетъ дѣло (повидимому по жалобѣ потерпѣвшей) противъ шляхтича Станислава de Sczepyerze, продавшаго свободную женщину въ рабство еврею. Шляхтичъ оправдывается тѣмъ, что не продавалъ истицы въ рабство, а только заложилъ ее (invadiavit in pecuniis suis, quam sibi mulier predicta tenebitur) за долгъ [2]).

Какъ же совмѣстить съ такими стремленіями закона къ ограниченію рабства его *открытое* существованіе? [3]) Изъ многихъ

---

[1]) A. gr. XIV, p. 245. Issaczko Sokolowicz Iudeus Hrubeschowiensis... in hys debitis... obligavit omnia bona sua... (mobilia) et immolilia in Hrubyeschow... domum, agrum et alias possessiones... (quas) ibi habet et *eciam decem emptas illiberas personas*...

[2]) A. gr. XIV, p. 34.

[3]) Торговля рабами происходила и въ самомъ Львовѣ совершенно оффиціально еще въ XV в. 1466 г. Казимиръ далъ купцамъ Каффы грамоту на свободный и безпошлинный провозъ всякихъ товаровъ кромѣ невольниковъ (homines obnoxii), за которыхъ они уплачивали во Львовѣ по флорину съ головы (Wl. Lozinski, Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII w. Lwow 1890, p. 38 A. gr. VI, № 67). Въ 1472 г. львовскій мѣщанинъ Лука Линднеръ заноситъ въ львовскія магистратскія книги роспись въ полученіи 100 фл. венг., занятыхъ у него итальянцемъ изъ Бергамо Russeto и его товарищемъ Франциномъ de Papia на содержаніе невольницъ во Львовѣ. По Зиморовичу, котораго цитуетъ Зубрицкій (Kron. miasta Lwowa, p. 220), этотъ итальянецъ устроилъ во Львовѣ публичный домъ, для чего и доставилъ сюда невольницъ. Но онъ былъ за это преданъ суду и изгнанъ изъ города. По Зубрицкому, домъ, гдѣ помѣщалось устроенное итальянцемъ заведеніе, стоялъ долго необитаемымъ, пока городская управа не продала его жиду Нахману (domum ligneam, quondam meretricum lenociniis), ib. p. 221. Изъ привезенныхъ Руссетомъ невольницъ двѣ женщины были родомъ изъ Абхазіи православнаго исповѣданія, православной была и дѣвушка мингрельская; двѣ женщины католички, кромѣ того у одной абхазки была дочь, а у католички genete gethica — сынъ. По договору этихъ невольницъ съ генуэзскимъ купцомъ Лонеллино, (перекупившимъ невольницъ у Руссета), сохранившемуся въ львовскихъ магистратскихъ книгахъ, онѣ получаютъ свободу, отслуживъ владѣльцу 12 лѣтъ въ Генуѣ за сумму своей стоимости. Но если бѣгутъ въ дорогѣ, то договоръ теряетъ силу. Дочь абхазки и сынъ католички получаютъ полную свободу. Lozinski, l. c. p. 38.

актовъ мы убѣждаемся, что контингентъ рабовъ въ Галицкой Руси XV в. весьма значителенъ. Рабами владѣютъ частныя лица (въ томъ числѣ часто евреи), находимъ цѣлый классъ рабовъ королевскихъ; рабы заносятся въ судебные акты въ общемъ числѣ имущества разныхъ лицъ, закладываются, продаются вмѣстѣ съ имуществомъ и отдѣльно, въ рабство завѣренными въ судѣ документами отдаютъ разныя свободныя лица не только самихъ себя, но и своихъ женъ и дѣтей. И все это происходитъ десятки лѣтъ спустя послѣ введенія въ Галицкой Руси права польскаго, въ которомъ de jure уже нѣтъ класса рабовъ? Дѣло въ томъ, что какъ мы уже указывали, введеніе въ Черв. Руси польскаго права имѣло совершенно иное значеніе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Введеніе польскаго права въ Гал. Руси обозначало только введеніе здѣсь администраціи и судоустройства на польскій ладъ, такъ какъ до того судебное и административное устройство Черв. Руси значительно отличалось отъ устройства собственно польскихъ провинцій. Но польское *право* и послѣ 1435 г. распространялось здѣсь *только на тѣхъ, кто ему подлежалъ, кто былъ in jure Polonico.*

Не только въ Черв. Руси, но даже и въ Польшѣ вовсе не было правиломъ положеніе — cujus dominium, ejus jus[1]). Въ имѣніяхъ шляхтичей, имѣвшихъ plenum jus militale polonicum, находились массы населенія, жившія на нѣмецкомъ правѣ. Въ Черв. Руси разнообразіе *правъ* было еще гораздо больше. На королевскихъ, церковныхъ, частно-владѣльческихъ земляхъ жило населеніе, пользовавшееся самыми разнообразными *правами*: населеніе на правѣ нѣмецкомъ, польскомъ, валашскомъ, русскомъ. Евреи, армяне, татары, даже чуть не ятвяги имѣли свое jus и судились по своимъ юридическимъ обычаямъ.

Русское право, какъ мы знаемъ, признавало существованіе рабства, а какъ русское *право* вовсе не было отмѣнено въ Черв. Руси съ введеніемъ здѣсь польскихъ порядковъ въ администраціи и судоустройствѣ, то рабство осталось здѣсь еще на долгое время послѣ 1435 г.[2]).

Къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ въ подлинникѣ этого интереснаго договора. По-видимому, и Армяне не брезгали работорговлей, ib. p. 38, cf. Запись въ A. g. XIV, p. 121. Cristoforus italicus solvat n. Stanislao de Gora decem residuas marcas pro homine *quem sibi vendidit.*

[1]) Употребляемъ здѣсь слово *jus* въ смыслѣ права, по которому судилось населеніе, подлежавшее доминіальной власти извѣстнаго лица.

[2]) Замѣтимъ еще, что въ древней Польшѣ можно было вносить въ книги судебныя

Поэтому-то рабство въ Черв. Руси XV в. существуетъ не только въ силу *дожиганія* стараго института, не отмѣненнаго законодательствомъ, но и при посредствѣ *дѣйствующихъ* еще источниковъ этого института. Контингентъ рабовъ пополняется, здѣсь не только путемъ естественнаго нарожденія дѣтей отъ рабовъ-родителей, но и другими путями: плѣномъ, покупкой, порабощеніемъ за невыполненіе извѣстныхъ обязательствъ.

Прямыхъ указаній на рабовъ изъ плѣнныхъ въ актахъ мало, но едва ли можно сомнѣваться, что и въ XV в. плѣнниками въ значительной степени пополнялся классъ рабовъ[1]). Вслѣдствіе болѣе оживленныхъ сношеній съ сосѣдними странами, обмѣнъ и выкупъ плѣнниковъ долженъ былъ происходить несравненно чаще, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Поэтому однако рабы-плѣнники едва ли составляли въ XV ст. такой значительный процентъ, какъ въ предыдущія столѣтія.

Покупали рабовъ, какъ мы видѣли, за предѣлами Гал. Руси. Но, какъ мы опять видѣли, перепродажа рабовъ совершалась и въ предѣлахъ Черв. Руси; маклачили рабами преимущественно евреи, армяне, итальянцы. Продавались рабы и отдѣльно и вмѣстѣ съ имѣніями, заселенными рабами.

Наиболѣе частыми случаями продажи въ рабство является въ актахъ самопродажа (кабала) или продажа и залогъ жены и дѣтей.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе характеренъ случай, занесенный въ галицкія судебныя книги [2]).

Крестьянинъ Зенъ жалуется на шляхтича Яна Колу, что тотъ силой захватилъ его дочь Катерину, que non erat illibera (т.-е. обратилъ ее въ рабу). Кола отвѣчаетъ, что не присвоилъ себѣ насильно дочери Зена, но что Зенъ, его крестьянинъ, навелъ на его домъ воровъ, обокравшихъ домъ. Онъ, какъ Dominus, дознавшись о его винѣ, судилъ Зена на своемъ судѣ и присудилъ его къ уплатѣ 60 м. Осужденный Зенъ явился на его судъ съ своею дочерью Катериною и *просилъ принять въ уплату этой вины свою дочь, при чемъ урѣзалъ ей носъ* (et ipse veniens ad jus cum filia dicta Katherina, *perpetivit me in premissis penis sexa-*

всевозможныя записи. Юридическая состоятельность записей разсматривалась судомъ лишь тогда, когда кто-нибудь поднималъ противъ нея протестъ.

[1]) Татаръ, вѣроятно изъ плѣнныхъ, встрѣчаемъ въ Черв. Руси въ XV в. A. gr. XII, p. 284—5.

Татаринъ nob. Strzeczow.

[2]) A. gr. XII, p. 174.

ginta marcarum dicta filia, et isti ancille nasum cisit). Кола проситъ судъ положить на истца штрафъ, такъ какъ онъ ищетъ его рабы (quia ipse proponit pro serva mea) и куда-то упряталъ дѣвку (et istam ancillam non habet penes se). Судъ однако не рѣшился постановить какого-либо рѣшенія и отложилъ дѣло до общаго собранія шляхтичей (colloquium generale). Такимъ образомъ въ данномъ актѣ отецъ отдаетъ въ рабство за долгъ свою дочь. Но въ этомъ актѣ есть еще подробность единственная въ своемъ родѣ: самъ отецъ налагаетъ на свою дочь клеймо рабства, урѣзываетъ (или насѣкаетъ) ей носъ. Мы знаемъ, что на европейскихъ рынкахъ рабовъ клеймили, надрѣзывали щеки и носы[1]), но клейменіе рабовъ, да еще родителемъ раба — фактъ, насколько мнѣ извѣстно, на Руси единственный въ своемъ родѣ.

Въ другомъ случаѣ должникъ самъ заноситъ въ судебныя книги запись, по которой предоставляетъ кредитору въ случаѣ невыполненія своего обязательства не только свой домъ, но жену и дочерей, которыхъ заимодавецъ можетъ продать и заложить tanquam jure aquisitas[2]).

Въ одномъ случаѣ *слуга* обязался отправить шляхтичу воинскую повинность; въ случаѣ невыполненія этого обязательства шляхтичъ можетъ держать его въ рабствѣ *по русскому* праву (et Czygan *ipsum tenebit in jure Ruthenico, velut servum*[3]).

Къ числу несвободныхъ принадлежитъ классъ *коланныхъ, коланниковъ*[4]). Встрѣчаются коланные какъ въ Червоной Руси, такъ и въ разныхъ областяхъ Литовскаго государства[5]). Что ко-

[1]) 1366 г. нѣкто Николо де Баньоли представилъ нотаріусу рабыню, родомъ изъ Константинополя «medie statute, pelle bianca cum neo super naso et aliis duobus parvis super mela gote dextrae et alio super cilio sinistro, et alio prope oculum sinistrum... другая рабыня Маргарита была, pellis ulivigne, cum margine magno in testa apud cilium sinistrum, *margine* in *gena sinistra prope nasum, nasu* rincagnato, aurichulis olim foratis, hodie reclusis, resaldatis... Лучицкій, Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. Кіевск. Унив. Изв. 1885 г., № 11, р. 387.

[2]) A. gr. XIV, p. 459.

[3]) A. gr. XIV, p. 118.

[4]) Такъ въ русскихъ актахъ; въ латинскихъ — kalanny, kalannik, calanny, kalennik.

[5]) Въ Черв. Руси въ земляхъ Галицкой и Львовской. Въ Литовской Руси въ земляхъ Кіевской, Волынской, Барскомъ старостве. Такъ въ люстраціи Кіевской земли XV в. находимъ ихъ въ селахъ на Рси (Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII, т. II, р. 1: село Цветковъ, а въ томъ селѣ отаманъ, а два человѣка, одинъ слуга, а другой коланный). Акты Зап. Россіи I, № 98, жалованная грамота княгини Слуцкой Анны Слуцкому Троицкому монастырю на даннаго человѣка: подъ манастыремъ быти ему, какъ и иные живутъ подъ манастыремъ, а прочъ ему не пойти отъ манастыря, а коли прочъ пойдетъ, тогды маетъ его искати, *какъ котораго коланного*, хто будетъ

лапные классъ несвободный ясно изъ предиката illiber, всегда сопровождающій названіе kalanny [1]). Однако состояніе коланства не есть рабское состояніе. Коланный только лицо ограниченное въ правахъ, но не лишенное ихъ вовсе. Главное ограниченіе личныхъ правъ коланнаго — отсутствіе права на выходъ.

Коланный прикрѣпленъ къ землѣ и не имѣетъ jus reclinacionis. Въ большинствѣ актовъ, въ которыхъ упоминаются коланные, дѣло идетъ обыкновенно о спорахъ по поводу ихъ reclinacio. Въ случаѣ доказательства принадлежности вышедшаго изъ какого-либо села крестьянина къ разряду коланныхъ, онъ непремѣнно возвращается на свое прежнее мѣсто, какъ не имѣющій права выхода [2]). Что состояніе коланства не есть рабское состояніе, доказывается тѣмъ, что свидѣтельскія показанія коланныхъ принимались на судѣ: въ случаяхъ споровъ о принадлежности извѣстнаго лица къ разряду коланныхъ, дѣло рѣшается показаніемъ самихъ коланныхъ подъ присягой, quod dictus homo est calanny [3]).

ластырь тотъ держати"... Лит. Метр. кн. Зап. V, л. 111 (выписка любезно сообщенная намъ М. К. Любавскимъ), выровъ короля Александра пану Войтѣху Яновичу на дворъ Костевскій, названный Межирѣчъ (12 іюня 1502), коимъ за Войтѣхомъ утверждается этотъ дворъ „зъ болярскими землями и зъ селы, и зъ служебными людми и съ *коланными, то есть тяглыми, и зъ ихъ землями* и зъ данники, и зъ даньми грошовыми и медовыми"..

Арх. Юго-Зап. Рос. VII, т. II, p. 222. Sluskowie kolanni, als zubozale liudzi obraczaia na poslugi potoczne, ktorzi polachowsczizni, ani inszich prerogatiw nie dawaia, tilko podimnego po gr. dwa, puskarowsczizni po gr. dwa.

[1]) Illiber, vulg. calanny, A. gr. XII. p. 88, kalanny, al. illiber, 16, p. 91. Любомирскій (Roln.. ludnosc w Polsce) приводитъ мѣсто изъ львовскихъ судебныхъ книгъ: Iurscha dedit se ad ordam in *kalanstwo* — но мѣста этого мы въ львовскихъ книгахъ не нашли.

[2]) A. gr. XII, p. 276. Iudex cum dominis in iudicio sedentibus habet interrogare mf. d. Andream Pal. Leop. pro hominibus *calanne,* quia una pars, vct. gs. P. de Czeszibyesy edocuit homine extraneo, al. *opczim,* quia ibi nulla culpa est hominibus data circa reclinacionem dictis Nyestor *Calannyk,* Chodor et Hryn, et alia pars adversa dixit: N. Paulus Petrilowsky procurator n. Petri officialis Halic. volo edocere vathamano et homine extraneo et eciam hominibus vicinis al. opczimi, quia predicti homines sunt illiberi, al. *calanny,* ib. p. 88. N. P. Sfistelniczky remansit penes Margaretham viduam una cum ancillis tribus contra rev. in Christo patrem dom Archiep. Leop., qui idem rev-us debet mittere excepto filio racione quod Henricus, procurator ejusdem rev-i dixit, quod est illiber, wulg. *calanny,* et idem vidua debet dare mediam sexagenam reclinacionem, et super hiis dedit Petrus memoriale racione quod ibi vadit post virum, cf. примѣч. 5-е на предъидущей страницѣ

[3]) A. gr. XII, p. 152. Ds. Joh. Cap. Trebowliensis in quatuor septimanis hic in Halicz vathamanum et duos homines *calanich* statuere habet adversus dom Jacconem,

Коланные, какъ кажется, могли имѣть имущество, заключать нѣкоторыя гражданскія сдѣлки и вести процессы по дѣламъ имущественнымъ черезъ уполномоченныхъ[1]). Въ XV ст., какъ кажется, классъ коланныхъ пополнялся не только путемъ нарожденія отъ коланныхъ родителей, но и путемъ поступленія въ разрядъ коланныхъ людей свободныхъ[2]). По крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ факты, что въ одной и той же семьѣ только одинъ членъ коланный, а остальные свободны и имѣютъ право выхода[3]). Мы встрѣчаемъ даже случаи, когда свободные люди признаютъ себя добровольно коланными, несмотря на обратное показаніе другихъ коланныхъ[4]). Быть можетъ, нѣкоторыя особенности въ положеніи коланныхъ дѣлало состояніе коланства не только не противнымъ свободному крестьянству, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже завиднымъ: коланные, повидимому, отбывали только извѣстныя повинности, не платя никакихъ другихъ податей[5]).

---

qui iurare habent adversus ipsum ita, quod Olesko est homo *calanni*, et si et (вѣроятно — non) haberet duos *Calannich*, extunc duos bonos viros, cf. ib. p 205. Такое же свидѣтельство 6 коланныхъ. A. gr. XV, p. 461. Подобное же свидѣтельство ордынцевъ и коланныхъ селъ Солонки и Журавки (ib).

[1]) Заключаемъ это изъ слѣдующихъ актовъ. A. gr. XV, p. 125: pendet terminus inter labor. Nyeleppko hominem Regium illiberum actorem et nob. dom. Elizabeth Zmygroczska ad quatuor sept.

Ib. p. 127. Gsa dom. Elizabeth de Zmygrod recognovit, quia homini Regio illibero... Myklaschow debet... sibi tenebatur in valore dimidie alterius marce in duabus septimanis. Si non solveret, extunc ds. vicecap. potens erit ipsam Elizabeth pignorare in bonis suis in Zmygrod, recepto monisteriali in dimidia altera marca. (актъ испорченъ) Въ данныхъ актахъ прямо не говорятся о коланныхъ, а только о несвободныхъ, рѣшаемся примѣнить приведенныя здѣсь данныя къ коланнымъ на томъ основаніи, что illiberi и коланные, какъ мы видѣли, часто употребляются въ актахъ, какъ терминн равнозначущіе. Кромѣ того другой разрядъ несвободныхъ людей, ордынцы (о которыхъ ниже), положеніе которыхъ весьма близко къ положенію коланныхъ, имѣлъ, какъ увидимъ, право распоряженія имуществомъ (движимымъ).

[2]) Что такимъ образомъ пополнялся и классъ ордынцевъ, увидимъ ниже.

[3]) См. на предъид. страницѣ пр. 2.

[4]) A. gr. XV, p. 460. Gs. Paschko de Jur... citatas per regiam Majestatem ad statuendum hominem nomine Michalo piscatorem de... qui Michalo ex suggestione quorundam hominum asserebat esse illiber et regius, alias *ordyniecz* i *kalanny*, homines vero *ordynczowie* et *calanny* de Slonka cum Thywno de ibidem coram iudicio comparentes recognoverunt, quia prefatus Michalko non est *ordiniecz* nec *calanny*, neque de genere ipsorum est, sed est homo liber cum genere suo ab eterno evo; racione quorum quidem hominum recognicionis ipsum Michalo cum suis posteris liberum fore decrevimus et adjudicavimus temporibus perpetuis.

[5]) A. gr. XII, p. 91. Quemadmodum Mathias cum procuratorio Johannis Cole adinterrogatus est contra Petrum Godowsky pro Ihnath de Bolschow, qui Petrus stans peciit sibi dari ad magn. dom. Palal. Leop. deducendo, quia ista villa *cuique solvit*

Коланныхъ мы находимъ исключительно въ королевскихъ и церковныхъ земляхъ Гал. Руси (церковные коланные — вѣроятно пожалованные церкви вмѣстѣ съ землею)[1]).

На основаніи приведенныхъ фактовъ можемъ сдѣлать слѣдующее опредѣленіе состоянія коланныхъ: это несвободный классъ служебныхъ людей; за службу свою они, повидимому, пользуются участкомъ земли, съ котораго кромѣ службы не несутъ никакихъ другихъ повинностей[2]). Главное ограниченіе ихъ свободы — отсутствіе право выхода; коланные прикрѣплены къ землѣ (службѣ).

Каково происхожденіе названія коланныхъ и самаго этого класса несвободныхъ людей? Едва ли возможно привесть названіе коланные въ связь со словомъ colonus. Хотя положеніе коланныхъ и соотвѣтствуетъ зависимому положенію римскихъ колоновъ, но принять названіе коланный за испорченное colonus я не считаю возможнымъ въ виду того, что въ Польшѣ XIV – XV в. (а къ намъ названіе colonus могло попасть только черезъ Польшу) очень частое въ актахъ названіе colonus не имѣетъ никакого отношенія къ спеціальному значенію римскаго колоната, — названіе coloni въ латинскихъ актахъ Польши употребляется всегда въ самомъ общемъ значеніи поселенцевъ.

Путь къ рѣшенію вопроса о происхожденіи слова коланный указанъ намъ двумя изъ нашихъ уважаемыхъ лингвистовъ, Ѳ. Е. Коршемъ и Н. И. Веселовскимъ. Проф. Коршъ полагаетъ, что за объясненіемъ слова коланный слѣдуетъ обратиться къ тюркскимъ нарѣчіямъ и указалъ намъ на возможность производства термина коланный отъ слова *колан*, которымъ въ книгахъ за-

soluciones aliquas nec contribuciones, et sunt homines wulgariter *Kalanny* alias illiberos (sis) et hoc est notum domino Johanni Capitaneo Trebowliensi, quod dedimus.

[1]) Cf. Akta gr. II, № 58. Король жалуетъ львовскому капитулу село Вербяжъ (Wirzbianz) Льв. земли cum *servitoribus nostris illiberis ibidem morantibus*.

[2]) На служебный характеръ повинностей указываетъ слѣд. мѣсто A. g. XII, p. 90. Mathias cum procuratoris Cole proposuit contra nobilem Petrum de Godow pro Damyan et Holeschko homines de Bolschow. Stans idem Godow dixit: dum isti sunt homines regales wulgariter *szokolniczy perpetuales*, et ideo ipsos mittere non presumo.

Здѣсь люди, о которыхъ идетъ рѣчь, не названы коланными, но изъ другихъ актовъ мы знаемъ, что село Bolschow королевское имѣніе, принадлежащее къ Галицкому старосту (ib. p. 160) и заселено коланными (ib. p. 91, см. выше, пр 5). Коланныхъ находимъ и въ другихъ служебныхъ селахъ королевскихъ, напр. Солонкѣ и Журавкѣ (A. gr. XV, 460—61). Въ Червонорусскихъ актахъ коланные встрѣчаются въ слѣд. селахъ: въ Гал. землѣ въ с. Большовѣ, Калужа (XII, p. 205), Хростковъ (Хростовцы? ib. p. 156 и 236), Львовской — въ Солонкѣ и Журавкѣ. Всѣ эти села — королевскія.

конныхъ, изданныхъ А. С. Павловымъ, переводится греческое *μαστις* — ремень, кнутъ (или ударъ кнута), (въ турецко-татарскомъ коланъ значитъ поясъ, подпруга)[1]).

Проф. Н. И. Веселовскій, весьма любезно отозвавшійся на нашу просьбу сообщить свое мнѣніе о происхожденіи названія коланный, сообщаетъ слѣд. конъектуры: „не проще ли будетъ слово коланный, если уже искать ему объясненіе въ татарскомъ языкѣ, производить прямо отъ слова *кулъ* = рабъ? Съ татарскими словами европейцы не церемонились, передѣлывали ихъ по-своему. Тутъ могло бы встрѣтиться однако такое затрудненіе: прилагательнаго отъ *кулъ* у татаръ и турокъ нѣтъ. „Рабское дѣло“ передается — „дѣло раба“, т.-е. существительнымъ въ родительномъ падежѣ, а это будетъ *кулнынъ*. Не могло ли это сбить съ толку?“

„Кромѣ слова *кулъ* у европейскихъ турокъ употребляется еще другое слово, пожалуй еще болѣе подходящее къ настоящему случаю — *кöлэ*. Такъ назывались тѣ рабы, которые пользовались нѣкоторыми привилегіями и правами. Такъ они, по истеченіи извѣстнаго срока, *обязательно* обращались въ свободныхъ и сами могли имѣть рабовъ“.

Относительно возможности производства названія коланныхъ отъ *коланъ* тотъ же уважаемый ученый пишетъ намъ слѣд.: „можетъ быть такое сближеніе и возможно, только надо имѣть въ виду, что *коланъ* имѣетъ спеціальное значеніе *подпруги* и *ремня* у *сѣдла*, едва ли удобнаго для связыванія плѣнныхъ, для этого

---

[1]) § 63, p. 56. Аще нѣціи в житницѣ обрѣтоутся крадоуще жито, бьени боудоуть сто *каланов*ъ, а жито заплатятъ, ib. § 75, p. 60. Аще кто пожнеть свою долю, ближнихъ же его доль не пожатыхъ соущихъ и вженеть свою животиноу и пакость вѣкоую оучинить ближнимь, біенъ боудеть *каланов*ъ тритцать и потеряное заплатить...

На слово коланъ обратилъ вниманіе и академикъ Ягичъ въ рецензіи на изданныя А. С. Павловымъ книги законныя (Archiv für slav. Philol. IX Bd, p. 154): и im § 63, 75. говоритъ онъ kommt ein beachtenswerter Ausdruck *каланъ* in der Bedeutung Hieb. Peitschenhieb (*μαστις*) vor. Prof. Wesselofsky meint, man müsste darunter das türkische wort *golân* (Sattelriemen) verstehen, welches im serbischen als *kolan* wohl bekannt ist; er vergleicht das franz. sangle (cingula) mit der Bedeutung des verbum sangler = appliquer avec force un coup. Ist die Zusammenstellung richtig, добавляетъ почтенный ученый, so würde die Form *каланъ* (gegenüber dem serbischen und türkischen *kolan*) für die südgrossrussische Aussprache des unbetonten o = a sprechen, aber auch das Vorkommen des Ausdruckes in dem Texte auf seine Provenienz ein neues Licht werfen.

За возможность производства наименованія коланный отъ коланъ (замѣтимъ, что въ русскихъ актахъ читаемъ всегда коланный, въ латинскихъ calanny) говорила бы и аналогія съ названіемъ колодники = плѣнники (забитые въ колодки).

нуженъ *аркан* (волосяная веревка), ремень же, употребляющійся въ общежитіи какъ у османскихъ турокъ, такъ и у среднеазіатцевъ, называется *кайшъ*".

Въ послѣднемъ письмѣ къ намъ тотъ же почтенный ученый даетъ еще болѣе вѣроятное объясненіе названія коланный: „У татаръ существовала подать *коланъ*. Коланомъ называлась подушная подать, оброкъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ податной системѣ татаръ. Къ сожалѣнію, подробностей о ней не сохранилось (кто обязанъ былъ ее платить, какъ она взималась). Въ такомъ случаѣ коланный значило бы просто оброчный, податной, тяглый, а отсюда illiber, хотя бы въ смыслѣ несвободный отъ податей[1]) (по крайней мѣрѣ первоначально, а впослѣдствіи въ болѣе тѣсномъ смѣслѣ). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что существовалъ у насъ другой терминъ — *тарханъ* — свободный отъ податей, а грамоты на такую льготу назывались тарханными".

Какимъ образомъ перешло къ намъ это татарское названіе?

Обращаясь къ лѣтописи, находимъ въ ней слѣд. факты: Татары, подчинивъ себѣ Русь, какъ извѣстно, ограничивались собираніемъ съ нея дани. Но вблизи своихъ кочевьевъ они селили плѣнныхъ или оставляли мѣстное населеніе, обязанное обрабатывать на нихъ землю. Къ такимъ „людямъ татарскимъ" принадлежали Болоховцы, которыхъ татары оставили, „да имъ орютъ пшеницю и просо"[2]), принадлежалъ и цѣлый рядъ городковъ по Тетереву и Ю. Бугу — Городескъ, Сѣмочь[3]). Эти-то люди татарскіе и могли называться коланными, а названіе это удержалось за ними и послѣ захвата Черв. Руси Польшей[4]).

---

[1]) cf. выше, р. 92 пр. 5-ое, гдѣ коланный объясняется словомъ тяглый.

[2]) Ип. 526. Какъ извѣстно, до сихъ поръ не удалось точно констатировать мѣстоположеніе Болоховскихъ городовъ, см. Н. П. Дашкевича, Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи (Труды III Археол. Съѣзда. Кіевъ 1878 г.). Н. В. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г. Кіевъ 1885 г. Отвѣтъ Н. П. Дашкевича Н. В. Молчановскому (Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ, Унив. Изв. 1884 г. IV). М. Сергіенко, Громадьскій рух на Вкраини-Руси въ XIII в. Зап. тов. им. Шевченка, ч. I. Львовъ 1892 г.

[3]) Ип. 555. (О болѣе раннихъ поселеніяхъ по Тетереву, см. Ип. 286—7)... Данило воздвиже рать противу Татаромъ. Сгадавъ с братомъ и со сыномъ, посла Деонисия Павловича, вза Межибожие, потомъ же воевахуть людье Данилови же и Василкови Болоховъ, а Львови Побожье и люди Татарьскыя. Весне же бывши, посла сына своего Шварна на Городокъ и на Сѣмочь, и на вси городы, и взя Городокъ и Сѣмочь и всѣ городы, сѣдящия за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева.

[4]) Въ исторической литературѣ мы встрѣтили только два мнѣнія о коланныхъ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ (Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XV в. до Люб. уніи. Кіевъ. 1891, р. 156) даетъ слѣд. характеристику коланныхъ:

Къ числу несвободныхъ принадлежитъ и классъ *ордынцевъ*. *Ордынцевъ* мы находимъ только въ Галицкой и Львовской земляхъ. Въ Львовской землѣ мы ихъ встрѣчаемъ въ сел. Со-

---

„къ разряду *свободныхъ* могутъ быть приравнены т.-н. *убогіе*, или *коланные*, разрядъ, фигурирующій во множествѣ селъ, преимущественно Борскаго староства. По отправленію повинностей и уплатѣ податей они совершенно равняются льготнымъ, т.-е. платятъ только подымное и пушкаровщину на замокъ; разница только въ томъ, что ихъ положеніе опредѣляется состояніемъ, а не срочными годами льготы. Изъ этихъ убогихъ рекрутировался и классъ служекъ ремесленныхъ, а иногда и не ремесленныхъ для замковъ". Характеристика М. Ф. построена на актахъ преимущественно XVI в. (въ изданныхъ уважаемымъ ученымъ актахъ, Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. II только въ одномъ актѣ, люстраціи Кіевской земли, встрѣчаются коланные въ XV в.), когда значеніе названія коланные уже утратилось. Мы видѣли, что еще въ XV ст. терминъ коланный равносильно термину illiber, несвободному, крѣпкому землѣ. Но въ XVI ст. все населеніе Черв. Руси уже прикрѣплено къ землѣ, потеряло право выхода, почему спеціальное названіе для крѣпкихъ земли XV в. въ XVI в. потеряло свое raison d'être. Отмѣтимъ и нѣкоторую неточность въ словахъ М. Ф. — терминъ коланный въ изданныхъ имъ актахъ встрѣчается сравнительно рѣдко, и въ люстраціи Барскаго староства коланные упоминаются всего разъ (sluskowie kolanni, als zubozale liudzi, p. 222), во всѣхъ другихъ мѣстахъ этой люстраціи къ убогимъ не прилагается терминъ коланные. Не можемъ поэтому согласиться съ уважаемымъ ученымъ въ равнозначности терминовъ коланные и убогіе. *Убогими* назывались крестьяне, не бывшіе въ состояніи отправлять, вслѣдствіе ихъ печальнаго имущественнаго положенія, старости, или иныхъ причинъ, одинаковыхъ съ другими повинностей, см. напр., p. 254. Ubodzi, kthorzi mali pozithek czinia bo thilko puskarowsczizni placza po gr. 2, a podimnego po gr. 2, Danczicha, *popadia*, Ohrinka *wdowa*, Marczin, Jacobiecz *sthari*. или ib. p. 243 Subozeli. Czi nizei napissani, *iz zubozeli*, tedi na then czasz wieczei podatku nie dawaia, tilko podimne, puskarowsczizne dawaia (одинъ служитъ конемъ, одинъ токарь, одинъ пастухъ), cf. ib. p. 223.

Другое мнѣніе принадлежитъ проф. Бальзеру (Kwart. Hist. 1888, № 1, p. 112); онъ дѣлаетъ слѣд. не вполнѣ удачное предположеніе. «Z organizacyą wsi na prawie ruskiem zostaje w związku stan kmieci niewolnych czyli *kalannych* ...a może nawet wolnoby się posunac dalej i powiedzic że ci *colanni*, to są własnie mieszkańcy tych wsi na prawie ruskiem (?). Za tem przypuzceniem zdaje sie przemawiać sama nazwa tych kmieci, która podobnosć jest pochodzenia ruskiego (?), a tem samem wskazuje na związek z instytucyami ruskiemi» Изъ текста нашего видно, въ чемъ мы расходимся съ почтеннымъ знатокомъ древне-польскаго права.

Къ положенію коланныхъ болѣе всего приближается классъ, извѣстный въ Литвѣ подъ именемъ *койминцевъ*. Названіе *койминцы* возможно производить отъ лат. *kaimas*, деревня, дворъ, *kaimynas* — сосѣдъ — возможность такого производства любезно указана намъ проф. Ф. Ф. Фортунатовымъ; правильность такого производства подтверждаетъ изъ акта, напечатаннаго въ Акт. Южн. и Зап. Росс. I, № 22; здѣсь упоминаются *люди сусѣды* которыхъ Витовтъ подавалъ Крупосу. Изъ слѣдующаго акта (№ 22 III) мы видимъ, что эти сусѣды, пожалованные Витовтомъ Крупосу *у дворъ*, называемые въ актѣ *искупнѣ*, поокупались, и владѣлецъ посадилъ ихъ за дворомъ. «а тые будучи въ нихъ и порожалися»; судъ выдаетъ Круповичамъ этихъ искупней, «бо они ихъ *извѣчные не отхожіе*».) Койминцы люди отчизные живущіе въ своихъ

лонкѣ и Журавкѣ (которыя, повидимому, и заселены ими исключительно), въ с. Германовѣ и нѣкоторыхъ другихъ селахъ. Въ Гал. въ с. Хохоневѣ.

Насъ особенно заинтересовало населеніе упомянутыхъ селъ потому, что устройство его, повидимому, должно было отличаться любопытными особенностями; на это указываетъ уже весьма характерное обозначеніе этихъ селъ — населеніе ихъ образуетъ *Орду*.

Ниже мы соберемъ сохранившіяся данныя объ устройствѣ этихъ селъ, — данныя эти проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи загадочнаго класса — ордынцевъ. Пока сведемъ немногочисленныя свидѣтельства о юридическомъ положеніи ордынцевъ.

Къ эпитету „ордынецъ“ часто присоединяютъ другой — homo regius, servus regalis, servitor regalis[1]). Ордынцы являются намъ всегда субъектами, зависимыми отъ короля и поселенными въ королевскихъ имѣніяхъ. Въ случаѣ какихъ-либо споровъ по поводу ордынцевъ истцами или отвѣтчиками всегда являются королевскіе чиновники, доказывающіе принадлежность ордынцевъ королю.

Если иногда мы и встрѣчаемъ ордынцевъ въ имѣніяхъ не королевскихъ, то всегда выразительно утверждается, что ордынцы пожалованы владѣльцу королемъ[2]).

домахъ, отбывающіе тяглую службу, не платившіе никакихъ другихъ повинностей. (Акты Вил. Арх. ком. т. 17, p. 100—1, Археограф. Сборн. I, № 23; М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Крестьянское землевладѣніе въ зап. Россіи до половины XVI в. Кіевъ 1892 г., p. 22—3). Коймицы продаются, какъ люди невольные, но невольники получали свободу (выроблялись), отработавъ уплаченныя за нихъ деньги; коймицы продаются на вѣчность. Любопытно, что члены одной и той же семьи (Акты Вил. ком. 17, p. 101) продаются — одни какъ невольники, другіе какъ коймицы. (Статьи статутовъ о рабствѣ въ Лит. государствѣ, см. у Ѳ. И. Леонтовича, Крестьяне юго-зап. Россіи по Литовскому праву XV—XVI ст., Кіевск. Унив. Изв. 1863, № 10, p. 12, И. П. Новицкій, Арх. юго-зап. Россіи ч. VI, т. I, p. 47.)

[1]) Meleschko homo de Brathkowicz recognovit coram d. P. Odrov. Pal. et Cap. Leop. quia ex avis et prothavis est *ordyniecz regalis* et e contra dat se sub D. Regem ad Vyelikye Polye. A. gr. XIV, p. 256.

Атаманъ Хростовицкій долженъ присягнуть, что люди Кундея, Кузьма и Павелъ, sunt *servi regales* ex eviternis temporibus et *ordynczy*. Но тутъ же видимъ, что servi regales и ордынцы не одно и то же — атаманъ присягнулъ, что указанные люди servi regales, но не присягнулъ, что они ордынцы. A. gr. XII, p. 156. Терминъ servus очевидно шире эпитета ордынецъ.

[2]) Гал. архіепископъ не выпускаетъ Ивана и Кузьму de Chochoniow in tempore reclinatos, утверждая, что они *ordynczy per d. Regem dati ad ecclesiam* et super hoc D. Arch. habet literam R. Maj. A. gr. XII, p. 188.

Званіе ордынца наслѣдственное и передается отъ отца къ сыну[1]; но, повидимому, крестьяне могли приписываться къ ордынцамъ, *dare se ad ordam* и стать *veri ordinczi*, принимая на себя всѣ обязанности послѣднихъ[2]). Состояніе ордынца зависимое и ограниченное въ правахъ. Главное ограниченіе состоитъ, повидимому, въ крѣпости мѣсту. Ордынецъ прикрѣпленъ къ Ордѣ и долженъ въ ней вѣчно жить.

Ордынцы не имѣютъ права выхода (jus reclinacionis). Поэтому въ частыхъ спорахъ о выходахъ крестьянъ доказательство принадлежности къ ордынцамъ равносильно доказательству отсутствія права на выходъ[3]).

Что ордынцы принадлежатъ къ несвободному классу населенія, видно изъ нѣсколькихъ фактовъ, гдѣ онѣ называются illiberi, иногда каланные[4]).

[1]) См. пр. I. Nob. Vinc. al. Chotlowski approbavit sufficienti testimonio super labor. Michaelem et super filium ipsius Chonyecz de Podworcze quia sunt *ordynczy ex radice* et Ds. Pal. cum dominis protunc in iudicio existentibus ipsum domino Chotlowsky adiudicavit et *ipsos remanendo in Orda* secundum ipsius approbationem. A. gr. XIV, p. 508.

[2]) Dom. Stan. reclinavit (hominem Luczka) in *Ordam* ad Szlunkam juxta consuetudinem. A. gr. XIV, p. 371. Arthym et Nyester... sunt acclinati sub regem in *Ordam* ib. p. 146. Deschko kmetho,... qui se dedit ad *ordam* de Hermanow; ib p. 352.

[3]) A. gr. XII, p. 108. Архіеп. гал. приганилъ листу Ивана de Hohonow Митовича, утверждая, что листъ подложенъ. Свидѣтели присягаютъ, что — а ни Ивановъ дѣдъ, а ни отецъ не былъ *каленый*, а ни *ордынецъ*, и *справедливо* вышелъ. См. выше пр. 3.

[4]) Gnsus Paschko de Jor... citatus per regiam Majestatem ad statuendum hominem Michalo pescatorem de... qui Michalo ex suggestione quorundam hominum asserebat esse *illiber et regius, alias ordyniecz i kalanny* (кажется правильнѣе было бы обратно — kalanny и ordyniecz, ибо терминъ kalanny часто употребляется въ значеніи illiber), homines vero *ordynczowie et calanny* de Slonka cum Thywno de ibidem coram iudicio comparentes recognoverunt, quia prefatus Michalko non est *ordynecz* nec *calanny* neque de genere ipsorum est, sed est homo liber cum genere suo ad eterno evo; racione quorumquidem hominum recognitionis ipsum Michalo cum suis posteris liberum fore decrevimus et adiudicavimus temporibus perpetuis. Арх. Бернард. Acta Castr. Leop. 1470 $^{2}/_{4}$. (Akta gr. XV, p. 460).

Gnsus Gunczerz Synawski evasit duos homines videlicet Paschko et Volsch de Dobrany ad Slonkam et Zyrawka villas regias, in quibus *manent homines illiberi*, et ibi homines de dictis villis recognoverunt, quia jam ibi in Dobrany homines plures *illiberi* alias *callanny* non sunt. Ibidem 1470 $^{2}/_{4}$. (A. gr. XV, p. 461). Кажется, къ ордынцамъ относится одно постановленіе въ Корчинской привиллегіи русскимъ землямъ 1456 г. (Bandtkie, Ius Pol. p. 293): Insnper statuimus, qnod kmethones terrigenarum per capitancos ac alios officiales ipsorum violenter non rccipiantur in *servitutem*, *vulgariter mordinicae* (въ варьантѣ — *in ordinice*) hoc expresso, nisi prius villicus, alias cywan seu watman cum omnibus kmethonibus possessionatis snper eo juraverint, qnod sit de eorum genere et servitute et qnod ignoraverint eum per tantum tempus, per quod defuit.

Но состояніе ордынства далеко не есть состояніе рабства. Ордынцы владѣютъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, свидѣтельствуютъ въ судѣ, имѣютъ самоуправленіе, подчинены главному вѣдѣнію старосты. Не имѣя права выхода изъ *Орды* въ частныя имѣнія, они кажется могли переходить въ другія королевскія владѣнія [1]).

Повидимому состояніе ордынства есть состояніе зависимости, крѣпости землѣ и ряда обязательныхъ повинностей.

Изъ приведенныхъ въ примѣчаніяхъ свидѣтельствъ объ ордынцахъ большинство относится къ ордынцамъ, поселенныхъ въ двухъ селахъ близъ Львова, Солонкѣ и Журавкѣ. Къ счастію, мы имѣемъ цѣлый рядъ документовъ для исторіи этихъ селъ съ XV по XVIII в. Въ числѣ этихъ документовъ самый важный актъ — привилегія 1501 г., опредѣляющая повинности населенія Солонки и Журавки. Актъ этотъ имѣетъ для насъ особенно важное значеніе, такъ какъ привилегія 1501 г. есть только подтвержденіе прежней, сгорѣвшей во время нашествія татаръ [2]).

Привиллегія населенія Солонки и Журавки возобновлена королемъ Яномъ Альбрехтомъ по свидѣтельству Спытка de Jaroslaw, краковскаго воеводы, бывшаго долго львовскимъ и всея Руси старостой и знавшимъ хорошо лежавшія на населеніи этихъ селъ повинности [3]).

Повинности населенія по данному акту слѣдующія: люди селъ Солонки и Журавки должны давать, по требованію короля (pro necessitate nostra), подводы на города Щиречь, Гродекъ, Смерековъ, Бобрку и Глиняны.

Въ вознагражденіе за отправленіе этой подводной повинности населеніе Солонки и Журавки имѣетъ право безпошлинной покупки и продажи въ этихъ городахъ.

Далѣе села должны постоянно держать въ Львовскомъ замкѣ двухъ человѣкъ (duos homines vicinos) для аккуратнаго отправленія подводъ (propter celerem expedicionem podvodarum, ut nostra negotia in aliquo non negligantur); дежурные въ замкѣ получаютъ содержаніе отъ старосты (in coquina capitanei victum habere et servire tenebuntur).

---

[1]) См. выше p. 99 пр. 1.

[2]) 1498 г. Львовъ осаждалъ господарь молдавскій Стефанъ; по уходѣ его явились татары, забравшіе не мало полона, а осенью Турки добирались опять до самыхъ стѣнъ Львова. Zubrzycki, Kronika Miasta Lwowa, p. 128.

[3]) A. gr. IX, № 140. Спытко былъ львовскимъ старостой съ 1469 г. (M. Dzieduszycki, starostowie ruscy i lwowscy, Przew. naukowy 1875, № 5, p. 438).

Далѣе на селеніи лежитъ отправленіе почтовой повинности — они обязаны возить королевскую корреспонденцію на разстояніи десяти миль на своихъ издержкахъ; на болѣе далекія разстоянія издержки имъ оплачиваются старостой львовскимъ.

Въ случаѣ выступленія короля къ походъ или пріѣзда его съ земянами въ территорію львовскаго старосты, населеніе Солонки и Журавки обязано для королевскихъ потребъ поставить четыре лошади.

Кромѣ этихъ повинностей населеніе не обязано никакими другими, и не повинно пасти скота (eunuchos aut boves) старосты, а только скотъ королевскій, когда это понадобится[1]).

Таковы несложныя повинности населенія Солонки и Журавки. По этой привиллегіи населеніе жило нѣсколько столѣтій.

Нерѣдко населенію этитъ селъ приходилось вступать въ пререканія со старостами, стремившимися наложить на него болѣе тяжелыя повинности. Населеніе ссылалось на свою основную привиллегію, жаловалось королю и получало не только подтвержденіе старыхъ привиллегій, но порой и новыя льготы[2]).

За отправленіе этихъ повинностей населеніе пользуется землею, не платя съ нея никакихъ даней[3]).

---

[1]) Akta gr. IX, № 140.

[2]) Въ 1522 и 1553 г. король становится на сторону населенія Солонки и Журавки противъ чрезмѣрныхъ требованій подводъ со стороны городовъ Гродка и Бобрки. (A gr. т. X, p. 21 и 65) 1549 и 1577 подтверждается привиллегія 1501 г. (A. gr. IX, p. 189 и X, p. 123). 1641 и 1671 король защищаетъ населеніе противъ вымогательствъ старостъ. (A gr. X, p. 250—1, 289). 1679 населеніе получаетъ освобожденіе отъ военной службы ib., p. 341.

Перечисленныя въ текстѣ повинности указаны, хотя и съ небольшими отличіями, въ люстраціи этихъ селъ 1565 г. (Лит. Метр. IV. В. кн. 19, л. 165 об.), — люстраторы пишутъ, что населеніе двухъ Солонокъ (селъ этаго названія два — Большая Солонка и Малая) и Журавки имѣетъ привиллегію 1501 г., по которой 3 (?) человѣка не даютъ дани, а только подводы въ пять городовъ: Щирецъ, Бобрку, Глиняны, Гродекъ и Смерековъ; обязаны ѣздить по приказанію старосты на разстояніи 9 (?) миль на своихъ лошадяхъ и своихъ издержкахъ, а на дальнѣйшія разстоянія староста снабжаетъ ихъ кормомъ. Два человѣка должны находиться въ Львовскомъ замкѣ для всякихъ услугъ. На всякое военное рушеніе обязаны давать старостѣ четырехъ человѣкъ и кромѣ того стеречь королевскіе лѣса.

[3]) ibidem въ люстр. 1565. *Солонка большая*, обширная дѣдина, людей 44, каждый имѣетъ довольно роли, дани не платятъ, а служатъ лошадьми и пѣшо, куда прикажутъ.

Солонка малая — кметовъ 23 (условія какъ и въ Б. С.), между ними 8 бортниковъ, которые даютъ три полумѣри меду.

Въ Журавкѣ кметовъ 40, ролей и пастбищъ довольно (условія какъ и въ С.).

Населеніе имѣетъ своего тіуна, который утверждается королемъ[1]).

Населеніе Солонки и Журавки православное; здѣсь два попа, избираемые населеніемъ и утверждаемые королемъ[2]).

Итакъ положеніе населенія Солонки и Журавки скорѣе привиллегированное, чѣмъ рабски-зависимое. Населеніе находится подъ особой охраной самого короля, стоящаго всегда на стражѣ его интересовъ противъ вымогательствъ разныхъ чиновниковъ[3]). Повинности незначительны и вполнѣ сходны съ повинностями *слугъ* или литовскихъ *путныхъ бояръ*.

Между тѣмъ несомнѣнно, что *по происхожденію* ордынцы классъ несвободный, illiberi, kalanny. Это ясно изъ многихъ приведенныхъ актовъ и попытокъ старостъ еще въ началѣ XVI ст. распоряжаться ихъ одумарщизной[4]).

Каково же происхожденіе ордынцевъ и ихъ названія *(ордынцы, орда)?*

Ордынцевъ мы находимъ и въ сѣверо-восточной Руси, но о происхожденіи ихъ и повинностяхъ почти нѣтъ данныхъ. Мы знаемъ лишь, что на ордынцахъ лежала какая-то служба, что они имѣли земли, которыя не могли отчуждать[5]).

Сергѣевичъ[6]) думаетъ, что служба ордынцевъ состояла въ содержаніи ордынскихъ пословъ, доставленіи имъ подводъ, проводниковъ, и приравниваетъ ихъ къ кладежнымъ или тяглымъ людямъ Рязанскаго княжества, „кои пословъ кормятъ".

О происхожденіи ордынцевъ Сергѣевичъ не высказываетъ никакого мнѣнія, ограничиваясь указаніемъ на мнѣнія Карамзина и Соловьева. Первый считалъ ордынцевъ татарами, поселившимися на Руси, второй — русскими плѣнниками, выкупленными въ Ордѣ и поселенными на княжескихъ земляхъ.

Ордынскихъ слугъ мы находимъ и въ Литовской Руси. Положеніе ихъ характеризуется В. Б. Антоновичемъ въ слѣд. сло-

[1]) Thywun Regalis de Slonka. A. gr. XIV, p. 245. Въ 1596 г. король дозволяетъ тіуну Солонки и Журавки передать тіунство сыну. A. gr. X, p. 176.

[2]) Люстр. 1565; A. gr. X, p. 131 ad a 1578 г.

[3]) 1501 г. король запрещаетъ львовскимъ старостамъ забирать въ свою пользу наслѣдство жителей Солонки и Журавки (derelicta port mortem), предоставляя ихъ родственникамъ умершихъ.

[4]) См. предыд. прим.

[5]) «А что наши ордынци и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ, а земль ихъ не купити».

Ордынскія деревни упоминаются въ XVI ст. Сергѣевичъ, Русск. Юридич. Древн., p. 268.

[6]) l. c., p. 268.

вахъ[1]): „слуги ордынскіе владѣли участками земли и за то обязаны были отправлять „есачную повинность“, т.-е. они должны были по очереди являться на „полную (полевую) сторожу“ или на „недѣлю чернобыльскую“ въ сторожевыя стоянки, устроенныя на границахъ Полѣсья и степной украйны на „татарскихъ шляхахъ“, т.-е. на дорогахъ, которыми обыкновенно врывались татары въ области великаго княжества Литовскаго, для того, чтобы предупреждать жителей Полѣсья и державцевъ королевскихъ замковъ о татарскомъ набѣгѣ... кромѣ того ордынскіе слуги обязаны были „при послахъ и гонцахъ господарскихъ ѣздити до Орды“, т.-е. составляли вооруженный конвой въ случаѣ отправленія великокняжескаго посольства или гонца въ Крымъ. Также во время войны они должны были „при старостѣ на службу господарскую конно и збройно ехати“; сверхъ того ордынскіе слуги должны были „подводы и стаціи посламъ и гонцамъ давати, также воеводѣ кіевскому, коли черезъ Овручій ѣдетъ, также подводы и стаціи винны давати вси урочисто, т.-е. яловицу, вепря, а з дыму по курицы; овса, сѣна, въ потребу“.

Характеристика В. Б. основана главнымъ образомъ на данныхъ описи Овруцкаго замка 1545 г.[2]) По мнѣнію уважаемаго ученаго, ордынскіе слуги выдѣлились изъ среды древняго боярства.

Съ послѣднимъ мнѣніемъ уважаемаго ученаго мы позволимъ себѣ не согласиться.

Разрядъ *слугъ*, очень разнообразный по характеру отбыванія повинностей (службы), рекрутировался изъ всевозможныхъ классовъ населенія, не только свободныхъ, но и несвободныхъ. На это мы находимъ совершенно опредѣленныя данныя въ документахъ. Такъ, въ люстраціи Кременецкаго замка 1552 г.[3]) читаемъ:

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. IV, т. I. (Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-зап. Россіи, р. 5).

[2]) Напечатанной тамъ же, р. 35, слѣд. Въ люстраціи Овручскаго староства 1629 г. (Арх. Юго-Зап. Росс., ч. VII, т. II, р. 419) есть любопытное описаніе ордынскихъ слугъ. «Sioło Moszki, albo Moszkowe. Jan Duchowski z inszemi tejże wsi possessorami pokładali przed nami list z extraktem z metryki kancellariej większej W. K. Lit. krola sw. p. Augusta a. 1544, ktorym possessorom tej wsi na sluzbę ordynskiej przy zamku Owruckim zostawuie, to iest na służbę woienna, konia powinni po ordynsku, albo po petyhorsku w pancerzu z misurką osadzac (мисюрка — шлемъ египетскаго фасона, какъ намъ сообщилъ Ѳ. Е. Коршъ). Очевидно ордынскимъ слугамъ, выѣзжавшимъ на сторожу татарскую, предписывалось одѣваться въ татарское вооруженіе, чтобы болѣе удобно дѣлать развѣдки на татарскихъ шляхахъ.

[3]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, р. 29.

„з росказанья королевое ее милости обобрано *мужиковъ тяглыхъ 24 и вчинено ихъ слугами* для посыланья и доведанья вестей и для ношенья листовъ гдежъ кольвекъ; а земъли потомужъ подними, якъ и под иньшими мужиками волостьными; а иншимъ земъли придано..." Или въ люстраціи Мозырскаго замка 1552 г.: „слуги путные, которыхъ *вчинилъ слугами* панъ Михайло Гагинъ, державца первый Мозырскій, *а передъ тымъ были тяглы*, — винны ездити на доведание въ месте о неприятеля а з листомъ старостиннымъ, где розкажетъ... тыхъ слугъ дымами и службами 5, а шестый Левонъ лучникъ, котораго панъ Кгаштольтъ съ тяглы местское вынемши и на путной службѣ посадилъ"[1]).

Что служба ордынская считалась одной изъ наиболѣе тяжелыхъ и непріятныхъ, и что разрядъ ордынскихъ слугъ считался ниже нѣкоторыхъ другихъ служебныхъ людей видно изъ слѣд. мѣста люстраціи Овручскаго замка: „бояре и слуги ордынскіе, которые передъ тымъ были слугами ордынскими, повѣдаютъ себе вызволенными отъ господарей ихъ милости с тое службы оръдынское, и мѣнячи себе быти шляхтичами"[2]).

Что въ числѣ ордынскихъ слугъ были потомки древняго боярства, этого мы не можемъ не признать; но приведенные нами факты убѣдительно доказываютъ, что этотъ разрядъ служебныхъ людей рекрутировался изъ всевозможныхъ классовъ населенія: крестьянъ, мѣщанъ, бояръ. Какъ мы видимъ изъ многихъ фактовъ, службу (путную, ордынскую и т. п.) могли не только добровольно принимать на себя лица разныхъ общественныхъ классовъ, но и само правительство нерѣдко, нуждаясь въ нѣкоторыхъ послугахъ, переводило населеніе съ одной службы (тяглой) въ другую (путную, ордынскую). Разница въ повинностяхъ бояръ и другихъ служебныхъ людей была очень незначительна,

[1]) ib. ч. VII, т. I, p. 625. cf. ib., p. 608: въ люстраціи Винницкаго замка село Мелково: человековъ 4; повинни люди тые въ погоню за людми непріятельскими ходити въ дому каждаго по человѣку, а доведыватися о войску татарскомъ и шляху ихъ стеречи у верхъ Десницы рѣчки, а въ Острици, гдѣ шлях идетъ на Базарабовъ бродъ... а гды посолъ до Волохъ идетъ, тогды они со всего села выправуютъ человека одного на кони при послѣ ономъ". Но кромѣ того, они отправляютъ еще разныя работы въ пользу замка — косятъ и скошенное собираютъ, поправляютъ замковыя строенія, даютъ подводы и т. д.

[2]) Арх. Юго-Зап. Росс., ч. IV, т. I, p. 41. Обратный случай — обращеніе путныхъ въ тяглыхъ см. напр.: Арх. Юго-Зап. Рос. VII, II, p. 361. Nowosziolki, wyesz... kmieczi... byli na posludzie, yako y Komorowianie (въ с. Komorow — thilko sluskowye albo boyarowie myeskayą, ktorzi powynni yachacz konmy gdzie ym kazą) yz yezdzali bi na nadalszą drogę; a therasz obroczeni szą na zacziąg, yako ynszi kmyeczie... См. также конецъ первой главы.

иногда она и совершенно стиралась, такъ какъ съ одной стороны слуги и бояре часто кромѣ службы не несутъ никакихъ другихъ повинностей (не платятъ чиншей, не отбываютъ барщины), а съ другой — старосты стремятся привлечь и бояръ къ тяглой повинности.

Такъ было въ XVI в.; но, какъ видно изъ приведенныхъ нами данныхъ, ордынцы XV в. еще люди несвободные, illiberi.

Въ виду этого мы и считаемъ возможнымъ присоединиться къ мнѣнію Соловьева о происхожденіи класса ордынцевъ.

При постоянныхъ сношеніяхъ съ татарами, частыхъ къ нимъ посольствахъ съ грамотами и данью, нужны были люди, знавшіе дорогу въ Орду, знакомые съ татарскими нравами и языкомъ. Сомнительно, чтобы въ такую роль были поставлены плѣнные изъ татаръ – для подобныхъ порученій это былъ элементъ слишкомъ сомнительный; притомъ сохранившіяся въ актахъ имена и прозвища ордынцевъ XV в. чисто русскія [1]). Будь въ числѣ ордынцевъ крещеные татары, слѣды такого происхожденія сохранились бы въ ихъ прозвищахъ.

Несравненно болѣе удобный элементъ для такой роли представляли плѣнники татарскіе изъ числа мѣстнаго населенія. Имъ была знакома дорога къ татарамъ, которую они прошли по крайней мѣрѣ два раза, они на своей спинѣ познали татарскіе нравы, волей-неволей изучили и татарскій языкъ по „батожной“ грамматикѣ.

Мы думаемъ поэтому, что ордынцы произошли отъ выкупленныхъ или отбитыхъ плѣнниковъ татарскихъ, поселенныхъ правительствомъ въ извѣстныхъ мѣстахъ для отбыванія ордынской службы. На такое происхожденіе ордынцевъ указываетъ и разнородность состава населенія ордынскихъ селъ — такъ мы кромѣ преобладающей (судя по именамъ) массы русскаго населенія, встрѣчаемъ здѣсь и представителей другихъ національностей, напр. ятвяговъ [2]). Татары вѣдь заходили въ своихъ набѣгахъ и въ глубь Литвы [3]).

---

[1]) A. gr. XIV, p. 159. Providi Ходоръ, Нефедъ, Савка, Игнатъ Семеновичъ, Иванъ Короткій, Михно, Василь Филипповичъ, servitores Regales de Slunka (село Солонка главный очагъ ордынцевъ Львовской земли).

[2]) A. gr. XIV, p. 133. Datus terminus... Syemyon de Dubowlani actori, qui se gerit *hominem Regalem alias Jathwyeszinem de Slunka* et Dimitr de Dubrovyany.

cf. испорченный актъ ib. p. 297 homo solus recognoscit se coram... quia est *Jathwyeszanyn* et si hoc... esset, paratus sum docere super eum... ipsius *sicud pertinet na Jathwyeszanyna.*

[3]) Еще въ XIII в. мы находимъ въ Галицкой Руси не мало литовцевъ изъ плѣн-

Выкупленные плѣнники поступали въ кабальную зависимость выкупившаго, чѣмъ и объясняется эпитетъ illiber, постоянно прилагаемый къ ордынцамъ.

Однако, какъ мы видѣли, въ XV ст. классъ ордынцевъ пополняется не однимъ нарожденіемъ отъ ордынцевъ извѣчныхъ, а притокомъ свободныхъ крестьянъ, принимавшихъ на себя ордынскую службу; несложныя повинности ордынцевъ XV в. привлекали въ *Орду* и весьма зажиточныхъ крестьянъ, соблазненныхъ легкой службой ордынцевъ [1]).

Любопытно однако, что въ привиллегіи 1501 г. и люстраціи 1565 г. населеніе селъ Солонки и Журавки не именуется ордынцами, и въ повинностяхъ этого населенія нѣтъ никакихъ ордынскихъ послугъ. Повинности эти обыкновенныя для многочисленнаго разряда путныхъ слугъ.

Мы думаемъ, что измѣненіе повинностей старыхъ ордынцевъ могло произойти вслѣдствіе передвиженія границъ государства далѣе на юго-востокъ. Вслѣдствіе этого ордынскую повинность стало болѣе удобнымъ налагать на населеніе, ближайшее къ украиннымъ замкамъ; повинности же старыхъ ордынцевъ Львовской и Галицкой земель были обращены на услуги замкамъ, одинаковыя съ услугами путныхъ слугъ.

Къ числу несвободныхъ принадлежали еще *люди сотные*. Данныя о сотныхъ сохранились только въ судебныхъ книгахъ Саноцкой земли; но по нѣкоторымъ указаніямъ другихъ судебныхъ книгъ можно утверждать существованіе этого класса и въ другихъ областяхъ Черв. Руси.

Сотню и *сотныхъ* мы находимъ въ слѣд. поселеніяхъ Саноцкой земли: Костировичи, Уличъ, Пловцы, Саночекъ и Тырава сольная.

Всѣ эти села принадлежали къ Саноцкому замку, по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ изъ нихъ — Костировичахъ, Уличѣ и Тыравѣ мы можемъ это утверждать категорически на основаніи актовъ

нихъ или добровольныхъ переселенцевъ. Такъ въ дружинѣ Владиміра Василькoвича находимъ Прусина, Ип. 584 — 5. Въ Львовской землѣ было селеніе *Прусы*, Лит. Метр. IV. В, 19, л. 165.

[1]) Имущество крестьянина Лучки, переходившаго въ орду села Солонки (quem hominem Ds. Stanislaus reclinavit in Ordam ad Szlunkam iuxta consuetudinem) оцѣнивается въ 60 гривенъ, сумму по тому времени весьма значительную (A. gr. XIV, p. 420). Имущество крестьянина Дешка, qui se dedit ad Ordam de Hermanow, оцѣнивается въ 26 гривенъ (ib. p. 852).

XV в.[1]) Что Иловцы и Саночекъ также замковыя села, видно ихъ люстраціи Саноцкаго замка и принадлежащихъ ему имѣній XVI в.[2]).

Сотные люди прикрѣплены къ землѣ, или скорѣе къ своей службѣ. Они отправляютъ извѣстныя повинности, службы въ пользу замка и не имѣютъ права оставить своего мѣстожительства — это человѣкъ сотный, и гдѣ бы онъ ни былъ, его должны выдать, говоритъ одинъ актъ[3]).

Сотный получаетъ отъ старосты *службу*, т.-е. поле и инвентарь (скотъ, сѣмена и пр.); принявъ службу, сотный обязывается съ нея служить вѣчно. По смерти сотнаго поле и инвентарь возвращались опять къ старостѣ, который однако на тѣхъ же условіяхъ могъ передавать службу наслѣдникамъ умершаго, заключая съ ними новый договоръ[4]).

Сотный можетъ продать или уступить свою службу человѣку, способному отправлять всѣ лежащія на службѣ повинности, и тогда онъ повидимому свободенъ — можетъ выйти изъ сотни[5]). Встрѣчаемъ однако и отдѣльные договоры, по ко-

---

[1]) Подъ 1446 г. (A. gr. XI, p. 272) въ Саноцкія книги занесенъ актъ сдачи старостваи держанія Саноцкаго бывшимъ старостою D. Kuropatwa новому — Альберту Миховскому. Въ актѣ перечисляются инвентари замковыхъ фольварковъ (allodia) въ Беско, *Костировичахъ*, *Уличѣ* и фольваркѣ подъ замкомъ. Что Тырава Сольная (Тыравъ въ Сан. землѣ было двѣ — Сольная и Валашская) также принадлежала къ Саноцкому замку видно изъ акта ib. p. 299, гдѣ Сан. староста распоряжается имуществомъ умершаго тыравскаго крестьянина (см. ниже). Въ Костировичахъ въ числѣ живого инвентаря находимъ 8 человѣкъ челяди (ib. p. 273).

[2]) Лит. Метр. IV B. 19, л. 15. Саночекъ въ XVI в. находился уже въ держаніи какого-то шляхтича.

[3]) Veniens Holan de Plowecz fideiussit, quod Oleschco non debet recedere de Plowecz nec de bonis Regalibus. Si recederet, tunc absque strepitu iuris domino Capitaneo triginta marcas pene vallate subintrabit et Wojewode specialiter tres marcas succumbet, *quia idem homo est sothny, et ubique fuerit, ipsum exdare debent*, ad se subdidit al. *podawasze* benivole. A. gr. XI, p. 275.

[4]) Maschiam viduam, Phil et Iwan filios suos remansit ds. Capitaneus in agro in Thirawa Salis et dedit ipsos *Bydlo sothne* duos boves et scrophas et seminaciones, que iam post obitum mariti eiusdem Maschia ad dm. Capitaneum pertinebant ita, quod debent labores postupowacz iuxta posse, prout ceteri kmethones ibidem faciunt et debent residenciam facere in eodem agro non recedendo, A. gr. XI, p. 299. cf. ib. p. 300 Panko de Ulicz resignavit servicium al. sluzba in qua residebat Hinato, deditque eidem quatuor pecora, IIII mensuras siliginis, tres scrophas et equum et *alia ad servicium pertinencia*.

[5]) A. gr. XI, p. 287. Adiudicaverunt, quod Phyl concivis Sanocensis agrum suum in Costirovicze servilem quem vendiderat Laurencio iure Theutonico non potens sibi eundem agrum libertare... viceversa recipere debet... et de ipso servire more

торымъ продающіе или передающіе свою службу сотные обязываются однако не выходить изъ сотни[1]). Иногда вступающій въ сотню даетъ подписку оставаться въ сотнѣ вѣчно съ дѣтьми[2]).

Въ числѣ сотныхъ мы встрѣчаемъ не однихъ только крестьянъ, но и мѣщанъ, принявшихъ службу и отбывавшихъ съ нея одинаковыя съ остальными сотными повинности[3]).

Сотня составляетъ общину, представителемъ которой является *десятникъ*[4]).

Сотня отвѣчаетъ круговой порукой за каждаго своего сочлена. Сотня обязывается представить бѣглаго сотнаго или уплатить стоимость сотнаго по весьма крупной оцѣнкѣ[5]).

Не имѣя права собственности на свою службу, сотный имѣетъ однако свое личное имущество и наслѣдуетъ имущество родственниковъ[6]).

Каково происхожденіе сотныхъ?

Названіе сотныхъ очень древнее. Съ сотными мы встрѣчаемся на первыхъ страницахъ лѣтописи. На пиры Владиміра сходятся бояре, гриди, *сотники* и *десятніе*[7]). Сотниковъ находимъ въ Кіевѣ въ XII в.[8]). Если были сотники, то были и сотные люди подъ началомъ сотниковъ.

Ruthenico, vel saltem sessionare, vulg. ossadzicz agrum premissum homine tali, qui posset labores et servicia congrue Regialia exhibere more consueto.

[1]) Panko de Ulicz resignavit servicium al. sluzba Hinato... Hynath recepit illud servicium al. sluzebnym bycz non solum sibimet sed et suis pueris temporibus perpetuis emisitque eundem Pankonem et suos pueros ab eisdem serviciis. Denique idem Panko fideiussit perpetue quod idem Hynath non debet exire de servicio Regali sive de villa Ulicz. Si autem exiret vel moreretur, vel si suus filius non esset aptus servire propter annos iuveniles tunc Panko debet illud totum servicium reassumere et servire prout antea serviebat. Et quamvis ipsum Panconem de servicio emittimus, tamen ipse et sus pueri non debent exire perpetue de hereditate Regali, sed semper debent fieri *sothny*, prout ceteri sunt *sothny*.

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

[3]) См. пр. 5 на предыдущей стр.

[4]) Сотники въ судебныхъ книгахъ Галицкой Руси XV в. уже не встрѣчаются; послѣднія упоминанія о сотникахъ относятся къ началу XV в. (см. выше p. 14, пр. 1). Сотскіе находились подъ начальствомъ тысяцкаго. Въ XV в. ими повидимому завѣдуютъ воеводы (A. gr. XI, p. 275. 288).

[5]) Въ то время, какъ средняя оцѣнка крестьянина была въ 10 гр., сотный оцѣнивается въ 15 и даже 30 гр. A. gr. XI, p. 273, 275. ib. 301 оцѣнка въ 20 гр.

[6]) A. gr. XI, p. 209. Семенъ уличскій (въ Уличѣ была сотня) съ братомъ должны продать или устроить (ordinare) поле ихъ умершаго брата въ с. Волошѣ (Woloz), и тогда владѣтель села Волошъ долженъ вернуть братьямъ захваченное у нихъ имущество.

[7]) Ип. 86.

[8]) ib. p. 198, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити». Соцкіе въ Псковѣ» ib. p. 412.

Сотниковъ и сотныхъ людей находимъ въ Червоной Руси въ XIII в. Сотскій Микула упоминается въ числѣ вѣрныхъ сторонниковъ Даніила[1]). Населеніе, тянувшее къ Бресту, дѣлится на сотни. Мстиславъ за крамолу Берестьянъ налагаетъ на нихъ подать ловчее „со *ста* по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадесять десятковъ лну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ, а потому *со всякаго ста*[2]). Что эта подать была наложена Мстиславомъ на сельское населеніе, доказываютъ слѣдующія за тѣмъ слова грамоты: „а на *горожанахъ* 4 гривны кунъ". Сотскіе и десятскіе удержались въ Черв. Руси еще въ XV в.[3]).

Сотниковъ, десятниковъ и сотню находимъ и въ Литовской Руси еще въ XVI в.[4]). Такъ въ Городенскомъ староствѣ находимъ сотниковъ конюшскихъ, рыболовскихъ, колесницкихъ, санницкихъ, ковальскихъ. Люди каждаго отдѣльнаго ремесла, какъ вѣрно указываетъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ[5]), составляли сотню, которая управлялась сотникомъ.

Сотня въ свою очередь, какъ кажется, дѣлилась на сороки подъ управленіемъ своего сорочника; надъ сорочниками всѣхъ сороковъ, входившихъ въ составъ сотни, стоитъ сотникъ[6]). Та-

---

[1]) Ип. 509.

[2]) ib. p. 618.

[3]) О сотскихъ см. выше p. 14. Десятскихъ находимъ въ XV—XVI в. въ разныхъ селахъ Черв. Руси, сидящихъ на русскомъ и валашскомъ правахъ, A. gr. XII, p. 83 и 85 — десятскіе въ селѣ Раковцы, p. 146 — въ селѣ Подгайцы. Для XVI в. см. люстраціи 16 в. Лит. Метр. IV B. 19, 12.

[4]) Акты Вил. Ком. т. 17. Архивъ Юго-Зап. Россіи VII, т. II, p. 43—53 (Опись Кременца 1563 г.).

[5]) Крестьянское землевладѣніе въ зап. Россіи, p. 15.

[6]) Акты Вил. Ком. 17, № 920. Сотникъ Новой *недѣли* (Недѣлей называлась группа селеній, отбывавшихъ «чергой», т.-е. по очереди, по недѣлямъ, повинности замковыя, см. Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, I, p. 588, 602, 626) и всѣ его сорочники должны выслать на сѣножать господарскихъ людей. ib. p. 143 бобренскіе сорочники съ сотскимъ изслѣдуютъ дѣло о раздѣлѣ земли. Сорока носили названія по своему сорочнику — Бѣлчинъ сорокъ (сорочникъ Мартынъ Бѣлка), Плѣшивый сорокъ (сорочникъ Максимъ Плѣшивый), Максимовъ сорокъ, Мелешковъ, Демидскій, и т. д. При смѣнѣ сорочниковъ однако часто за сорокомъ оставалось прежнее названіе — Демидскій сорокъ — Бѣлтюсъ сорочникъ, и т. д. (Точно такъ же и сотни въ Новгородѣ носили названія по имени своихъ сотниковъ — Кондратова ста, Романова ста, Сидорова ста, см. О городскихъ мостехъ осменики поплаты. «Хрестоматія по ист. русск. права», М. Ф. Владимірскаго-Буданова, в. I, изд. 4, стр. 81). Что сорочникъ не былъ только членомъ сорока, а его управителемъ, видно изъ слѣд. мѣста, стр. 181. Сорочникъ *надъ тыми людми;* стр. 389 Санецъ Зарубичъ заявляетъ, что братъ его

кое же дѣленіе подзамковаго населенія на сотни встрѣчаемъ и въ древней Польшѣ. Во главѣ сотни стоялъ сотникъ, а надъ сотниками, кажется, Pstresto[1]).

Слѣды дѣленія на сотни и десятки, десятниковъ, сотскихъ, тысяцкихъ находимъ и у другихъ славянъ[2]), хотя количество данныхъ по этому вопросу весьма незначительно. Нѣкоторые ученые[3]) принимаютъ десятинное устройство за первоначальную военную организацію народа. Едва ли однако можно безусловно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Наоборотъ, мы имѣемъ такіе факты, какъ напр., относительно Польши, гдѣ организація на сотни существуетъ на ряду съ другими организаціями, напр. древнепольскимъ *ополъемъ*. Мы думаемъ поэтому, что организація населенія на сотни не есть древнѣйшая *общая* организація

«былъ первей сего сорочникомъ 30 годъ, а потомъ дей я сорочникомъ былъ 6 годовъ. О сотникахъ и сорочникахъ городенскихъ см. еще Акты Зап. Рос. II, № 87.

Десятки, десятниковъ, сотниковъ встрѣчаемъ повсемѣстно въ Литовской Руси XV—XVI в. Такъ 1499 г. в. кн. Александръ жалуетъ князю Василію Глинскому «люди наши борти (бортниковъ) *Клевицкій десятокъ весь*». (Акты Зап. Рос. I, № 164). 1505 г. князю Михаилу Глинскому пожалованы «десять человѣкъ на имя Тетеровчанъ *Кремянницкаю десятка*» (ib. № 216). Филиппъ Арминнинъ получаетъ селище пустовское въ Кіевскомъ повѣтѣ Бѣлогородскаго десятку (Акты Ю. и Зап. Рос. II, № 124).

1456 г. король отставляетъ полоцкихъ *десятниковъ* «а што были десятники выставлены въ мѣстѣ Полоцкомъ, то есмо отставили, десятниковъ не надобѣ мѣти, маютъ быти два подвойскіи, по давнему» (А. Зап. Рос. I, № 60). Въ Могилевѣ упоминается въ одномъ актѣ сотня Перехрищинская (Археогр. Сборн. II, p. 95).

Въ Острѣ по ревизіи 1552 г. (въ изданіи акта ошибкой стоитъ 1652 г.) находимъ *сотника* боярина (бояре, которые въ острозе сидятъ... островскій сотникъ». Арх. Юго-Зап. Рос. VII, I, p. 597).

Въ 1500 г. въ Путивльскомъ намѣстничествѣ упоминаются «*сотникъ* Хотѣньской волости, сотникъ Меленьскій, сотникъ Немирьскій». (А. Зап. Рос. I, № 178).

Между тѣмъ на ряду съ десятниками и сотниками встрѣчаемъ въ качествѣ представителей волостей тіуновъ, старцевъ (Акты Зап. Рос. I, № 73 и 146 — волость выбираетъ старца, который собираетъ дань и имѣетъ судебную власть).

[1]) Piekosiński, Kodeks dyplom. katedry Krakowskiej, I, p. 81. Его же o powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich, Rozprawy Akad. umiej. wydz. histor. filozof. т. XIV, p. 235. Пѣкосинскій считаетъ населеніе сотни классомъ несвободнымъ, происшедшимъ отъ военноплѣнныхъ, и время образованія этого класса относитъ къ Пястовскому періоду, эпохѣ частныхъ войнъ, веденныхъ первыми польскими князьми.

[2]) Нѣкоторые факты см. у Первольфа, Славяне и ихъ взаимныя отношенія, I, p. 115. Относительно балтійскихъ славянъ у Пѣкосинскаго, Kod. dyplom. kat. Krak. I, p. 83.

[3]) Въ томъ числѣ и Пѣкосинскій, Kod. dypl. kat. Krak., I, p. 83; въ другомъ указанномъ трудѣ онъ, повидимому, отступаетъ отъ этого мнѣнія.

всего населенія, а лишь спеціальная организація части населенія. Мы думаемъ, что на сотни дѣлилось населеніе ближайшихъ къ городамъ сельскихъ поселеній — мы видѣли, что и въ Гал. Руси XV в. по сотнямъ были устроены лишь ближайшія подзамковыя села. Назначеніе населенія такихъ селъ — служить замку. Возможно, что первоначально для такой цѣли назначалось по преимуществу несвободное населеніе (военноплѣнные). Нужда въ *спеціальныхъ* услугахъ замку однако очень рано должна была заставить замковое начальство призывать въ такія поселенія и свободное населеніе. Такое населеніе получаетъ отъ замковаго уряда землю, инвентарь, запомогу и за все это обязывается отправленіемъ извѣстныхъ повинностей въ пользу замка. Повинностный характеръ службы такого населенія вмѣстѣ съ обязательствами, вытекающими изъ условія полученія *службы,* дѣлаетъ такое населеніе несвободнымъ — оно прикрѣпляется къ службѣ. Нуждаясь въ услугахъ подобнаго населенія, замковое начальство употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы оно не выходило изъ службы. Поступая въ сотню, свободное населеніе могло изъ нея выйти, исполнивъ всѣ обязательства по отношенію къ замку, замѣнивъ себя людьми, способными отправлять связанныя со службой обязанности, вернуть въ цѣлости полученный отъ замковаго уряда инвентарь и запомогу. Но помимо трудностей погасить длинный и сложный рядъ подобныхъ обязательствъ, свободный человѣкъ нерѣдко отдѣльнымъ договоромъ закрѣпощался въ сотнѣ: мы видѣли факты, когда по условію крестьянинъ давалъ замку обязательство не выходить изъ сотни даже при условіяхъ погашенія всѣхъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ.

Мы имѣемъ данныя о положеніи въ XVI в. населенія селъ, составлявшихъ въ XV в. сотни. Населеніе этихъ селъ находится въ крайне тяжелыхъ условіяхъ зависимости отъ замка — хотя чинши съ земельныхъ надѣловъ этихъ крестьянъ не велики, но зато они должны отбывать ежедневную барщину въ пользу замка[1]).

---

[1]) По ревизіи 1565 г. въ с. *Пловцахъ* находимъ только 6 кметовъ. Четверо изъ нихъ сидятъ каждый на $^1/_2$ лана, 2 — каждый на ланѣ. Денежные чинши съ нихъ — по 12 грошей съ лана, 1 курицѣ (цѣною въ 1 гр.) и 1 гр. ахтеловаго (всего 14 гр. съ лана). Но зато кметы работаютъ въ замкѣ *ежедневно* и приговляютъ съ плавнинъ свиней и овецъ въ замокъ.

Еще тяжелѣе повинности населенія *Костировичей*. Кметы платятъ съ лана 51 гр. и 6 fert., по $1^1/_2$ корца *вѣчеваго* овса каждый и по $^1/_2$ корцу почты и 1 мацѣ Wielkopospego овса, всего по 2 корца и 1 мацѣ (корецъ по 8 гр.), по 2 куръ за почту, 12 яицъ, 1 хлѣбу. Но тѣмъ не менѣе кметы эти работаютъ въ замкѣ ежедневно,

Мы имѣемъ въ актахъ намеки на существованіе сотныхъ людей и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ уже нами указанныхъ.

Въ селахъ Гал. земли — Мартыновѣ, Подгайцахъ, Рожновѣ, Рожневѣ, Пуковѣ, Бѣлокрчанахъ и, кажется, еще въ Олешьѣ, Саранчукахъ и Канкольникахъ крестьяне пользовались ограниченнымъ правомъ выхода; крестьянинъ состоявшій въ *числѣ* (in numero) не имѣетъ права выхода; счетъ идетъ на десятки: выходить могли только лишніе противъ каждаго десятка. Поэтому-то въ случаѣ выхода крестьянина изъ такого села и возникшихъ споровъ по поводу правильности его reclinacio, въ село посылался судебный приставъ, который долженъ былъ *доличиться*, т.-е. пересчитать населеніе (иногда считались не люди, а дворища); если окажется, что десятокъ, изъ котораго выходилъ крестьянинъ, былъ, помимо него, полный, то спорный кметъ получалъ право выхода, если же онъ во время выхода былъ in numero, то возвращался въ свой десятокъ. При исчисленіи въ счетъ не шли попъ, десятникъ, корчемники и крестьяне, сидѣвшіе на другомъ (не русскомъ) правѣ. Что населеніе этихъ селъ сидѣло на русскомъ, а не на валашскомъ правѣ, ясно изъ одного акта[1]), гдѣ при исчисленіи не принимаются въ расчетъ крестьяне, сидѣвшіе на правѣ валашскомъ. Если же это не были поселенцы на правѣ валашскомъ, то могли быть только поселенцы на правѣ русскомъ, такъ какъ въ селахъ этихъ упоминаются русскіе попы, десятники, участки крестьянъ именуются дворищами (area)[1]), наконецъ (что впрочемъ не такъ существенно) имена спорныхъ крестьянъ чисто русскіе (Данило, Онисимъ)[2]).

что имъ прикажутъ (Лит. Метр. IV. В. 19). Другія, обязанныя панщиною, села, принадлежавшія Самоцкому замку, даже прилежавшія къ фольваркамъ, несутъ несравненно менѣе отяготительную барщину.

Названія сотныхъ, сотня, мы въ червонорусскихъ люстраціяхъ XVI в. ни разу не встрѣтили.

[1]) A. gr. XII, p. 205.

[2]) Такъ какъ нѣм. право было введено въ огромную массу русскихъ поселеній въ XIV—XV в.

Вотъ относящіяся къ enumeratio мѣста изъ актовъ:

A. gr. XII, p. 215. Item in villa gener. d. Nic. Holesze si erunt plures kmethones quam viginti, demtis hominibus in Valachico iure, popone, tabernatoribus et podszadconibus, eciam duobus hominibus exmissis iuris Ruthenicis (т.-е. раньше исчисленія вышедшихъ), extunc habet mittere duos homines nobili Phyetcony pro quibus citavit de una area, et ibi ministerialis computabit homines de iure sub amissione cause et lucri.

ib. p. 146. Item cause vertebantur inter gs. dom. Elizabeth de Podhayeze partem adversam et Jacconem de Sphistelniky pro hominibus, qui homines remisit recli-

Мы думаемъ, что вышеприведенныя данныя относятся къ *сотнымъ* людямъ. Села, нами перечисленныя, находятся уже во владѣніи шляхтичей, но живутъ онѣ еще по старымъ обычаямъ

---

natos ad Maszur, pro quibus dederunt computandum in Podhayeze, quos ds. Zaualowsky computare habet, et si erunt plures quam viginti, extunc emittere sibi homines habet, et si non erunt plures nisi viginti, tunc non (?) exceptis ibidem in numero pop, dzesanthnik, et aliis tribus hominibus, qui serviunt ad curiam et non laborant terram nec habent areas (актъ вѣроятно не оконченъ).

ib. p. 146. Dna Hedwigis... hominem Iwan de Roszyeow reclinaverat aput dm Joh. de Buczacz Capit. Trebowl., quem hominem ds. Johannes locavit, alias oszadzy!, quem dicit fore in numerum tamquam exierat.

ib. p. 59. Sydko de Pukow procurator veluti per Andrejko de Zolczow pro pluribus hominibus quam decem in numero fuerat inculpatus, idem Sydko iuramentum fecit, quod tantum sunt decem aree in numero in Pukow et non plures.

ib. p. 153. Item mfa dom. Elizabeth... una cum d. Jaccone de Sphistelniky de iure dederunt ad futuros terminos ad innumerandum homines in Byalokrczani, quos ministerialis debet innumerare. Et si ibi erunt plures homines quam decim, extunc hominem sibi emittere habet dicta domina dicto Jacconi dictum Danilo.

ib. Item ad futuros terminos ministerialis de iure equitare habet in Cancolniky ex parte d. Joh. voiev. Halic. et ibi areas innumerare habet integras et medias areas ipsis numeratis coram iudicio ad futuros terminos narrare habet, qui tenet homo aream, et qui mediam aream.

ib. p. 188. Nic. ministerialis de iure datus est Stanislawo de Zaualow ad numerandum alias *cu obliczeniu* areas possessionatas in Saranczuky, qui Stanislaus asserit, quod plures aree sunt in Saranczuky quam triginta, et procurator Skarbek dictus Voczensky dixit, quia non sunt triginta aree plenaliter.

ib. p. 205. Nic. ministerialis equitare habet in Roschnow de partibus dom. Joh. de Lythwinow et Petri de Roschnow Vexf. Halic. et ibi numerare habet et conspicere, utrum transire habet homo Onissin arealis et eundem mittere habet vexillifer, si de iure haberet.

ib. p. 135. Item Stanislaus cum ministeriali habet innumerare al. *dolicziczsza* inter homines in Martinow et si *doliczysa*, extunc mittere, habet hominem ipsius, dictum Minyecz, pro quo est citatus d. Cola et pro ipso capere mediam sexagenam habebit.

ib. p. 215. nob. Joh. Wojewoda Halic. alloquebatur super dom. Colam Martinowsky pro homine Danilo secundum cittata ipsius, extunc Judex et Subjudex dederunt ministerialem ad computandum homines secundum consuetudinem terrestrem in Martinow, utrum esset mittendus, an non.

Замѣтимъ, что jus terrestre, jus in terra curens въ актахъ нерѣдко обозначаетъ право обычное, обычай, а не писанный законъ. cf. A. gr. XII, p. 20 дѣло о выходѣ крестьянъ изъ с. Кромидова въ с. Тлумачъ. Судъ опредѣляетъ, что, такъ какъ крестьяне cum marcis reclinabantur, то рѣшать это дѣло слѣдуетъ не по уставамъ права нѣм., а на основаніи обычныхъ нормъ права русскаго, при чемъ этому праву дается наименованіе terrae ritus et jus (et nos videntes, quod cum marcis reclinabantur, tales eosdem homines non iudicamus iuxta ius Theutunicale, *sed Rutenicum*, eapropter adiudicamus ipsos demorari ad festa Nativitatis *iuxta terre ritum et ius*).

русскаго права (мы увидимъ ниже, что въ XV в. въ Черв. Руси оставалось еще не мало селъ на правѣ русскомъ).

Что же указываетъ приведенный нами фактъ ограниченія права выхода этихъ крестьянъ? Изъ нѣкоторыхъ фактовъ XIII в. мы можемъ прійти къ заключенію, что повинности накладывались правительствомъ на всю крестьянскую общину, составлявшую сотню, огуломъ, а не на каждаго сотнаго отдѣльно[1]). Общее количество повинностей распредѣлялось, по всей вѣроятности, уже самой общиной между отдѣльными частями, составлявшими сотню.

Сотня, болѣе крупная административная единица, дѣлилась на нѣсколько болѣе мелкихъ единицъ, *десятковъ*, съ десятниками во главѣ[2]).

Разъ повинности налагались не на каждаго крестьянина отдѣльно, а огуломъ на сотни и десятки, то естественно въ интересахъ какъ самого правительства, заботившагося о точномъ исполненіи повинностей сотныхъ, такъ и самой сотни, было ограниченіе выхода входившихъ въ сотню крестьянъ. Правительство заботится, чтобы *служба* не пустовала, сотня, въ свою очередь, заботится о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи наложенныхъ на нее огуломъ повинностей — съ уменьшеніемъ числа сотныхъ количество повинностей каждаго сотнаго естественно увеличивалось. Интересы правительства и общины совпали въ вопросѣ объ ограниченіи выхода изъ сотни. Мы видимъ, что сотные люди отвѣчаютъ другъ за друга круговой порукой, что на ихъ обязанности лежитъ розыскъ бѣглаго сотнаго и — въ случаѣ невозможности его разыскать или вернуть — уплата значительнаго штрафа въ пользу замка[3]).

---

[1]) Ив. 613.

[2]) Подобно тому какъ въ Литовской Руси, сотня дѣлилась на сороки.

[3]) A. gr. 273. Venientes Andrei *dzesanthnich cum tota comunitate* de Costirowicze fideiusserunt, quod Jacob, Wassil et Mikitha debent statuere Danilonem et Stepanum, qui effugierunt super festum Paschce proxime venturum. Si non statuerent ipsos, tunc triginta marcas domino Capitaneo snbintrabunt fideiussores vel debent terminum ulteriorem sibimet fideiussores impetrare apud dominum Capitaneum prefatum, *quia homines, qui effugierunt de Costirowize sunt sothny*.

ib. p. 275. Veniens Holan de Plowecz fideiussit quod Oleschco non debet recedere de Plouecz nec de bonis Regalibus. Si recederet, tunc absque strepitu iuris domino Capitaneo triginta marcas pene vallate subintrabit et Wojewode specialiter tres marcas succumbet, quia idem homo est *sethny, et ubique fuerit, ipsum debent exdare,* ad hoc se subidit, alias *podawasze* benivole.

Изъ многихъ приведенныхъ фактовъ мы видимъ, что сотные принадлежатъ къ довольно многочисленному въ Черв. Руси разряду людей служебныхъ (serviles). Какъ мы уже указывали выше (р. 71), служебные люди, служки, — населеніе, обязанное извѣстными повинностями въ пользу замка; одни изъ служебныхъ назначаются для разныхъ работъ въ замкѣ, другіе исполняютъ разныя полицейскія и административныя обязанности, третьи оберегаютъ замковое имущество (стерегутъ лѣса), развозятъ замковую почту, играютъ роль вооруженной стражи и т. д. Бо́льшая или меньшая нужда въ услугахъ служебныхъ, бо́льшая или меньшая близость ихъ мѣстожительства къ замку, наконецъ родъ отбываемыхъ служебными людьми повинностей, всѣ эти факторы имѣли большое вліяніе на судьбу этого разряда населенія. Бо́льшая близость однихъ служебныхъ къ замку въ связи съ болѣе низкими, по тогдашнимъ понятіямъ, ихъ услугами замковому уряду поставили часть его въ наиболѣе зависимое положеніе. Съ увеличеніемъ числа фольварковъ часть этого населенія приписывается къ нимъ и переходитъ въ разрядъ тяглыхъ крестьянъ, обязанныхъ очень тяжелой (иногда ежедневной) барщиной. Въ лучшее положеніе стали тѣ служебные, которые отбывали болѣе почетныя, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, послуги замку. Въ разрядъ такихъ служебныхъ вступаютъ и свободные люди, мѣщане, представители мелкаго боярства. Бо́льшая отдаленность отъ замка, бо́льшая матеріальная обезпеченность дѣлаетъ ихъ и болѣе независимыми въ отношеніи замковаго начальства. Нѣкоторые изъ такихъ служебныхъ по роду своихъ обязанностей стоятъ на границѣ между крестьянствомъ и низшимъ слоемъ шляхты и порою смѣло переступаютъ эту границу и входятъ въ привилегированную область дворянства.

Данныя о сотныхъ людяхъ и сотняхъ въ XV в. для насъ тѣмъ важнѣе, что онѣ указываютъ намъ на обломки старинной русской организаціи крестьянскаго населенія въ княжескій періодъ Руси. На основаніи какъ этихъ данныхъ, такъ и аналогіи съ подобной же организаціей крестьянскаго населенія у другихъ славянскихъ народовъ, мы рѣшаемся утверждать, что сотенная организація древней княжеской Руси не была *общей организаціей всего ея низшаго населенія, а лишь спеціальной организаціей подзамковаго населенія и ближайшихъ къ замку поселеній*. Вся совокупность такихъ ближайшихъ къ замку служебныхъ поселеній, несущихъ рядъ опредѣленныхъ въ пользу замка повинностей, по нашему мнѣнію, и составляла *тысячу*, которой завѣдывалъ

находившійся въ замкѣ тысяцкій. Тысяча дѣлится на сотни и десятки подъ завѣдываніемъ сотскихъ и десятскихъ[1]).

[1]) Тысяцкихъ мы находимъ почти во всѣхъ главныхъ городахъ древней Руси — Кіевъ (Ип. 198, 231—2, 245—7, 249, 365—6), Новгородѣ (Ип. 220 — и безчисленныя указанія въ новг. лѣтописяхъ), Владимірѣ (Ип. 211 Воротиславъ Андреевъ тысяцкій), Туровѣ (Иванко, тысяцкій Вячеслава Туровскаго), Черниговѣ (Ип. 357 — Гюрги), Новгородѣ Сѣверскомъ (Ип. 437 съ Игоремъ въ плѣну у половцевъ сынъ тысяцкаго), Смоленскѣ (Ип. 464 тысяцкій со Смоленскимъ полкомъ), Владимірѣ на Кл. Лавр. 450. Бѣлгородѣ, Переяславѣ (южномъ), Правда Русская, спис. Карамз. § 66. Въ Гал. Влад. землѣ — въ Галичѣ, Перемышлѣ (см. выше p. 13, пр. 5). Тысяцкій начальствуетъ своимъ полкомъ (Ип. 232, 464, 511). Онъ завѣдываетъ тысячей (слова Игоря Улѣбу: держи ты тысячю, како еси у брата моего держалъ, Ип. 231. То же выраженіе держать тысячу — Ип. 490, 499, 527 (прія тысячу). Любопытно выраженіе — *воеводьство* держащю кіевьскыя тысящи, Ип. 146, Лавр. 434.

По мнѣнію В. И. Сергѣевича (Вѣче и князь, 400) «тысяцкій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воевода — такъ называются преимущественно начальники городовыхъ полковъ, или тысячъ, откуда возникло самое ихъ имя. Должность тысяцкаго есть постоянная должность. Онъ назначается непосредственно за тѣмъ, какъ извѣстный князь добывалъ себѣ извѣстный столъ, и независимо отъ того, предстояла война, или нѣтъ... Назначеніе тысяцкаго принадлежало князю, такъ же какъ и его увольненіе... Тысяцкій назначался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое собиралось по опредѣленію вѣча".

Мы видимъ, что уважаемый ученый уклоняется отъ рѣшенія вопроса, былъ ли тысяцкій княжескимъ или земскимъ чиновникомъ. Другіе историки русскаго права считаютъ тысяцкаго земскимъ чиновникомъ. „Происхожденіе должности тысяцкаго", говоритъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Ист. р. пр. изд. 2, p. 72, «доисторическое; можно принять гипотезу о томъ, что тысяцкіе замѣнили прежнихъ племенныхъ князей, иногда тысяцкіе именуются князьями... Первоначально тысяцкіе народные совершенно противопоставлялись тысяцкимъ и посадникамъ княжескимъ... затѣмъ тысяцкихъ сталъ назначать князь изъ мѣстныхъ бояръ... Каковъ бы ни былъ способъ усвоенія должности тысяцкаго, этотъ сановникъ всегда оставался представителемъ интересовъ народныхъ... тысяцкій является какъ бы трибуномъ, уравновѣшивающимъ власть княжескую, онъ прежде всего есть предводитель народнаго ополченія».

Относительно сотеннаго устройства тотъ же уважаемый ученый говоритъ слѣд.: „Система земскаго управленія (болѣе древняя чѣмъ княжеская) построена по численному (математическому) дѣленію общества: какъ цѣлое государство составляло тысячу, а старшіе города и провинціи дѣлились на сотни и десятки, такъ центральнымъ правителемъ былъ *тысяцкій*, а подчиненные ему — сотскіе и десятскіе" (ib. p. 72). То же еще раньше высказывается г. Дювернуа (Источники права и судъ въ древней Россіи, p. 23). «Начало *военнаго строя земскаго* должно быть отнесено ко временамъ еще до прибытія князей»; авторъ приводитъ м. пр. мнѣніе Розенкампфа, сближающаго вервь съ сотней (ib.), и утверждаетъ, что почти всѣ органы первоначальнаго судоустройства возникли изъ военной, а не патріархальной организаціи (ib.). cf. ib. p. 163—5 о судѣ тысяцкихъ и сотскихъ. По мнѣнію В. О. Ключевскаго (Боярская дума древней Руси, 2-е изд., стр. 29), десятинная организація создана на Руси правительственнымъ классомъ (докняжескимъ), взявшимъ въ свои руки военныя дѣла главныхъ областныхъ городовъ. «Все вооруженное населеніе города раздѣлялось на десять ротъ или *сотенъ*, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на десятки. Такимъ образомъ весь

Населеніе Галицкой Руси въ XIV и XV в. жило по самымъ разнообразнымъ *правамъ*. Главная масса населенія была разу-

---

городъ составлялъ полкъ или *тысячу*. Этой тысячей командовалъ тысяцкій, какъ военный управитель города; ему подчинены были предводители частей тысячи, сотскіе, десятскіе; только главные города старинныхъ областей образовали полныя тысячи, младшіе города или пригороды не были такими цѣльными полками, или тысячами, хотя дѣлились на сотни, подобно старшимъ». Тысяцкихъ, сотскихъ и десятскихъ докняжеской Руси В. О. считаетъ должностями выборными (ib. p. 30). По его же мнѣнію, города и при князьяхъ сохранили свое старое устройство, при чемъ сотники и десятники городовъ въ X в. еще выбирались, повидимому, своими горожанами. Что касается тысяцкаго, то эта должность въ XI—XII в. не была уже выборной: тысяцкаго назначалъ самъ князь изъ членовъ своей дружины, изъ своихъ мужей (ib. p. 38—9)

Наше разногласіе съ упомянутыми учеными ясно изъ текста. Мы не считаемъ сотенную организацію *земской*, докняжеской и притомъ организаціей всего народа. Это, по нашему мнѣнію, организація искусственная, *военно-финансовая организація княжескаго періода и притомъ организація одного лишь подзамковаго населенія*.

Мы думаемъ, что тысяцкій не былъ первоначально земскимъ чиновникомъ, лишь впослѣдствіи ставшимъ княжескимъ, наоборотъ, по нашему мнѣнію, это первоначально княжескій чиновникъ, пріобрѣвшій значеніе земскаго лишь впослѣдствіи и то не вездѣ, а только тамъ, гдѣ вѣче пріобрѣло особенно важное значеніе. Представленіе о роли тысяцкаго, какъ народнаго трибуна, составилось главнымъ образомъ на основаніи фактовъ изъ новгородской жизни, гдѣ земщина болѣе всего обособилась отъ князя и его дружины. Мы знаемъ однако, что въ Новгор. землѣ на сотни дѣлится только одно городское населеніе, сельское же на потуги и погосты. (Акты Арх. Экс. I. № 57 — а купецъ поѣдетъ во сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ; см. В. И. Сергѣевича. Вѣче и князь, стр. 343.) По мнѣнію одного изъ глубочайшихъ знатоковъ новгородской исторіи, А. И. Никитскаго, «подобно тому, какъ представитель Новгорода, посадникъ, выработался изъ княжескаго органа управленія, такъ точно можно думать, что и званіе тысяцкаго организовано по примѣру той же среды. Между княжескими людьми въ Новгородѣ встрѣчается званіе не только посадника, но и тысяцкаго: послѣднее-то, по всей вѣроятности, и послужило для новгородцевъ образцомъ для созданія сана тысяцкаго...Тысяцкій былъ ничѣмъ инымъ, какъ представителемъ тысячи, а такъ какъ въ тысячѣ, т.-е. собраніи сотенъ, на которыя дѣлился Великій Новгородъ какъ городъ, записаны были купцы, то естественно, что правитель сотенъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ лицомъ въ Ивановскомъ учрежденіи. Также нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что въ торговой общинѣ тысяцкій былъ представителемъ черныхъ людей. Если мы вспомнимъ, что подраздѣленіе города было двоякаго рода: на купеческія сотни или ряды и сотни просто, заключавшія въ себѣ остальное низшее или черное городское населеніе, то мы легко поймемъ тогда, въ какомъ смыслѣ тысяцкій былъ представителемъ черныхъ людей въ Ивановскомъ учрежденіи» (посмертный трудъ «Очерки экономической жизни Вел. Новгорода», Чтенія въ Императ. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1893, кн. I, стр. 20).

Въ Русск. Правдѣ нѣтъ ни сотни, ни сотниковъ — низшая административно-бытовая единица организаціи сельскаго населенія въ этомъ памятникѣ — вервь. Представители сельскихъ общинъ носятъ названія старостъ (сельскій староста княжій, ратайный староста), тіуновъ (тіунъ сельскій княжій, тіунъ ратайный). Сотскихъ мы встрѣчаемъ только въ городахъ. Въ Гал. землѣ XV в. десятниковъ находимъ только въ валашскихъ общинахъ и у подзамковыхъ сотныхъ. Въ остальныхъ общинахъ на русскомъ

мѣется русская и въ эпоху завоеванія Черв. Руси Польшей жила по своимъ старымъ обычаямъ, по *праву* русскому.

Но еще въ княжескій періодъ въ Гал. Русь начинаютъ проникать и другія права частью путемъ добровольной, (свободная иммиграція или вызовъ правительства) частью невольной (плѣна) иностранной колонизаціи.

Слѣды нѣмецкаго права мы находимъ въ Гал. Руси еще въ первой половинѣ XIV в.[1]), но слѣды весьма незначительные; притомъ

правѣ только тіуновъ и атамановъ (послѣднее названіе перешло къ намъ отъ татаръ). На основаніи приведенныхъ фактовъ мы и рѣшаемся утверждать, что тысячу составляло городское и подзамковое населеніе, обязанное послугами на замокъ и содержаніемъ княжеской дружины.

Что же касается столь широкаго распространенія сотенной организаціи въ сѣв.-восточной Руси Московскаго періода, то мы для объясненія его приведемъ всего одинъ, но весьма убѣдительный, фактъ: Въ 1257 г. „приехаша численіцi, исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Мюромьскую, и *ставиша десятники и сотники, и тысящники* и темникі, и идоша в орду, толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрить на святую Богородицю и на владыку. Лавр. 451. cf. данныя о раздѣленіи Подоліи на «тми». (Акты Зап. Рос. т. II № 6, хвастливая грамота Менгли Гирея, гдѣ тьмами именуются и другія русскія земли. Вѣроятность раздѣленія Подоліи на тьмы признаетъ Н. В. Молчановскій, Очеркъ лѣтописи изв. о Подольской землѣ, р. 156). О сотныхъ въ Моск. государствѣ см. А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Моск. государствѣ, стр. 283 слѣд., П. Н. Милюкова, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства стр. 20 (странно, что оба автора, приводя извѣстіе о переписи населенія сѣв.-вост. Руси татарами и установленіи сотниковъ и десятниковъ, цитируютъ Никон. лѣтопись, а не Лавр.). П. Н. Милюковъ думаетъ, что «едва ли не отъ этой татарской организаціи придется вести «сотскаго» или «сотника», древнѣйшаго представителя тяглой общины сѣверо-восточной Руси»; авторъ считаетъ вѣроятнымъ, что «волостная сотня (до-татарская?) имѣла финансовое происхожденіе, именно была группою селеній, тянувшихъ въ дань къ одному сотскому» (р. 20—21).

Замѣтимъ еще слѣд: распространеніе сотеннаго устройства по всѣмъ русскимъ землямъ княжескаго періода говоритъ скорѣе за оффиціальное, княжеское происхожденіе этой организаціи, чѣмъ противъ такого мнѣнія — въ устройствѣ каждой отдѣльной земли до княжескаго періода было несомнѣнно много отличительныхъ особенностей, слѣды которыхъ остались и въ извѣстное намъ по лѣтописямъ время.

Въ сѣв. вост. Руси, а также во многихъ частяхъ Литовской Руси сотенное устройство продолжало развиваться подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и приняло характеръ совершенно отличный отъ стараго; поэтому-то для насъ и имѣютъ такое значеніе данныя о сотныхъ людяхъ въ Гал Руси — здѣсь это остатокъ *пережитія*, какъ и всѣ другіе слѣды русскаго права, обломки котораго уцѣлѣли еще въ XV в. при совершенно новыхъ условіяхъ жизни.

[1]) Грамота 1339 г. Юрія-Болеслава Саноку на нѣм. право у Реппеля, Ueber die Verbreitung des Magdeb.-Stadtrechts.

Нѣмцы во Львовѣ еще въ началѣ XIV ст. составляли общину съ своимъ войтомъ — въ 1352 г. Казимиръ подтверждаетъ сыновьямъ Матвѣя olym advocati Lemburgensis.

нѣмецкое право, какъ кажется, давалось первоначально лишь настоящимъ нѣмецкимъ колонистамъ, прибывшимъ ли по собственному желанію въ Гал. Русь, или вызваннымъ княземъ. Правительства того времени мало вмѣшивались во внутренній строй общинъ, оставляя ихъ жить по собственнымъ правамъ, требуя лишь условленныхъ повинностей въ свою пользу.

Еще въ княжескій періодъ мы находимъ въ Гал. Руси валашскихъ колонистовъ, жившихъ здѣсь точно такъ же по своему валашкому праву общинами съ князьями и крайниками во главѣ. Къ такимъ валашскимъ поселеніямъ, по всей вѣроятности, принадлежали загадочные Болоховскіе князья, извѣстные во время Даніила Романовича.

Помимо того мы находимъ въ Галицкой Руси еще княжескаго періода слѣды самой разнообразной колонизаціи, о чемъ свидѣтельствуютъ названія разныхъ мѣстностей. Часть такихъ разнокалиберныхъ колонистовъ появилась здѣсь путемъ плѣна,— взятые во время походовъ въ плѣнѣ колодники селились въ качествѣ рабовъ или зависимыхъ людей на княжескихъ земляхъ. Часть могла явиться сюда добровольно вслѣдствіе какихъ-либо неблагопріятныхъ условій на родинѣ[1]).

Колонизація послѣдняго рода должна была особенно усилиться послѣ татарскаго нашествія, давшаго значительный толчокъ передвиженію населенія какъ Руси, такъ и сосѣднихъ народовъ. Галицкая Русь, какъ болѣе безопасная отъ татаръ, явилась во второй половинѣ XIII и XIV ст. убѣжищемъ для массы колонистовъ изъ сосѣднихъ земель. Извѣстно лѣтописное мѣсто о созданіи Даніиломъ Холма; князь сзываетъ сюда колонистовъ нѣмцевъ, русь, иноязычниковъ и ляховъ, изъ татаръ бѣгутъ

владѣніе имѣніями, пожалованными ихъ дѣду Бертольду, львовскому войту, княземъ Львомъ (Akta gr. II, № 1).

Въ грамотѣ Юрія 1339 г. упоминаются advocati de Bahna, de Varsov, de Sywicz, но гдѣ находились эти поселенія, сказать трудно. Мѣстичи нѣмцы упоминаются еще въ XIII в. во Владимірѣ (Ип. 596). Смерть Владиміра Васильковича оплакиваютъ „все множество Володимерцевъ, мужы и жена и дѣти, Нѣмци и Сурожьцѣ, и Новгородци, и Жидове плакахуся, аки и во взятье Іерусалиму... (Ип. 605).

[1]) Подъ 1276 г. въ лѣтопись занесено извѣстіе о приходѣ къ Тройдену Пруссовъ, бѣжавшихъ изъ своей земли отъ насилія крестоносцевъ: Придоша Пруси ко Тройденовѣ изъ своей земли неволею передъ Нѣмци; онъ же прия ѣ к собѣ и посади часть ихъ в Городнѣ, а часть ихъ посади во Въ слонимѣ. (Ип. 577). Быть можетъ, около того же времени основано и поселеніе Прусы Львовской земли. Прусина находимъ на службѣ у князя Владиміра Васильковича (Ип. 584).

сюда всякіе ремесленники „...и бѣ жизнь и наполниша дворы, окрестъ града поле и села“ [1]).

Поэтому-то, просматривая топографическія названія мѣстностей въ Гал. Руси, мы находимъ здѣсь: Печенѣги, Берендѣевичи, Торчевъ, Половецъ, Козара, Козартовцы, Дулѣбы, Древляне, Ятвяги, Прусы, Литвиновъ, Угровскъ, Угриновъ, Угерцы, Болохово, Волошовъ, Волошинъ, Волошъ, Чеховъ, Чешки, Ляшки, Моравцы, Моравско, Татариновъ и много другихъ мѣстностей, названіемъ своимъ ясно говорящихъ о значительной и разнообразной иностранной колонизаціи въ этой западной окраинѣ Руси.

Хотя мы и не имѣемъ точныхъ данныхъ для опредѣленія времени возникновенія перечисленныхъ поселеній, но большая древность нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Козары, Дулѣбы, Древляне, ясна уже изъ самыхъ названій, происходящихъ отъ имени племенъ, исчезнувшихъ уже въ эпоху лѣтописца. Не позже двѣнадцатаго или начала тринадцатаго вѣка поселенія Берендѣевичи, Торчево, послѣднее какъ и Болохово, Угровскъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ XIII в. Въ разное время съ половины XIII в. могли возникнуть остальныя изъ указанныхъ поселеній.

Многіе изъ перечисленныхъ выше колонистовъ жили въ Гал. Руси, какъ мы уже указывали выше, по своимъ роднымъ правамъ и пользовались болѣе или менѣе значительной долею самоуправленія.

Польское завоеваніе сразу внесло въ судьбу крестьянскаго населенія Гал. Руси существенныя измѣненія.

Значительная часть земель уже съ первыхъ лѣтъ польскаго господства раздается здѣсь польской и иноземной шляхтѣ на условіяхъ отбыванія за пожалованный участокъ военной службы. Мы уже указывали выше, что большинство устремившейся въ Черв. Русь польской шляхты принадлежало къ разряду безземельной или малоземельной, захудалой и убогой, „голоты“. Такое обѣднѣвшее дворянство не имѣло конечно средствъ для заведенія въ полученномъ участкѣ правильнаго хозяйства. Нужно поэтому думать, что большинство древнѣйшихъ пожалованій да-

---

[1]) Ип. 558. По мнѣнію М. Ф. Владимірскаго-Буданова (Населеніе юго-западной Руси отъ половины XIII в. до половины XV в., предисловіе къ Архиву Юго-Зап. Россіи. ч. VII, т. I, p. 27). „Мастера, бѣжавшіе изъ Татаръ не Татары, а ихъ плѣнники, русскіе и иноземные, а равно и жители городовъ, непосредственно подчиненныхъ Татарамъ“.

валось въ мѣстностяхъ заселенныхъ, при чемъ значительная часть повинностей уступалась правительствомъ въ пользу шляхтича.

Получая пустые участки, шляхтичъ получалъ право ихъ заселить и на извѣстное число лѣтъ освободить новоселенцевъ отъ всякихъ повинностей; по истеченіи льготныхъ лѣтъ большинство повинностей точно такъ же шло въ пользу шляхтичей. Количество этихъ повинностей и способъ ихъ отбыванія, какъ увидимъ ниже, съ теченіемъ времени измѣнялись не въ пользу крестьянъ.

Съ другой стороны, получая заселенный или пустой участокъ, пожалованный вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ, или впослѣдствіи себѣ испрашивалъ право устроить его на нѣмецкомъ (чаще всего) или на какомъ угодно правѣ. Ниже мы увидимъ, какія удобства давало нѣмецкое право владѣльцу; теперь ограничимся только указаніемъ, что выгоды эти казались весьма значительными, и устройство поселеній на нѣмецкомъ правѣ начинается съ первыхъ же лѣтъ польскаго господства какъ въ королевскихъ, такъ и частныхъ земляхъ. Къ половинѣ XV ст. едва ли не половина всѣхъ поселеній Гал. Руси находилась уже на нѣмецкомъ правѣ.

Въ Польшѣ къ срединѣ XIV в. большинство крестьянъ было уже въ юридическомъ отношеніи изъято изъ подъ власти государства и передано вѣдѣнію землевладѣльца-шляхтича, имѣвшаго jus dominii надъ населеніемъ своей земли, т.-е. судившаго его лично или черезъ своего солтыса. Тотъ же доминіальный судъ надъ населеніемъ появляется и въ Черв. Руси съ польскимъ владычествомъ.

Въ поселеніяхъ на нѣмецкомъ и польскомъ правахъ населеніе изъемлется изъ вѣдѣнія государства и подчиняется власти domini.

Въ Польшѣ, какъ мы видѣли, крестьянское населеніе имѣло еще право выхода въ продолженіе всего XV в.[1]).

Въ Черв. Руси княжескаго періода крестьянское населеніе имѣло право выхода, ограниченное только (какъ увидимъ ниже) извѣстными условіями, вытекавшими изъ принадлежности крестьянина къ своей общинѣ и отношеніями къ владѣльцу.

---

[1]) Еще въ статутѣ 1493 г. (Bandtkie, Jus Polonicum, p. 327) читаемъ: quia kmethones de loco ad locum se anno quolibet moventes ipsi et domini eorum ad damna perveniebant plurima — статутъ постановляетъ: ut a modo kmethones a dominis suis status utriusque in partibus terrae Cracoviensis quoquo modo de agris suis recedere non audeant, nisi prius kmetho quilibet aedificaverit aream suam et debita solverit domino juxta consuetudinem (т.-е. только повторяются старыя постановленія), *exceptis terris Russiae et terris Majoris Poloniae, ubi antiqua consuetudo servetur*.

Ограниченіе права выхода первоначально вовсе не было въ интересахъ землевладѣльцевъ-шляхтичей. Пустые участки нужно было заселить, чтобы съ нихъ получить доходъ; засѣлить участокъ можно было или вызвавъ иностранныхъ колонистовъ, или переманивъ къ себѣ обѣщаніями значительныхъ льготъ населеніе королевскихъ или частныхъ земель. Въ XIV и первой половинѣ XV в. происходитъ еще значительный приливъ шляхты въ Черв. Русь. Многіе шляхтичи появляются здѣсь только временно; покупка, продажа, мѣна земли происходитъ въ теченіе этого періода съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Поэтому-то шляхта первое время не только не возстаетъ противъ передвиженія населенія, но, наоборотъ покровительствуетъ ему и даже издаетъ постановленія противъ тѣхъ владѣльцевъ, которые не выпускали изъ своихъ имѣній правильно (rite) вызванныхъ крестьянъ.

Такъ въ 1435 г. (годъ введенія польскаго права, т.-е. администраціи и суда на польскій ладъ) галицкіе шляхтичи (domini terrae) издаютъ постановленіе, регулирующее выходъ крестьянъ на польскій ладъ: крестьянинъ за право выхода (въ періодъ рождественскихъ праздниковъ) долженъ уплатить землевладѣльцу копу грошей, джберъ пшеницы, двѣ колоды овса, четыре русскихъ сыра, четыре курицы, возъ сѣна и возъ дровъ[1]).

[1]) A. gr. t. XII p. 425. Cum aliquis incolarum de domo in villa a festo Nativitatis Christi a domino suo recesserit, extunc domino ville sexagenam, viccum tritici, alias *dzber*, duos truncos avene, IIII tortas Rutinicales, IIII genera gallorum alias cur, currum feni, currum lignorum dare debet.

Какъ видно изъ начала акта, это есть новое постановленіе, переносящее въ Галицкую землю условія выхода крестьянъ, практиковавшіяся въ Польшѣ (jus, quod fit in terris Cracoviensi et Sandomiriensi et terra Polonie laudaverunt et laudabiliter appellaverunt). Но и въ самой Польшѣ XV в. условія выхода крестьянъ были разнообразны въ разныхъ земляхъ. Такъ въ землѣ Ланчицкой крестьяне, сидѣвшіе на польскомъ и нѣмецкомъ правахъ, могли выходить только въ Рождество, получивъ за двѣ недѣли до этого срока licenciam отъ владѣльца; выходившій крестьянинъ долженъ былъ или поставить на свое мѣсто другого крестьянина, или уплатить владѣльцу 1 гривну и 1 ferto и при этомъ привесть свой дворъ въ порядокъ по оцѣнкѣ четырехъ лицъ, двухъ со стороны владѣльца, двухъ со стороны крестьянина. Могли крестьяне выходить и въ теченіе всего года, но тогда платили владѣльцу 3 гривны и приводили дворъ въ порядокъ. Всѣ расчеты съ крестьяниномъ должны были происходить за двѣ недѣли до выхода, — послѣ выхода (т.-е. послѣ полученія отъ владѣльца разрѣшенія на выходъ) владѣлецъ не имѣлъ права предъявлять претензій къ крестьянину.

Загродники сидѣвшіе на польскомъ правѣ, выходившіе non in tempore, т.-е. не за Рождество, платили 1 гривну, а если in tempore, то только чиншъ и гостинное и приводили свои дворы въ порядокъ. Корчемники, сидѣвшіе на нѣмецкомъ правѣ, должны были осадить свою корчму и оправить дворъ, иначе платили 1 гривну при выходѣ.

Но на бурномъ засѣданіи шляхетскаго вѣча въ Галичѣ 1444 г. было постановлено, что если владѣлецъ не захочетъ выпустить своего крестьянина post reclinacionem (т.-е. послѣ офиціальнаго заявленія владѣльцу о желаніи выйти и исполненія всѣхъ формальностей отказа), то послѣдній можетъ позвать его въ судъ на третій день, и владѣлецъ обязанъ (будучи раньше оповѣщенъ объ этомъ alio homine) отпустить его въ первый судебный срокъ, уплативъ три гривны штрафа въ пользу суда и три гривны въ пользу истца[1]).

Въ этомъ же собраніи для огражденія интересовъ владѣльца сдѣлано еще постановленіе о бѣглыхъ людяхъ, т.-е. очевидно о бѣжавшихъ sine reclinacione, безъ вѣдома владѣльца и исполненія всѣхъ формальностей отказа. Принявшій такого бѣглаго обязанъ, будучи оповѣщенъ господиномъ бѣжавшаго, отпустить его съ тремя гривнами штрафа; если же крестьянинъ не будетъ отпущенъ, то господинъ его зоветъ на третій день въ судъ принявшаго его крестьянина, и перенявшій платитъ три гривны судебной виры и столько же истцу. Тутъ же прибавлено важное замѣчаніе, что дѣти бѣглыхъ не считаются бѣглыми[2]). Послѣднее постановленіе можно понимать двояко: или оно значитъ только то, что за дѣтей бѣглаго не платятъ штрафа, или же болѣе важное — что дѣти бѣглаго не отвѣчаютъ за тѣ послѣдствія, которыя падаютъ на бѣжавшихъ родителей. А это можетъ имѣть смыслъ лишь тогда, когда бѣжавшій крестьянинъ закрѣпощался, терялъ право выхода. Мы склоняемся именно къ послѣднему объясненію.

Въ статутѣ есть противорѣчіе — въ § 34 условія выхода одни и тѣ же для крестьянъ на правѣ нѣмецкомъ и польскомъ, въ § 36 — крестьяне на польскомъ правѣ платятъ при выходѣ лишь половину того, что платили крестьяне на правѣ нѣмецкомъ.

Объ условіяхъ выхода крестьянъ въ Мазовіи см. Дунина, o Mazowcach prawem, p. 54. Въ землѣ Холмской крестьяне могли выходить, осадивъ свое поле kmethone tam valenti ut solus fuit, или продать поле съ согласія владѣльца (статутъ 1477 г. у Мацѣйовскаго, Historya prawodawstw stowjańskich, t. VI, p. 414).

[1]) A. gr. XII, p. 129. Item eciam domini invenerunt, quod cum aliquis homo recli nabit se a suo domino ad alium dominum et idem ejus dominus ipsum detinebit et locabit post reclinacionem, extunc ipsum debebit citare ad tercium diem, qui habet ipsum restituere in primo termino cum tribus marcis, castro tres et actori tres. Item eciam debent ipsum predestinare alio homine. Sin autem non vellet restituere, extunc ipsum citare habet, ut supra.

[2]) Item eciam invenerunt, quod habent inter se hos fugittivos homines (cum tribus restituere) tradere de... et idem cui profugit, debet predestinare ipsum ut cum tribus traderet hominem. Sin autem non traderet cum tribus, extunc debet eum citare ad diem tercium, cum ipsum hominem debet ipsum mittere cum tribus marcis, castro tres et actori tres *et hominibus fugittivis pueri non sunt fugittivi.*

такъ какъ оно соотвѣтствуетъ постановленію Русской Правды, по которому бѣглый закупъ становился холопомъ. На другомъ вѣчѣ того же 1444 г. между прочимъ постановлено, что крестьяне могутъ выходить (abdicare se) въ теченіе двухъ недѣль, считая отъ второго дня по Рождествѣ Христовѣ. Разслѣдованіе дѣлъ по выходу крестьянъ должно происходить на слѣдующій за тѣмъ (третьей) недѣлѣ.

Наконецъ запрещался насильственный уводъ вышедшаго человѣка и грабежъ его имущества — послѣднее должно до рѣшенія суда быть передано въ третія руки[1]).

Однако съ половины XV в. въ Галицкой Руси повидимому образуются двѣ партіи, интересы которыхъ въ отношеніи крестьянскаго выхода были діаметрально противоположны. Элементъ недавно пришлой шляхты стоялъ за свободу выхода, такъ какъ нуждался въ заселеніи своихъ участковъ. Наоборотъ, прочно въ Черв. Руси осѣвшіе шляхтичи, устроившіе свои земли и колонизовавшіе ихъ, были противъ свободы выхода, весьма для нихъ невыгодной. Отсидѣвшіе льготные годы крестьяне бросали свои участки и переходили на новыя льготы въ другія имѣнія, а участокъ землевладѣльца пустѣлъ и не давалъ никакого дохода[2]).

Оттого-то акты XV в. переполнены дѣлами о выходѣ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ, какъ въ Галицкой, передвиженіе крестьянъ происходило въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, жалобъ о неправильномъ вызовѣ населенія, бѣгствѣ его, насильственномъ уводѣ чужихъ и своихъ, вышедшихъ въ другія имѣнія, крестьянъ накоплялась такая масса, что въ судѣ были назначаемы спеціальныя засѣданія для такихъ дѣлъ. Дѣла о крестьянахъ рѣшались въ Галицкой землѣ первоначально въ судахъ земскихъ,

---

[1]) Item eciam sub pena iudicii nullum hominem rectinatum recipere habent *necz* alias *gradycz* usque ad *vospravvy* eciam actoris. ib. p. 138.

Это, кухонною латынью изложенное, мѣсто относится, по нашему мнѣнію, къ *личности* крестьянина, такъ какъ раньше идетъ дѣло объ его имуществѣ — господинъ не имѣетъ права *мять* или *грабить*, т.-е. силой уводить своего крестьянина съ того мѣста, куда онъ ушелъ. Постановленіе это станетъ понятнымъ тому, кто заглянетъ въ галицко-русскія судебныя книги XV в., особенно въ книги Галицкой земли — послѣднія переполнены дѣлами о наѣздахъ на чужія имѣнія и уводѣ вышедшихъ крестьянъ.

[2]) Такое же явленіе повторялось и позже въ украинныхъ старостваxъ. Такъ по люстр. 1565 въ селахъ Летичевскаго повѣта „ludzie nigdi swobodi nie wisziedza, zwlascza yz czestho odchodza, ktorem ma swoboda wichodzicz, a na iech miescza zaszie drudzi na swobode do lat kielkanasczie wstępuią". (Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, p. 207).

позже, въ судѣ коморниковъ (judicum camerariorum), въ землѣ Перемышльской они находились въ вѣдѣніи суда гродскаго[1]). Въ Львовской землѣ крестьянскія дѣла точно такъ же разбирались въ гродскомъ судѣ, хотя нерѣдко возникали споры о подсудности такихъ дѣлъ гродскому суду[2]).

Свободный выходъ крестьяне имѣли въ Гал. Руси до начала XVI в.: въ 1507 г. по просьбѣ червонорусской шляхты король распространяетъ и на Черв. Русь польскія постановленія о выходѣ крестьянъ[3]).

Посмотримъ теперь на тѣ условія, при которыхъ въ XV в. происходилъ выходъ крестьянъ.

Въ XV в. масса крестьянскаго населенія Черв. Руси была еще свободна и имѣла право выхода. Кромѣ рабовъ и кабальныхъ, привязанныхъ къ личности владѣльца, коланныхъ, ордынцевъ и данниковъ (homines tributarii), прикрѣпленныхъ къ землѣ, всѣ

[1]) A. gr. t. XII, предисловіе, p. XI.

[2]) A. gr. t. XIV, p. 72 и предисловіе.

[3]) Vol. leg. I, p. 166 „ad supplicationem terrarum Russiae: volumus et decernimus ut de omnibus fugittivis statutum Regni observetur". Мы видѣли выше, что еще статутъ 1493 г. оставилъ въ Черв. Руси обычные порядки выхода крестьянъ. Но и статутъ 1496 подтверждаетъ „consuetudines super mittendis (kmethonibus) observatas non esse immutandas, sed observandas ubique" (Jus Pol. p. 343). Но въ статутѣ 1496 находится чрезвычайно важное постановленіе, ограничивающее выходъ крестьянъ: изъ сыновей крестьянина только одинъ можетъ выходить въ наемную службу или для изученія ремеслъ, остальные должны оставаться въ селѣ; если у кмета одинъ только сынъ, то онъ долженъ оставаться въ селѣ; при этомъ и имѣющій право выхода крестьянскій сынъ долженъ получить увольнительное свидѣтельство отъ своего пана (licentiam et litteras testimoniales a dominis locorum), иначе онъ считается бѣглымъ, и панъ имѣетъ право вернуть его (Jus Pol. p. 343). Этимъ постановленіемъ, какъ замѣчаетъ Бобржинскій, подданство крестьянъ изъ личнаго стало наслѣдственнымъ.

По Радомской конституціи 1505 г. безусловно требуется согласіе пана на выходъ крестьянина: statutum quod nulli kmethonum liberum erit de cetero recedere a domino suo et de bonis residencie sue domino invito aut inscio, qui vero contra hoc statutum recedere sive fugere presumerit, dominus apud quem inventus fuerit, kmethonem restituere teneatur nullius temporis prescripcionem evadendo... Si vero domino placuerit kmethonem e *bona voluntate* dimittere, extunc kmetho tenebitur solvere hospitale alias gosczynne nec non domini septa et alia juxta antiquum reformare et fidejubere. (Арх. Бернард., Acta Castr. Premisl. t. IV, p. 69).

По всей вѣроятности, червоно-русская шляхта просила короля о распространеніи и на Черв. Русь вышеизложенныхъ постановленій. Такимъ образомъ юридическое закрѣпленіе крестьянъ наступило въ Черв. Руси нѣсколько позже закрѣпощенія польскихъ крестьянъ.

остальные крестьяне какъ королевскихъ, такъ и частныхъ имѣній могли покидать свои собственныя или владѣльческія земли, на которыхъ осѣли, и переходить куда имъ угодно.

Однако свобода перехода не была вполнѣ неограниченной. На дорогѣ ей стояли, съ одной стороны, интересы самихъ крестьянскихъ общинъ, съ другой — интересы землевладѣльцевъ: безусловный выходъ крестьянъ наносилъ вредъ и тѣмъ и другимъ. Выходящій изъ общины крестьянинъ уменьшалъ ея платежную силу; повинности, лежавшія на всей общинѣ, съ уменьшеніемъ числа членовъ общины становились тяжелѣе для каждаго отдѣльнаго члена. Тамъ, гдѣ повинности были точно обозначены для каждаго отдѣльнаго лица, уходъ крестьянина лишалъ землевладѣльца части доходовъ со своей земли.

По этимъ-то причинамъ и общины и землевладѣльцы старались ограничить и упорядочить выходъ крестьянъ. Съ обѣихъ сторонъ были выработаны извѣстныя условія, удовлетворивъ которымъ, крестьянинъ имѣлъ право выхода. Не много, но зато характерныхъ, данныхъ сохранили намъ акты относительно выхода крестьянъ изъ поселеній на *русскомъ правѣ*. Данныя эти тѣмъ болѣе важны для насъ, что они по всей вѣроятности рисуютъ намъ обычай древній, сохранившійся отъ періода еще полнаго господства права русскаго эпохи княжеской и даютъ нѣсколько драгоцѣнныхъ чертъ изъ исторіи древнерусской крестьянской общины.

Ко всѣмъ выходящимъ крестьянамъ, на какомъ бы правѣ они не сидѣли, примѣнялось одно общее правило: выходить можно было только съ опредѣленнаго права въ такое же (съ русскаго въ русское, нѣмецкаго въ нѣмецкое); выходъ съ одного права въ другое воспрещался. Если крестьянинъ вызывался напр. съ русскаго права въ русское, а окажется, что онъ осѣлъ на нѣмецкомъ, то прежній dominus имѣлъ право вытребовать его назадъ, при чемъ перезвавшій крестьянина платилъ штрафъ первому владѣльцу въ 3 гр. и столько же судебной виры, теряя притомъ данный за крестьянина выходъ. Впрочемъ правило это имѣло повидимому силу только въ теченіе извѣстнаго времени, одного года со времени вызова.

Трудно объяснить причину подобнаго запрещенія: для землевладѣльца было повидимому рѣшительно безразлично, въ какое право выходилъ его крестьянинъ, разъ онъ исполнилъ всѣ формальности выхода (reclinacio) и вполнѣ удовлетворилъ всѣмъ лежавшимъ на немъ по отношенію къ своему dominus'у обяза-

тельствамъ. Быть можетъ, запрещеніе это вызвано желаніемъ ограничить нѣсколько необыкновенно частый переходъ крестьянъ: переходъ съ одного права въ другое могъ представлять крестьянину больше заманчивости, чѣмъ переходъ въ то же право; въ послѣднемъ случаѣ способъ отбыванія повинностей, а иногда и размѣръ ихъ, оставались неизмѣнными. Но, съ другой стороны, массу крестьянъ увлекали въ новыя поселенія *воля*, освобожденіе отъ повинностей на извѣстное число лѣтъ, а такая воля могла имъ даваться на всякомъ правѣ.

Выходъ крестьянъ въ латинскихъ актахъ именуется reclinatio[1]), по-русски — *отказъ, выходъ*. Перезванный крестьянинъ назывался homo, kmetho reclinatus, acclinatus.

Правильно совершонный выходъ требовалъ исполненія разныхъ формальностей. Вызывавшіе крестьянина *(отказчики)* должны были формально заявить владѣльцу въ его домѣ[2]), въ присутствіи посторонняго (обчаго, hominis extranei nobilis)[3]) шляхтича, или, за неимѣніемъ его, при двухъ свидѣтеляхъ изъ мѣстныхъ обывателей (terrigene) и самаго вызываемаго крестьянина, о его вызовѣ; владѣльцу тутъ же придставлялась отказчикомъ плата за выходъ (pecunio reccossionalis, recessionales, exitus, *выходъ*): тогда же производился точный разсчетъ владѣльца съ своимъ крестьяниномъ, опредѣлялись всѣ обязательства, на немъ лежавшія и, повидимому, требовалось свидѣтельство владѣльца о погашеніи всѣхъ этихъ обязательствъ[4]). Выходная плата по русскому и валашскому праву соотвѣтствовала экономическимъ отношеніямъ крестьянина къ своему dominus'y[5]).

Выходъ крестьянина долженъ былъ происходить въ урочное время и непремѣнно днемъ (in tempore et hora); выходъ ночью считался неправильнымъ, приравнивался къ бѣгству[6]).

---

[1]) Reclinatio, acclinatio, exclinatio, exceptio exitus; exceptio, выходъ, употребляется и въ смыслѣ платы за выходъ (A. gr. XV, p. 530). Post reclinacionem al. *по одказу* (A. gr. XV, p. 484).

[2]) или въ домѣ тіуна, A. gr. XII, p. 369.

[3]) przed obczizna. A. gr. XV, p. 530, 534.

[4]) Всѣ претензіи къ крестьянину владѣлецъ долженъ былъ объявить при reclinatio; объявленныя послѣ reclinatio претензіи не имѣли силы, см. A. gr. XIV, p. 293 и 339. При неправильномъ перезываніи уплаченный владѣльцу выходъ оставался въ его пользу, A. gr. XIV, p. 305.

[5]) Экономическое положеніе крестьянина доказывалось показаніемъ атамана и двухъ крестьянъ. (A. gr. XII, p. 409, istcsyenko sedet circa me in media area et paratus sum hoc adducere iuxta consuetudinem terrestrem dnobus kmethonibus et vathamano.

[6]) A. gr. XII, p. 75. Mgf. Muzilo in lucello alias *przed swyachem* (sic) alias (sic) homines reclinavit... tunc nos iudices videntes quod indecenter ds. Muzilo homines

Крестьяне, сидѣвшіе на *русскомъ правѣ*, какъ уже сказано, имѣли право выходить только въ русское же право. Выходъ ихъ

reclinavit... tunc nos judices videntes quod indecenter Vs. Muzilo homines reclinavit, premissos homines Ihnatoni adiudicavimus... cf. ib. p. 146. idem homo non est in tempore reclinatus, quia in nocte sunt reclinati (sic).

Выходъ платился не только крестьянами, имѣвшими собственное хозяйство, сидѣвшими на опредѣленныхъ участкахъ земли (kmethones bene possessionati, areales, de media area, de quartale agri) но и подсѣдками, дворовыми (sedentes in camera). A. gr. XVI, p. 209 ...terminus positus inter mfm. Pal. Leop. actorem et nob. Ioh. Dawidowsky reum ad interrogandum dominos pro homine Ostasch reclinato de Dawidow sub civitatem Leopolim pro eo, *quid Ostasch recessionalis dare deberet, ex quo in camera residebat et sub domino nil tenebat.*

Очень любопытенъ фактъ существованія еще въ XV ст. разряда людей *вольныхъ, похожихъ* (zapochodzączy), не платившихъ выхода. Данныхъ относительно такихъ вольныхъ однако очень мало. Укажу на дѣло A. gr. XII, p. 6 (a. 1436)... Item Onoszym de Kurosz est iustificatus prout pro recessionalibus alias *za poklon* per ducem Mithko inculpatus fuit. Unde domini superius descripti dederunt Onoszym *na ludstwo* ad popones de Kurosz ad quos ministerialis equitaverat. Qui dixerunt: *est frater noster liber, qui recedere habet et recessit ut aliquis nostrum alias wolni.* „cf. ib. p. 149 dedimus ad futuros terminos ad interrogandum ad plures homines inter dominam Elizabeth de Podhaycze et Jacconem de Sphistelniky pro homine, utrum homo est *zapochodzaczy*, qui jam obsedit alias *obszadł*“.

Классъ похожихъ или вольныхъ людей (люди захожіе, прихожіе, слободичи, похожіе, вольники) существовалъ и въ Литовской Руси. По характеристикѣ В. Б. Антоновича. (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VI, т. II, p. 17) слободичи были люди вольные, не имѣвшіе поземельной собственности; они снимали по контракту участки земли у дворянъ, при чемъ давали владѣльцу земли листъ или записъ добровольный; въ силу этого контракта они обязывались взамѣнъ за получаемую землю давать владѣльцу извѣстное условное количество получаемыхъ ими съ земли произведеній, или исполнять извѣстныя службы, или давать платы; такъ какъ при поселеніи своемъ похожій человѣкъ получалъ по большей части еще пособіе отъ землевладѣльца, то въ такомъ случаѣ онъ обязывался до извѣстнаго срока не сходить съ земли (засѣдалый), въ противномъ случаѣ (незасѣдалый) онъ могъ оставить слободу по своему усмотрѣнію, но долженъ былъ заплатить выходъ, какъ въ земли обычай есть, и, отдавши его, могъ «пойти, гдѣ хочетъ».

Такіе вольные люди, какъ кажется, не были связаны сроками выхода, общими для осѣдлыхъ крестьянъ, а могли выходить во всякое время, исполнивъ условія договора. Между ними были и такіе, которые переходили съ мѣста на мѣсто, (quaerens victum al. pozywienia), нанимались для разныхъ услугъ только на короткое время. Какъ кажется, однако правительство старалось ограничить шатаніе такихъ homines vagabundi, установивъ и для нихъ срокъ выхода на Рождество Христово. Такъ изъ нѣкоторыхъ актовъ видно, что servus cum reclinacione могъ выходить только на P. X. (A. gr. XII, p. 349, XIV, p. 443).

Хотя сроки для выхода крестьянъ были установлены въ первой половинѣ XV в., но мы и позже встрѣчаемъ частные договоры владѣльцевъ mittere homines sine tempore reclinacionis. (A. gr. XV, p. 442), но съ другой стороны встрѣчаемъ и обратные договоры частныхъ владѣльцевъ не перезывать крестьянъ одинъ у другаго (A. gr. XII, p. 352).

могъ происходить только разъ въ годъ — на Рождество Христово. Плата за выходъ *(поклонъ)* была непремѣнно денежной[1]) и опредѣлялась въ 1 гривну за крестьянина, сидѣвшаго на цѣломъ дворищѣ, и полгривны за владѣвшаго половиной дворища. Однако не каждый крестьянинъ, сидѣвшій на русскомъ правѣ, имѣлъ безусловное право выхода. Изъ каждаго селенія на русскомъ правѣ могли выходить только одинъ, два или три крестьянина, соотвѣтственно числу населенія: расчетъ шелъ по десяткамъ, и выходить могъ лишь каждый одиннадцатый, т.-е. при десяти крестьянахъ ни одинъ не имѣлъ права выхода, если ихъ было больше десяти, то остальные могли выйти, при двухъ десяткахъ слишкомъ выходили превышавшіе 20 и т. п. При такомъ исчисленіи въ счетъ не принимались сидѣвшіе на другомъ правѣ, попы, корчмари, подсѣдки, десятники.

Мы уже раньше (см. p. 113) говорили о только что изложенныхъ фактахъ. Мы думаемъ, что факты эти указываютъ на обломки древняго устройства части русскаго населенія по сотнямъ. Указанное ограниченіе выхода мы старались привесть въ связь съ общиннымъ строемъ сотни.

Однако, по нашему мнѣнію, по сотнямъ была устроена только часть русскаго населенія княжескаго періода Галицкой Руси. Другая, болѣе значительная его часть, жила, повидимому, общинно-родовыми дворищами, и дворищное землевладѣніе сохранилось въ большинствѣ поселеній на русскомъ правѣ еще въ XV даже XVI в. (о дворищномъ земледѣліи рѣчь будетъ ниже). Однако и отдѣльныя дворища каждаго поселенія, какъ кажется, соединялись общинною связью и отбывали нѣкоторыя повинности сообща. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ рядъ фактовъ, когда при спорахъ о правильности выхода исчислялись не крестьяне, а дворища[2]) — владѣльцу лишняго противъ полнаго десятка дворищъ разрѣшался свободный выходъ. Можно думать, что въ такомъ случаѣ homo arealis не обязанъ былъ осадить дворища alio homine, а долженъ былъ только уплатить recessionalia.

Тѣ же формальности, какія были въ обычаѣ при выходѣ съ русскаго права, примѣнялись при выходѣ съ *права валашскаго*. Reclinatio должно было происходить in hora et tempore въ при-

[1]) A. gr. XII, p. 20 „nos videntes, *quod cum marcis reclinabantur,* tales eosdem homines non iudicamus iuxta ius Theutunicale, sed Rutinicum, eapropter adiudicamus ipsos demorari ad festa Nativitatis iuxta terre ritum et ius. cf. XIV, p. 59.

[2]) Данныя актовъ см. выше, p. 114 пр.

сутствіи обчаго человѣка (hominis extranei), при которомъ за вызываемаго крестьянина платился выходъ[1]). Какъ уже сказано, выходъ съ валашскаго права дозволялся только въ право валашское. Плата за выходъ Валаха опредѣлялась, кажется, въ 12 грошей[2]); экономическое положеніе крестьянина сидѣвшаго на валашскомъ правѣ опредѣлялось показаніемъ князя и общины. Выходъ съ валашскаго права могъ, кажется, происходить во всякое время, а не въ опредѣленный срокъ, какъ выходъ съ права русскаго[3]).

Общія формальности соблюдались и при выходѣ съ *нѣмецкаго права*. Но условія выхода крестьянъ на правѣ нѣмецкомъ значительно отличались отъ условій перехода крестьянъ на правѣ русскомъ и валашскомъ.

Условія поселенія крестьянъ на нѣмецкомъ правѣ отличались особенной опредѣленностью и точностью. Солтысъ заключалъ отдѣльное условіе съ каждымъ крестьяниномъ, при чемъ количество взятой крестьянами земли и размѣръ повинностей были точно обозначены. Крестьянинъ на нѣмецкомъ правѣ отвѣчалъ только за себя.

Желавшій оставить свое селеніе крестьянинъ, сидѣвшій на правѣ нѣмецкомъ, могъ, кажется, сдѣлать это, когда угодно, но онъ долженъ былъ передъ этимъ обязательно locare suum agrum t.-e. продать его или осадить его надежнымъ человѣкомъ (kmethone bene valenti), имѣвшимъ достаточныя средства и хозяйственный инвентарь для управленія земли, на которой сидѣлъ уходящій крестьянинъ. Крестьянину давался извѣстный срокъ (отъ 8—18 недѣль) на locatio своего поля, послѣ чего онъ могъ уйти, пере-

[1]) A. gr. XII, p. 413 жалоба гал. подсудка на шляхтича Матвѣя Гольдача: quia ei hominem dictum Michaylo in hora et tempore coram homine extraneo reclinatum mittere non vult de villa ipsius Zalynyowyc de integra area de iure Valachico in villam ipsius Lypycza in ius Valachicum, neqwe pro ipso reclinacionem recipere voluit, cum ei dabatur coram eodem homine extraneo, cui homini nulla culpa est data penes reclinacionem et tenet ipsum ultra laudum et consuetudinem terrestrem iudicialiter responsurus. См. ib. p. 402, 403.

[2]) Суду предложенъ вопросъ: si walachi ad presens ambulant, unde sic decernimus, quod walachi iuxta morem antiquum ambulare debent duodecem grossos recessionalium dando et dacionum iuxta morem antiquum videlicet XII grossos vel iuxta quod knyadz manifestabit, quomodo eundem walachum tenuit. A. gr. XII, p. 21.

[3]) См. напр. A. gr. XII, p. 413 — жалоба на невыпускъ крестьянина съ валашскаго права занесена въ судъ 4 іюля 1474 г. Въ одномъ актѣ мы узнаемъ, что крестьянинъ вызванъ *отказчикомъ* съ валашскаго права fer. 6 prox. ante Reminiscere, A. gr. XVI, p. 127.

давъ всѣ свои обязанности другому крестьянину. Если въ теченіе указаннаго срока крестьянинъ не могъ осадить своего поля, или его продать, то долженъ былъ дать владѣльцу залогъ[1]).

Для привлеченія крестьянъ въ свои имѣнія помѣщики въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользовались такъ-наз. *волей:* каждое новое поселеніе получало обыкновенно освобожденіе отъ повинностей на извѣстное число лѣтъ. Эта воля, столь заманчивая для крестьянъ, была для нихъ однако источникомъ неволи, на первое время впрочемъ временной. Давая волю, помѣщикъ разумѣется разсчитывалъ по истеченіи ея получать чистый доходъ съ своихъ крестьянъ. Изъ актовъ не совсѣмъ ясно, могъ ли сидѣвшій на волѣ крестьянинъ оставить свое поле. Изъ одного впрочемъ акта можно заключить о существованіи общаго правила: сидѣвшій на волѣ крестьянинъ обязанъ былъ отработать владѣльцу столько лѣтъ, сколько сидѣлъ на волѣ, или осадить его другимъ крестьяниномъ, принимавшимъ на себя его обязательства[2]).

XIV и XV вѣка представляютъ въ Гал. Руси эпоху необычайно широкаго обмѣна земельной собственности, основанія громадной массы новыхъ поселеній и поэтому необычайно частаго передвиженія крестьянъ. Нѣкоторыя изъ судебныхъ книгъ XV в. заняты болѣе чѣмъ на половину крестьянскими дѣлами: жалобами на неправильное reclinatio, невыпускъ крестьянъ правильно вызванныхъ и грабежъ имущества вышедшихъ, принятіе бѣглыхъ, вышедшихъ безъ reclinatio и пр. Появляется цѣлая новая профессія *отказчиковъ,* агентовъ, переѣзжавшихъ изъ села въ село и сманивавшихъ населеніе заманчивыми описаніями выгодъ новыхъ поселеній. Отказчиками бывали обыкновенно атаманы, солтысы и князья (въ валашскихъ поселеніяхъ), купившіе или получившіе отъ землевладѣльца солтыство, т.-е. право устроить извѣстное поселеніе и пользоваться частью его доходовъ. Отказчики обыкновенно вносили сами выходъ за крестьянъ ихъ пану

---

[1]) A. gr. XIV, p. 262, 497, 339.

[2]) Inter nob. Joh. Vyssoczski actorem et gsam Jachnam de Malechow taliter est sententiatum pro homine Demkone de Zidathicze, qui se (sic) reclinatus sub Regem, quia idem homo *quantum sedebat super libertate, tantum tempus debet sedere in illibertati in Zydathicze.* A. gr. XIV, p. 332. cf. p. 330.

...kmetones eorundem agrorum *lasy* debent Dobeslao Kmite solvere census et labores laborare, dum libertas eorum expirabit. Sin autem illud facere non vellent, extunc debent agros suos vendere et collocare alias oschadzicz eosdem agros Dobeslao. A. gr. XI, p. 433.

и погашали разныя претензіи землевладѣльца къ крестьянамъ, чѣмъ уже сразу вводили вызываемыхъ крестьянъ въ экономическую зависимость онъ новаго владѣльца.

Между помѣщиками идутъ нескончаемые процессы изъ-за крестьянъ. Процессы эти идутъ какъ на почвѣ легальной въ судахъ гродскихъ, земскихъ, коморническихъ, вѣчевыхъ, восходятъ и въ надворный судъ самого короля, такъ и путемъ вовсе не легальнымъ — путемъ наѣздовъ и грабежей. Отказчики не всегда вызывали крестьянъ закономъ установленнымъ путемъ, подбивая нерѣдко ихъ къ бѣгству[1]). Владѣльцы, въ свою очередь, не ожидая долгихъ судебныхъ мытарствъ, прибѣгали къ вооруженной силѣ для возвращенія своихъ крестьянъ: происходили формальныя сраженія, поле битвы нерѣдко бывало усѣяно раненными и убитыми съ обѣихъ сторонъ; побѣдители уводятъ уцѣлѣвшихъ крестьянъ съ ихъ имуществомъ.

Просматривая судебныя книги Черв. Руси, легко увидать, что передвиженіе крестьянъ происходитъ не въ одинаковыхъ размѣрахъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Менѣе всего дѣлъ о выходѣ крестьянъ въ землѣ Саноцкой, болѣе всего въ Галицкой. Объясняется это географическими и экономическими условіями данныхъ мѣстностей: земля Саноцкая по условіямъ земельной культуры представляла для польской шляхты менѣе заманчивости, чѣмъ другія части Черв. Руси. Эта подгорная область была менѣе удобна для земледѣлія, преобладающимъ промысломъ здѣсь являлось скотоводство, которымъ занимались особенно валахи, въ значительныхъ размѣрахъ колонизовавшіе Саноцкую землю. Перемышльская, Львовская и Галицкая земли представляли наибольшія удобства для земледѣлія, и сюда направляется преимущественно шляхетская колонизація. Земля Галицкая и Теребовльская, какъ болѣе восточныя, украинныя, колонизуются позже другихъ. Эти земли представляли наибольшую опасность въ военномъ отношеніи, поэтому участки и раздавались въ нихъ на обязательствахъ отправленія разныхъ военныхъ послугъ въ то уже время, когда въ прочихъ частяхъ Черв. Руси шляхтичи владѣли землею jure hereditario. Желая колонизовать свои участки въ этихъ богатыхъ, но мало спокойныхъ, земляхъ, шляхтичи давали здѣсь крестьянамъ особенно значительное число льготныхъ лѣтъ и наперерывъ перезываютъ ихъ сюда, и крестьяне Львовской и Пере-

[1]) Тайный вызовъ крестьянъ носилъ техническое названіе *выкачиванія* (A. gr. XV, p. 543).

мышльской земель массами уходятъ въ восточную часть Черв. Руси и Подолію. Возникали даже вопросы, слѣдуетъ ли допускать выходъ крестьянъ изъ Львовской и Жидачевской земли въ Галицкую и обратно; кажется, однако вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ[1]).

Процессы по дѣламъ о выходѣ крестьянъ происходили въ разныхъ судахъ: въ землѣ Галицкой сначала въ судѣ земскомъ, потомъ въ судѣ коморниковъ, въ Перемышльской — въ гродскомъ судѣ; изъ судебныхъ книгъ Львовской земли сохранились главнымъ образомъ гродскія книги. Въ нихъ довольно много крестьянскихъ дѣлъ, хотя значительно меньше, чѣмъ въ книгахъ галицкихъ; но, вѣроятно, бо́льшая часть процессовъ о крестьянахъ и въ Львовской землѣ, какъ въ Галицкой, заключалась въ книгахъ земскихъ судовъ, отъ которыхъ для первой половины XV в. сохранились только обломки.

Такъ какъ дѣла о крестьянахъ составляли громадный процентъ въ числѣ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ судамъ гродскимъ и земскимъ, то въ нѣкоторыхъ судахъ были даже назначаемы спеціальныя засѣданія исключительно для рѣшенія дѣлъ крестьянскихъ (judicium pro hominibus, judicium recessionalium, pro hominibus reclinatis).

По постановленію 1444 г., если dominus задерживалъ и не отпускалъ крестьянина, исполнившаго всѣ установленныя формальности выхода, то вызывавшій долженъ былъ его *обослать* обычнымъ человѣкомъ, т.-е. потребовать отпуска крестьянина. Если послѣ обсылки крестьянинъ не выпускался, то истецъ имѣлъ право позвать его въ судъ, въ который тотъ долженъ былъ явиться на третій день послѣ вызова и отпустить крестьянина въ первый же судебный срокъ, уплативъ три гривны судебной виры и три гривны истцу[2]).

Принявшій бѣглаго крестьянина долженъ былъ вернуть его послѣ такой же обсылки съ тремя гривнами истцу, если же не возвращалъ то точно такъ же долженъ былъ явиться въ судъ на третій день вызова и, выплативъ три гривны судебной пошлины и три гривны истцу, возратить бѣглаго. Задержанное имущество

---

[1]) A. gr. XII, p. 90. In presenti termino (2 января 1441 г.) domini supradicti dedimus et distulimus ad proximos terminos a data presencium ad interrogandum, utrum habent homines reclinatos debent mittere de districtu Halicensi in districtum Leopoliensem vel Zudacensem et e converso. Вопросъ возникъ по поводу дѣла кн. Михаила Гольшанскаго съ Михаиломъ de Konjuschky о вызванныхъ крестьянахъ изъ Галицкой въ Львовскую землю. Изъ p. 94 видно, что Гольшанскій дѣло выигралъ.

[2]) A. gr. XII, p. 128.

крестьянина должно было быть отдано въ третьи руки до окончательнаго судебнаго рѣшенія[1]).

Выигравшій въ судѣ крестьянина получалъ отъ суда пристава (ministerialis) на *выметаніе* (ad eiciendum) его. Впрочемъ судебный процессъ рѣдко на этомъ кончался: весьма часто проигравшій дѣло все же не выдавалъ крестьянина и не позволялъ передать въ третьи руки его имущества (pignora repercussit). Судебному приставу нерѣдко при этомъ доставалось весьма плохо: избитый и окровавленный, онъ возвращался въ судъ, гдѣ заводилось новое дѣло о repercussio pignoris и оскорбленіи пристава. Между тѣмъ истецъ, отчаявшійся въ возможности получить удовлетвореніе законнымъ путемъ, собиралъ своихъ домашнихъ, сосѣдей, пріятелей, крестьянъ и отправлялся въ военный походъ для добыванія objecti litis. Истецъ не дремалъ и, въ свою очередь, готовился къ битвѣ, собравъ такое же войско. Открывалось сраженіе, въ которомъ обыкновенно, по извѣстному выраженію, паны дрались, а у мужиковъ чубы трещали. Побѣдитель уходилъ съ трофеями, но побѣжденный, собравшись съ силами, дѣлалъ отвѣтный наѣздъ, отнималъ добычу, и кстати прихватывалъ кое-что изъ имущества врага. Въ результатѣ новые процессы о наѣздахъ и грабежахъ, новое судебное рѣшеніе, новая посылка пристава, новое его оскорбленіе и опять новый процессъ и т. д. до безконечности. И такія войны, если не крестьянскія, то изъ-за крестьянъ, вели, съ перемѣннымъ успѣхомъ, не только одни шляхтичи, но и духовные землевладѣльцы, епископы и архіепископы, если не лично, то своими войсками подъ начальствомъ сельскихъ атамановъ и управителей. При помощи судебныхъ крючковъ и смазки суда, дѣла подобныя можно было тянуть до безконечности, переводя ихъ изъ одной инстанціи въ другую, откладывая подъ всевозможными предлогами (болѣзнь простая, болѣзнь *ложная,* т.-е. серьезная, приковывавшая якобы отвѣтчика къ ложу, приготовленія къ военному походу, извѣстія о готовившемся нападеніи татаръ или другихъ враговъ, королевское порученіе, необходимость явиться въ судъ другого повѣта по болѣе важному дѣлу — pro majori, и т. д.). Въ результатѣ выигрывалъ разумѣется

[1]) Бѣглаго нужно было arestare cum nobili XII, p. 413. Шляхта отдѣльныхъ русскихъ земель часто занималась на вѣчахъ разработкою вопроса о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ. См. напр. statuta ex utraque parte Bug tenenda, напечатанныя Ф. Бостелемъ въ Jahresbericht des k. k. zweiten Obergymnasiums in Lemberg für das Schuljahr 1890. Lemberg 1890, а также холмскій статутъ 1477 г., напечатанный у Мацѣёвскаго, Historya prawodawstw stowiańskich, изд. 2-е, т. VI, p. 413.

наиболѣе богатый и сильный, рѣшившій самъ свое дѣло на основаніи кулачнаго права.

Существовала ли давность для отысканія бѣглаго крестьянина? Изъ одного акта можно бы заключить, что такая давность существовала и опредѣлялась періодомъ въ десять лѣтъ[1]). Трудно сказать, относилась ли давность ко всѣмъ бѣжавшимъ крестьянамъ или только бѣглымъ, на которыхъ не было никакой вины, хотя бѣглый крестьянинъ былъ уже въ глазахъ пана виновенъ самымъ фактомъ бѣгства: притомъ на немъ всегда бывали вины — во всякомъ случаѣ уже та, что онъ ушелъ безъ reclinacio, слѣдовательно былъ уже долженъ пану по крайней мѣрѣ въ размѣрахъ платы за reclinacio, если не бѣжалъ cum censibus et dacionibus.

Мотивы бѣгства крестьянъ не ясны изъ актовъ: судебный актъ въ большинствѣ случаевъ не разсматривалъ мотивовъ бѣгства, судъ судилъ лишь самый фактъ побѣга. Но, разумѣется, мотивы эти были и здѣсь тѣ же, что и вездѣ на свѣтѣ: недовольство настоящимъ, стремленіе туда, „гдѣ лучше“. Каково было „настоящее“ крестьянъ, ихъ экономическое положеніе въ XV в., мы увидимъ дальше, когда попытаемся собрать данныя о крестьянскомъ бытѣ, объ ихъ повинностяхъ въ отношеніи къ землевладѣльцамъ.

Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ актовъ можно заключить, что уже тогда крестьяне разбѣгались вслѣдствіе насилій помѣщиковъ. Законъ, правда, давалъ имъ право оставить землю помѣщика безъ reclinacio вслѣдствіе насилій его, не опредѣляя впрочемъ требовалось ли для законности такого бѣгства исполненіе какихъ-либо формальностей[2]).

---

[1]) A. gr. XII, p. 395. Gen. Ihnath Judex Halic. proposuit super nob. Sandiuogium pro homine profugo dicto Laver... Sandiuogius dixit: domine Judex, iste homo jam est a decem annis sub meo dominio in bonis et dominus Judex nunquam me amonebat pro eodem homine. Et domini in judicio sedentes decreverunt Sandiuogio jurare post f. Pasce in duabus septimanis tali modo, quod iste homo est a decem annis in bonis ipsius et quod nunquam amonitus est per Judicem pro eodem homine profugo Laver. R. Hube (Sądy, etc. p. 232) утверждаетъ, что въ Польшѣ давность для возвращенія бѣглаго крестьянина опредѣлялась срокомъ въ три года, но въ доказательство приводитъ только обрывокъ судебнаго акта изъ брестскихъ книгъ: jako Wichna trzimala tego kmecza spokogym trzi lata.

[2]) Мы нашли въ актахъ только одинъ случай выхода *всѣхъ* крестьянъ вслѣдствіе насилій владѣльца. Подъ 1471 г. въ львовскія судебныя книги занесена слѣдующая жалоба «Labor. homines omnes de Janczyn et de Mathejow conquesti sunt super

Случалось впрочемъ, что крестьяне бѣжали по распоряженію самихъ владѣльцевъ, освѣдомленныхъ о приближеніи татаръ[1]).

Въ Польшѣ случалось, что не только крестьяне по своей волѣ бѣжали отъ владѣльцевъ, но сами владѣльцы ихъ изгоняли[2]). Подобныхъ случаевъ въ червонорусскихъ актахъ мы не нашли.

Кромѣ права выхода, червонорусскій крестьянинъ XIV—XV в. имѣлъ и другія весьма существенныя права: право судебной защиты въ общихъ судахъ по всевозможнымъ дѣламъ (гражданскимъ и уголовнымъ), право собственности на движимое и недвижимое имущество и, до извѣстной степени, право самоуправленія.

Личность польскаго крестьянина XIV—XV в. пользовалась еще охраной закона. За убійство кмета платили головнитство[3]);

cob. Johannem Budzywy tenutarium ipsorum, quomodo ipsis injurias tum in recepcione ipsorum bonorum, tum in violacione unius mulieris infert et facit, propter quam violenciam omnino recedunt de eisdem bonis et manere nolunt sub ipso, vadentes sub dom. Paltm. Russie; super quo ds. Jacobus Clonowski cum procuratorio ad ipso dom. Palto memoriale posuit, quod judicium recepit (Akta gr. XV, p. 111). Въ данномъ актѣ причины выхода указаны совершенно согласно съ постановленіемъ Вислицкаго статута, разрѣшавшаго выходъ крестьянъ si dominus villae opprimat filiam aut uxorem sui kmethonis aut si pro excessu seu culpa haeredis ibidem villani bonis ipsorum depraedantur (J. Pol. p. 75). Но, какъ видно изъ этого акта, крестьяне должны были заявить о своемъ выходѣ и мотивахъ его замковому уряду и, повидимому, выходъ крестьянъ могъ произойти послѣ этого заявленія до окончанія судебнаго процесса.

При продажѣ имѣній встрѣчаемъ иногда частные договоры не доводить путемъ насилій крестьянъ до бѣгства: см. напр. A. gr. XII, p. 401 (ad. a. 1470) ...et de kmethonibus non debet recipere (продавщица) boves alias powoloszyszny. Si aliquis homo de Thenyathnyki fugeret propter aggravacionem Katherine, tunc ipsius Katherine hoc dampnum esse debet». Смыслъ такихъ договоровъ понятенъ — продавецъ имѣнія напослѣдокъ старался выжать изъ крестьянъ елико можно больше, отчего крестьяне иногда и разбѣгались, а имѣніе безъ рабочихъ рукъ обезцѣнивалось.

[1]) A. gr. XII, p. 137. Prout convencio generalis in Halicz est celebrata ad f. s. Nicolai (6 дек. 1444 г.?)... quarta feria Visitacionis vero novitates venerunt ad premissos dominos in Halicz de ingressu emulorum videlicet Tatarorum in has terras, prout consueverunt, *qui domini hominibus ipsorum fecerunt profuere cum ipsorum bonis*".

[2]) Hube, Sądy etc., p. 46.

[3]) Въ статутахъ XIV в. говорится впрочемъ только объ убійствѣ кмета кметомъ, Hube, Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, p. XIV (§ 19) и p. XLIV, § 20. По Вислицкому статуту кметъ, убившій кмета, платилъ *pro pena homicidii* (т.-е. виры) 4 гривны каштеляну или ei, cui jus persuaserit, а родственникамъ убитаго — 6 гр. По Великопольскому статуту кметъ, убившій кмета, платилъ 6 гр. — 3 родственникамъ убитаго, 3 — пану, если убійца и убитый находились подъ вѣдѣніемъ одного и того же пана; если же они были разныхъ пановъ, то вира дѣлилась между обоими панами.

размѣръ его былъ приблизительно одинаковъ въ разныхъ польскихъ земляхъ: такъ въ земляхъ Краковской и Сандомирской за голову кмета платили 10 гр., изъ которыхъ 6 шло въ пользу ближайшихъ родственниковъ убитаго, 4 — въ пользу его пана; въ Сѣрадаской землѣ изъ 10 гр. головщины пану шло 6 гр., а родственникамъ убитаго — 4. Если убитый не имѣлъ дѣтей, и истцомъ являлся панъ, то онъ и получалъ цѣликомъ 10 гр.[1]). За убійство шляхтича кромѣ головщины платилась и судебная вира. Но Губе замѣчаетъ, что не можетъ рѣшить, платилась ли судебная вира за убійство кмета[2]). Однако poena ducalis за убійство кмета упоминается въ статутахъ Мазовіи[3]).

Головщина, какъ частное вознагражденіе родственникамъ убитаго, допускала соглашеніе между убійцей и наслѣдниками убитаго — послѣдніе имѣли въ данномъ случаѣ право требовать кромѣ условленной головщины (или въ замѣнъ ея) еще *покору* отъ убійцы[4]).

Головщину получали дѣти, братья, отецъ убитаго; жена получала половину, а иногда и всю головщину[5]).

По Висл. статуту за пораненіе кмета безъ пролитія крови платилось въ его пользу 6 гривенъ[6]). За раны съ пролитіемъ крови $^2/_3$ пени идутъ въ пользу кмета, $^1/_3$ — суду[7]) (размѣръ пени не опредѣленъ).

Изъ данныхъ судебныхъ книгъ XIV в. Губе дѣлаетъ слѣд. заключенія относительно вознагражденія за раны и калѣченіе: 1) вознагражденіе за каждое покалѣченіе назначалось въ раз-

---

[1]) Hube, Sądy Stc. p. 245. Въ Мазовіи за убійство кмета головщина была 8 гр. (J. Pol. p. 433). Въ статутѣ Ланчицкой земли 1418—19 (Bandtkie. J. P. p. 145) за убійство кмета платится 10 гр. — женѣ и дѣтямъ 3, пану 7.

[2]) ib. p. 249.

[3]) Bandtkie, Jus Pol. p. 433 (ст. 1421 г.). Si vero nobilis sive terrigena ipsum kmethonem interfecerit, similiter octo sexagenas, praeta *poenam ducalem et dignitariorum* persolvat, vct. quatuor sexagenas pueris et domino tres, et castellano, in cujus districtu est idem kmetho interfectus, unam sexagenam solvere et pagare teneatur. Однако въ послѣдующихъ статутахъ находимъ важное постановленіе, что шляхтичъ, убившій кмета, не платитъ ни виры судебной, ни головщины родственникамъ убитаго, если ссору началъ самъ крестьянинъ; въ такомъ случаѣ убійца шляхтичъ платитъ только возмездіе пану за убійство его кмета (ст. 1453, J. Pol. p. 444).

[4]) Hube, l. c. 246, его же Wrażda, Wróżba i Pokora, W. 1884.

[5]) ib. p. 248.

[6]) § 56 у Hube Ustawod. Kaz. Wielkiego, у Bandtkie—alias poena sex scotorum (p. 86).

[7]) ib. § 57.

мѣрѣ санкціонованномъ обычаемъ, въ формѣ денежной платы, 2) размѣръ вознагражденія зависѣлъ отъ того, какому сословію принадлежалъ ранившій, 3) синія (багровыя) раны цѣнились ниже ранъ кровавыхъ, 4) если кому было нанесено нѣсколько ранъ, то за каждую платили отдѣльно, развѣ это число ранъ было такъ велико, что общая плата за всѣ превышала обычную норму взысканій, 5) въ случаяхъ, отягчающихъ вину, кромѣ вознагражденія за раны, платилась еще вира суду или королю, а иногда и пеня въ пользу пана, выступившаго въ судѣ за своего кмета[1]).

Въ статутѣ Ланчицкой З.1418—19[2]) шляхтичъ, ранившій кмета, платитъ ему за багровую рану 5 грошей, за кровавую 1 ferto, пану — 1 гривну (unam sexagenam). За отнятіе пальца — 1 гр. Отнятіе руки приравнивается къ убійству.

По Мазовецкому статуту 1377 г.[3]) кметъ получалъ за раны, нанесенныя ему шляхтичемъ, по 6 грошей (scotos) за каждую; кромѣ того, поранившій кмета шляхтичъ платилъ еще 3 гр. пану кмета и судебную виру. Вознагражденіе за поврежденіе членовъ крестьянина опредѣлялось по извѣстной таксѣ (отнятіе какого-либо члена оцѣнивалось въ половину платы за убійство).

Такой же охранѣ закона подлежала и личность крестьянина въ Черв. Руси.

Изъ многочисленныхъ данныхъ процессовъ уголовныхъ, сохранившихся въ судебныхъ книгахъ XV в. мы можемъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ какъ относительно судебнаго процесса въ уголовныхъ искахъ, такъ и относительно началъ, которыхъ держался судъ въ постановленіяхъ рѣшенія и опредѣленіи размѣра вознагражденія за насиліе надъ личностью крестьянина.

Замѣтимъ прежде всего, что въ вопросѣ о вознагражденіи за насиліе крестьянину было три заинтересованныхъ стороны — самъ крестьянинъ, его панъ и судъ. Крестьянинъ ищетъ удовлетворенія за обиду, панъ вознагражденія за ослабленіе своей рабочей силы, судъ преслѣдуетъ интересы полицейскіе и финансовые.

Иски о насиліи распадаются существеннымъ образомъ на два разряда — иски крестьянина къ крестьянину и иски крестьянина къ шляхтичу. Въ первомъ случаѣ искъ предъявлялся на судѣ пана обидчика, во второмъ — въ общіе суды. Искъ ведетъ или самъ

[1]) Sądy, etc. p. 260.
[2]) J. Pol. p. 195.
[3]) ib. p. 419. Дубинъ, о Мазовецкомъ правѣ.

крестьянинъ, или черезъ своего прокуратора, какимъ въ большинствѣ случаевъ являлся его панъ (et dominus stat penes suum hominem pro pena sua — обычное выраженіе въ актахъ). Въ случаѣ отказа пана justitiam ministrare, истецъ переноситъ дѣло въ общіе суды, куда привлекается и отвѣтчикъ крестьянинъ и его панъ[1]).

Уголовная кара всякаго рода слагалась изъ трехъ составныхъ частей — вознагражденія обиженному, вознагражденія пану и судебной виры въ томъ случаѣ, когда дѣло разсматривалось въ общемъ судѣ.

Преобладающая форма уголовной кары — денежный штрафъ, хотя встрѣчаемъ и случаи присужденія тѣлесныхъ наказаній, отъ которыхъ однако можно было откупиться[2]).

Замѣчательно, что еще въ XV в. и даже въ XVI в. публичная сторона наказанія еще очень слаба. И въ уголовныхъ дѣлахъ стороны имѣютъ право входить въ соглашеніе относительно вознагражденія за насилія всякаго рода, не исключая и убійства (въ послѣднемъ случаѣ разумѣется соглашеніе происходитъ между родственниками убитаго и отвѣтчикомъ)[3]).

---

[1]) Истецъ обсылаетъ пана отвѣтчика cum nobili terrigena съ требованіемъ ministrare надъ своимъ крестьяниномъ и въ случаѣ iuris non administratione зоветъ его въ судъ (A. gr. XIII, p. 492). Что крестьянинъ могъ кому угодно поручить свое дѣло въ судѣ видно изъ A. gr. XIII, p. 76: Minist. Nic. de iudicio datus ad kmethonem Syska in Milatin missus est et interrogavit, cui daret causam suam agere pro causis coram iudicio. Qui kmetho coram predicto ministeriali domino sua causam agendi, defendendi dedit plenam potestatem.

[2]) A. gr. XI, p. 66. terrigene adiudicavimus ipsis *tantum unam amputare* vel in quinque marcis manum apud d. Capitaneum exemere. XIV, p. 336 и 342. Убійца, арестованный въ замкѣ, долженъ въ теченіе 6 недѣль уплатить головщину, затѣмъ судъ рѣшитъ, держать ли его подъ арестомъ дольше или collo privare si caput non exsolvat. Плата, которой откупалось отъ тѣлеснаго наказанія, называлась *покута*. И Висл. статутъ говоритъ: qui homicida non fuerit in solvendo, captus pena capitali puniatur; Hube, Ustawod. K. W. p. XIV, § 19.

[3]) Такъ какъ при полюбовномъ соглашеніи безъ суда правительство, или панъ, лишались бы дохода, который долженъ былъ имъ итти отъ сторонъ за разборъ дѣла, то мы встрѣчаемъ и въ правительственныхъ уставахъ и въ частныхъ постановленіе о вознагражденіи суду и при полюбовныхъ сдѣлкахъ. Такъ въ уставной грамотѣ 1447 г. с. Мальчицы (A. gr. II, p. 931) солтысъ получаетъ въ числѣ другихъ доходовъ „de concordacione alias *smyrnego*“ третій грошъ. Въ XVI в. мы встрѣчаемъ во многихъ люстраціяхъ южно-русскихъ старостъ это вознагражденіе суду подъ названіемъ „куница вмирская“, „змирское“ (Арх. Юго-Зап. Росс. VII, 1, p. 603 „куница вмирская старосте 12 грошей; ib. p. 623... „змирское куницы, *хто побьется, а у правѣ не стоитъ*, то 12 грошей... ib. p. 84. 96.

Истецъ или самъ оцѣниваетъ голову убитаго, или предоставляетъ суду опредѣлить размѣръ головщины.

Судъ обыкновенно оцѣниваетъ голову кмета въ 10 гр.

Оцѣнка истца въ большинствѣ случаевъ выше — 12, 15, 17 и даже 20 гр.[1]).

Размѣръ вознагражденія пану изъ головщины трудно опредѣлить. Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ актовъ можно бы заключить, что пану приходилось отъ 3—4 гривенъ изъ головщины[2]). Въ случаѣ отсутствія родственниковъ у убитаго крестьянина, вся головщина вѣроятно шла въ пользу пана.

Кромѣ головщины отвѣтчикъ платитъ обыкновенно и виру — pena regalis.

Виновный въ насиліи шляхтичъ, искъ къ которому предъявлялся конечно только въ общій судъ, платилъ, кромѣ вознагражденія истцу, еще судебную виру (pena regalis) — за насиліе шляхтичу 14 гр., насиліе кмету — 3 гр.

Головщину получаютъ ближайшіе родственники убитаго — дѣти, жена, братья, родители[3]).

Не есть ли поэтому „сильное заставанье“ церковнаго устава Владиміра „полюбовное соглашеніе“? (Zastaw по-польски значитъ иногда договоръ) замѣтимъ, что свѣтскій судъ постоянно стремился ограничить компетенцію суда духовнаго и рѣшалъ даже такія дѣла какъ иски о разводахъ (см. нашу статью, Брачные разводы въ древней Польшѣ и Юго-Зап. Руси, Юрид. Вѣстн. 1890 г., № 12).

Что касается вопроса о частномъ соглашеніи, то особенно любопытенъ случай A. gr. XII, p. 165, гдѣ „голова“ идетъ за „голову“. „Phyethka et Danilo de Grabowecz ab una et Kristina vidua de Grabowecz partibus ab altera perpetuis temporibus concordiam inter se intraverunt per dominos arbitros amicabiliter inter ipsos factam videlicet pro interempcione capitum videlicet Ardeow fratre Phethka et Iwaszko filius Kristine *hoc est caput pro capite*, quam concordiam perpetuis temporibus inter se tenere habent illese sub vadio centum marcarum, eciam citaciones que inter ipsos erant, easdem preter se miserunt et cassarunt, et omnia dampna pretermiserunt ante se.

[1]) A. gr. XII, p. 205 — 12 копъ (убійца шляхтичъ) ib. p. 162—17 гр. (убійца familiaris Яцка Свистельницкаго), ib. 230—20 (убійца шляхтичъ); XIII, p. 19—15 гр. и камень воска. ib. p. 268 и 343 — 10 гр. (въ первомъ случаѣ убійца шляхтичъ) XV, p. 87 — 12 копъ (кметъ кмету); ib. p. 243 вдова получаетъ 10 венг. флориновъ за голову мужа, убитаго per stipendiarios, но cf. ib. p. 304, гдѣ та же вдова получаетъ 6 гр. безъ 1 ferto.

XI, p. 31—5 гр. homicidii et tot dampni и 8 f. ib. p. 172—10 m. и камень воска и *покора* (кметъ кмету).

XIII, p. 35 Ussakowczanye villani платятъ 5 m. за убитаго кмета.

XIV, p. 459 — кметъ платитъ за голову пастуха $2^1/_2$ копы.

[2]) A. gr. XIII, p. 343.

[3]) A. gr. XIII, 373 головщину получаютъ братья, но должны отдать ее дочери по достиженіи ею совершеннолѣтія.

Если убійцъ нѣсколько, то всѣ вмѣстѣ платили головщину (а не каждый отдѣльно)[1]).

Кромѣ головщины, убійца присуждался иногда еще къ *покорѣ*[2]). Обрядъ покоры описанъ подробно только одинъ разъ въ дѣлѣ о неправильномъ обвиненіи корчемникомъ шляхтича въ нанесеніи первому и его женѣ ранъ; корчемникъ долженъ съ двумя другими лицами (вѣроятно, родственниками) умолять на колѣняхъ шляхтича о прощеніи, а послѣдній, вынувъ ножъ или мечъ, поднять его надъ головою корчемника, но не раня его[3]).

---

ib. p. 411 истцами являются братъ и сыновья убитаго.

XIV, p. 189. Мать убитаго emisit liberum обвиняемая въ убійствѣ ея сына.

ib. p. 336 и 342 истица жена убитаго корчемника.

XV, 243. Вдова убитаго корчемника получаетъ 10 венг. флориновъ головщины, которые должна хранить до совершеннолѣтія дѣтей.

ib. p. 350 истецъ *frater amitalis*.

[1]) A. gr. XIII, p. 35. Ussakowczanye villani reposuerunt quinque marcas coram iudicio pro capite interfecti, vct. pro Byechun de villa Boraticz.

XIV, p. 438.

[2]) A. gr. XI, p. 172 убійца платитъ 10 гр., камень воска и долженъ facere humiliacionem als *pokoru* (въ данномъ случаѣ къ покорѣ присуждаются поручители за убійцу).

XIII, p. 53, XIV, p. 3.

XVI, p. 130. Et Symko (истецъ) debet omnes suos consangnineos locare et hic in Sanok suscipere homilitatem als. *pokora* sub vadio L marcarum (помимо 10 гр. головщины)

ib. p. 153 10 гр. камень воска и покора cf. 161 и 175.

A. gr. VI, № 40 соглашеніе по поводу убійства: Solummodo quod per probos homines eis humiliacionem alias pokore facere debet (убійца).

A. gr. IX, p. 28 decernimus, quod dum et quando prefatus Laurencius in civitatem predictam Leopoliensem descendet, Bartholomeus pincerna, invasor suus, in dicta civitate inhabitans, assumptis sibi quatuor personis idoneis in loco publico, notorio ac honesto coram consulibus civitatis Leopoliensis predicte veniam faciet iuxta modum et forman circa talia fieri consuetum.

[3]) A. gr. XVI, p. 354. Debebit ipse tabernator contra eum cum duobus hominibus humilitatem exhibere, flexis genibus eum petendo, ut sibi culpam dimitteret, idse vero Stanislaus evaginato cultro vel gladio debet solum signo ostendere supra eum u esd non ledere eum tanquam sit vindicaturus sanguinem suum et culpam sibi dimittere; quod debent facere tunc, quando ibi prefati domini intererunt.

Обрядъ покоры нѣсколько иначе описанъ въ Мазовецкомъ статутѣ 1421 г. (Helcel, Starod. prawo polskiego pomniki, I, p. 287). Si vero miles interfecerit nobilem, debet solvere pro ipso quinquaginta sexagenas minus duabus, et veniam facere, scilicet vestimenta sua usque ad cingulum dimittens et sic denudatus cum nudo gladio mettredecimus, ut premissum est, debet petere propter Deum, ut sibi indulgeret et tunc ille dolens offensam dimittere debet. Si vero nihil habuerit, quo hujusmodi caput solvat, extunc collo persolvet proprio. Si vero amici ipsius de peremptione sua dolerent, extunc ipsum redimere possunt.

За раны и увѣчья кметъ получалъ вознагражденіе какъ отъ кмета, такъ и отъ шляхтича. При этомъ однако допускалось частное соглашеніе обиженнаго съ обидчикомъ даже въ томъ случаѣ, когда дѣло переходило въ судъ[1]). Судъ давалъ сторонамъ время для соглашенія и рѣшалъ дѣло объ обидѣ только тогда, когда такого соглашенія между сторонами не послѣдовало въ теченіи назначенаго срока.

Плата за раны и увѣчья слагалась изъ трехъ частей — вознагражденія потерпѣвшему, судебной виры и вознагражденія пану обиженнаго.

Что касается перваго, то истецъ или самъ опредѣлялъ цыфру вознагражденія, или предоставлялъ суду опредѣленіе его размѣра. Замѣчательно однако, что судъ часто не знаетъ, сколько присудить за раны и увѣчья и отлагаетъ дѣло ad plures dominos. Это доказываетъ, что судъ руководился въ опредѣленіи вознагражденія не правомъ писаннымъ (польскими статутами), а правомъ обычнымъ, и именно тѣмъ правомъ, по которому жилъ истецъ. Къ сожалѣнію, въ актахъ въ большинствѣ случаевъ не говорится, по обычаю какого права присуждено вознагражденіе, хотя мы имѣемъ несомнѣнныя данныя рѣшенія дѣлъ въ польскихъ судахъ XV в. на основаніи обычнаго *права русскаго*[2]).

Обрядъ чешской покоры см. у Собѣстіанскаго, Круговая порука у славянъ, p. 7 и Миклошича, Die Blutrache bei den Slaven.

[1]) A. gr. XI, p. 79. Ad illud iudicium citaverat Wassil de Dobra Sayn cum duobus filiis Josip et Paschco *pop* de Dobra prout ipsum Wassil impedire nitebantur pro agro et area, que sibi *racione vulnerum illatorum per arbitracionem factam dederant*.

ib. XIII, p. 229. Mathias Dobeschowski recognovit, quia sibi Iuchno de Stankowo Nagwasdonovi pro omnibus causis satisfecit, quem libere emisit de vulneribus, quas sibi intulerat.

XIV, p. 158. Datus est terminus ad concordandum... pro decem vulneribus cruentis et decem lividis... et datur sibi ad IV sept. ad concordandum infra hoc tempus, si non concordaverint, doms. Pol. diffiniat.

ib. p. 466. N. dom. Wlodek de Byelka ab homine suo Zayn de Podbrescze cum nob. Iwaschkone de Czyszykow, a quo stetit Johannes famil. eius, receperunt ad concordandum pro vulneribus hominis et pro pena domini, qui stat penes suum hominem infra hinc et festum Circumc. Domini. Si non poterint concordari, extunc partes habent inter se term. perempt. ad. f. prox. Circumc. Dm.

[2]) За неявку въ судъ отвѣтчикъ платилъ bovem secundum jus Ruthenicum, A. gr. XI, p. 258. За ту же неявку (niestanne) пеня по Валашскому праву была muto.

A. gr. XII, p. 44. Mykossius de Chlyebyeczin выигрываетъ на Ходорѣ Вершнякѣ 15 копъ iure Ruthenico.

Населеніе предмѣстья гор. Львова жило in iure Ruthenico, что видно изъ запродажной грамоты, которой львовскій банщикъ Манько съ братомъ Юріемъ продали

Въ системѣ вознагражденія за раны мы замѣчаемъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ смѣшеніе разныхъ началъ. Вознагражденіе

армянскому банщику Лазарю два дома ante portam Cracoviensem... ipsas domus in iure castri Ruthenico existentes, съ обязательствомъ защищать покупателя отъ всѣхъ претензій родственниковъ iuxta consuetudinem iuris Ruthenici. (A gr. XIV, p. 123).

1448 г. два шляхтича поручились за перемышльскаго декана въ уплатѣ 100 гривенъ gso Fridroni de Pleschowicze. Если въ назначенный терминъ деньги не будутъ уплачены, то Fridro имѣетъ право позвать поручителей in omni iure tam spirituali, quam seculari, papali, Regali, terrestri, castrensi, civili, *Ruthenico*, Theutunico. A. gr. XIII, p. 263).

1462 г. Gsa Anna Czurilowa должна присягнуть, quod homines et incolas in Wlosthkow non tenet in iure Theutunico, *sed Ruthenico, et iudicantur eodem iure* (ib. p. 394),

A. gr. XIV, p. 54 (1442 г.) Ministerialis Nicolaus veniens a cruce synogoga Ruthenicali recognovit, quomodo Chodor procurator nob. Perti de Stratin super sua vulnera iuravit secundum formam iuris Ruthenici super nob. Iwankonem Korzyenouycz de Stratin, quas (sic) sibi intulit. Sed nos Iudex nescimus hoc discernere, quid eidem procuratori Iwanko debet dare, propter hoc distulium per duas septimanos ad interrogandum.

Любопытно мѣсто A. gr. XVI, p. 241 Nos Stan. Pienyazek de Vythouicze Capt. Sanoc. recognoscimus, quomodo Stankonem *baythkonem* (т.-е. попа, батьку) de Sczawne *de omnibus bonis post mortem cedentibus in iure Ruthenicali, alias od umorkow* liberum dimittimus et relinquimus eum circa ius Valachiense prout et villam nostram Sczawne relinquimus (ad. an. 1492).

Изъ этого акта слѣдуетъ, что валашское право въ вопросѣ о наслѣдованіи было выгоднѣе для крестьянина, чѣмъ право русское (попы по селамъ обыкновенно принадлежали къ крестьянскому сословію и отбывали общія съ крестьянами повинности). Постановленіе Русской Правды „о смердьеи задници" намъ извѣстно. „Оже смердь оумреть безъ дѣти, то задница князю; оже боудуть оу него дьщери дома, то даяти часть на ня; аже ли боудуть за мужьями, то не дати части" (Хрестоматія по ист. русск. права М. Ф. Владимірскаго-Буданова, p. 70, изд. 4-е).

Въ актахъ мы очень часто встрѣчаемъ въ числѣ доходовъ съ имѣній *одумарщизну* (morticinium, mortalicium, obmortualia, emortua, expedicio mortalis, см. A. gr. V, p. 200, XII, p. 269, 279, 280, 293, 310, 319, 345, 354, 363, 364, 376; XIV, p. 443, XV, p. 40, 168, 284, 510) но, къ сожалѣнію, безъ всякихъ подробностей о значеніи этого обычая. Въ одномъ случаѣ владѣлецъ села въ уставной грамотѣ на нѣмецкое право своимъ крестьянамъ отказывается отъ своего права на одумарщину. (Et dom. Andreas nobilis non habet capere, quis morietur ipsorum alias umarczizni. A. gr. IX, p. 131).

У словаковъ Угорскихъ братья наслѣдовали другъ другу не только въ родовомъ имуществѣ, но и въ благопріобрѣтенномъ (Ios. Lad. Pič, Rodový byt na Slavensku a v uherské Rusi, Časopis Musea Král. českého, 1878 sv. II, p. 352: Bývalo, že některý z nedilných bratří odešel z domova, i vstoupil do služeb králových, začež dostalo se mu pak konečné náhrady obyčejně v pozemcích. Ale ačkoliv pouze on získal tyto nové statky, stávalo se přece v době děleni, že i tyto země se rozdělilý podobně ostatnimu rodovému majetku mezi všechny bratry stejným dílem. Nechtěl-li se však s ostatními bratry děliti o tento vysloužený statek, mohl jej podržeti, musil se však

потерпѣвшему то соразмѣряется съ его общественнымъ положеніемъ, то съ положеніемъ обидчика. Шляхтичъ, разумѣется, получаетъ за раны больше кмета, но и кметъ, занимавшій общественную должность (напр. тіунъ) получаетъ вознагражденіе въ усиленномъ размѣрѣ,—эта прибавка впрочемъ, какъ кажется, имѣла значеніе полицейское — штрафа за оскорбленіе должностного лица[1]).

---

odřici svého podílu na rodovém jmění, t. j. neodevzdal-li někdo vysloužený statek svému rodu, prestal býti členem jeho).

Въ числѣ селъ, въ которыхъ упоминается одумарщина въ пользу пана, мы *не нашли ни одного села на правѣ валашскомъ*, между тѣмъ какъ *русское право* во многихъ изъ нихъ несомнѣнно (въ с. Конюшки, Величневѣ, Берникахъ, Лукѣ, Гал. земли, — атаманы, Зухоржицахъ львовск. — тіунъ).

Поэтому то мы имѣемъ право сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) одумарщина шла въ пользу владѣльца только съ населенія, жившаго на русскомъ правѣ 2) въ крестьянской средѣ населенія, жившаго по русскому праву, боковые родственники (даже братья) не наслѣдовали имущества умершихъ своихъ родственниковъ. Противъ такого утвержденія могъ бы говорить одинъ фактъ въ A. gr. XI, p. 209, гдѣ два крестьянина с. Улича (тамъ были *сотные*) наслѣдуютъ имущество своего брата, умершаго въ с. Волошѣ. Но с. Волошъ, какъ показываетъ его названіе, вѣроятно сидѣло на правѣ валашскомъ. Любопытно, что въ то время, какъ крестьяне с. Улича наслѣдуютъ имущество брата, умершаго въ с. Волошѣ, мы встрѣчаемъ случай, когда наоборотъ, крестьянинъ с. Волоша предается суду „prout recepit in *Ulicz odomerlczyschno* violenter", dominus долженъ „ius ministrare domino Castellano Sanocensi Polonicum *vel terrestrre* (подъ этимъ названіемъ часто понимается право обычное) ex quo non affectavit ius apud dominum Castellanum (къ которому переходило имущество умершаго крестьянина, такъ какъ село Уличъ принадлежало къ Саноцкому замку (ib. p. 191).

См. еще A. g. IX, p. 191, гдѣ король запрещаетъ Львовскимъ старостамъ „derelicta post mortem cuiusque in villis (Солонкѣ и Журавкѣ) pro se et suo usu recipere in praeiudicium consanguineorum et propinquorum taliter decedentis".

Замѣтимъ однако, что иногда истецъ просилъ судъ рѣшать дѣло по праву польскому, а не по тому праву, по которому онъ жилъ. — Въ актахъ часто встрѣчаемъ выраженія — recedit a iure suo thentunico et dedit se benivole in ius Polonicum.

[1]) A. gr. XI, p. 3, кметъ кмету за раны 1 ferto.

ib. p. 46, шляхтичъ кмету за раны — 25 грошей.

ib. p. 66, за percussio тіуна кметъ или теряетъ руку, или откупается 5 гривнами; въ другомъ случаѣ тіунъ за раны получаетъ съ кметовъ 10 гр. за кровавую рану и 1 гр. за рану багровую (pro penis), кромѣ того суду 3 гр. и тіуну же 3 гр. (ib. p. 200). ib. p. 356 кметъ получаетъ съ кмета 18 гр. за 18 ранъ.

XII, 133. Лазарь получаетъ 10 гр. super domino Sororio pro vulnere tecto.

XIII, p. 157, кметъ требуетъ съ кмета 10 гр. за 2 кровавыя раны и 1 багровую.

XIV, p. 33 кметъ за mutilatio руки требуетъ отъ шляхтича 10 гр.

ib. p. 149 судъ присуждаетъ кмету на familiari 3 fertones за 3 багровыя раны и 1 кровавую.

ib. p. 171 кмету за 2 кровавыя раны 2 копы за кмета.

ib. p. 200 кмету 1 копа за раны (со шляхтича?).

Въ другихъ случаяхъ, напр. при столь частыхъ тогда наѣздахъ, вознагражденіе потерпѣвшему соразмѣрялось съ общественнымъ положеніемъ виновныхъ, при чемъ виновные шляхтичи платили болѣе значительную пеню, чѣмъ inferiores[1]).

Судебная вира со шляхтича, ранившаго кмета, обыкновенно равнялась 3 гривнамъ. Столько же получалъ и панъ „pro pena“[2]).

Изъ всего сказаннаго можемъ сдѣлать слѣд. выводы:

1) Въ уголовныхъ дѣлахъ еще въ XV ст. допускается частное соглашеніе обиженнаго съ обидчикомъ.

2) Головщина за убійство и размѣръ вознагражденія за раны не были таксированы опредѣленной нормой.

3) При опредѣленіи размѣра головщины и вознагражденія за раны судъ держался часто не права писаннаго (польскихъ статутовъ), а права обычнаго (право, по которому жилъ истецъ).

4) Размѣръ вознагражденія за раны и увѣчья опредѣлялся иногда общественнымъ положеніемъ истца, иногда общественнымъ положеніемъ отвѣтчика[3]).

---

[1]) A. gr. XIII, p. 509, за наѣздъ шляхтичъ получаетъ съ главнаго виновника-шляхтича по 10 гр. за каждую рану, a quolibet nobili coadiutore per tres marcas et a decem inferioribus a quolibet per fertonem.

XIV, p. 148. Судъ присуждаетъ шляхтича, виновнаго въ наѣздѣ на крестьянъ, къ XIV гр. pene Regalis и столько же parti, т.-е. потерпѣвшимъ крестьянамъ, кромѣ того имъ же за раны по 1 копѣ, а суду по 3. Кромѣ того съ каждаго simili nobili по 8 гр. et a quolibet inferiore per marcam обженнымъ. Любопытно добавленіе: item domini non potentes concordare in eo, quia ds. Palat. *prsipiralsye,* quod a quolibet homine, cui facta est violencia, (?) item quod cuilibet adiudicarent a quolibet vulnere illato, item an a quolibet nobili superequitante Judicio tres marce adiudicande.

[2]) XIV, p. 220 кмету копу за раны, пени въ пользу замка 3 гр., въ пользу пана 3 гр.

ib. 317.

[3]) Въ извѣстномъ сочиненіи Н. Д. Иванишева „О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою“ (собр. соч. Кіевъ, 1876) проводится, какъ извѣстно, та мысль, что неопредѣленныя наказанія составляютъ существенную черту древнѣйшихъ уголовныхъ законовъ славянъ, между тѣмъ какъ въ древнихъ германскихъ законодательствахъ замѣтно стремленіе создать систему абсолютно-опредѣленныхъ наказаній.

Въ частности относительно русскаго права авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Головщина въ русскомъ законодательствѣ, не заключая въ себѣ уголовнаго элемента, вся принадлежала истцу, какъ слѣдствіе выигранаго гражданскаго процесса, и никогда не принадлежитъ государству никакой своею частью.

2. Количество ея не опредѣляется закономъ, сообразно съ поломъ, возрастомъ и состояніемъ убитаго, но всякій разъ назначается истцомъ и представляется на

Кромѣ головщины и вознагражденія за раны и увѣчья кметъ получалъ и вознагражденіе за оскорбленіе чести (infamia, honoris dehonestatio, inculpatio, infamatio, detractio, vituperacio) не только отъ кмета, но и отъ шляхтича. Какъ кажется, таксы вознагражденія за оскорбленіе чести не было, истецъ самъ опредѣлялъ размѣръ вознагражденіе съ обидчика[1]).

Такимъ образомъ въ XV в. личность и честь крестьянина въ Галицкой Руси еще пользуются защитой закона. Крестьянинъ является намъ еще лицомъ юридически правоспособнымъ, имѣющимъ законное право отстаивать свои интересы противъ лицъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія, не только такихъ же, какъ и онъ, крестьянъ, но и мѣщанъ, шляхтичей и духовенства.

Однако, какъ мы уже говорили выше, крестьяне появляются въ общихъ судахъ XV в. лишь въ тѣхъ случаяхъ когда имѣютъ дѣло со шляхтичами, мѣщанами или крестьянами другого вла-

---

разсужденіе судей. Слѣдовательно, въ русскихъ законахъ не встрѣтимъ головщины свободнаго человѣка, какъ сравнительную единицу для опредѣленія жизни лицъ другого состоянія.

3. Для оцѣнки тѣлесныхъ поврежденій въ Русской Правдѣ употреблена германская вира; но она скоро исчезаетъ предъ началомъ славянскимъ, по которому самъ истецъ, или судья, въ каждомъ особенномъ случаѣ, опредѣляетъ удовлетвореніе за вредъ.

4. Мстятъ и получаютъ головщину только ближайшіе родственники убитаго, по правамъ наслѣдства. Ближайшій беретъ все количество головщины и устраняетъ отдаленнѣйшихъ отъ всякаго участія.

5. Выдерживаетъ месть и платитъ головщину одинъ только убійца, безъ всякаго участія другихъ родственниковъ.

6. Общество, составляющее округъ, ручается за каждаго изъ своихъ членовъ и вноситъ плату за голову, если допуститъ убійцѣ скрыться (Соч. р. 77—78).

Ярымъ противникомъ положенія Н. Д. Иванишева является г. Собѣстіанскій (Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства, Харьковъ, 1888), безусловно отвергающій всѣ выводы покойнаго кіевскаго профессора. Но г. Собѣстіанскій и не заглядывалъ въ древнія судебныя книги разныхъ славянскихъ народовъ, между тѣмъ какъ судебныя книги даютъ намъ всегда болѣе вѣрное представленіе о правѣ обычномъ, чѣмъ памятники законодательства.

Какъ видно изъ текста, выводы нашего изслѣдованія подтверждаютъ бо́льшую часть положеній Н. Д. Иванишева.

[1]) A. gr. XI, p. 377. Корчемникъ корчемнику 25 грошей за *срамоту* и 3 гривны пени старостѣ.

XII, p. 386. Кметъ со шляхтича pro diffamacione 50 grossiculos.

XIV, p. 135. Vasya *popodnya* (попадья) proposuit super Dimitr reum (шляхтича), quia stando secum in litis questione alias *veprzi* apellavit eam furem et dehonestando eam, quod sibi subtraheret libros et alia existimando iniuriam ad triginta sexagenas.

дѣльца, — въ послѣднимъ случаѣ только тогда, когда панъ, in cujus ditione былъ отвѣтчикъ, отказывался дать истцу удовлетвореніе на своемъ доминіальномъ судѣ.

Дѣла между крестьянами одного владѣльца, а также претензіи третьихъ лицъ къ владѣльческимъ крестьянамъ рѣшались въ доминіальныхъ судахъ (въ послѣднемъ случаѣ доминіальный судъ былъ первой необходимой инстанціей; въ случаѣ отказа владѣльца justitiam ministrare, или недовольства отвѣтчика рѣшеніемъ въ этой инстанціи, дѣло переносилось истцомъ въ общій судъ).

Каковы бы ни были причины происхожденія доминіальнаго суда въ Польшѣ[1]), можно утверждать съ достовѣрностью, что переходъ судебной власти надъ населеніемъ вотчинныхъ, или находившихся въ держаніи шляхтичей, участковъ совершался постепенно, рядомъ отдѣльныхъ привилегій. Что еще во второй половинѣ XIV ст. право доминіальнаго суда не было общей привилегіей всей польской шляхты, а только привилегіей отдѣльныхъ лицъ, доказывается, между прочимъ, внесеніемъ такихъ отдѣльныхъ привилегій въ судебныя книги. Такъ еще въ 1446 г. сыновья Петра Плаза (fratres germani de Zarnowyecz. filii strenui Petri dicti Plaza) вносятъ въ земскія книги Перемышльскаго суда привиллегію Казимира 1366, утверждающую слѣд. права рода Antiqui equi и Bypennii quod omnes Bypennii et Antiqui equi... haberent ab antiquo omnes unum ius, ita quod nullus hominum haberet iudicare eorum kmethones et servitores. nec ipse dom. Rex, nec iudex, nec Subjudex, nec nullus Judicum. nec dom. Pallatinus, nec aliquis dominus, nec aliquis Justiciarius. nisi ipsi soli domini predicti, vct. Bypennii et Antiqui equi et eorum legittimi successores habent iudicare in suis bonis omnia iura et omnes ulciones, vct. decollare, suspendere, cremare et omnia iudicia cum ipsis facere et exercere[2]).

---

[1]) Исторія доминіальной власти въ Польшѣ еще ждетъ своего историка, но изученіе ея представляетъ большія трудности, такъ какъ выводы приходится дѣлать по разнымъ намекамъ въ судебныхъ книгахъ общихъ судовъ и уставныхъ грамотахъ. Не знаемъ, на сколько достовѣрно извѣстіе, прочитанное нами въ одномъ польскомъ изданіи, о нахожденіи нѣсколькихъ книгъ доминіальнаго суда. Думаемъ, что это книги лавничаго суда какого-нибудь мѣстечка.

Единственная намъ извѣстная попытка изученія исторіи доминіальнаго суда по древнѣйшимъ польскимъ актовымъ книгамъ принадлежитъ Любомирскому (Rolnicza ludność w Polsce, Bibl. Warsz. 1861, № 7).

[2]) A. gr. XIII, p. 193. Cod. diplom. Min. Pol. т. I, p. 343.

Такимъ образомъ еще въ срединѣ XV в. шляхтичи находятъ нужнымъ отстаивать свою привиллегію на судебный иммунитетъ.

Для характеристики доминіальнаго суда важны отвѣты на слѣд. вопросы: 1) Былъ ли доминіальный судъ судомъ единоличнымъ (одного лишь пана или его представителя). 2) Какихъ правовыхъ нормъ держался доминіальный судъ въ своихъ рѣшеніяхъ. 3) Былъ ли этотъ судъ послѣдней инстанціей для судившагося въ немъ крестьянина, или онъ допускалъ апелляцію въ какой-либо изъ общихъ судовъ?

Мы уже не разъ говорили, что въ XIV и XV вв. крестьяне въ Галицкой Руси жили на самыхъ разнообразныхъ правахъ — общинами на правѣ русскомъ, валашскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ[1]).

Представителями такихъ общинъ были — въ поселеніяхъ на правѣ русскомъ — тіуны и атаманы, въ валашскихъ общинахъ — крайники и князья, въ нѣмецкихъ — солтысы[2]).

Первой судебной инстанціей для крестьянъ той или другой общины былъ судъ такого представителя[3]).

---

[3]) Къ концу XIV в. относится королевская грамота, освобождающая населеніе имѣній Перемышльской епископіи отъ присуда королевскихъ чиновниковъ. A. gr. VIII, p. 40. Частные иммунитеты см. еще A. gr. II, p. 2: volumus et quod nullus iudicium prefati regni Russie habeat iudicare kmethones et incolas supradicte ville Maly Wynyk, nisi heredes veri et possessores iam dicte ville (грамота 1352 дѣтямъ бывшаго львовскаго войта, Матвѣя). Въ жалованной грамотѣ Вячеславу Голуховскому (на правѣ феодальномъ): Damus eciam antedicto Venceslao cum veris successoribus eius ex utraque parte tam masculino, quam feminino descendentibus, ita quod coram nullo respondebit, nisi coram nobis aut nostro Capitaneo, qui pro tunc fuerit loco nostri. Kmethones vero ipsius coram nullo, nisi coram suo domino et herede. Cui damus causas criminales audiendi, iudicandi et pro ipsius criminibus culpabiles et demeritos sinuandi, condempnandi et puniendi (1364, A. gr. II, p. 4). Въ пожалованіяхъ Опольскаго на ленномъ правѣ нѣтъ § о патримоніальной власти пожалованнаго.

[1]) Подробности о компетенціи этихъ общинъ см. ниже.

[2]) Въ польскихъ, кажется, procurator, rządca, wlodarz.

[3]) Судъ тіуна. A. gr. XV, p. 522. Kaz. rex vobis Andree et Cristino al. Czyszeiey de Pyelepyelnyky mandamus, quatenus in terminis proximis compareatis ad instanciam labor. Czernawa de Noszcze hominis gen. P. Oleszky Succam. Leop., quia vos noluistis ius eidem Cvernawa ministrare per officialem vestrum Deszko de Pyelepyelnyky, dum Czernawa apud eundem *Thivon* vestrum in domo eius coram Ministeriali habere affectavit super hominem vestrum Ivanyecz de Pyelepyelnyky, qui eidem Czernawa equam valoris unius marce est furatus.

ib. p. 147. N. Климентъ de Wyrzbow королевской грамотой вызывается въ судъ, quia filius tuus Nic. veniens cum viginti personis sibi similibus et totidem inferioribus coadiutoribus sua in bona (laboriosi Dymynyecz de Narajow)... repercussit duas portas

Однако роль тіуновъ, атамановъ и князей въ селахъ была главнымъ образомъ ролью административно-полицейской. Изъ многочисленныхъ намековъ въ актахъ видно, что судъ этихъ представителей общинъ крестьянскихъ не былъ судомъ единоличнымъ — на судѣ такомъ обыкновенно присутствуютъ judices, homines obczy. Вѣрнѣе всего предположить, что дѣла крестьянъ одной и той же общины чаще всего рѣшались общиннымъ судомъ[1]).

Въ случаѣ претензій третьихъ лицъ, на такомъ судѣ требовалось обязательно присутствіе лицъ постороннихъ (homines obczy, ignoti), не принадлежавшихъ къ данной общинѣ.

Болѣе всего мы знаемъ о судѣ солтыса, благодаря массѣ уставныхъ грамотъ на нѣмецкое право[2]).

Солтысу принадлежитъ обыкновенно какъ низшая, такъ и высшая юрисдикція надъ населеніемъ солтыства[3]).

---

et tria hostia *apud Tywn, ubi habet castigacionem al. kazn tota villa* et ipse Dymynyecz, et ibidem repercussit truncum et tres seras violenter fregit ipsius Dymynyecz ubi fur ipsius captivus sedebat et eundem furem ipsius violenter cum facie al. *zlyczem* sicut viginti marc. et totidem dampni excepit.

О роли князя, см. ниже, но cf. A. gr. XIV, p. 213: N. Korwaj de Sczklo reputavit in suo lucro procuratorem *kszadsa* Iwana de Jesow, quia cum ipsis hominibus ius ministrare noluit.

О судебной компетенціи солтиса, см. ниже.

1) Сами тіуны были выбираемы общиной. A. gr. XIV, p. 479.

Въ одномъ дѣлѣ, рѣшенномъ въ с. Лукѣ на судѣ засѣдаютъ iudices: Michael de Luka, Павелъ его атаманъ, Barsam de Corschoph, Павелъ eius thabernator, A. gr. XII, p. 172. Въ другомъ случаѣ упоминаются десять iudices (ib. p. 56, судьи люди dominae Goczowe — ей принадлежало с. Острикъ, какъ видно изъ p. 404, сидѣвшее на русскомъ правѣ).

2) О солтисахъ въ Великой Польшѣ см. Rummler. Die Schulzen der deutschrechtlichen Dörfer Grosspolens im 13 und 14 Jahrh. (Programm de Königl. Friedrich. Wilhelms Gymnasium in Posen, Ostern, 1891 и 1892 г. Его же, Ueber den Gerichtsstand und die rechtlichen Befugnisse der grosspolnischen Schulzen im 13 und 14 Jahrh, въ Zeitschr. d. histor. Gesellschaft für die Provinz Posen, Jahrh, VI. 1891.

3) Обычныя выраженія уставныхъ грамотъ: Eximimus, absolvimus et perpetuo liberamus scultetum necnon omnes et singulos kmethones, tabernatores et quosvis earundem villarum incolas ab omni iurisdiccione et potestate omnium Regni nostri Palatinorum, Castellanorum, Capitaneorum, Iudicum, Subjudicum, Wojewodarum et quorumvis officialium et ministerialium eorundem, ut coram ipsis aut ipsorum aliquo pro causis tam magnis quam parvis, puta furti, incendy, sangwinis, homicidy, membrorum muthilacionis et quibusvis enormibus excessibus citati minime respondebunt nec aliquas penas solvere teneantur, sed tantum dictarum villarum kmethones et quivis incole, coram suo sculteto, qui pro tempore fuerit, scultetus vero coram domino sive successoribus suis legittimis aut coram nobis vel Iudicio nostro generali, dum tamen per nostram litteram nostro sigillo sigillatam idem dominus vel scultetus evocati fuerint et citati, et hoc si in reddenda iusticia negligentes forent et remissi, tunc non aliter

Иногда впрочемъ (въ случаяхъ сравнительно рѣдкихъ) солтысу предоставляется только низшая юрисдикція, высшую (дѣла наиболѣе важныя, преимущественно уголовныя) dominus оставляетъ себѣ[1]).

Но судъ солтыса не есть судъ единоличный, на немъ, кромѣ солтыса, должны засѣдать, выборные лавники (scabini, iurati), число которыхъ какъ кажется, было не вездѣ одинаково[2]).

---

quam suo Iure Tewtunico Iudicio predicto de se querulantibus respondere sint astricti. In causis autem criminalibus et capitalibus superius expressio memoratae villae sculteto in metis et granicys iudicandi, sentenciandi, puniendi, decollandi, rotandi corrigendi, plectendi et condempnandi plenam damus et omnimodam teñore presencium concedimus facultatem, prout hoc dictum Ius Thewtunicum predictum in omnibus suis punctis, sentencys, condicionibus, articulis et clausulis postulat et requirit, iuribus tamen nostris Regalibus in omnibus semper salvis. См. напр. A. gr. III, p. 175.

[1]) Item addicimus, si quis, quod absit, aliquem in predicte ville gadibus in campis occiderit, vel si quis aliquam virginem violenter oppresserit vel defloraverit, seu si quis domum alterius noctis tempore sub silencio furtive et violenter intraverit et per vim quid rapuerit aut hospitem domus aut aliquem de eius familia occiderit, ista nobis specialiter ad iudicandum reservamus. Однако тутъ же прибавлено: Ceterum apponimus, quod si aliquis in furtu vel homicidio aut eciam alio pessimo crimine raptus fuerit vel deprehensus, prefatus scultetus suspendi, caput plectendi, manus, pedes amputandi, oculos eruendi liberam habebit potestatem. A. gr. III, p. 24.

A. gr. VII, p. 6. Nec alibi incole ville dicte respondere teneantur, nisi coram suis scoltetis iure suo Theutunico, exceptis causis difficilibus et enormibus, que ad iudicium nostre curie spectabunt, suo tamen iure Theutunico iudicande.

A. gr. VIII, p. 28. Nec ego presidens in Iaselska vel meus procurator debet pro parvis causis in eadem villa iudicando solummodo infra libertatem recipere aliquam penam preter scultetum predictum et suos successores, sed pro incendio et vulneribus mortalibus, pro homicidio, pro furto, pro stupro et obsidio, pro irruencia domicelli et pro qualibet alia violencia solus debeo vel meus procurator, vel quem ad hoc specialiter deputavero, iudicio preesse.

Замѣчательно, что дѣла, которыя панъ оставляетъ своей юрисдикціи — такъ наз. articuli castrenses (Hube, Sądy, p. 837, дѣла о грабежѣ на большой дорогѣ, насиліи женщинѣ, поджогѣ, наѣздѣ). cf. A. gr. XII, p. 243, гдѣ галицкій каштелянъ ручается за Мих. Бучацкаго, галицкаго старосту, что officiales eius Snyathinenses non debent iudicare officiales nec servos Andree in villis nec in castro Snyatinensi, nisi pro quatuor articulis secundum statuta Regis Kazimiri.

[2]) Въ Польшѣ обыкновенно 3, иногда 5, 7, Lubomirski, Roln. ludn. Bibl. Warsz. 1861, № 7, p. 18. Въ галицко-русскихъ актахъ встрѣчаются разъ 2 лавника (A. gr. XV, p. 487. Kaz. etc. nob. N-o Cosczej iuniori de Laszky ...ad instanciam N. Nic. Cosczej senioris de Laszky, quia tu per tuum viceadvocatum ...uchno super tuos duos scabinos vct. Andream et Dmythr noluisti ius ministrare, qui te ipsum ac locum suum scabinalem non honorando de sede iudiciaria surrexerunt, ipsique N. Nic-o Cosczej seniori iusticiam noluisti administrare, quam iusticiam ipse mediante suo solido scabinali postulavit.

Хотя лавничій судъ и долженъ былъ вообще судить по праву нѣмецкому, но такъ какъ это право судьямъ было мало знакомо [1]), то лавникамъ разрѣшалось судить и по праву польскому [2]).

Однако, такъ какъ нѣм. право первоначально разсматривалось какъ привиллегія, то въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ (преимущественно за время Ягайла) находимъ любопытное постановленіе, что правомъ этимъ будутъ пользоваться только католики [3]).

Отъ суда тіуновъ, князей, солтысовъ апелляція шла къ суду пана. Но судъ пана опять-таки не былъ судомъ единоличнымъ. Панъ долженъ пригласить посторонняго шляхтича, который съ другими iudices судитъ представленное въ доминіальный судъ дѣло [4]).

Въ с. Врочовѣ Саноцкой земли — 7 лавниковъ: A. gr. XVI, p. 348 N. Luca, tenutarius de Wroczanka' vocatis ad se viceadvocatum et septem iuratos in eadem Wroczanka, interrogavit prefatos, a quot annis kmetho Nicolaus Balar, est in possessione mea.

[1]) Сами короли нерѣдко прямо выражаются въ актахъ „prout iura Majdeburgensia nobis sunt prorsus incognita".

[2]) A. gr. XII, p. 538. Advocatus potens erit iudicare iure Theutunico Mejdboriensi. Et articuli, qui non concernunt super ius Theutonicum, scultetus potens erit locare ius Polonicum et eodem iudicare.

[3]) A. gr. II, p. 54, 70, 78. IV, p. 72, 102. IX, p. 19.

[4]) A. gr. XII, p. 148. Si aliquis kmeto sibi esset reus, erga eundem habet bonum terrigenam locare eundem iudicandum.

ib. p. 96. Cola respondit... ego jus feci iuxta diem domino Archiepiscopo datum et wolo hiis, qui in eodem iudicio presidebant, probare, unde nos domini et memoriale receperamus, sibi Cole adiudicavimus testes eosdem ducere ad pr. term. vct. Michaelem de Luka advocatum Colomiensem, Petrus crispus Albertus procurator de Czenyathniky, Iwanek de Zalusza.

ib. p. 391. Et domini Camerarii decreverunt eidem Jacobo in IV sept. producere testes et Iudices, protunc qui hanc causam iudicabant, vct. dominum Skarbek et dominum Slupski.

По Любомирскому (l. c. p. 16) судъ дѣдича былъ организованъ по образцу земскаго суда, изъ судьи, подсудка и писаря, при чемъ всѣ эти лица, приглашенныя паномъ, должны были быть осѣдлыми шляхтичами. Въ сомнительныхъ случаяхъ такой судъ обращался за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ къ суду земскому.

Въ галицкихъ гродскихъ книгахъ сохранилось весьма любопытное постановленіе галицкаго вѣча о преслѣдованіи преступниковъ и доминіальномъ судѣ. Важность его усугубляется тѣмъ, что оно писано по-русски. Приводимъ его цѣликомъ:

Мы, Михаилъ Боучацкый, панъ и староста галицкый, и Кола, соудъꙗ галицкый, дѣдичъ зъ Далеіова, вызнавамы то и землꙗны, ижъ такъ есмо то оуложили: колико сіа пригодитъ, ижъ пойдетъ кто за своѣмъ злодѣемъ горꙗчим пытомъ, а где прийдет занит(и) до кото-

Рѣшеніе такого суда постановлялось на основаніи нормъ права, въ которомъ жилъ отвѣтчикъ [1]).

рого села, а которого чоловѣка обвинит(и) злодѣя своєго, оу(же) тогды право ємоу маєтъ быти в той д(є)нь по єго оуѣхани в село бє(з) штволокы.

(А єсли) бы пан того села рєклъ, (ажъ) того чоловѣка нѣтъ, а рчетъ своєй чти, ажъ того чоловѣка в селѣ нѣтъ, тогды маєтъ истецъ ждати того чоловѣка дроугыѣ три дни, а пакли бы єщє єго нє было, тогды коли чоловѣкъ тот шбвинєный домовъ приѣдє, тогды по єго оуѣхани въ трєтий д(є)нь право маєтъ быти. А пакли бы ватаманъ албо рядца рѣклъ, абы єго оу селѣ нє было, а вон маєтъ пригати, ажъ того чоловѣка оу селѣ нѣтъ, але так ѣжъ право (маєтъ) быти; а пакли бы збѣглъ чоловѣкъ, а николи єго нє было бы, тогды томоу истцєви маєтъ панъ того села заплатити имѣньємъ того збѣглого чоловѣка, а пакли бы который земланин противилса томоу, а нє хотѣлъ права помочи, тогды маєтъ покоупити три гривны, а покоупивши оужды права помочи маєт. (A. gr. XII, p. 425, ad. a. 1435).

cf. **постановленіѣ Честиловско-Ивачевскаго вѣча** (Bostel, Ein polnisches Rechtsdenkmal aus dem XV. Jahrh., Jahresbericht des zweiten Obergymn. in Lemberg, 1890): Apud quem aliquis fur aliquid subtraxerit, aut furatus esset, ex una parte Bug et eciam ex alia parte Bug et cum furticinis fugam dederit, et ille hospes cui furatus fuerit equum aut alias res ipsum furem suum fugaverit per suum vestigium, al. *za gego sladem*, et dictum vestigium ita remansimus sicut prius, ita, ubi quis fugavit, aut restabit, in qua terra, civitate, opido aut villa cuiusvis domini hereditarii, aut tenutarii, debet eum ducere ad eundem dominum, cujus hereditas est et ibi sibi debet debitum ius ministrare, ubi ipsum detinuit, et ibi fur debet suspendi, si fuerit iure victus iudicialiter.

cf. **постановленіе Галицкаго вѣча 1444** (A. gr. XII, p. 128). Primo memoraverunt invencionem felicis recordy Mf. Michaelis Palat. Podolie et domini Odrowansch Pal. et Cap. terre Russie generalis, quod cum aliquem dominum vel terrigenam vel eius officialem predestinabit pro fure de castro ut ipsum mitteret cum fertone ad castrum, Sin autem non mitteret et quereret aliquas excusationes dicens quod nescio de ipso quidquid vel profugit, qui habet iurare, quod nescio, ubi est, neque ipsum arestavit. Sin autem non iuraret, extunc succumbet tribus marcis castro *pocupicz* pena furtiva.

cf. **ухвалу Саноцкаго вѣча** (A. gr. XI, p. 55, a. 1430). Nos suprascripti invenimus, et laudavimus, si aliquis homo fuerit pro furto per castrum vel ipsius nuncium inculpatus et stare ipsum facient, et non comparebit, et si tunc profugus homo ille fuerit, tunc media pars bonorum omnium, que profugus post se dereliquit, debet dari pro castro et media pars bonorum domino hereditatis, in qua hereditate talis homo fuerit.

[1]) A. gr. XIII, p. 403. Et Lopusky a Hedwigi dixit: tale ius domina administrabit, *quali iure ab ewo utuntur inibi homines.*

ib. p. 394. **Анна Чурилова должна присягнуть**, quod homines et incolas in Wlostkow non tenet in iure Theutunico, sed Ruthenico, *et iudicantur eodem iure.*

Солтысу принадлежала треть судебныхъ пошлинъ съ населенія солтыства. Двѣ трети этихъ пошлинъ шли въ пользу пана. Нужно поэтому думать, что въ судѣ солтыса были какія-либо записи рѣшеній, иначе какъ бы панъ контролировалъ судебные сборы солтыса? А что такой контроль существовалъ, видно изъ частыхъ упоминаній въ уставныхъ грамотахъ о трехъ iudicia magna, на которыя пріѣзжалъ самъ панъ или его nuncius (substitutus, procurator). На такихъ iudicia magna, по всей вѣроятности, производился какъ учетъ сборовъ пана съ солтыства, такъ и разборъ претензій населенія къ своимъ солтысамъ [1]).

Солтысъ по претензіямъ третьихъ лицъ отвѣчаетъ на судѣ пана, но судитъ его панъ не одинъ, а вмѣстѣ съ другими солтысами — семью или восемью, — на основаніи нѣм. права [2]).

Но и судъ пана не есть еще послѣдняя инстанція для обиженнаго.

Въ уставныхъ грамотахъ, подтверждаемыхъ королемъ, постоянно находимъ постановленіе объ отвѣтственности солтысовъ передъ судомъ королевскимъ. Солтысъ отвѣчаетъ „coram domino aut coram Nobis... dum tamen per nostram litteram sigillo nostro sigillatam evocatus fuerit". Судъ, въ который вызывается королевской грамотой солтысъ, „si in reddenda iusticia negligens foret", именуется въ уставныхъ грамотахъ разно: то iudicium Theutonicum, то судомъ старосты (judicium castrense), то iudicium generale, то colloqnium generale.

Но передъ королемъ отвѣчаетъ не только солтысъ „in reddenda

---

[1]) На каждый такой пріѣздъ пана или его представителя община и солтысъ должны были устроить prandium пану, или его nuncio (два prandia крестьяне, одно солтысъ), или въ замѣнъ его уплатить извѣстную сумму.

[2]) A. gr. III, p. 181. Scultetus vero nobis et alys quibuscumque personis, tam propris inhabitatoribus, quam extraneis, vulg. *opcsym*, dum per ipsos fuerit citatus littera cittatoria sigillata nostra, non coram alio respondere debebit, nisi coram, residencia septem scultetorum iuratorum in dicta hereditate Malczycze Iure suo Theutunicali Majdburgensi ad omnia sibi objecta. Et scultetus debebit congregare dictos scultetos septem contra se. Dum vero nos heredes cum ipso sculteto postulaverimus ius, extunc nos heredes eosdem scultetos septem iuratos congregare debebimus et ipsum scultetum pro nostris causis prefati septem sculteti iurati iudicare debebunt iuxta formam iuris theuthunicalis Majdburgensis.

A. gr. VIII, p. 94 ...advocatus vero coram nobis aut successoribus nostris atque septem advocatis, viris ydoneis et honestis (respondebit).

XII, p. 858. Et si contigerit aliquando Advocatum iudicare, tunc non debent ipsum iudicare nisi iure Theutonico Mejdbor. cum octo scultetis hereditariis alias *dzydzyeznyemy*. cf. IX, p. 4.

iustitia negligens", отвѣчаетъ и самъ панъ въ такихъ же случаяхъ [1]).

[1]) См. выше p. 150 пр. 3.

A. gr. IV, p. 102 ...sculteti vero coram predicto Andrea eorum herede et ipsius successoribus legittimis vel coram quocunque domino, villarum predictarum, sed coram nobis vel nostro iudicio, *si idem Andreas eiusque heredes et successores legitimi vel quicunque domini villarum predictarum in reddenda ipsis (населению солтысва) iusticia fierent negligentes et remissi,* dum tamen per nos aut per nostram litteram sigillo nostro sigillatam citati fuerint, tunc non aliter quam suo iure theutonico Srzedense respondere sint astricti.

A. gr. II, p. 41 ...cmetones et Incole villarum et thaberne predictarum coram suo sculteto, seu eorum scultetis, sculteti vero coram ipsis fratribus (львовскими доминиканами) vel eorum Priore vel seniore, qui pro tempore fuerit Monast. Corporis Christi in Lemburga predicti aut coram nobis vel Judicio nostro generali, dum per litteram nostram nostro sigillo sigillatam evocati fuerint, *si ydem fratres in reddenda iusticia negligentes vel remissi fuerint* extunc non aliter quam suo Jure Theutunico Majdemburgense predicto cuilibet ad objecto respondere sint astricti.

ib. p. 54. Supradictus Jacobus vel ipsius successores seu quicunque dominus dictarum villarum... (si) in reddenda iusticia negligentes fuerint et remissi... как выше.

Въ судебныхъ книгахъ встрѣчается нѣсколько случаевъ разбора въ общихъ судахъ претензій крестьянъ къ своему пану; такъ напр. въ 1457 въ Львовскомъ городскомъ судѣ разбирается какое-то, неизвѣстное намъ, дѣло между шляхтичами Юрковскими и ихъ крестьянами (A. g. XV, p. 25. Terminum, quem hodie nob. Kstan et Paulus Iurkowsczi de Kuhajow *cum hominibus ipsorum de Kuhajow* coram mfo. dom. Andrea Odrowanz de Sprowa Plto. et Cap. terre Russie gli. habuerunt, iuxta contenta citacionis mandati Magnificencie Sue, domini iudicio presidentes distulerunt quarta die post dom. Pal. in Leopolim ingressum).

Сами старосты, имѣвшіе право доминіальнаго суда надъ населеніемъ кролевщизнъ, передаютъ на рѣшеніе городскаго суда свои претензіи къ крестьянамъ „eorum subditis"; A. g. XV, p. 388: quemadmodum doms. Capt. per procuratorem suum atentavit terminum cum hominibus subditis suis de Koczonow pro inobediencia et primo principaliter, quod noluerunt suscipere venatorem quilibet suum diem, prout tenentur, et etiam noluerunt equitare cum eodem sagitario sagitare dorcas, et quod ipsi sine scitu Cap-i equitaverunt et sagitaverunt dorcas et unam tantum domino dederunt, et duas pro se usurpaverunt quasi furtive, ceterum quod ipsi custodire debuerunt silvas, ubi sunt venaciones, et non custodierunt et admiserunt impellerre scrophas in silvas, et sic omnes ferinas expulerunt; dum vero procurator Cap-i voluit super ipsos proponere, ipsi stantes omnes una voce dixerunt: nos nolumus nullo iure procedere cum domino nostro, nam ipse est ius, ipse beneficator, ipse dominus et rex noster, idcirco subicimus se gracie Sue Dominicionis. Et sic Capts. dedit ad duas septimanas, quod debet doms. Iudex castr. inter partes se interponere, quod debent dominum prevenire Koczonowczy.

cf. борьбу со старостами населенія селъ Солонки и Журавки (выше, p. 102).

Однако уголовныя преступленія крестьянъ противъ своего пана наказывались строже, чѣмъ преступленія крестьянъ противъ посторонныхъ шляхтичей. Крестьянинъ, убившій своего пана, присуждается къ смерти. A. g. XV, p. 10: Nob. Ioh. Tharzimyanski proposuit super labor. Iacobum kmethonem gsi. Stiborii de Wysznya Iudi-

Рядъ приведенныхъ фактовъ даетъ намъ право на слѣдующіе выводы:

1) Доминіальный судъ XV в. не былъ судомъ единоличнымъ.

2) Въ своихъ рѣшеніяхъ доминіальный судъ руководился обычаями того права, по которому жило подвѣдомственное ему населеніе.

3) Доминіальный судъ не былъ послѣдней инстанціей какъ для третьихъ лицъ, такъ и для подлежавшаго его юрисдикціи населенія. Отъ него возможна была апелляція въ общіе суды.

Кромѣ права судебной защиты крестьяне Червоной Руси XIV—XV вв. обладали еще въ извѣстныхъ предѣлахъ правомъ самоуправленія. Это право въ томъ или иномъ размѣрѣ сохраняли общины на правѣ русскомъ и валашскомъ и получали путемъ уставныхъ грамотъ общины на правѣ нѣмецкомъ.

Однако изслѣдованіе сферы дѣятельности общинъ на всѣхъ указанныхъ правахъ представляетъ значительныя затрудненія. Съ одной стороны, компетенціи общинъ были въ эту эпоху значительно сокращены, благодаря огромному значенію шляхты, получившей надъ населеніемъ своихъ участковъ обширныя права; съ другой стороны, если въ актахъ и выступаютъ иногда крестьянскія общины въ той или иной роли, то не всегда возможно опредѣленно указать, на какомъ *правѣ* сидитъ та или иная община, выступающая въ актѣ.

Терминъ communitas общій въ латинскихъ актахъ для общинъ на всякомъ правѣ, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится рѣшать, идетъ ли дѣло объ общинѣ русской, валашской, или нѣмецкой, что, благодаря отрывочности актовъ, не всегда возможно. Терминъ *громада* общій для общинъ на правѣ русскомъ и валашскомъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ иногда рядомъ находимъ два какихъ-нибудь *права* (русское и валашское, валашское и нѣмецкое, русское и нѣмецкое)[1]). Общины переводятся часто

---

cis ter. Leop. de villa ipsius Drohowicz, quomodo is Iacobus cum fratribus suis interfecit nob. Thomam fratrem suum germanum, *dominum suum* (вѣроятно Яковъ перешелъ отъ него къ Вишневскому) fraudulenter al. *zdradliwye* et hoc paratus sum convincere, al. *pokonacz* ita, uti ius inveniet. Qui Iacobus audita proposicione, negavit. Qui dum negavit, ius decrevit Iohanni Iacobum convincere. Qui Iohannes Iacobum hic coram iure convicit. al. *poprziszangl*. Quem dum convicit, ius *sibi ipsum extradidit ad mortem*, tamquam frandulentum, al. *jako zdraczcza*.

Только въ XVI в. крестьяне потеряли право иска противъ своего пана.

О патримоніальной власти съ XVI в. см. Lubomirski, Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII wieku, Warszawa, 1862.

[1]) Такъ упоминаются: Lalina Ruthenicalis и Lalina Theutonicalis, Болеховъ русское и Болеховъ валашское, въ с. Rozhadow (Львъ. з., XV, p. 266) pars Valachica.

съ одного права на другое — чаще всего, конечно, на нѣмецкое, но встрѣчаемъ и обратное — переводъ съ нѣмецкаго на русское, и т. д.

Важнымъ показаніемъ въ пользу принадлежности извѣстной общины къ тому или иному праву служитъ названіе представителя общины — такъ *тіуны* и *атаманы* — представители только русскихъ общинъ, *князья* и *крайники* — валашскихъ, *солтысы* и *войты* — нѣмецкихъ. Но не всегда въ актѣ вмѣстѣ съ общиною фигурируетъ ея представитель; иногда представитель общины носитъ общее названіе — procurator; князья валашскихъ поселеній именуются иногда въ актахъ солтысами. *Десятниковъ* встрѣчаемъ въ общинахъ русскихъ и валашскихъ.

Поэтому при изслѣдованіи сферы компетенціи той или иной общины мы брали во вниманіе только такія данныя, гдѣ мы, на основаніи прямыхъ, или косвенныхъ, доказательствъ могли опредѣленно утверждать принадлежность извѣстной общины къ тому или иному праву.

Въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Сельская община въ юго-западной Руси“ [1]) проф. Н. Д. Иванишевъ выразилъ надежду, что данныя о дѣятельности южнорусской общины могутъ быть въ будущемъ пополнены изъ галицкорусскихъ судебныхъ актовъ. Къ сожалѣнію, надежды эти очень мало оправдались. До сихъ поръ, правда, издано не много судебныхъ книгъ Гал. Руси, но зато изданы древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ [2]), гдѣ, слѣдовательно,

---

[1]) Сочиненія, Кіевъ, 1876 г. Статья Н. Д. была напечатана первоначально въ «Русской Бесѣдѣ» 1857, № 3. Авторъ касается въ этой статьѣ главнымъ образомъ копныхъ (общинныхъ) судовъ и строитъ свои заключенія на матеріалѣ, извлеченномъ имъ изъ Кіевскаго Центральнаго Архива. Со времени выхода въ свѣтъ труда г. Иванишева количество данныхъ о копныхъ судахъ значительно увеличилось; такъ Виленская Археографич. Комиссія издала огромный томъ («Акты, издаваемые Виленскою Археогр. Ком.» т. 18, Вильна. 1891), посвященный исключительно копнымъ судамъ. Кромѣ того отдѣльные копные приговоры напечатаны еще въ другихъ томахъ изданій Вил. Арх. Комиссіи (т. VI, XIII, Археогр. Сборн. I, III, VI, Актахъ Витебскаго Центр. Архива, т. II, «Кіевской Старинѣ» (Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ, Александры Е. 1885 г. № 10). Не мало такихъ актовъ находится еще въ Литовской Метрикѣ; но большинство доселѣ изданныхъ актовъ не восходитъ ко времени болѣе раннему, чѣмъ половина XVI ст.

Новѣйшее изслѣдованіе о копныхъ судахъ принадлежитъ А. Я. Ефименко (Народный судъ въ Западной Руси, «Русская Мысль», 1893, № 8—9). Авторъ основалъ свое изслѣдованіе главнымъ образомъ на 18-мъ томѣ Актовъ Вил. Арх. Комиссіи.

[2]) Изданы пока книги саноцкія (Akta gr. t. XI и XVI — съ 1423 по 1506), галицкія (т. XII, съ 1435—1475 г.), перемышльскія — т. XIII съ 1436—1468, львовскія — т. XIV—XV, съ 1440—1504. Изъ судебныхъ книгъ XV в. юго-запад-

можно бы было ожидать наиболѣе обильныхъ указаній на жившую еще тогда русскую сельскую общину.

Однако и въ изданныхъ и еще неизданныхъ галицкорусскихъ судебныхъ книгахъ XV—XVI вв. мы нашли крайне мало указаній на дѣятельность древнерусской сельской общины и даже на ту ея функцію, которая въ другихъ частяхъ юго-западной Руси задержалась дольше всего (до 18 в.) — *судебную* компетенцію общины (вѣчевой или копный судъ). Валашская и нѣмецкая община выступаютъ въ актахъ несравненно чаще общины русской.

Помимо указанныхъ уже причинъ рѣдкаго появленія крестьянской общины въ судебныхъ актахъ, незначительное количество свѣдѣній о русской общинѣ XV в. зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ слѣдующаго: польское право относилось весьма неблагопріятно къ крестьянской общинѣ. Въ самой Польшѣ къ XIV ст. исчезли уже многіе слѣды дѣятельности древнепольской сельской общины. Уже въ актахъ XII в. мы находимъ въ числѣ иммунитетовъ шляхетскихъ и духовныхъ имѣній освобожденіе отъ *ополья*, древней связи польской сельской общины. Съ развитіемъ доминіальной власти сократилась и одна изъ главнѣйшихъ функцій сельской общины — функція судебная.

Нѣмецкая община, имѣвшая такое громадное распространеніе въ земляхъ польской короны, существенно отличалась отъ общины славянской и въ отношеніи способа владѣнія землей членами общины и въ отношеніи участія каждаго члена общины въ общественныхъ дѣлахъ. Распорядителемъ нѣмецкой общины былъ солтысъ, устроитель поселенія — имъ былъ или самъ dominus, или лицо, имъ назначенное безъ участія общины. Какъ довѣренное лицо своего пана, солтысъ отвѣчаетъ только передъ нимъ. Внутри общины солтысъ имѣетъ власть полицейскую, административную и судебную. Въ послѣдней функціи община еще участвуетъ посредствомъ выборныхъ присяжныхъ (iurati, scabini), но такой судъ существенно отличенъ отъ суда вѣчеваго, не знавшаго представительства, суда всей общины. Притомъ рѣшеніе iudicii teutunici происходило не на основаніи права обычнаго, какимъ всегда руководился вѣчевой судъ, а на основаніи права нѣмецкаго, совершенно чуждаго населенію. Валашская община, какъ увидимъ, въ XV и XVI вв. занимаетъ среднее мѣсто между общиной нѣмецкой и русской.

ной Руси не изданы еще книги Белзскія (съ 1439 г.). Бужскія (съ 1499 — тѣ и другія хранятся въ Львовскомъ Бернардинскомъ архивѣ) и книги холмскія (съ 1423 — находятся въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ).

Съ первыхъ лѣтъ польскаго владычества въ Черв. Руси нѣмецкое и валашское право получаютъ здѣсь огромное распространеніе. Польская шляхта такъ усердно переводитъ населеніе своихъ имѣній съ права русскаго на болѣе для нея удобное право валашское, и особенно нѣмецкое, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Черв. Руси мы уже въ XV в. едва находимъ слѣды поселеній на русскомъ правѣ. Такъ, напр., въ актахъ Саноцкой земли XV в. мы могли найти указанія на существованіе русскаго права лишь въ 10 поселеніяхъ, и притомъ главнымъ образомъ въ королевскихъ имѣніяхъ[1]). Болѣе слѣдовъ поселеній на русскомъ правѣ мы нашли въ земляхъ Львовской и особенно Галицкой. Тіуны и атаманы весьма часто фигурируютъ въ львовскихъ и галицкихъ судебныхъ книгахъ[2]). Помимо этихъ косвенныхъ уликъ, въ актахъ послѣднихъ двухъ земель не рѣдки и прямыя указанія на существованіе здѣсь русскаго права во многихъ поселеніяхъ[3]). Населеніе было здѣсь настолько привязано къ роднымъ порядкамъ, что мы встрѣчаемъ случаи ухода крестьянъ при первой попыткѣ владѣльца замѣнить въ своемъ поселеніи право русское правомъ немецкимъ, или возвращеніе къ праву русскому поселеній, сидѣвшихъ на чуждомъ населенію правѣ[4]).

---

[1]) Lalina Ruthenicalis, A. gr. XI, p. 211. Dobra (Добряне платятъ за нелвку въ судъ пеню bovem secundum ius Ruthenicum, ib. p. 258). Въ селахъ Костировичи, Уличъ, Пловцы, Саночекъ и Тырава Сольная находимъ *сотныхъ* (см. выше). Тіуновъ встрѣчаемъ въ селахъ Ольховцы, Терпичевъ, Глумпча, ib. p. 66, 222, 200.

[2]) Замѣтимъ, что тіуновъ наиболѣе встрѣчаемъ въ Львовской землѣ, атамановъ — въ Галицкой (въ Львовской землѣ атаманы упоминаются лишь въ с. Конюва, Якимово, Дрогошово и Кальне), A. gr. XIV, p. 96, 327, 363, 271. XV, p. 24—26.

[3]) Прямыя указанія для Галицкой земли (villa in jure Ruthenico) для поселеній: Полайцы, Чремховъ, Жуково, Жукочино, Далейовъ, Марково, Пассѣчное, Острина, Волчинецъ, Волчковъ (A. gr. XII, p. 17, 50, 330, 380—1, 404, 408, 409). Косвенныя (computatio — см. выше): въ с. Пучково, Раковцы, Подгайцы, Мартыново, Рожейовъ, Бѣлокрчаны, Каикольники, Саранчуки, Рожновъ, Чегровъ (ib. p. 59, 88, 146, 215, 153, 188, 205, 210). Въ с. Хростковѣ и Калуша — коланные, ib. p. 236, 205. На русскомъ же правѣ, кажется, сидѣли с. Кромидово, Олешье и Хростовицы, ib. p. 20, 205, 156. Въ поселеніяхъ Перемышльской земли русское право упоминается въ с. Взостково, Ляски, Кролина, Прильбица, Радиницы, Подчаша (Poszdezaczcza), A gr. m. XIII, p. 394, 401, 425, 437). Въ Львовской — въ с. Стрятинѣ, Липповцахъ, Лошинѣ, Машковѣ, Глинянахъ, Жолтаницахъ, Подлужанахъ. A. gr. т. XIV, p. 58—9, 136, 276, 306, 321, 305—6. и Akta Castr. Leop. ad. a. 1467, Неслуховѣ, Зелеховѣ, Бацовѣ, Душановѣ, Чарнушовицахъ, Германовѣ, Девятникахъ, Брандахъ. A. gr. XV, p. 86, 442, 499, 530.

[4]) Такъ въ 1444 г. львовскій архіепископъ подаетъ въ судъ жалобу на крестьянъ Тиша и Василія, бѣжавшихъ изъ его имѣнія Ставчаны и подговорившихъ къ бѣгству

Каковы же однако были особенности права русскаго, какими особенно характерными чертами отличалось устройство поселеній на правѣ русскомъ?

Замѣтимъ прежде всего, что русская сельская община въ XV в. потеряла уже не мало своихъ характерныхъ особенностей, понесла не мало уроновъ въ своихъ стародавнихъ — „отъ дѣда и прадѣда" — правахъ. Отдѣльныя черты дѣятельности русской общины имѣютъ въ XV в. уже характеръ переживанія, случайно уцѣлѣвшихъ обломковъ древнихъ порядковъ: онѣ драгоцѣнны главнымъ образомъ потому, что совокупность ихъ даетъ нѣкоторое понятіе о функціяхъ древнерусской общины болѣе ранняго, русскаго, періода.

И въ Галицкой Руси отдѣльныя смежныя села (какъ и въ остальныхъ частяхъ юго-западной Руси) находились въ извѣстной связи, составляя одно цѣлое, рѣшая сообща извѣстнаго рода дѣла. Названія для такого союза въ актахъ мы не нашли, но на существованіе его указываетъ слѣд. актъ: въ 1422 г. перемышльскій владыка жалуется королю на стрѣлковцевъ „**аже оубивають сїа оу землю оу цр҃ковноую ст҃го сп҃са**". По распоряженію короля, самборскій староста выѣхалъ съ самборскими старцами и земянами для опредѣленія границъ владѣній епископа. Епископъ утверждалъ, что церковная земля идетъ по Лисичій бродъ издавна „**и за князя Юрья и за иныхъ многихъ державець, а то свѣдомо земяномъ самборьскымъ и старьцемъ самборьскымъ и всѣмъ обаполнымъ**. Староста „**пустилъ на земяны и старцы**". Подтверждая заявленіе владыки „**и то нѣщи вызнали, аже владѵни люде слѣдъ гонїать по лисичии бродъ и оуздають тополничаномъ, занеже тополничане имѣють соу владыкою границю, а стрѣлковци не имѣють**" [1]).

и другихъ крестьянъ. Обвиняемые оправдываются тѣмъ, что архіепископъ, получивъ въ свое владѣніе имѣніе Ставчаны, сталъ здѣсь вводить нѣм. право (fecisti allodia de nostris curiis et agris, т.-е. вѣроятно отобралъ лучшія крестьянскія земли подъ фольваркъ, et locasti *obpoczalesz* nos ad jus Theutunicum), а они извѣчные королевскіе охотники и не хотятъ сидѣть на нѣм. правѣ, такъ какъ привыкли къ своему родному русскому праву (sumus venatores Regales *stara dawna* et noluimus sedere in iure Theutunico, quia consuevimus sedere in iure Ruthenico... et sumus locati ad ius Ruthenicum *na syrowem korzeniu*. A. gr. XIV p. 136 и 138.

1454. Ядвига, владѣтельница им. Ставно, присягаетъ, что населеніе этого имѣнія добровольно и съ ея согласія перешло съ права валашскаго на право русское (eram presens et scio, quia isti homines, pro quibus iuro, quia ab anno sedent in iure Ruthenico, et eciam scio, quia se subdiderunt libere de bona voluntate ad ius Ruthenicum de iure Walachico. XVI, p. 413).

[1]) Akta gr. t. VII, № 32.

Намъ кажется, что въ приведенномъ актѣ можно видѣть указаніе на кое-гдѣ еще сохранившіеся въ Галицкой Руси XV в. общинные союзы. Владычные люди гонятъ слѣдъ, т.-е. преслѣдуютъ преступника, или розыскиваютъ знаки, слѣды имъ оставленные, и передаютъ слѣдъ Топольничанамъ. По изслѣдованію проф. Иванишева, преслѣдованіе преступника копою (общиннымъ союзомъ нѣсколькихъ селъ) происходило въ юго-западной Руси слѣд. образомъ: „если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей стороннихъ, *гналъ слѣдъ*. Копа, *взявъ слѣдъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе, входившее въ составъ общины, обязано было отвести слѣдъ отъ своихъ земель"[1]). Мы думаемъ поэтому, что въ указанномъ актѣ можно видѣть свидѣтельство о существованіи общиннаго союза (копы) въ земляхъ перемышльскаго владыки (къ союзу, повидимому, принадлежали поселенія на землѣ св. Спаса и с. Топольничаны). Къ сожалѣнію, разсмотрѣнный нами актъ единственный въ своемъ родѣ.

Впрочемъ, намекъ на существованіе другаго общиннаго союза можно видѣть въ слѣд. актѣ. Подъ 1440 г. львовскій гродскій судъ требуетъ отъ шляхтича Николая доказательства свидѣтелями, что онъ *не отбилъ* вора у крестьянъ трехъ королевскихъ имѣній Сокольники, Солонки и Журавки и не выпустилъ вора изъ-подъ ареста.

Въ этомъ актѣ можно видѣть указаніе на общинную связь этихъ трехъ селеній — они совмѣстно преслѣдуютъ вора, гонятъ его слѣдъ и доводятъ его до владѣльческаго села Острожаны, но dominus села отбиваетъ у нихъ вора (т.-е. вѣроятно своего крестьянина)[2]).

---

[1]) Собр. соч. p. 247.

[2]) Nob. Nicolaus testes sex producere debet ...hominibus de villis regalibus de Sokolnyky, Szyrawka et Slonka ...qui testimonium perhibebunt pro eodem, quod non defendit furem in villa Ostrozany hominibus de tribus villis regalibus iam expressis nec ipsum de stuba de eadem villa emisit. ...Akta gr. XIV, p. I.

Въ 1445 г. шляхтичъ Внучко de Кутня жалуется суду, что крестьяне *трехъ* владѣльческихъ селъ Лешники, Брежаны и Лапшино отбили у его familiares семь бѣглыхъ крестьянъ; ib. p. 175.

Cf. еще грамоту 1413 г. (на русск. языкѣ), разграниченіе селъ Покоссовцы и Блудники (Dodatek tygodniowy do Gaz. Lwowskiej 1852 г.) «а поколѣ ты то границы, по толѣ имет панъ Мирославъ и *слід примати и одгонити, поколі ему тотъ войчичъ вывил з старыми людми...*

Замѣтимъ, что села Солонка и Журавка сидѣли на русскомъ правѣ и, какъ мы видѣли выше, были заселены *ордынцами*.

Приведенные факты единственные[1]) изъ нами найденныхъ свидѣтельствъ о сохранившихся въ XV в. общинныхъ союзахъ въ Гал. Руси. Замѣчательно то, что эти свидѣтельства относятся только къ населенію земель королевскихъ и церковныхъ (православной церкви). Мы уже неоднократно видѣли, что старые русскіе порядки сохранились въ гораздо большей степени въ этихъ земляхъ, чѣмъ въ шляхетскихъ владѣніяхъ. Обстоятельство это нетрудно объяснить: королевскія и церковныя земли были несравненно обширнѣе шляхетскихъ (въ Гал. Руси преобладало мелкое шляхетское землевладѣніе) и менѣе разбросаны. Общинные союзы поэтому состояли здѣсь изъ селъ одного владѣльца, между тѣмъ какъ при мелкомъ шляхетскомъ землевладѣніи въ союзъ входили села разныхъ владѣльцевъ, что должно было нарушать интересы послѣднихъ. Съ другой стороны, русское право точно такъ же сохранилось въ большей степени въ земляхъ королевскихъ и церковныхъ, между тѣмъ какъ владѣльцы усердно переводили свои имѣнія на болѣе для нихъ выгодное право нѣмецкое или валашское.

Общинные союзы и копный судъ, какъ извѣстно, просуществовали въ юго-западной Руси до самого 18 в. и даже получили санкцію въ законодательствѣ (Литовскомъ Статутѣ всѣхъ трехъ редакцій). Но уже въ XVI ст. главной функціей копы было изслѣдованіе преступленій противъ чужой субственности и жизни въ предѣлахъ союза. Вообще, по замѣчанію проф. Иванишева, установленіе это въ XVI и XVII в. уже отжило свой вѣкъ, оно, какъ остатокъ древности, противорѣчило новымъ формамъ общественной жизни и должно было исчезнуть отъ расширенія власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ отъ постепеннаго возрастанія власти помѣщиковъ надъ крестьянами[2]).

Эти же причины разрушили уже въ XV ст. общинные союзы въ Галицкой Руси; такъ какъ введеніе администраціи и суда на польскій ладъ и доминіальная власть помѣщиковъ появились

---

[1]) Cf. еще слѣд. актъ: pro parte providi Szenkonis Royk de Pszarcze pro equo sibi Senkoni recepto furtive super Blonye *communitates quatuor* testificate sunt, videlicet de Post, Szan viceadvocatus cum communitate testificatus est, quod ipse equus est Szenkonis; similiter communitas de Blonye et eciam communitas de Subcastro et eciam comnnitas de Pszarcze sunt testificate, ipsum equum fuisse et esse Senkonis ipsius coloris sziwi, quem equum arestavit aput dyak de Lubaczew. A. gr. XIII, p. 570.

[2]) Собр. соч. р. 260.

здѣсь двумя столѣтіями раньше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ юго-западной Руси, то и паденіе общинныхъ союзовъ должно было произойти здѣсь гораздо раньше. Уже въ XV в. общинные союзы отжили здѣсь свой вѣкъ и кое-гдѣ только сохранились какъ жалкіе обломки давнопрошедшаго.

Кромѣ незначительныхъ намековъ на судебныя функціи древнихъ общинныхъ союзовъ, указанія на существованіе послѣднихъ можно видѣть въ частомъ появленіи *старцевъ*[1]) исключительно только по вопросамъ объ опредѣленіи спорныхъ границъ земельнаго владѣнія, и людей *обчихъ,* сосѣднихъ (obczi, ignoti, vicini, alieni, homines extranei)[2]).

Названіе *старцевъ,* какъ представителей общинъ, очень древнее: старцы выступаютъ на первыхъ страницахъ лѣтописи[3]). Въ смыслѣ наиболѣе почетныхъ членовъ общины это названіе задержалось въ юго-западной Руси еще въ XVI и XVII вв. Съ другой стороны члены копы называются въ актахъ XVI—XVII вв. нерѣдко сосѣди околичные, сосѣди суграничники, мужи обчіе[4]).

Въ случаяхъ спора изъ-за нарушенія границъ чужаго земельнаго владѣнія, на мѣсто выѣзжалъ король, староста, judices deputati или посланные королемъ или старостой чиновники съ понятыми земянами и вызывали съ обѣихъ сторонъ старцевъ. Число послѣднихъ не всегда опредѣлялось, но иногда указывалось — 2, 3, 4 съ каждой стороны[5]). Какъ кажется, приглашенные сторонами старцы принадлежали къ ближайшимъ окрестнымъ селамъ — такъ въ 1445 г. шляхтичъ Смолицкій жалуется на Мала Кочуница de Hlumpcza, запахавшаго его поле. Малъ предлагаетъ доказать старцамъ селъ Межиброды, Тыравы, Глумпча и Улича, что поле принадлежитъ ему[6]).

---

[1]) Въ латинскихъ актахъ они называются starcze, seniores, antiqui homines, aevio provecti, въ русскихъ иногда «свѣдомые старци» (A. gr. II, № 8, 78, 114). VI, № 12.

[2]) Встрѣчаемъ еще boni homines, добрые люди, A. gr. XII, p. 213, III, № 84. Въ латинскихъ актахъ въ большинствѣ случаевъ obczi (обчій) переводится homo extraneus, alienus, но иногда вѣрнѣе — vicinus, напр. volo edocere vathamano et homine extraneo et eciam hominibus vicinis, alias *opcsimi*, A. gr. XII, p. 276.

[3]) О старцахъ лѣтописныхъ см. наше изслѣдованіе «Вѣче въ Кіевской области».

[4]) Иваишевъ, l. c. p. 238.

[5]) Два amici и два старца съ каждой стороны. A. gr. XI, p. 446. 3 nobiles amici possessionati и 3 senes al. starcze съ каждой стороны, ib. XII p. 251. По 4 старца съ каждой стороны, ib. VIII, № 80.

[6]) A. gr. XI p. 260. Тыравы, Глумпча и Уличъ, какъ мы видѣли выше, жили на русскомъ правѣ и были заселены *оттыми.*

Или въ другомъ случаѣ, при опредѣленіи границъ имѣнія Сколошево, принадлежавшаго Перемышльской капитулѣ[1]), и имѣнія Замостье шляхтичей Замойскихъ выступаютъ старцы изъ двухъ селъ (Дуниковцы, Ляшки) предмѣстья Радимна и четвертый старецъ, мѣсто жительства котораго не указано[2]). Не есть ли это отголосокъ болѣе древняго времени, когда эти околичныя села составляли одно цѣлое, и поэтому члены общинъ и могли точно знать границы каждаго отдѣльнаго села? Опредѣленіе границъ при участіи старцевъ происходило съ извѣстными обрядами: старцы приводились судебнымъ приставомъ (ministerialis) къ присягѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ дѣлались межевые знаки: рвы, насыпи, нарѣзки на деревьяхъ („начосы“—обыкновенно въ формѣ креста). Приставъ четыре раза приглашалъ высказаться всѣхъ, имѣющихъ что-либо противъ указанныхъ границъ (ut si quis ad ea loqui deberet, loquatur). Если старцы не сходились въ своихъ показаніяхъ, то бросался жребій, и границы опредѣляла сторона, на которую падалъ жребій[3]).

Во многихъ другихъ случаяхъ требовалось непремѣнно свидѣтельство посторонняго, не принадлежавшаго къ общинѣ, человѣка. Самое названіе *обчій* (vicinus), какъ намъ кажется, даетъ намёкъ на эпоху болѣе древнюю, когда околичныя села были *обчими,* составляли одно цѣлое. Въ XV в., когда общинная связь селъ околичныхъ уже рушилась, и самое слово перемѣнило свое значеніе — въ актахъ XV в. *обчій* переводится обыкновенно alienus, ignotus, extraneus — съ распаденіемъ общинной связи селъ *свой*, сообщинникъ, сталъ теперь чужимъ.

Присутствіе *hominis obczi* непремѣнно требовалось при вызовѣ крестьянъ изъ одного села въ другое. Выходъ за крестьянина

[1]) Какъ видно изъ акта, Сколошево тянуло къ Радимну: bona Scoloschow ad Radimpna pertinentia. A. gr. VII № 80.

[2]) A. gr. VIII № 80.

[3]) Si autem senes non concordaverint, extunc ibidem in loco Zavissius et Stanislaus (стороны) sortes alias *losy* mittere debent, et cui prima sors cesserit, ille prestito iuramento vere et audaciter transsire poterit granicies faciendo. A. gr. XII, p. 390. Кромѣ уже указанныхъ случаевъ старцы упоминаются еще въ слѣд. актахъ: A. gr. II № 8, № 78, № 114. III № 84, IV № 91, VI № 12, VII № 35 и 34. XI p. 260, 446, XII p. 251, 312, 429. XIII 353 etc. XIV p. 66, 442, 477. О пріемахъ разграниченія см. особенно VII, № 63. См. еще Dodatek do Gaz. Lwowskiej, 1852 г. разграниченіе селъ Блудники и Пакоссовцы: бургграбій львовскій съ земланами и старыми людьми (въ другомъ мѣстѣ они названы «старожитными людьми») выводитъ границы.

Выводъ границъ по указанію старцевъ производится «secundum consuetudinem iuris communis» (т.-е. права обычнаго. A. gr. VII, № 35).

уплачивался всегда въ присутствіи *обчаго* человѣка, который и являлся важнѣйшимъ свидѣтелемъ въ случаѣ судебнаго спора по вопросу о правильности выхода крестьянина.

Люди обчіе, сосѣди (vicini) свидѣтельствовали также по спорамъ объ имущественномъ положеніи крестьянъ, или ихъ принадлежности къ тому или другому рязряду [1]).

По всей вѣроятности, въ болѣе раннее время, при существованіи общинныхъ союзовъ, всѣ члены союза отвѣчали другъ за друга круговой порукой. Въ XV ст. круговая порука еще сохранялась, главнымъ образомъ, въ предѣлалъ одной и той же общины [2]). Отъ старыхъ порядковъ осталось только названіе *обчихъ* людей, настолько непонятное редакторамъ судебныхъ актовъ, что обчій переводится въ нихъ безразлично то extraneus, alienus, alicuius, то vicinus. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ роли hominis extranei обязательно фигурировалъ nobilis [3]).

Если такимъ образомъ мы застаемъ древніе общинные союзы въ Гал. Руси XV в. уже въ періодѣ полнаго разложенія, то и самыя общины крестьянскія въ XV в. потерпѣли уже не мало уроновъ въ своихъ старинныхъ правахъ. Доминіальная власть владѣльца въ значительной степени сократила самоопредѣленіе общины.

---

1) A. gr. XII, p. 187. Habeo homines extraneos al. obcze, quia prius reclinaverunt ad Rosusch.

Ib. p. 402. Reclinatio in hora et tempore coram homine extraneo al. *przed opczym*; ib., p. 276..... volo edocere vathamano et homine extraneo et eciam hominibus *vicinis* al. *opczymi* quia predicti homines sunt illiberi al. calanny.

Въ другомъ актѣ шесть свидѣтелей разныхъ селъ подъ присягой показываютъ, что спорные люди не коланные и не ординцы, ib. p. 108—9 и 112. Въ Русской Правдѣ ст. 88 (Влад.-Будановъ, Хрест. p. 65) слѣдъ гонятъ «съ чюжими людьми и съ послоухы»

2) Встрѣчаемъ однако и въ XV в. круговую поруку нѣсколькихъ селъ по тѣмъ или инымъ дѣламъ. Такъ *князь* c. Szustwolkowye *со всѣми крестьянами*, тіунъ de Tegpiczow *со всѣми крестьянами*, крестьяне c. Oczowa, вицевойтъ c. Brzoska Wola даютъ круговую поруку старостѣ представить на его судъ крестьянина Костя de Wolkovya (A. gr. XVI, p. 4).

3) Jus affectare coram *nobili* extraneo, XII, p. 404. Reclinatio также происходило coram nobili et homine extraneo, ib. p. 403. При спутанности и неопредѣленности терминовъ въ актахъ, трудно часто бываетъ опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ обозначеній въ актахъ — такъ напр. часто не ясно, понятіе vicinus, относится ли оно къ членамъ той же общины, или обозначаетъ сосѣдей околичныхъ, членовъ сосѣднихъ (нѣкогда б. м. находившихся въ общинномъ союзѣ) селъ? Cf. XII, p. 78, гдѣ vicini, одинъ или два, должны показать количество повинностей, уплачиваемыхъ вышедшимъ крестьяниномъ; или *homines boni* должны опредѣлять, на чемъ сидѣлъ крестьянинъ, ib. 213.

Сохранившіяся еще въ XV в. общины на русскомъ правѣ находились подъ управленіемъ атамановъ и тіуновъ. Тіуны въ качествѣ управителей общинъ принадлежатъ еще княжескому періоду, атаманы появляются, кажется, только со времени татарскаго владычества на Руси[1]).

По разбросаннымъ въ разныхъ актахъ XV в. даннымъ можно составить себѣ слѣдующую картину компетенціи древнерусской сельской общины княжескаго періода: община имѣла значительную степень самоуправленія, сама выбирала своего представителя (атамана, тіуна) и, кажется, сельскаго священника, отвѣчала за своихъ сочленовъ круговой порукой, распредѣляла между своими сочленами общинныя земли, производила разверстку повинностей, судила взаимныя прерѣканія своихъ сочленовъ, выступала въ качествѣ отвѣтчика по дѣламъ, возникавшимъ между ея сочленами и третьими лицами, къ общинѣ не принадлежавшими.

Обломки этихъ довольно обширныхъ преимуществъ еще кое-гдѣ по мѣстамъ сохранились въ галицко-русскихъ общинахъ XV в. Такъ, напр., изъ одного акта видно, что галицко-русскія крестьянскія общины выбирали еще сами своихъ тіуновъ: подъ 1456 г. въ львовскія судебныя книги занесенъ актъ ввода во владѣніе им. Зухоржицы, заложеннаго Грицкомъ Кердейовичемъ Юрію Фридериковичу de Leopoli — крестьяне „ялися“ по Юрію и выбрали себѣ въ тіуны Пашка, сына Загайки[2]).

---

[1]) Слово атаманъ — тюркское; у татаръ *адаманомъ* назывался начальникъ пастуховъ, см. Хартахай, Ист. крымскихъ татаръ. «В. Евр.» 1866 г. Въ лит. лѣтописи читаемъ: ...а тии трии браты (князья татарскіе Хачебей, Кутлоубугъ и Дмитрій) отчичи и дедичи Подолской земли, а от них заведали *атамани* и боискаки, приежджчи от тихъ атамановъ имовали с Подольскои земли данъ. Уч. Зап. II отд. Ак. Н. I, p. 44.

Въ актахъ XV в. представители крестьянскихъ общинъ часто называются procuratores, officiales, но названіе атамановъ и тіуновъ сохранилось и въ XVI в., какъ видно изъ современныхъ люстрацій.

[2]) A. gr. XIV, p. 479 ...et kmethones ipsum Georgium susceperunt alias *iali ssye*, et iam Georgius prefatus est in tenuta et possessione ville Zuchorzicźe, et *Paschkonem filium Zahajkonis pro Thywno kmethones eis elegerunt*. Cf. лѣтописное «Възъвяглане же сольгаше Шварномъ, поемше тивуна, не вдаша ему тивунити». Ип. 555.

Обязанности тіуна такъ описаны въ одномъ актѣ: шляхтичъ Будзивой жалуется на шл. Чурила, принявшаго его бѣглаго кмета «qui homo sedebat aput ipsum (у истца) in una curia, als. *dworzissze*, et erat aput ipsum *thywunus* et habebat claves a curia, a bonis suis, et census suos exigebat et alios proventus a kmethonibus...» A. gr. XIII, p. 365.

Прямыхъ указаній на выборъ попа самою общиною мы въ актахъ XV в. не нашли, но обычай выбора священника прихожанами былъ настолько распространенъ во всей юго западной Руси, что мы, не колеблясь, относимъ его и къ Гал. Руси XV в. Сохранилось впрочемъ въ судебныхъ актахъ Львовской земли интересное дѣло, ясно указывающее, что община считала себя въ правѣ распоряжаться церковной собственностью и не допускать къ отправленію священнической обязанности лицъ, ей не угодныхъ. Подъ 1456 г. (30 апр.) въ львовскія гродскія книги заносится жалоба попа Врочевскаго на всю Врочевскую общину, кромѣ трехъ крестьянъ, оставшихся при попѣ, что крестьяне упомянутой общины отняли у него ключи отъ церкви, безъ вѣдома благочиннаго, тіуна и замковаго начальства (non requisito nec Ossyeja superiore popoue nec Thywno, nisi sua importunitate nec *dolszywschy sye iz (sic!) ursando)*. Замковый чиновникъ вмѣстѣ съ судьей подвергли по этому дѣлу допросу всѣхъ обвиняемыхъ крестьянъ. На вопросъ судьи и чиновника, почему крестьяне не даютъ попу ключей отъ церкви, крестьяне отвѣчали: „потому, что не хочемъ“, не давая, несмотря на неоднократныя требованія суда, другого объясненія своему поступку[1]).

Причина прерѣканій крестьянъ съ попомъ по акту не извѣстна, ясно одно, что община считала себя въ правѣ контролировать дѣйствія попа и удалять его отъ *своей* церкви.

Что община сама распредѣляла между своими сочленами общинныя повинности, доказательство этому, мы видимъ въ слѣд.: мы уже указывали на сохранившіяся въ Гал. Руси XV в. *сотни*. Изъ приведенной грамоты Мстислава Берестьянамъ видно, что сотня составляла одно цѣлое, платившее огуломъ извѣстную сумму повинностей (Мстиславъ налагаетъ на каждую сотню ловчее, состоявшее въ извѣстномъ количествѣ натуральныхъ повинностей). Далѣе мы указывали, что выходъ крестьянина изъ сотни могъ происходить при условіяхъ, если выходящій не былъ въ *числѣ*, т.-е. былъ лишнимъ противъ полнаго десятка. Мы думаемъ, что такое ограниченіе выхода принадлежитъ самой общинѣ — если повинности налагались на всю общину разомъ, то выходъ каждаго члена общины долженъ былъ нарушать существенно ея интересы, ибо одно и то же количество повинностей приходилось бы теперь раскладывать на меньшее число лицъ.

[1]) Akta gr. XIV, p. 475.

Существенное отличіе нѣмецкаго права отъ русскаго, кажется, и состояло именно въ томъ, что повинности раскладывались не на всю общину, которая уже сама распредѣляла сумму платежей между своими членами, соотвѣтственно ихъ имущественной правоспособности, а каждый крестьянинъ платилъ точно опредѣленное количество повинностей соразмѣрно величинѣ обрабатываемаго имъ участка. Изъ одного акта можно заключить, что точно размѣренныхъ участковъ въ селахъ Гал. Руси до появленія нѣм. права не было. Земли крестьянъ русскихъ общинъ были распредѣлены въ разныхъ мѣстахъ (sparsim modo Ruthenico), а не въ одномъ кускѣ, какъ въ поселеніяхъ на правѣ нѣм. (in una linea secundum ius Theutonicum)[1]).

Правда, еще въ XIV ст. мы встрѣчаемъ русскую земельную единицу — *дворище* (curia), но величина его не была такъ точно опредѣлена, какъ нѣмецкая земельная единица — ланъ. Дворищемъ, повидимому, назывался небольшой земельный участокъ, который могъ обработать одинъ человѣкъ (или одна семья).

Съ круговой порукой община выступаетъ во многихъ случаяхъ, выдавая аттестаціи въ хорошемъ поведеніи и доброй нравственности своего сочлена, заподозрѣннаго въ какомъ-либо дурномъ поступкѣ, ручаясь за представленіе въ судъ обвиняемаго въ какомъ-либо преступленіи, при чемъ въ той или другой формѣ принимаетъ на себя послѣдствія за неявку обвиняемаго, платитъ дикую виру, если не можетъ или не хочетъ выдать своего сочлена, обвиненнаго въ убійствѣ, и т. под.[2]).

---

[1]) A. gr. III, p. 52 (1378 г.). Львовскій мѣщанинъ Григорій Стехеръ жалуется Владиславу Опольскому «quia multa sustinuisset et adhuc sustinet incomoda, quia agr. ad suam willam Maly Wynik pertinentes, sitam in districtu Lemburgensi, non in una linea secundum ius Tewtunicum annexivum, sed secundum Rutenorum consuetudinem sparsim et particulatim sunt distincti.

[2]) A. gr. XI, p. 47, Strenuus Mathiasch terminum dedit kmethonibus de Hlumpza quod debent reum invenire, qui caudas abscit equis hominibus de Tyrawa, quatuordecim diebus post recessum D. Regis de Sanog, quod si non invenirent reum, extunc iurare tenebuntur super pueros ipsorum, in uxores, qui, pueros non habebunt.

Ib. p. 56, Venientes coram nobis Capitaneo kmethones de villa Olchowcze... exfideiubuerunt Chodor coniuncta manu cum XIIII pecoribus et duobus equis, prout fuerat pro furtu inculpatus ita, quod predicti fideiussores eundem Chodor, dum per dum Capitaneum fuerint requisiti, debent statuere, et si non statuerent, tunc domino Capitaneo decem marcas luent et condempnabuntur in eisdem.

Cf. ib. p. 60, coram nobis Capitaneo veniens Chodor kmetho de Olchowcze recognovit furtum, prout fuit inculpatus et dedit se nobis ad graciam nolens nobiscum in ius introire et petivit nos cum duabus marcis, quas ab eodem recepimus. ...et

Что касается судебной компетенціи общинъ на русскомъ правѣ, то на существованіе ея имѣемъ лишь намеки въ актахъ. Это и понятно, если принять во вниманіе, что даже о доминіальномъ судѣ мы могли собрать лишь самыя скудныя данныя въ актахъ общихъ судовъ. Характеристику доминіальнаго суда мы составили главнымъ образомъ на основаніи апелляцій истцовъ въ общіе суды. Рѣшенія общинныхъ судовъ, на которыхъ разбирались взаимныя претензіи сообщинниковъ (претензіи третьихъ лицъ къ членамъ какой-либо общины, какъ мы видѣли, разбирались въ судѣ доминіальномъ при бо́льшемъ или меньшемъ участіи общины), рѣдко выходили за предѣлы самой общины. Но если общины на валашскомъ правѣ не только въ XV, но и въ XVI ст. имѣли значительную судебную компетенцію, то такую же компетенцію должны были сохранять и общины на правѣ русскомъ. Если о дѣятельности русской общины сохранилось мало данныхъ, то это потому, что самыхъ общинъ на русскомъ правѣ въ XV в. было уже немного, благодаря широкому распространенію права нѣмецкаго и валашскаго, замѣнившаго въ старыхъ русскихъ общинахъ право русское.

Однако мы можемъ напр. указать на фактъ, гдѣ община русская разбираетъ такіе вопросы, какъ вопросъ о наслѣдствѣ[1]).

Такимъ образомъ, несмотря на новые порядки, несмотря на введеніе такого губительнаго для общинной свободы фактора,

---

presencia erat tota communitas ville Olchovcze, alias *gromada*, quia nos petivit cum duabus marcis.

Ib. p. 143, 173 (поручительство ольховецкихъ крестьянъ за своего сочлена въ уплатѣ денегъ), p. 273 communitas c. Костировичи (гдѣ была сотня) поручается въ представленіи старостѣ бѣглыхъ крестьянъ.

A. gr. XIV, p. 473, 498 (въ послѣднемъ актѣ община именуется *имиою*).

A. gr. XV, p. 343 Nob. Ванько Ладовскій обвиняетъ *громаду* с. Бататичи въ убійствѣ своего брата; громада присуждается къ уплатѣ 60 гр.

A. gr. XIII, p. 35. Yssakowczanye villani reposuerunt quinque marcas coram iudicio pro capite interfecti, vct. Byechun de villa Boraticz.

О круговой порукѣ у славянъ см. соч. И. М. Собѣстіанскаго («Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства», Харьковъ, 1888 г.).

[1]) A. gr. XVI, p. 120. Danyko, filius Radz de Costyrowcze cum suis pueris recepit omnia bona mobilia, vct. peccora et peccudes suorum puerorum a patruis ipsorum Andrea et Nyesch de Dobra ita, quod dicti pueri circa prefatos patruos nichil habent, nisi terciam partem hereditatis. Et sicut *communitas ville Dobra eandem hereditatem conspiciat,* ita ipsi patrui debent restituere prefatis pueris dum ad annos discretionis pervenerint. Община свидѣтельствуетъ переходъ имущества и другими способами, напр. покупку.

A. gr. XI, p. 473. Продажа корчмы въ присутствіи общины с. Костировичи.

какъ домніальная власть, сила обычая была такъ велика, что община продолжаетъ и при новыхъ порядкахъ жить по своимъ старымъ обычаямъ, и существованіе ея какъ цѣльнаго живаго организма во многихъ случаяхъ признается правительствомъ и судомъ[1]).

Поселенія на *валашскомъ правѣ* появляются весьма рано въ Галицкой Руси. Есть основаніе предполагать, что загадочные Болоховскіе князья XIII в., надѣлавшіе столько хлопотъ Даніилу Романовичу, были просто князья валашскихъ поселеній, переселившіеся въ Гал. Русь[2]). Отъ XIV ст. сохранилось нѣсколько

---

[1]) См. напр. A. gr. XVI, p. 283: Nob. Leonardus Jaszynsky constituit Andream minist. de Brzoszow et nob. Paulum de Pakosschowka, qui recognoverunt, quia dederunt intromissionem nobili Leonardo in villam remociorem Terpiczow iuxta inscriptionem in iure terr. et *mandaverunt communitati obedientiam.*

Ib. p. 365. Nic. al. Myhal minist. tonsus de Bukowsko recognovit quia prout fuit additus ad intromissionem terciam nob. Nic. Jaszyensky in villam Szyeumszowa nobilis Johannis Szyemuschowsky, quia sibi intromissio non est admissa tantum quod ipse Johannes *noluit protunc communitatem congregare, ut obedienciam sibi Jaszyensky prefate comunitati daret.*

Въ Кременецкомъ старостві существовалъ еще во второй половинѣ XVI в. громадскій судъ, разбиравшій дѣла «o szkody domowe we wsiach, paszniach y w lesiech, y iako też o wydarcie pszczol; не только крестьяне, но и попы и путные бояре обязаны были «się stanowic na wszystkich schadzkach, w gromadzie zebranych, nie excypuiąc się urzędem, ani władyką, a maią wszyscy spolnie winnego szukae. Lecz ktoby na pierszą, na drugą y na trzecią schadzkie nic stanął, ten ma temu uszkodzonemu wszystkie szkode jego nagrodzic, wedlug dowodu, a winę zlodziejską na jego k. mosc. według statutu trzy rublie gr. placic ma (Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 2, p. 113).

[2]) Мнѣніе такое было выставлено впервые о. Антоніемъ Петрушевичемъ. (Слово, 1887 г., см. статью Н. П. Дашкевича, Новѣйшіе домыслы о Болоховской землѣ, Кіевск. Унив. Изв. 1884 г., № 6). Другіе изслѣдователи то производятъ Болоховскихъ князей *отъ обособившихся галицкихъ* бояръ (Костомаровъ), то отъ разныхъ княжескихъ вѣтвей (Квашнинъ-Самаринъ, къ мнѣнію котораго въ послѣднее время присоединился Р. В. Зотовъ, О черниговскихъ князьяхъ, С.-Пб. 1892, p. 156. Мнѣніе Петрушевича, повидимому, не извѣстно Р. В. Зотову). Данныя о мѣстоположеніи Болоховской земли увеличились актомъ, изданнымъ М. А. Грушевскимъ: Къ вопросу о Болоховѣ, Чтен. въ Истор. Общ. Нестора лѣтописца, кн. VII; актъ, изданный г. Грушевскимъ, подтверждаетъ мнѣніе Н. П. Дашкевича, помѣщавшаго Болоховскую землю въ верхнемъ Побожьи и верхней Случи. (Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи, Труды III Археол. Съѣзда, т. II). Однако нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что нѣкоторыя изъ названій болоховскихъ городовъ въ лѣтописи (Ип. 526: Даныл же понна грады ихъ: Деревичь, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городѣцъ, Божьскій, Дядьковъ) встрѣчаются въ Львовской землѣ: такъ въ Жидачевскомъ повѣтѣ находимъ: Bolechow Ruthenicum и Bolechow Walachicum (A. gr. XV, p. 256, 258—9).

грамотъ разнымъ лицамъ на устройсто поселеній на правѣ валашскомъ. Въ XV в. мы уже находимъ въ Гал. Руси массу валашскихъ поселеній. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Гал. Руси, какъ напр. въ земляхъ Саноцкой и Самборской, едва ли не большинство поселеній жило на правѣ валашскомъ.

Было бы однако ошибкой утверждать, что поселенія на правѣ валашскомъ были заселены исключительно одними выходцами изъ Венгріи и Трансильваніи. Валашское право, какъ и нѣмецкое, привлекало разными своими удобствами и мѣстное населеніе. До насъ дошелъ любопытный актъ, рисующій способъ образованія новыхъ поселеній на валашскомъ правѣ. Правда, актъ этотъ принадлежитъ срединѣ XVI ст., но акты XV в. доказываютъ, что и тогда основаніе валашскаго поселенія происходило тѣмъ же порядкомъ. Актъ этотъ еще важенъ тѣмъ, что говорится о такихъ обычаяхъ валашскихъ поселеній, которыя, по сознанію самого составителя, въ XVI в. только доживали свой вѣкъ, практика ихъ принадлежала слѣд. періоду болѣе раннему.

Въ примѣчаніи приводимъ весь этотъ актъ въ оригиналѣ — это сказка люстратора Самборской земли 1568 г. Вотъ сущность этой сказки:

„Такъ какъ бо́льшая часть земли Самборскаго старостваа лежитъ въ горахъ, гдѣ не родятся озимые хлѣба, такъ какъ зима тамъ продолжается долго, и морозы наступаютъ рано, то большая часть селъ этого старостваа сидитъ на правѣ волошскомъ, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ближайшихъ (къ за́мку?) поселеній, не отбываетъ барщины, такъ какъ тамъ вслѣдствіе дурного качества земли нѣтъ фольварковъ; сѣютъ они овесъ, частью

Мѣсто его точно обозначено A. gr. VII, p. 127: in districtu Leopoliensi et territorio Zydaczowyensi post fluvium Szukyl. Губинъ находимъ въ Гал. землѣ (A. gr. XIV, p. 426: Hubyn et Manastyrska civitas cum castro). Для Деревичъ укажемъ созвучное — Darowicze, (A. gr. XIII, 3). Въ люстраціи Винницкаго староства упоминаются Болоховцы. (Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VII, т. I, p. 610 ...которые *Болоховцы* тамъ по тихъ селищахъ уходы даютъ имъ отъ того по 3 або по 4 гроши, того всего приходитъ имъ иногди о 4 копы грошей).

С. *Болоховцы* упоминается еще A. gr. IV, p. 74 (v. Bolochowcze и Raniewicze у р. Słonica; нѣр. теперь Bolechowcze, Bolechowicze, Bolochowcze, также Neudorf, пов. Дорогобужскаго).

Въ настоящее время есть еще с. *Bolochów* пов. Калускаго надъ р. Сивкой, притокомъ Днѣстра въ 2 м. отъ Калуши.

Bolochówka, Bolochowica или *Nigowska* потокъ, берущій начало у с. Bolochow, при соединеніи Сивки съ Великой.

Bolechow и Bolechow ruski (пов. Долинскій); см. Słownik geograf. Krol. Polskiego.

жито, повинности отбываютъ данью, овцами, свиньями; нѣкоторыя села возятъ дерево въ лѣсопильни, уголь въ бѣлильню, всѣ же обязаны чинить замокъ и возить къ нему дрова.

Въ поселеніяхъ, лежащихъ далеко отъ замка, устройство слѣдующее: каждая краина имѣетъ своего крайника, которому подчинены князья, въ каждомъ селѣ свой князь, которому подлежатъ крестьяне, сами уже наблюдающіе за распорядками въ поселеніи. Два раза въ годъ сходятся всѣ крестьяне этихъ поселеній на вѣче (zbory), изъ которыхъ первое бываетъ на Петра и Павла, называемое лѣтнимъ, другое въ день св. Мартына, называемое осеннимъ. Князья приносятъ слѣдуемые съ нихъ чинши и платы, тамъ происходитъ и судъ и собираютъ судебныя пошлины.

На этихъ судахъ засѣдаютъ подстароста и надворный судья, туда посылаемый, а апелляція отъ этихъ судовъ идетъ къ старостѣ. Для населенія эти собранія обременительны тѣмъ, что на нихъ сгоняютъ всѣхъ, хотя бы и не имѣющихъ на вѣчахъ никакихъ дѣлъ, и бѣдняки даромъ тратятъ время. Поэтому при старостѣ Старжеховскомъ не имѣющіе дѣлъ на вѣчахъ откупались 4 грошами за право не собираться на вѣча.

Крайники получаютъ съ каждаго, имѣющаго овецъ, по сыру. Старосты назначаютъ крайниками кого-нибудь изъ князей. Князья въ королевскихъ селахъ имѣютъ обыкновенно въ свою пользу по нѣсколько лановъ земли, панщину съ крестьянъ, коляды, коляціи, млыны, сукновальни, третью часть чиншевъ, идущихъ королю, дани съ овецъ, свиней; отъ колядъ и коляцій на Пасху и Рождество Христово иногда и отъ панщины крестьяне откупаются деньгами.

Король имѣетъ двѣ части чинша, величина котораго опредѣляется усмотрѣніемъ старосты. Придетъ крестьянинъ къ старостѣ съ просьбой дозволить ему при какой-нибудь рѣчкѣ осадить село и даетъ за это старостѣ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ злотыхъ, выговаривая себѣ при этомъ извѣстную часть земли (вольную отъ чинша), третью часть чинша, млыны, коляціи и т. п. Старосты на это охотно соглашались, такъ какъ не имѣли съ такихъ пустопорожнихъ земель никакихъ доходовъ, а тутъ по истеченіи лѣтъ воли пріобрѣтали неожиданные доходы. Старосты не заглядывали далеко въ будущее, выдавали имъ отъ себя грамоты, для которыхъ они потомъ добывали подтвержденіе изъ королевской канцеляріи.

Князья получали доходы тотчасъ, такъ какъ, разбивъ землю на участки, раздавали ее крестьянамъ, получая съ каждаго по

копѣ входной платы по обычаю. Крестьяне съ этого момента считали эти участки королевской земли за купленные ими у старостъ и распоряжались ими, какъ своими отчинами.

Чтобы скорѣе осадить поселеніе, князья выпрашивали у старостъ волю крестьянамъ на неопредѣленное число лѣтъ, и хотя должны были размѣрить землю на дворища, но величина послѣднихъ не одинакова, смотря по внесенной княземъ при основаніи поселенія платѣ. Поэтому одни дворища имѣютъ нормальную мѣру по 16 шестилоктевыхъ прутовъ въ ширину и 7 длей въ длину, другія по 32 въ ширину, хотя въ длину еще больше первыхъ (при лучшемъ притомъ качествѣ земли), третьи по 24. Поэтому въ эпоху управленія этой землей королевой Боной, туда были высланы ревизоры, которые однако не занялись переизмѣреніемъ дворищъ, а только повысили платы съ поселеній, при чемъ особенно увеличили платы тѣхъ селъ, въ которыхъ счетъ идетъ не по дворищамъ, а по дымамъ. Поэтому и вышло что держащіе четверти дворищъ несправедливо платятъ больше держащихъ по половинѣ дворищъ“ [1]).

[1]) Лит. Метр. IV B. № 22 (inventarz pożytkow starostwa Samborskiego). Fol. 3 обор.

O wsiach woloskich, pomiarze rol w nich, kniaziach, krainikach ich zborzech.

Jz grunth starosthwa Samborskiego maxima ex parte leży u gorach gdzie oziminy nierodzą, przeto iż zima długo trwa i prętko zamarza na jossien, thedy thyż więtsza częscz wszi w starostwie Samborskim iest woloskiego prawa, kothore wyiąwszy niektore blisze pol roboth powinne nieszą. Bo thez tam prze zloscz grunthu folwarkow przy nich niemasz, ieno szobie...*) arz owiesz, zytha troche a bydla, tho...**) mezi in omnibus odprawuią daninami, przy thym baranow, szwin, tramy też do pil, popiul do blechu niekthore powinne, a wszythkie poprawe zamku i drzewo do niego; w kothorych wszіach isz szą od dworu daleko odlieglie then porządek iesth, kazda krainia ma swego krainika, kothoremu parent kniaziowie, kazda wiesz kniazia, kthoremu parent chlopi, kothorzy tham iuż intra porząthku dogladaią. Pothem dwa razy w rok schodza szię do miastha wszyszczi liudzie s tych wszi na zbory, s kthorych yeden bywa o S. Pietrze, zową go iarni, drugi o S. Marczinie, zowa go ieszіennem. Tam przynoszą od nich kniazie czinsze y poplathki, thamze szadzy między nimi bywaią, winy na nie wydaią y wybiraią, o kothorych winach iesth nizei. Dosthawalo szię jednak thego starosthom niemalo, acz narzykali ze ye innentowano w inwentarzach krolia Iego Mczi, a przed szie szami niekthorzy daj dwie na lęk; sziadaią na thych ząda ch Podstharosczi, sedzia dworowy ku themu destinatus, a appellatia idzie do starosthy, w they mierze the obcziązliwoscz maią liudzie, isz chocziaj kthorzy nimaią spraw na sborze, przedszie wszythkie zapedzaią gdzie niebozetha thrawicz szie prozno musza, dla czego za P. Starzechowskiego dali byli raz czi czo spraw nimiely po 4 gr. aby ich niewypędzano na zbor. Krainiczy na szwoj urząd maią od kazdego czlowieka kthory owcze chowa po szerowy, usthawiaią starosthowie krainika kothorego s kniaziow.

*) Вырвано.

**) Вырвано.

Приведенная сказка люстратора XVI в. даетъ довольно вѣрное, хотя только внѣшнее описаніе строя валашскихъ поселеній. Акты XV и XVI ст. даютъ возможность значительно пополнить эту картину и представить нѣсколько болѣе точныхъ подробностей о функціяхъ и правахъ князей и общинъ, количествѣ повинностей, способѣ хозяйства и т. д. Къ своду этихъ данныхъ мы теперь и обратимся [1]).

Kniaziowie we wsziach krolia Iego Mczi pospoliczie maią po kilka lanow roli, robothy z liudzi, kolendy, kolacze, it. we wsziach mlyny, folusze, trzeczią częscz od czinszow. Kr. I. Mczi, dani od baranow, szwin, thakiez kolacze the y kolędy na Wielka nocz y Boże Narodzenie odkupuią od nich liudzie pieniądzmi, thakze czassem y robothy. A krol I. M. thylko dwie częsczi czynszow ma, czo w reste wszythko za laską Starosthow. Przyszedl chlop do Starosthy, prossil aby mu na kthorym pothoku dopusczil wiesz szadzicz, daiącz mu kilka szeth, a czassem y thysziącz zlothych, gdzie zaraz szobie wymawial the role, trzeczіny, mlyny, kolacze etc Starostowie niemiely przecz im bycz w them thrudni, poniewasz ze pożythki s thego niemieli iscz, a po wysziedzeniu woli po lath kilkanasczie kthorych doczekacz niespodziwaly szię. A thak czo się upieklo tho wkroili futura niedbaiącz, na czo iem dawali szwe listhy kthorych oni pothym confirmaty w Cancellarii dosthawali.

Kniaziom szie thez the zaraz placzilo bo rozmierzywszy rolie w nethki oszadczyzny s kazdego chlopa wzięli po kopie czo iuz iesth thak usitatum ze się o to nietarguią. Skąd chlopi iuz rolie the krolia I. Mczi maia za przedane szobie od kniaziow y handluią inemi między szobą iako szwemi dziedzicznymi.

A zeby thez thym rychliej byli mogli zwabiacz liudzie, thedy u starosthow upraszali yem wolie infiniti temporis, choczia mieli wszythkie rolie wymierzacz na dworzyscza, thedy chocziaj nomina dworzyscz congruunt, wielkoscz ich przed sie rozna wroszla, iako kthory na szadzeniu kniaz wielie pieniędzy dal.

Skąd uroslo ze w dworzyscza iedne idzie po 16 prętow sesczi lokiethnych w szerz, wdlug 7 dlej kthora miara iesth sprawiedliwa, drugie in duplo po 32 w szerz choczia wzdluz czassem więczy maią y choczia rolie liepsze, trzeczi po 24. Czo wiedząсz krolowa jej Mcz Bona za dzierzenia szwego wysłała była rewizory ku mierzeniu, alie oni dawszy pomiarowi pokoj, przyczin zgola nakladli na wszi, a poczeth nakladly thym więczej na thakowe wszi kthore iz idą nie rõne rol ale dymow. Stalo szie iz czi czo czwierczi dzierzą w niekthorych wsziach proportione więczej placza niż czi czo poldworzyscza, czo iest rzecz barzo niesluczna. Z starosth tyz niekthory protext stąd wziąwszy nad tho szila liudzi thą miarą wystraszali. A thak dobrzeby żeby szie liudzie w thym kiedy uspokoili, a zeby szie koniecz themu kiedy sthal. Iam miał wolią the iuz szam wszythko rozmierzycz by byli szniegi dopusczili. Bom zimie the revisią odprawial, aczby tho y obliką thylko szama, na miesczie odprawicz szie moglo, nieuiszaiącz possessorow rõne czego iednak postampili ultro wszi the, kthore wielką miarę po kilku zlothych, iako ktora chcziala kroliowi Iego Mczi hac conditione aby od dzierzawiecz daliej hoc in genere vexouani niebyli.

[1]) Вся ученая литература о поселеніяхъ на валашскомъ правѣ въ Польшѣ ограничивается почти двумя трудами гр. Al. Стадницкаго [1) O wsiach tak zwanych woloskich na pólnocnym stoku Karpat, Lwow 1848, и 2) O kniaztwach we wsiach

Уже Стадницкій поставилъ прямо вопросъ, какимъ по національности населеніемъ были заселены поселенія на валашскомъ правѣ въ предѣлахъ польскаго государства, пришлымъ ли, или туземнымъ? Другими словами, было ли валашское право только обычнымъ правомъ чужого, пришлаго населенія, или, имѣя финансово-экономическое значеніе, подобно праву нѣмецкому, представляло собою весьма удобную для владѣльцевъ систему сельскаго устройства, а потому, подобно праву нѣмецкому, вводилось въ села съ туземнымъ населеніемъ?

---

woloskich, z poglądem na wójtowstwa we wsiach na Magdeburskiem prawie oszadzonych, Dod. przy Gaz. Lwowskiej, 1853], хотя первыя болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ поселеніяхъ далъ извѣстный знатокъ польскаго и литовскаго права Ѳад. Чацкій. Стадницкій въ первомъ своемъ трудѣ подвергнулъ основательной критикѣ положенія Чацкаго, но онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи довольно незначительный матеріалъ и притомъ главнымъ образомъ лишь для XVI в.

Мы имѣли въ нашемъ распоряженіи болѣе значительный и болѣе разнообразный, чѣмъ Стадницкій, матеріалъ съ XIV—XVI в. Для XIV в. данныя (правда очень скудныя) заключаются въ грамотахъ на валашское право; для XV не мало, хотя и очень отрывочныхъ, данныхъ даютъ судебныя книги (замѣтимъ, что наибольшимъ обиліемъ данныхъ о валашскихъ поселеніяхъ отличаются саноцкія судебныя книги, въ остальныхъ влахи и валашское право встрѣчаются лишь спорадически). Для XVI в. крайне цѣнныя данныя даютъ люстраціи, особенно земѣль Саноцкой и Перемышльской (Лит. Метр. IV, В., 19); но наиболѣе цѣнный матеріалъ представляетъ люстрація Самборскаго староства (Лит. Метр. IV, В., 22), заключающая кромѣ описаній отдѣльныхъ селеній и ихъ повинностей и значительное количество ерекціонныхъ на валашское право привиллегій. Замѣтимъ притомъ, что люстрація Самборскаго староства по обстоятельности (особенно точно обозначены вездѣ топографическія данныя) лучшая изъ всѣхъ люстрацій 2-й половины XVI в. (Люстрація эта, кажется, была извѣстна Чацкому). Для XVI и XVII в. см. еще Regestr Złoczyńców grodu Sanockiego 1554—1638, изд. Ося. Бальзеромъ (Львовъ 1891). Насколько мало извѣстно у насъ валашское право, видно изъ того, что даже такой почтенный и основательный ученый, какъ М. Ф. Владимірскій-Буда новъ (Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ, р. 18), смѣшалъ валашское право съ нѣмецкимъ.

Въ XV ст. мы застаемъ валашскія поселенія въ слѣдующихъ мѣстахъ Черв. Руси: въ Саноцкой землѣ въ селеніяхъ: Одрѣхово, Шавно, Плова, Маковцы, Липпа, Бирча, Ольшаница, Лубно, Ясиска, Мишова, Пелгржимъ, Малая Стрѣлка, Загочино, Тырава Волоская, Мрохова, Ясеновъ, Прошекъ.

Въ Гал. землѣ: Олешье (тамъ русское и вал. право), Бичолки, Подгайцы, Марково (русское и вал. право), Рудники (нѣм. и вал. право), Подмихайлы, Подгродье, Чатники, Липица, Волчинецъ, Залиневъ, Буковно, Хомиково.

Перем. землѣ: Манова, Брилинчи, Чапле (тамъ 3 дворища на вал. правѣ).

Львовск. землѣ: Свирза, Ставно, Стрятинъ (?), Езовъ, Красовъ, Манастырь и Суходоль, Гиловъ, Сроки, Летневцы, Мокрочино, Дроговышъ, Симечь, Лозина, Ячище, Тарновиска, Зельче, Тучне, Кугайовъ, Кондратово, Стольскъ, Шорница (Зарница?), Турзинка (A. gr. XI—XVI).

Стадницкій утверждаетъ, что первые насельники поселеній на валашскомъ правѣ были дѣйствительно валахами. Хотя не всѣ доказательства Стадницкаго выдерживаетъ критику, но въ основѣ мысль его совершенно правильна — *первыя* поселенія на валашскомъ правѣ дѣйствительно были заселены валахами. Доказательствъ этому много, — главныя тѣ, что всѣ древнѣйшія привиллегіи на валашскія поселенія даются только валахамъ, и поселенцы валашскихъ поселеній именуются прямо валахами[1]).

Наконецъ наибольшее количество валашскихъ поселеній сосредоточивается въ пограничныхъ съ Венгріей областяхъ. Въ болѣе отдаленныхъ отъ Венгріи мѣстностяхъ валашскія поселенія встрѣчаются только спорадически.

Съ другой стороны несомнѣнно, что въ болѣе позднее время, въ XV и XVI в., валашское право, хотя и въ значительно меньшей степени, чѣмъ право нѣмецкое, стало распространяться и на поселенія не исключительно валашскія.

Этому могла способствовать съ одной стороны внутренняя организація валашскихъ поселеній съ ея общиннымъ характеромъ, сближавшимъ валашское право съ русскимъ, а поэтому привлекавшая и туземныхъ поселенцевъ; съ другой стороны роль князя валашскихъ поселеній, въ отношеніи къ владѣльцу, вполнѣ соотвѣтствовала роли нѣмецкаго солтыса. Валашское право представляло собою такимъ образомъ нѣчто среднее между правомъ русскимъ и правомъ нѣмецкимъ и удовлетворяло какъ крестьянъ, такъ и владѣльцевъ. Мы встрѣчаемъ однако случаи, когда населеніе съ валашскаго права добровольно переходило на право русское[2]). Это опять, таки могло случиться

[1]) Грамота Владислава Опольскаго Ладомиру *Волошину* на с. Годле поле, A. gr. VII, p. 22 (1377 г.) «to wse dalismy Ladomirowi saditi soło u wołoskoje prawo».

1402 г. Laczko *Walachus* продаетъ Перм. епископу свое имѣніе Близну въ Саноцкой землѣ (ib. p. 46).

Въ Przegl. Arch. I, p. 74 напечатана грамота Ягелла отъ 1387 г. Ивону и Бочку братьямъ *валахамъ*. Петрушевичъ замѣчаетъ, что если эта грамота и подложна, то все же она свидѣтельствуетъ о румынской колонизаціи въ Гал. Руси (румынскія названія урочищъ).

Грамота Ягелла 1391 г. Бенедикту, Стефану, Андрею и Мартыну de Lascky на с. Kolodnicza ...cum *pascuis Walachorum* (Лит. Метр. IV B. 9, p. 373).

Его же грамота 1399 Dragnio *Valacho* на с. Чолханъ (ib. p. 62).

Еще раньше упоминается Щепанъ *Волошинъ* Рыботицкій (1359, A. gr. VIII, № 3), с. Волоше 1373 г. (A. gr. VII, № IX).

См. еще Miklosich. Ueber die Wanderungen der Rumänen, Wien, 1879 (Denkschrift der philos. hist. Classe der Kais. Akad. der Wiss. Bd. 30).

[2]) A. gr. XIV, p. 413. ...Nob. Hedwigis... debet iurare cum testibus, quia homi-

лишь тогда, когда русское право было въ такихъ поселеніяхъ замѣнено валашскимъ, почему-либо не пришедшимся по вкусу населенію.

Наконецъ нѣкоторыя привиллегіи на валашское право прямо предусматриваютъ фактъ колонизаціи основываемаго на валашскомъ правѣ села русскими и даже поляками [1]).

Внутреннее устройство валашскихъ поселеній и основныя черты валашскаго *права* (права обычнаго) намъ, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстны. XVI в., эпоха, отъ которой намъ осталось наиболѣе свѣдѣній о валашскихъ поселеніяхъ [2]), есть уже эпоха разложенія стараго строя валашскихъ поселеній, фактъ, отмѣченный даже ревизорами 1568 г.

Собирая дошедшія до насъ немногочисленныя данныя о внутреннемъ строѣ валашскихъ поселеній, отмѣтимъ прежде всего ихъ общинный строй. Валашскія поселенія несомнѣнно имѣли какую-то общинную связь: нѣсколько поселеній въ одной и той же мѣстности составляли *крайну,* во главѣ крайны стоялъ *крайникъ*. Такихъ краинъ мы знаемъ нѣсколько. Такъ въ Саноцкой землѣ

---

nes... reclinati de bona voluntate subididerunt se *in ius Ruthenicum de iure Walachico et sedent ab anno in iure Ruthenico.* Cf. частые споры, на какомъ правѣ сидѣлъ названный крестьянинъ, русскомъ или валашскомъ. Споръ рѣшается показаніемъ крестьянской общины. Дѣло въ томъ, что владѣльцы вызывали крестьянъ очень часто съ русскаго права въ валашское, и обратно, что было противно общему постановленію, дозволявшему переходъ только съ извѣстнаго права въ такое же. Отсюда постоянные процессы. A. gr. XIV, p. 86, 58, 276, 305. Часто въ одномъ и томъ же поселеніи часть населенія жила по русскому праву, часть по валашскому, но въ такихъ случаяхъ жившіе по праву валашскому, по всей вѣроятности, были валахами. См. напр. A. gr. XII, p. 205 (с. Олешье), XIII, p. 203 (въ с. Цапѣ три дворища на правѣ валашскомъ).

[1]) ...admittimus... villam Polawa... ex cruda radice iure Valachico extirpandi erigendi fundandi hominibusque et kmethonibus *tam polonis quam ruthenis locandi*... Stadnicki, o wsiach woloskich, p. 48.

[2]) Стадницкій, имѣвшій дѣло почти исключительно съ документами XVI в., ошибочно принимаетъ время Сигизмунда I и Сигизмунда Августа за эпоху колонизаціи валаховъ въ Польшу. Въ XVI в. дѣйствительно основана масса поселеній на валашскомъ правѣ въ старостваxъ Саноцкомъ и Самборскомъ, но уже съ начала XV в. количество валашскихъ поселеній въ Саноцкой землѣ очень велико; мы уже указывали, что и въ XIV в. было основано не мало валашскихъ поселеній въ пограничныхъ съ Венгріей областяхъ. Обиліе новыхъ поселеній на валашскомъ правѣ въ XVI в. объясняется какъ заботами правительства (особенно королевы Вони) о колонизаціи края, такъ и политическими обстоятельствами въ Венгріи и Седмиградіи въ XVI в., имѣвшими результатомъ значительную эмиграцію славянскаго населенія въ предѣлы Черв. Руси.

была уже въ XV ст. крайна, такъ какъ упоминается крайникъ[1]). Въ началѣ XVI в. упоминается въ Саноцкой землѣ krajnik omnium villarum iuris Valachici Capitaneatus Sanocensis[2]).

Нѣсколько позже мы находимъ въ этой землѣ уже нѣсколько краинъ: такъ принадлежавшія Кмитѣ валашскія поселенія составляли Собненскую и Ольшаницкую краины; королевскія имѣнія на валашскомъ правѣ въ Саноцкой землѣ составляли крайну Стрвяжскую[3]). Въ Самборскомъ старостве мы застаемъ въ 1568 г. двѣ краины: Kraina Niestrzelczka изъ 24 селъ и Kraina Streiska изъ 27 селъ.

Въ чемъ состояла связь селъ, составлявшихъ одну краину, сказать трудно. Изъ сказки люстратора XVI в. мы узнаемъ, что всѣ селенія одной и той же краины собирались два раза въ годъ на общія вѣча, гдѣ происходилъ судъ въ присутствіи подстаросты и надворнаго судьи. Присутствіе офиціальныхъ чиновниковъ есть уже нововведеніе — правительственный контроль надъ правильностью суда. Самый же судъ происходилъ на основаніи обычаевъ валашскаго права. Въ судебныхъ книгахъ XV вѣка земли Саноцкой сохранилось нѣсколько протоколовъ judicii Valachorum. Изъ нихъ можно отчасти сдѣлать заключеніе относительно состава суда и дѣлъ, подлежащихъ его разбирательству.

Въ составъ суда входятъ воевода или каштелянъ, судья или подсудокъ, крайникъ, князья валашскіе, попы и другіе представители валашскихъ общинъ[4]). Засѣданія такого суда носятъ названіе termini Valachorum, termini castrenses iure Walachorum. Опредѣленнаго срока для такихъ судебныхъ сессій не было. На

---

[1]) A. gr. XI, p. 199, 206, 282, 313. Онъ находился въ с. Одрѣховѣ (Odrzechowa).

[2]) Stadnicki, o wsiach woloskich, p. 10, прим. 9. Крайникъ этотъ находился въ с. Шавно. Онъ упоминается и въ люстраціи 1565 (Иванъ крайникъ) Л. М. IV B., 19 p. 40.

[3]) Ibid. Но Саноцкая краина упоминается въ 1596 г. (Reg. zloczynczow, p. 120) Въ этомъ же собраніи документовъ упоминаются крайники — п. М. Гуменскаго (№ 29), крайникъ въ Уличѣ (№ 36), Шавнѣ (105). Крайникъ именуется иногда солтысомъ (№ 136 ... ja jestem soltys krajnik). Быть можетъ всѣ краины одной земли соединены были въ XIV в. подъ властью воеводы, т. к. въ актѣ 1390 г. въ числѣ свидѣтелей упоминается Dzurgius (Юрій) de Stupnicza Voywoda Walachorum (A. gr. VI, p. 4).

[4]) Akta gr. XI, p. 144, 199, 361, 375.

Akta gr. XIV, p. 359 (засѣданія такого суда происходятъ въ неопредѣленные сроки — 1 февр., 9 апр., 3 и 28 сент., 15 іюня).

Впрочемъ и у валаховъ угорскихъ судъ точно такъ же происходилъ въ присутствіи каштеляна, апелляція отъ него шла къ бану. Pič, Ulber die Abstammung der Rumänen. p. 156 пр.

нихъ рѣшались какъ дѣла, возникшія по иниціативѣ града (старосты), подлежавшія гродскому суду (воровство, изнасилованіе), имущественныя сдѣлки князей валашскихъ, разныя претензіи членовъ одной общины къ членамъ другой. Рѣшеніе суда происходило на основаніи обычаевъ валашскаго права. Пени по валашскому обычаю взимались скотомъ (овцами).

Однако подобныя судебныя засѣданія отличались отъ указанныхъ люстраторомъ XVI в. вѣчъ — въ первыхъ участвуютъ только князья и другіе представители валашскихъ общинъ, *вызванные* старостою въ судъ для постановленія рѣшеній на основаніи обычнаго валашскаго права[1]).

Это были *экстраординарныя* судебныя сессіи, между тѣмъ какъ люстраторъ говоритъ о нормальныхъ вѣчахъ *всѣхъ* крестьянъ валашскихъ общинъ въ опредѣленные сроки, два раза въ годъ.

---

[1]) A. gr. XI p. 170. Berylo *knyas* cum tota communitate de Odrzechowa fideiusserunt coniuncta manu Hain Przepiorczicz statuere coram domino Capitaneo ab hodie per octo septimanas, si non statuerent, tunc centum marcas subintrabunt.

Ib. p. 162. ...nos Capitaneus requisivimus prima, secunda, tercia vice totam communitatem de Proszek, si contra Johannem Scoda aliquam haberent esse culpam, que esset detrimentum sui honoris. Ibidem omnes stantes recognoverunt, quia nichil sinistri contra ipsum scirent neque haberent.

Ib. p. 153. Sentenciavimus, quod comunitas de Mrochowa Zambr et Onaczko et Sain civibus Sanocensibus III mensuras tritici et I mensuram brasei, mensuram tritici pro sexagena computando, et braseum pro una media marca, solvere ad quatuor septimanas. Et dominus Hriczko de ibidem fideiussit pro solucione pena trium marcarum.

Item idem communitas de Mrochow penam trium marcarum domino Capitaneo subintraverunt, quam eciam ds. Hriczko fideiussit sub pena trium marcarum.

Ib. p. 157. *O kawalecz role* inter Paulum Jassensky et Jurkonem Czeschicouicz. Si dominus Jassenski et comunitas alias *gromada* ibidem in Jassenow recognoscent, quod ad kmetonem domini Pauli ager idem *kawalecz* spectat, tunc Paulus habebit eundem, si vero non recognoscent, tunc ad dominum Jurkonem pertinebit.

Ib. p. 408. ...tota comunitas (de Jaszenow) comparendo sub iuramento debet recognoscere pro taberna ville prefate videlicet an taberna est constructa in loco comuni aut in loco Pauli Jaszensky.

Item pro agro thaberne comunitas ville prefate... sub iuramento recognoscere debet videlicet an agri nunc culti ad tabernam prefatam ab antiquo pertinent ad ipsam tabernam extunc eciam ad eandem comunem tabernam pertinebunt. Et si agri culti ad eandem tabernam sunt Johannis, extunc per eundem Johannem possidebitur (?).

Item flumen alias pothok inter Iaszonow et Bukowe decurrentes (sic) homines de Iaszonow et Bukowe debebunt transitum invenire ut aqua prefati fluminis absque dampno utriusque ville transiret et *pontem per ipsum flumen comunitas ville Iaszonow reparare debibil.*

Ср. еще ib. 398, 468.

Къ сожалѣнію, протоколовъ такихъ вѣчъ не сохранилось. Люстраторъ замѣчаетъ только, что сходки эти въ XVI в. обратились уже въ тягостную для населенія повинность, отъ которой оно откупалось деньгами.

По всей вѣроятности, на такихъ вѣчахъ рѣшались дѣла, общія для всей краины, разбирались взаимныя претензіи разныхъ общинъ, жалобы на князей и т. под.

Нѣсколько больше данныхъ сохранилось относительно компетенціи самихъ валашскихъ общинъ. Община отвѣчаетъ за своихъ сочленовъ круговою порукой, свидѣтельствуетъ о доброй нравственности сообщинниковъ, отвѣчаетъ по разнымъ претензіямъ сообща, рѣшаетъ споры о земельныхъ границахъ.

Община имѣетъ общественныя земли и распоряжается ими. Несетъ сообща извѣстныя повинности, сообща отбываетъ извѣстныя работы[1]).

Громада изслѣдуетъ преступленія, совершенныя въ предѣлахъ ея территоріи, преслѣдуетъ злодѣевъ, судитъ ихъ. Князь собираетъ громаду, посылая „знакъ“; такіе сборы происходили три раза по каждому дѣлу. Не явившійся на сборъ уже этимъ самымъ давалъ основанія заподозрить его участіе въ преступленіи. Тогда громада, если обвиняемый не могъ очистить себя отъ обвиненія, отступалась отъ него, обвиняемаго арестовывалъ князь, или крайникъ и представлялъ его въ гродскій судъ. Если же обвиняемому удалось доказать громадѣ свою невинность, то громада „стоитъ“ при своемъ сочленѣ и присягаетъ въ его невинности. Присягали, положивъ два пальца на голову обвиняемаго.

Если потерпѣвшій имѣлъ на кого-либо подозрѣніе, то давалъ солтысу четыре шеляга, а тотъ съ громадой долженъ былъ „трясти“ домъ обвиняемаго (обыскъ)[2]).

---

[1]) Regestr złoczynczów grodu Sanockiego, особенно №№ 88, 94, 129, 132, 136, 141. A. gr. XV, p. 355: Joh. Zyelonka. Minist. ter-Leop. recognovit, quia equitaverat ius affectarê isto die f. quarta cum labor. Kuszyma Popone de Suchodol super bona d. Andree Chelmiczski super homines ipsius Jvan, Jaczko, Tharas. Et idem officialis alias *knyasz* interrogatus per Ministerialem *si fiet hodie ius, respondit: debuit fore, sed homines dissipati sunt.*

[2]) Однако встрѣчаемъ случаи, когда громада постановляетъ рѣшеніе и приводитъ его въ исполненіе. Такъ ржепецкій князь жалуется «przed prawen gajnem zborowem» на Иваника изъ Прилукъ въ нанесеніи ему тяжелыхъ ранъ. По совокупности и другихъ преступленій «sołtysi i prawo gajne na zborze kazali go gardłem karać, iż kto na gardło czyje zasiada i krwie czyjej pragnie, ten gardło sam karan bywa; ktory zatem jest tu w Sanoku ścięt na instygacyą rzepieckiego. «Reg. zlocz.» № 23.

Такимъ образомъ судебная дѣятельность громады по уголовнымъ дѣламъ состоитъ главнымъ образомъ въ изслѣдованіи преступленій, нахожденіи виновнаго и представленіи его въ судъ. Окончательный разборъ дѣла, постановленіе рѣшенія и приведеніе его въ исполненіе принадлежитъ уже городскому суду[1]).

По люстраціи XVI ст.[1]) хотя поля раздѣлены на участки разной величины между отдѣльными крестьянами, и каждый вноситъ платы соразмѣрно своему участку, но тѣмъ не менѣе и вся громада платитъ огуломъ извѣстныя платы: за весенній и осенній сборы (первоначально натурой — сырами, рыбой, овцами, дичью, но въ люстраціи всѣ эти платы переведены уже на денежный чиншъ), за пустыя дворища, за поля, не раздѣленныя между отдѣльными крестьянами, за откупъ отъ работы и т. д.

Все это доказываетъ, что еще въ XVI ст. община имѣетъ значительную компетенцію, распредѣляя между своими сочленами извѣстныя платы и отчасти распоряжаясь и общинной землей. Люстраторъ XVI в. замѣчаетъ, что за внутренними распорядками въ отдѣльныхъ селеніяхъ слѣдятъ сами крестьяне.

О роли *крайниковъ* знаемъ очень мало[2]). Люстраторы XVI в. говорятъ лишь то, что крайникамъ подчинены князья, крайникомъ назначаетъ староста кого-либо изъ князей, и что крайники получаютъ по сыру съ каждаго, имѣющаго овецъ. Крайники засѣдаютъ въ судѣ на iudiciis Valachorum вмѣстѣ съ князьями и правительственными чиновниками, исполняютъ вмѣстѣ съ судебными приставами постановленія суда, участвуютъ въ опредѣленіи границъ селъ, входящихъ въ составъ ихъ краины[3]). Какъ

---

[1]) Люстрація Саноцкаго и Самборскаго старосты Л. М. IV, B., 19 и 22.

Люстраторы обозначаютъ часто неодинаковость размѣровъ дворищъ въ разныхъ селахъ и налагаютъ за обширныя дворища прибавочныя платы, но не распредѣляютъ ихъ на отдѣльныя дворища, а накладываютъ всю сумму прибавки на громаду, которая, вѣроятно, сама уже распредѣлала ихъ между своими сочленами.

[2]) Въ актахъ XV в. мы встрѣчаемся лишь одинъ-два раза съ крайниками.

A. gr. XI p. 313. Грицько Крайникъ вмѣстѣ съ князьями Шавна и Одрѣхова опредѣляетъ границы имѣній королевскихъ и сыновей шляхтича Матьяша.

Ib. p. 348. ...Cap. Sanocensis prefixit terminum M. dno. Vexillifero cum suis hominibus... cum eiusdem domini Capitanei *Krajnik* de Odrzechowa pro agnis censualibus alias pro *dan* pro castro Sanok dandis annuatim.

[3]) Stadnicki, O ws. wol. p. 10, пр. 9 ....Krajnik omnium villarum juris Valachici Capitaneatus Sanocensis una cum ministeriali terrestri Hajkowie de Olesowcze de Castro Sanocensi missi cum aliis multis regalibus hominibus steterunt defendentes parietem Regie Majestatis (дѣло о разграниченіи имѣній Sobień и Гочевъ 1519 г.).

Ib. p. 56. G. Elisabetha de Pleszowicze inhaerendo decreto iudicii Vallachici

далеко простиралась ихъ власть по отношенію къ населенію краины и князьямъ, сказать трудно на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ. Но едва ли однако крайнику принадлежало право смѣщать князей, такъ какъ во всѣхъ привиллегіяхъ на княжество валашскіе князья отвѣчаютъ только передъ владѣльцемъ или старостой, подобно нѣмецкимъ солтысамъ.

Гораздо больше данныхъ имѣемъ о роли и дотаціи *князей* валашскихъ поселеній. Въ привиллегіяхъ на княжество всегда точно указаны права, обязанности и доходы князя. Въ люстраціяхъ точно такъ же обстоятельно перечислены привиллегіи и доходы князей.

Люстраторъ Самборскаго Староства точно перечисляетъ дотаціи каждаго князя, а во введеніи, какъ мы видѣли, дѣлаетъ общій сводъ его привиллегій. Роль князя настолько сходна съ ролью нѣмецкаго солтыса, что первый очень часто именуется въ актахъ солтысомъ [1]).

У угорскихъ валаховъ князьями были какъ крестьяне, такъ и nobiles [2]). Въ Черв. Руси первыя привиллегіи на княжество выдаются точно такъ же какъ крестьянамъ, такъ и шляхтичамъ, встрѣчаемъ и поповъ въ роли князей [3]). Въ XVI в. солтыства и княжества уже стали скупаться шляхтичами и поэтому князьями очень часто появляются nobiles.

....petiit ut executionem decreti prefati officium faciat, ministerialem et *crainiconem* eidem iam ex nunc ad intromittendum in molendinum dicti Lechno addat.

Въ люстр. Самб. стар. (Л. М. IV, B., 22 p. 140 об.) встрѣчаемъ свидѣтельство крайника о дотаціи попа.

Въ люстр. Саноцк. стар. (Л. М. IV, B., 22 p. 40 об.) упоминается въ числѣ крестьянъ села Шавна Крайникъ Иванъ, несущій одинаковыя съ остальными крестьянами повинности (онъ же упоминается въ числѣ бортниковъ того же села). Крайникъ имѣетъ полицейскую власть въ предѣлахъ своей краины, арестуетъ преступниковъ, производитъ обиски, Reg. Zlocz. № 129, 136, 137. Споры между крайниками и князьями разбирались въ судѣ старостъ; A. gr. XI, p. 282.

[1]) Въ люстраціи Саноцкаго старости князь обыкновенно именуется солтысомъ, и его привиллегіи рѣдко обозначены. Въ описаніи одного села сказано однако, что солтысъ беретъ треть всѣхъ чиншевъ more aliarum villarum valachicarum.

[2]) Pič въ указанномъ сочиненіи. О валашскихъ князьяхъ существуетъ отдѣльное сочиненіе Kemeny, Knezen und Kneziate, напечатанное въ Magazin fur Siebenburg. Gesch. 1846, II, но мы знаемъ его лишь по цитатамъ Пича, Гунфальви, Дуликовича.

[3]) Stadnicki, O wsiach woloskich, привиллегія селъ Терновa высшей и низшей *nobili* Wassconi Gylnicki Poponi ritus Ruthenici, p. 34.

A. gr. XI p. 393. Дѣло между *батькомъ* и княземъ валашскаго селенія Шавно о княжествѣ.

1488 г. Nob. Chan de Kopistno obligavih *nobili* Wlassin knedz de Macowa tres kmethones in Kopistno in decem marcis. A. gr. XIII p. 65.

Дотація князя состоитъ какъ въ земельномъ надѣлѣ, такъ и въ разныхъ доходахъ съ крестьянъ; князь получаетъ обыкновенно отъ 2—4 (иногда до 6) дворищъ или лановъ, свободныхъ отъ чинша, иногда еще дозволеніе обработать лишнее дворище или ланъ, но съ такого участка nad prziwilejem князь обыкновенно платитъ чиншъ. Въ пользованіи князя находятся и земельные куски, обшары, оставшіеся послѣ раздѣленія княжества на дворища или ланы.

Князю предоставляютъ по привилегіи разныя угодья безплатно или за извѣстный чиншъ — млыны, сукновальни, корчмы, пруды, пастбища.

Князь можетъ осадить на своей землѣ загродниковъ, платящихъ обыкновенно незначительную подать, и ремесленниковъ, чинши съ которыхъ идутъ въ его пользу.

Самую существенную часть дотаціи князя составляютъ его доходы съ крестьянъ. Князю идетъ третья часть всѣхъ крестьянскихъ чиншей, третья часть судебныхъ пошлинъ, колядки (праздничныя приношенія отъ крестьянъ два раза въ годъ — на Рождество и Пасху) и наконецъ во всѣхъ привиллегіяхъ — панщина съ каждаго лана отъ 2—6 дней въ годъ въ рабочую пору (жатва и косьба).

Повинности князя состоятъ прежде всего въ военной службѣ, лично имъ отбываемой, иногда самъ другъ.

Князь не вполнѣ свободенъ и отъ денежныхъ платъ въ пользу владѣльца — онъ платитъ съ земли, которую имѣетъ nad prziwilejem, за сыры двухъ вѣчъ (почты, поклоны сборовые) стацію, нерѣдко за пользованіе разными угодьями.

Князь имѣетъ внутри громады административно-полицейскую власть. Онъ распоряжается рабочей силой громады (Reg. Zlocz. № 129), созываетъ громаду по разнымъ дѣламъ, входящимъ въ кругъ вѣдѣнія общины, арестуетъ преступниковъ, производитъ обыски въ домахъ подозрѣваемыхъ и т. д. (ib. № 89, 23; Akta gr. XV, p. 355).

Какъ и нѣмецкія солтыства, княжества или продавались владѣльцами князьямъ, или давались имъ безвозмездно за разныя услуги или просто съ цѣлью получить доходы съ пустующей земли.

Княжества давались обыкновенно въ наслѣдственную собственность. Князь могъ продать свое княжество, промѣнять его, дарить, вообще отчуждать всевозможными способами съ согласія владѣльца.

Съ нашей точки зрѣнія княжества представляютъ собою только право пользованія извѣстной частью доходовъ съ земли, отведенной подъ новооснованное или новоустроенное поселеніе — князь не собственникъ, а лишь usufructor своего княжества. Но князья считали себя однако собственниками своихъ участковъ, продавая отдѣльныя дворища и ихъ части крестьянамъ. Послѣдніе точно такъ же считаютъ купленные у князей участки своей полной собственностью и поэтому свободно ими распоряжаются.

Изъ перечисленныхъ нами правъ и обязанностей князя ясно сходство его роли съ ролью нѣмецкаго солтыса. Поэтому-то, какъ мы уже говорили, князь очень часто и называется солтысомъ въ актахъ. Стадницкій указываетъ на нѣкоторыя отличія правъ князя и солтыса — треть чиншей первому въ отличіе отъ шестой части втораго, колядки въ пользу князя[1]). Но разумѣется эти отличія не существенны, онѣ имѣютъ значеніе лишь для опредѣленія права, на которомъ сидитъ извѣстное поселеніе, если въ люстраціи упоминается солтысъ, и не обозначено право, на какомъ живетъ поселеніе.

Мы думаемъ, что главное отличіе солтысовъ отъ князей заключается не въ ихъ отношеніяхъ къ владѣльцу (они тождественны), не въ количествѣ идущихъ обоимъ платъ и повинностей съ населенія, а главнымъ образомъ въ роли того и другаго въ отношеніи населенія. Значеніе князя въ отношеніи населенія княжества, кажется, ниже роли солтыса въ нѣмецкихъ поселеніяхъ. Солтысъ знаетъ только своего пана, ему одному подчиненъ, имъ лишь судится. Князь кромѣ власти владѣльца подчиненъ еще (въ какой степени — мы не могли опредѣлить) власти крайника и отвѣчаетъ не только передъ судомъ владѣльца, но и передъ судомъ вѣча всей краины. Наконецъ сама валашская община имѣла повидимому гораздо бо́льшую компетенцію, чѣмъ община нѣмецкая. Люстраторы замѣчаютъ, что за внутренними порядками въ общинѣ наблюдаютъ сами крестьяне. Въ общинѣ нѣмецкой солтысъ является предсѣдателемъ суда выборныхъ (jurati, scabini), въ валашскихъ поселеніяхъ судъ, повидимому, производился всей общиной (представительства не знало древнеславянское вѣче).

Крестьяне валашскихъ общинъ сидятъ на отмѣренныхъ земельныхъ участкахъ, дворищахъ, величина которыхъ не вездѣ

[1]) Стадницкій впрочемъ и здѣсь не совсѣмъ правъ; не всегда князь получаетъ третью часть чиншей, иногда и шестую; см. напр. въ описаніи с. Шавно Самоцкой земли (Л. М. IV B. 19, p. 40 об. ...exclusa parte *sexta* sculteti.

однако одинакова[1]). Форма владѣнія дворищами и здѣсь семейно-общинная[2]).

Въ XV ст. семейно-общинная форма владѣнія дворищами еще преобладала, такъ какъ поселенцы валашскихъ общинъ сидятъ главнымъ образомъ на дворищахъ и полудворищахъ. Но въ люстраціяхъ XVI в. мы замѣчаемъ уже разложеніе этой формы: дробленіе дворищъ идетъ далеко; крестьянъ на цѣлыхъ дворищахъ уже сравнительно мало, большинство сидитъ на полудворищахъ, четвертяхъ и еще болѣе мелкихъ участкахъ. Повинности раскладываются уже на отдѣльныя части дворищъ, на отдѣльные дымы[3]). Даже подсѣдки и загродники платятъ подымное, хотя первые обыкновенно и не имѣютъ своихъ полей[4]).

Характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью. Особенность эта вытекала изъ спеціальнаго занятія валаховъ — скотоводства. Всѣ главныя повинности уплачивались баранами, свиньями, волами, сыромъ, разнаго сорта дичью (серны, зайцы). Въ XVI в. эти повинности переведены уже на деньги, но наименованіе повинностей осталось (pstraga, za sarne, za wolu, szer). Въ Самборскомъ старостве съ каждаго дворища платили

---

[1]) Не только въ разныхъ общинахъ, но и въ одной и той же общинѣ дворища бываютъ неодинаковой величины. Такъ напр. въ одномъ селѣ Самб. стар. кметы сидятъ неодинаково, какъ было за землянъ, и мѣры опредѣленной нѣтъ. Въ другомъ мѣра дворищъ неодинакова по 12 и 16 прентовъ. Л. М. IV B. 22.

[2]) A. gr. XI, p. 361. Hrisz Zinkowicz de Odrzechowa recognovit, quia habet in *bonis suis cum fratribus indivise* ducentas oves, quinque peccora cornuta, videlicet duos bowes et duas waccas et *Jalowiczą* et viginti scrofas, de quibus bonis debet domino Capitaneo dare partem fratris Clementis videlicet quartam partem bonorum quecunque habet.

Drogosch Dzeszathnik de Odrzechowa habet triginta owes *cum fratre suo indivise*, quarum owium domino Capitaneo medietatem, hoc est partem fratris sui, debet dare. Hricz Zincowicz de Odrzechowa habet in bonis *cum matre et duobus fratribus indivise* ducentas owes, quinque peccora cornuta videlicet duos bowes et duas waccas et Jalowicza et viginti scrofas, equum et *fruges in oreo*. De quibus bonis domino Capitaneo debet dare quartam partem, hoc est partem Clementis fratris sui.

[3]) Люстр. Самб. стар. IV B. 22 p. Людей 45, дымовъ 46, дворищъ 33¼ и 16 prętów. Двое платятъ за два подымья, такъ какъ прикупили къ своимъ полудворищамъ еще полудворище, на которомъ были подымья. Въ другомъ селѣ за овесъ, воловъ, коляду платятъ не съ ролей, а съ дыма.

[4]) Что подсѣдки имѣли свои дымы, видно изъ описанія одного села, гдѣ подсѣдки съ *дымами* отошли къ имѣнію шляхтича Оржеховскаго. Въ с. Винникахъ 6 рольниковъ а 7 дымовъ (7-е очевидно принадлежитъ подсѣдку, т. к. съ него плата только 2 гр., т.-е. одно подымное).

Подсѣдками часто являются сыновья при отцѣ, братья при братьяхъ.

за 4 барановъ 26 гр., за откупъ отъ панщины одинъ зл. 18 гр., за ягнятъ, сыръ, poprąg 5 гр. и подымнаго по 2 гр. Эта общая цыфра за вычетомъ подымнаго уменьшалась, смотря по величинѣ участка. Подымное (2 гр.) взималось полностью со всѣхъ. Итого въ большинствѣ случаевъ съ дворища по 2 зл. 21 гр. Кромѣ того, вся община (громада) складывается для общихъ платъ.

Исторія сельскихъ и городскихъ общинъ на *нѣмецкомъ правѣ* въ Польшѣ значительно уяснена трудами русскихъ и польскихъ ученыхъ [1]). Хорошія и дурныя стороны нѣмецкаго права довольно вѣрно намѣчены уже въ общихъ чертахъ.

Нѣмецкое право, какъ и право валашское, „было въ Польшѣ сначала правомъ колоніальнымъ, но потомъ оно распространилось не столько черезъ колонизацію, сколько чрезъ усвоеніе нѣмецкаго права польскими деревнями и городами, и стало отечественнымъ польскимъ правомъ“ [2]).

Причины необычайно быстраго распространенія нѣмецкаго права въ Польшѣ заключаются главнымъ образомъ въ тѣхъ финансовыхъ выгодахъ, которыя оно приносило землевладѣльцамъ. Картину этихъ выгодъ въ такихъ словахъ рисуетъ одинъ изъ выдающихся польскихъ ученыхъ [3]): „удалось шляхтичу получить привиллегію на устройство поселенія на правѣ нѣмецкомъ, и вотъ является устроитель поселенія (Zasadzca), покупающій вмѣстѣ съ тѣмъ за нѣсколько гривенъ, или даже нѣсколько десятковъ гривенъ, солтыство у владѣльца. Вотъ уже первый значительный доходъ владѣльца. Одновременно съ этимъ составляется и договоръ владѣльца съ солтысомъ, въ которомъ обозначены

[1]) Лучшій трудъ по этому вопросу принадлежитъ М. Ф. Владимірскому-Буданову (Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ. С.-Пб. 1868). Рецензія на этотъ трудъ принадлежитъ А. И. Павинскому (Отчетъ о тринадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, С.-Пб. 1872).

Изъ трудовъ польскихъ ученыхъ отмѣтимъ соч. М. Бобржинскаго (O założeniu sądów wyższych prawa niemieckiego na zamku krakowskim, Rozprawy i sprawozdania Wydz. hist. filoz. Akad. umiejętn. Krak. 1875. и отдѣльно). Fr. Piekosinski, o sądach wyszych prawa niemieckiego w Polsce (Rozpr. i spraw. wydz. hist. filoz. Akad. umiejętn. т. 18). Статья L. L. O Sołtysach w Polsce (Bibl. Warsz. 1843). R. Roeppel, Ueber die Verbreitung des Magdeb. Stadtrechts im Gebiete des alten polnischen Reichs. См. еще Кавелина, Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ (П. собр. соч. т. 2). Siegfr. Hüppe, Verfassung der Republik Polen. Berlin 1867., p. 169—211. См. еще указанныя выше статьи Руммлера, о солтысахъ въ Великой Польшѣ и статью O. Бальзера, Reformy społeczne i polityczne konstytucyi trzeciego maja. Krak. 1891.

[2]) Нѣм. право въ Литвѣ и Польшѣ, p. 3—5.

[3]) Fr. Piekosiński, l. c. p. 7, см. также Нѣм. право въ Л. и П. p. 17—18.

условія поселенія, количество лановъ, назначенныхъ для него, права и обязанности солтыса, права и обязанности будущихъ поселенцевъ, устройство суда, способъ взиманія десятины и ея размѣръ... Затѣмъ наступаетъ вымѣръ лановъ, отведенныхъ подъ новое поселеніе. Извѣстное число лановъ отводится въ безплатное пользованіе солтыса, нѣсколько лановъ подъ общій выгонъ (скотница), нѣсколько лановъ подъ церковь. Остальные ланы составляютъ надѣлъ будущихъ поселенцевъ. Около половины XIV ст. чиншъ съ лана равнялся 12—24 гроша, денежная десятина отъ половины до $^1/_2$ чинша, чаще всего 12 гр. (ferto). Но такъ какъ земли, отведенныя подъ новое поселеніе, требовали часто значительнаго труда, прежде чѣмъ могли давать доходъ поселенцу (напр. корчеванія), то поселенцамъ обыкновенно давалось извѣстное число лѣтъ „воли“, свободныхъ отъ всякихъ платъ въ пользу владѣльца или солтыса.

Извѣстное количество небольшихъ земельныхъ участковъ (загродъ) отводится еще ремесленникамъ (пекарямъ, шевцамъ, ковалямъ).

Солтысъ судитъ населеніе вмѣстѣ съ семью выборными лавниками на основаніи нормъ нѣмецкаго права. Съ такого суда, въ пользу солтыса идетъ треть судебныхъ сборовъ. Но кромѣ того въ его пользу идетъ шестая доля всѣхъ крестьянскихъ чиншей, доходы съ лавокъ, мельницъ, прудовъ, иногда еще съ бортныхъ угодій, право охоты въ лѣсахъ и т. д. За все это солтысъ обязывается, смотря по размѣрамъ солтыства, сопровождать пана, въ походахъ самолично, или съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ на его счетъ ратниковъ, ѣздить по порученіямъ пана, и т. п.

Такимъ образомъ съ устройствомъ поселенія на нѣмецкомъ правѣ выигрывалъ прежде всего владѣлецъ, получавшій съ пустовавшихъ дотолѣ участковъ разнообразные доходы, а въ лицѣ солтыса пріобрѣтавшій важнаго въ разныхъ отношеніяхъ помощника. Если въ локаціонной привиллегіи были обозначены дни крестьянской барщины, то владѣлецъ, обрабатывавшій до того лишь небольшіе участки съ помощью дворовой челяди, могъ теперь расширить свое фольварочное хозяйство.

Выигрывалъ съ нѣмецкимъ правомъ и крестьянинъ. Съ своего лана онъ платилъ лишь чиншъ владѣльцу, церковную десятину, небольшую государственную подать (съ 1374 въ размѣрѣ 2 грошей съ лана), складывался съ своими сосѣдями на два обѣда въ пользу пана или его урядника, пріѣзжавшаго на такъ называемый indicia magna, и иногда отбывалъ нѣсколько дней въ году

барщину въ пользу владѣльца. Судъ былъ на мѣстѣ; крестьянина не влачили въ гродъ, не обирали гродскіе урядники; его судилъ солтысъ съ выборными сосѣдями; въ такомъ судѣ никому не было интереса притѣснять крестьянина, такъ какъ и солтысъ и владѣлецъ, были заинтересованы въ томъ, чтобы крестьяне оставались на мѣстѣ, а не покидали вслѣдствіе притѣсненій своихъ лановъ.

Положеніе солтыса, какъ въ матеріальномъ, такъ и общественномъ отношеніи, было весьма заманчиво. Солтысъ имѣлъ разнообразные, и иногда значительные, доходы съ своего солтыства и, благодаря исполненію воинскихъ обязанностей, пользовался привилегированнымъ положеніемъ въ обществѣ: за голову солтыса платилась большая вира, чѣмъ за голову кмета.

Наконецъ отъ нѣмецкаго права получали выгоды и тѣ, кто ничѣмъ, или очень малымъ, участвовали въ основаніи такихъ поселеній — государство и церковь. Церковь пріобрѣтала значительный доходъ въ церковной десятинѣ съ пустовавшихъ дотолѣ участковъ.

Государство точно такъ же выигрывало въ отношеніи экономическомъ, получая доходы какъ отъ новоразработанныхъ участковъ, такъ и отъ промысловъ и торговли въ городахъ, развившихся значительно съ нѣмецкимъ правомъ.

Наконецъ поселенцы на правѣ нѣмецкомъ, менѣе стѣсненные въ своей дѣятельности, чѣмъ крестьяне, сидѣвшіе на правѣ польскомъ, имѣли данныя для бо́льшаго развитія въ отношеніяхъ умственномъ и общественномъ[1]).

Таковы свѣтлыя стороны нѣмецкаго права, весьма удачно, по нашему мнѣнію, отмѣченныя польскимъ ученымъ.

Обратную сторону медали рисуетъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ М. Ф. Владимирскій-Будановъ. Уважаемый ученый пришелъ въ этомъ трудѣ къ слѣд. выводамъ: „Нѣмецкое право ослабило княжескую власть, сообщивъ княжескія права землевладѣльцамъ и землевладѣльческія права княжескимъ чиновникамъ, а именно: а) нѣмецкое право отняло у князей финансовыя права и право на повинности, и б) отняло у князей судебную и административную власть, передавъ ее сначала войтамъ, потомъ землевладѣльцамъ, старостамъ и общинамъ.

---

[1]) Мы передали лишь въ краткихъ словахъ содержаніе изложенія г. Пѣвосинскаго, вибирая изъ этого изложенія главнымъ образомъ тѣ общія черты, какія мы сами провѣрили по актамъ.

Нѣмецкое право водворило новыя юридическія и экономическія отношенія между землевладѣльцами и крестьянами: а) лишило крестьянскую общину самостоятельнаго управленія и суда, б) введеніемъ частнаго хозяйства понизило положеніе свободныхъ поселенцевъ сначала до положенія прикрѣпленныхъ къ землѣ цензуаловъ, а потомъ до положенія крѣпостныхъ, въ смыслѣ позднѣйшаго крѣпостного права“ [1]).

Мы не имѣемъ ни намѣренія, ни возможности, подробно разбирать здѣсь выводы почтеннаго ученаго. Замѣтимъ однако, что принять ихъ возможно только съ извѣстными ограниченіями: 1) нѣмецкое право, какъ уже замѣчено рецензентомъ труда М. Ф.[2]), не было единственною причиною ослабленія княжеской власти въ Польшѣ. Нѣмецкое право было въ этомъ отношеніи только факторомъ въ ряду другихъ причинъ, лишившихъ княжескую власть ея прежняго значенія[3]).

Точно такъ же не одно нѣм. право понизило положеніе крестьянскаго сословія; закрѣпощеніе низшихъ слоевъ общества зависѣло въ Польшѣ отъ многихъ причинъ, а прежде всего (на что указываетъ впрочемъ и самъ авторъ) отъ способа отправленія военной повинности, принятаго въ Польшѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что нѣмецкое право представляло весьма удобную форму для развитія зависимыхъ отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу.

Первыя попытки введенія нѣмецкаго права въ поселенія Черв. Руси принадлежатъ послѣднему князю всей Малороссіи Юрію Болеславу. Отъ его времени сохранилась впрочемъ всего одна грамота на нѣмецкое право городу Саноку. Въ числѣ свидѣтелей упоминаются войты de Bahna, de Varsov, de Sywicz[4]).

---

[1]) l. c. p. 299. Выводы автора по отношенію къ значенію нѣм. пр. въ исторіи городовъ Рѣчи Посполитой будутъ изложены въ 3-й главѣ.

[2]) См. указанную рецензію А. И. Павинскаго.

[3]) Освобожденіе отъ право суда надъ крестьянами давалось духовенству и свѣтскимъ лицамъ и помимо нѣм. права, см. напр. A. gr. II № 2. Проф. Владимирскій-Будановъ дѣлаетъ, правда, важное замѣчаніе, что кромѣ болѣе широкаго объема привиллегій, грамоты на нѣм. право тѣмъ существенно отличаются отъ жалованныхъ, что первыя мало-по-малу обращаются въ *право*, вторыя же составляютъ *исключеніе изъ права* (p. 23). Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ большія основанія думать, что привиллегіи шляхтѣ и духовенству и помимо нѣм. права имѣли наклонность обратиться въ норму.

[4]) Напечатана у Реппеля: Ueber die Verbreitung des Magdeb. Stadtrechts; p. 281. Подлинность грамоты подтверждается судебнымъ дѣломъ, сохранившимся въ Саноцкихъ судебныхъ книгахъ подъ 1439 г. (Akta gr. XI, p. 161). Въ спорѣ о Саноцкомъ

Впрочемъ едва ли можно думать о сколько-нибудь широкомъ распространеніи нѣмецкаго права при этомъ князѣ.

Болѣе значительное распространеніе въ Гал. Руси получаетъ нѣмецкое право со времени польскаго владычества. Казимиръ вводитъ нѣмецкое право во многихъ городахъ (Львовъ, Санокъ, Ясліска, Кросно) и селахъ (Ровно, Чергова, Грицова воля, Близна, Вишня[1]).

При преемникахъ Казимира нѣмецкое право широкой волной распространяется съ запада на востокъ. Однако, не имѣя возможности дать точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ поселеній на нѣмецкомъ правѣ въ Гал. Руси къ концу XV в.[2]),

войтовствѣ между Петромъ, саноцкимъ войтомъ, и вдовой Пелки Юрговицкаго, первый, по рѣшенію суда, долженъ представить privilegium domini ducis Georgii per dominum regem confirmatum. Однако въ грамотѣ Казимира Саноку на право нѣмецкое нѣтъ упоминанія о грамотѣ Юрія (A. gr. III, № 15, отъ 1366 г.).

Нѣмцы по городамъ появляются впрочемъ въ Гал. Руси значительно раньше времени Болеслава-Юрія; ихъ застаемъ тамъ во времена Даніила; основавъ Холмъ, Даніилъ призываетъ туда «прихожаѣ, *Нѣмци* и Русь, иноязычники и Ляхи». (Ип. 558); назначенный наслѣдникомъ Владимира Васильковича, Мстиславъ «созва бояры Володимѣрьскыя брата своего и мѣстичѣ Русции и *Нѣмци*, и повелѣ передо всими чести грамоту братну...» ib. p. 596. Смерть Владимира Васильковича оплакивали „*Нѣмци* и Сурожьцѣ и Новгородци и Жидове“ (ib p. 605). Нѣмцы по городамъ вѣроятно составляли отдѣльную общину, имѣвшую самоуправленіе и своего войта. На это указываетъ грамота Казимира 1352 г. дѣтямъ «condam Matthie bone memorie advocati Lemburgensis»; король подтверждаетъ имъ владѣніе землей, пожалованной дѣду ихъ, Бертольду, «olym advocato Lemburgensi» княземъ Львомъ (A. gr. II, № 1). Между тѣмъ ни въ грамотѣ Казимиру Львову на нѣмецкое право, ни въ его же грамотѣ Саноку нѣтъ упоминанія о существованіи въ этихъ городахъ нѣмецкаго права до того. Это обстоятельство мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что Левъ и Юрій-Болеславъ дали право самоуправленія *только нѣмецкимъ общинамъ* Льва и Санока, между тѣмъ какъ Казиміръ распространилъ нѣмецкое устройство *на всю городскую общину* этихъ городовъ.

[1]) См. A. gr. VIII, № 1, 2, 4, 6, 7, 8. Cod. dipl. Pol. min. III, № 812.

[2]) Въ общихъ чертахъ движеніе, если не нѣмецкой колонизаціи, то основанія поселеній на правѣ нѣмецкомъ разсмотрѣно въ указанной выше статьѣ Реппеля; но этотъ ученый пользовался главнымъ образомъ данными, собранными въ соч. Starożytna Polska Балинскаго и Линиискаго. Со времени выхода этого труда (1843—46) количество данныхъ для рѣшенія этого вопроса правда значительно увеличилось (рядъ актовъ въ Akta grodzkie, матеріалъ, собранный въ изданіи Słownik geograficzny Król. Polskiego, новое, дополненное изданіе Starożytna Polska, 1885 г. и пр.), но для статистическихъ выкладокъ этого матеріала все же недостаточно. Впрочемъ нѣкоторые выводы мы можемъ сдѣлать изъ люстрацій королевскихъ земель XVI в. (разумѣется, однако, что выводы эти и имѣютъ лишь значеніе для однихъ королевщизнъ). Въ королевскихъ земляхъ Саноцкаго и Самборскаго староства преобладаютъ поселенія на правѣ валашскомъ; такъ въ Самборскомъ стар. болѣе 60 поселеній на правѣ валашскомъ, и только 6 на правѣ нѣмецкомъ. Въ землѣ Львовской

и оставляя въ сторонѣ многіе вопросы въ исторіи нѣмецкаго права въ Гал. Руси, ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями, сдѣланными нами при изученіи находившагося у насъ матеріала:

1) Въ поселеніяхъ на нѣмецкомъ правѣ въ Гал. Руси преобладаетъ форма устройства по магдебургскому праву.

2) Нѣмецкое право чаще вводится въ ново-основанныя поселенія, чѣмъ въ поселенія старыя, живущія на правѣ русскомъ или валашскомъ.

3) При Ягеллѣ нѣмецкое право дается нерѣдко только католикамъ, вслѣдствіе чего въ одномъ и томъ же поселеніи нерѣдко часть населенія пользовалась правомъ нѣмецкимъ, а другая часть русскимъ или валашскимъ[1]).

4) Русское населеніе старыхъ поселеній неохотно принимало новое устройство на чужомъ правѣ, возставая иногда противъ попытокъ землевладѣльцевъ перевести его съ права русскаго на право нѣмецкое[2]).

5) Наибольшее распространеніе имѣетъ нѣмецкое право въ центральныхъ областяхъ Черв. Руси — земляхъ Львовской и Перемышльской; оно ослабѣваетъ въ направленіяхъ къ востоку и юго-западу отъ этихъ земель.

6) Послѣдній фактъ можетъ быть объясненъ бо́льшимъ стремленіемъ шляхетскаго сословія въ центральныя, наиболѣе выгодныя въ экономическомъ отношеніи, части Черв. Руси, а соотвѣтственно этому и болѣе частымъ обмѣномъ земельной собственности въ этихъ земляхъ.

7) Развитіе фольварочнаго хозяйства находится въ значительномъ соотвѣтствіи съ развитіемъ нѣмецкаго права[3]).

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи крестьянства является вопросъ о правѣ крестьянъ на владѣніе землею. Вла-

---

на 47 поселеній — нѣмецкихъ 7, въ Галицкомъ стар. на 40 слишкомъ поселеній одно на правѣ нѣмецкомъ, 6 на правѣ валашскомъ. Въ Теребовльскомъ стар. нѣтъ поселеній на правѣ нѣмецкомъ.

[1]) A. gr. II. № 33 — только поляки, нѣмцы и католики будутъ пользоваться нѣмецкимъ правомъ; тоже № 20. IX, № 15 (схизматики не пользуются нѣмецкимъ правомъ). Подобное ограниченіе встрѣчается въ эрекціонныхъ грамотахъ имѣній королевскихъ, духовныхъ и частновладѣльческихъ.

[2]) См. выше, p. 159, пр. 4.

[3]) cf. A. gr. XIV, p. 136 и 138 жалобу крестьянъ им. Ставчаны на архіепископа— fecisti allodia de nostris curiis et agris et locasti *obpoczalesz* nos ad jus Theutunicum.

дѣли ли крестьяне землею на правѣ собственности, или представляли собою только наслѣдственныхъ чиншевиковъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ и за пользованіе ею отбывавшихъ разнаго рода повинности?

Рѣшить этотъ вопросъ для времени княжескаго періода весьма трудно. Однако мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что масса крестьянская до XIV в. владѣла землею на правѣ личной или общинной собственности, въ послѣднемъ случаѣ конечно съ тѣми ограниченіями, какія вытекали изъ общиннаго (семейно-общиннаго или территоріально-общиннаго) землевладѣнія.

Вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи сильно запутывается съ XIV ст., со времени перехода Черв. Руси подъ власть Польши. Юридическимъ владѣльцемъ всей земельной территоріи является теперь король. Къ нему отходятъ всѣ, какъ общинныя, такъ и частныя земли. Мы видимъ однако, что король утверждаетъ многихъ старыхъ землевладѣльцевъ въ правѣ собственности на землю, придавая лишь этому утвержденію характеръ новаго пожалованія. Раздаются массами земли на разныхъ правахъ — полной собственности, владѣнія доживотнаго, записи за долгъ, держанія и т. д. — разнымъ новымъ владѣльцамъ. Городскія общины точно такъ же утверждаются въ земельномъ владѣніи, или получаютъ новые участки въ общинное владѣніе.

Приведенные въ первой главѣ факты доказываютъ, что многіе мелкіе землевладѣльцы утверждались въ своемъ земельномъ владѣніи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда права ихъ на шляхетство были весьма сомнительны.

Многіе факты доказываютъ, что крестьяне не только въ XV, но даже въ XVI в. считали обрабатываемые ими участки своею полною собственностью и на такомъ правѣ ими распоряжались [1]).

[1]) Крестьянинъ продаетъ nobili свое поле (A. gr. XI p. 271. Hrin piscator de Ulicz recognovit quia illum agrum et *dworzisko*, quem in villa Iablonycza apud dominum Chrapek pro quatuor marcis minus uno fertone comparaverat, hunc agrum cum dworzisko in Iablonycza sito viceversa nobili Stanislao Stroski pro quatuor marcis minus uno fertone eciam vendidit et venumdavit.

ib. p. 436. Laboriosus Clisch kmetho de Costirowicze agrum suum proprium, in quo Trubka a temporibus longinquis residebat, ibidem in Costirowicze situm, videlicet unum laneum vendidit provido Alberto, al. Spakowicz...

A. gr. XII, p. 276. Iohannes kmetho dictus Koczik de Pawlowoszolo citavit. gs. Ioh. de Rudolowicze pro eo, quia tenetur decem marcas pro agro, quem apud ipsum emit in Rosznyathow...

Люстраторъ Самб. стар. XVI в. замѣчаетъ, что крестьяне валашскихъ поселеній, уплативъ князю кону грошей ciuz rolie the krolia I. M. maią za przedane szo-

Обильная раздача земель шляхтѣ въ XIV—XV вв. сама по себѣ не разрушила крестьянскаго землевладѣнія. Мы не встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ пожалованіяхъ дачи земли съ крестьянами: исключеніе составляло пожалованіе земли, заселеной рабами или несвободными[1]). Шляхтѣ давались преимущественно пустоши, земли для основанія новыхъ поселеній.

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что широкое развитіе шляхетскаго землевладѣнія болѣе всего способствовало разрушенію землевладѣнія крестьянскаго.

Мотивомъ широкой раздачи земель шляхтѣ выставляется обыкновенно defectus hominum in terra Russiae (а также иногда и defensio terrae), мотивомъ надѣленія поселенія нѣмецкимъ правомъ — ut eo citius loca deserta collocari possint. Но и помимо желанія правительства заселить пустовавшіе участки, того же требовалъ и интересъ новаго владѣльца. Мы видѣли, что главное средство для приманки населенія въ ново-основанныя или пустовавшія старыя поселенія были, кромѣ нѣмецкаго права, — *воля*, льготные отъ повинностей года. Оставивъ, продавъ, переуступивъ или осадивъ свои наслѣдственные *собственные* участки, крестьяне массами переходили на волю. Но здѣсь положеніе ихъ измѣнилось существеннымъ образомъ, хотя печальныя послѣдствія такого переселенія сказались и не сейчасъ.

Крестьянинъ на старомъ мѣстѣ владѣлъ землею въ собственность, здѣсь онъ былъ въ сущности *только чиншевикомъ, сидѣвшимъ на чужой землѣ*.

Замѣчателенъ однако тотъ фактъ, что крестьяне и новые участки считали своей собственностью и точно такъ же распоряжались ими на первыхъ порахъ. Владѣльцы точно также не препятствовали на первыхъ порахъ крестьянамъ въ такомъ пониманіи ихъ правъ: вопросъ этотъ на первыхъ порахъ былъ для шляхтичей безразличенъ: они не вмѣшивались въ отношеніи крестьянъ между собою, лишь бы съ участка крестьянскаго продолжала итти въ ихъ пользу прежняя плата. Продать или вообще отчуждать участокъ крестьянинъ не могъ только шляхтичу, ибо въ послѣднемъ случаѣ земли обѣлялась, но крестьянскіе участки постоянно переходятъ изъ рукъ въ руки — отъ

---

bie od kniaziow y handluią inemi między szobą iako szwemi dziedzicznymi (Л. М. IV B. 22. f. 3 об.).

[1]) Въ 1433 г. Ягелло даетъ Львовской капитулѣ имѣніе cum servitoribus nostri *illiberis* ibi morantibus (A. gr. II, № 58).

A. gr. XII, p. 188... *Ordinczy* per dom Regem dati ad ecclesiam.

крестьянъ къ крестьянамъ, или мѣщанамъ. Къ этому ограниченію права собственности присоединилось еще другое: крестьянинъ могъ продать свой участокъ только съ согласія пана и только лицу, способному отправлять лежавшія на участкѣ повинности.

Распоряжаясь, хотя и съ извѣстными ограниченіями, своими участками, крестьяне однако вовсе не имѣли юридическихъ правъ собственности на свои земли, владѣніе ихъ имѣло лишь внѣшній видъ ограниченнаго права собственности, но не было обезпечено никакимъ юридическимъ актомъ, и въ сущности представляло только право наслѣдственнаго пользованія. Въ этомъ отношеніи крестьянское землевладѣніе совершенно соотвѣтствовало землевладѣнію солтысовъ и раздѣлило одинаковую съ нимъ судьбу. Извѣстно, что солтыство было лишь наслѣдственнымъ правомъ пользованія, а не правомъ собственности. Право это было, правда, всегда обезпечено юридическимъ актомъ, но тѣмъ не менѣе шляхтѣ удалось впослѣдствіи выкупить, или прямо отнять солтыства у нешляхтичей.

Еще легче было для шляхтича отобрать землю у крестьянина. Послѣдній не имѣлъ никакихъ юридическихъ правъ на свою землю, и мы встрѣчаемъ еще въ XV в. случаи, когда крестьянскіе участки отбираются землевладѣльцемъ подъ фольварки[1]).

И въ Черв. Руси, какъ и въ другихъ частяхъ юго-западной Руси, наиболѣе распространенной формой землевладѣнія до введенія нѣмецкаго права было владѣніе *дворищами*[2]).

Подъ дворищемъ разумѣлась извѣстная земельная хозяйственная единица, въ которую входили пахатныя земли, луга, лѣса и разныя угодья[3]). Представляя собою земельную хозяйственную единицу одного лица, одной семьи (простой или сложной), дворище естественно не могло имѣть первоначально опредѣленной мѣры. Лишь впослѣдствіи, съ распространеніемъ нѣмец-

---

[1]) См. выше, p. 159, пр. 4.

[2]) Дворище, дворишко (dworziscze, dworzisko), въ латинскихъ актахъ именуется обыкновенно curia, area, иногда domus (A. gr. XIII, p. 145. Margaretha dedit tres domos al. dworzyska, unum vacuum et duo cum kmethonibus...) ager (cum agro dicto dworzisko, A. gr. XIII, p. 331), villa (A. gr. XIV, p. 373). Дворища мы встрѣчаемъ повсемѣстно въ Черв. Руси въ самыхъ раннихъ актахъ.

[3]) О владѣніи дворищами въ областяхъ Литовскаго-Русскаго государства см. статью М. Ф. Владимірскаго-Буданова въ Кіевскомъ сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая, Кіевъ 1892. См. также статью проф. Лучицкаго въ Юридич. Вѣстн. 1891 г. и статью А. Я. Ефименко, Русск. Мысль, 1892 г., № 4 и 5 (Дворищное землевладѣніе въ южной Руси).

Akta gr. XIII, p. 201. М. Катерина Шимкова обязывается уплатить замужней

каго права и волочной системы, является стремленіе упорядочить размѣры дворищъ, привесть ихъ къ одному знаменателю.

дочери 20 гр. за ея часть наслѣдства — pro quinta porcione curie sue. sui patrimonii, alias dworziscza in Pracowcze, если не уплатить, то должна дать intromissionem in quintam partem dicte curie cum quinta parte agrorum, pratorum, silvarum et omnium proventuum ad dictam quintam partem curie spectancium. Et iam sibi addiderunt ministerialem ad intromittendum cum quinta parte domus, ortorum, pomeriorum et tocius dominii.

Akta gr. XII, p. 50... ad aream vacuam al. nyeosyadlo Lazor terram, argulas, prata et similia dare debet et assignare.

A. gr. XIII p. 239 quinque curiae ...cum omnibus pratis, silvis, piscinis, gąys

1392. Ягелло жалуетъ Васькѣ Тентуковичу uduas curias ville Kneszeschylo in districtu Zudaczoviensi duabus curiis falconariorum nostrorum exceptis... cum omnibus fructibus... agris, campis, pascuis, montibus, vallis... mericis, borris, aquis (обычная формула; Prochaska, Mat. arch. p. 7).

Пользуемся случаемъ напечать здѣсь неизданную грамоту Казимира, хранящуюся въ музеѣ Чарторыйскихъ въ Краковѣ (Diplomata, № 164):

А се ѧ король Казимиръ краковьскии и куѧвьскии и господарь рускоѣ зьмлѣ далъ іесмь слузѣ своіему иванови дворище заньво матѣичича штожь слушаеть пьремыскоѣ волости а приписалъ іесмь микитино дворище ткомужь (sic! к томужь?) дворищю къ перемышльскому ижь было на двоіе. але ѧ далъ за одино. а далъ іесмь. и землю ролъную. и съ сѣножатьми. што к тому дворищю слушаеть. сѣножать на моисѣіевѣ долинѣ ѡбьѣздна и землѧ ролнаѧ ѿ бѣлошевъ сѣножати по куцеву ниву. а по бреховича дубьіе. ѿ бреховича дубьіа по долѣшьни коньць. деречину гаику. а по путь по пъдъ гаіецьскыи. а по гостиньць по колъбаіевьскыи а тутъ нѣтъ иному чаиковцю ни землѣ ролноѣ. а ни сѣножати. а и іеще далъ іесмъ. и ѣзы на днѣстрѣ. ѿ мутвичьного потока до степаньча перевоза. а ту не надобѣ ни дному чаиковьцю собѣ ѣза чинти. а придалъ іесмь іему ѡзера рыбнаѧ за днѣстромъ куды мои неводи ходили. а и еще далъ іесмь іему ловища одюноваѧ ѡто изьбищьного перевоза поперекъ вольшины. верьхнии конець. ѡбьѣздомь. поколѧ семьюново держить поколѧ дунино держить до берегъ днѣстра. а далъ іесмь иванови оу вѣкъ. а воленъ продати и задаръ да. кому коли хочеть. а вживаючи того дворища не надобѣ. ни во инакиѧ ловицѣ платити. а и поѣздьниства ни грамоты носити. далъ іесмь іему. волно. и свободно. просити му Б҃а. за королѧ и за королевы. намѣстъкы. и на то свѣдци. панъ дмитръ. панъ петръ. панъ судивои. панъ судьѧ сіаноцькыи. панъ глѣбъ дворьсковичь. а писанъ листъ оу д҃нь пѧдесѧтъны на городѣ Казимирѣ.

(Оригиналъ на пергаментѣ полууставомъ весьма четкимъ; на зеленомъ шелковомъ шнуркѣ малая королевская печать.)

Но еще и въ XVI в. величина дворищъ даже въ одной и той же мѣстности была неодинакова[1]).

Дворище имѣетъ или свое собственное названіе или получаетъ наименованіе отъ своего владѣльца[2]).

И въ Черв. Руси, какъ и въ остальной юго-западной Руси, владѣніе дворищами выступаетъ какъ общинно-семейная форма владѣнія. Чаще всего встрѣчается единосемейное владѣніе; дворищемъ владѣетъ либо одно лицо (семья), либо нѣсколько ближайшихъ родственниковъ, братья, тесть съ зятемъ, иногда перечисляются нѣсколько совладѣльцевъ дворища безъ указанія на родство между ними, упоминаются familiares и kmethones владѣтеля дворища[3]).

Личный составъ совладѣльцевъ дворища выступаетъ яснѣе изъ люстрацій 16 в. Такъ, напр., въ с. Лисятичахъ Стрыйскаго староства мы находимъ $32^1/_2$ дворища, на которыхъ сидятъ 157 человѣкъ. Способъ заселенія дворищъ видѣнъ изъ слѣд. примѣровъ: *Дворище Брынсіенское* (Brinsienskie): Хвилецъ съ тремя сыновьями, Климко, Хведько и Лучка, сыновья Параса, Сташъ и Онисько, Стець Пасковичъ. *Дворище Ковалево:* сыновья Матвѣя, Василь Гладко, Лаврикъ Ляховичъ[4]).

---

[1]) Ревизоры 1563 г. указываютъ, что въ валашскихъ поселеніяхъ Самборскаго староства величина дворищъ весьма разнообразна (chocziaj nomina dworzyscz congruunt, wielkoscz ich przed sie rozna urosla); за правильную мѣру дворищъ ревизоры принимаютъ 16 шестилоктевыхъ прентовъ въ ширину и 7 длей въ длину, но указываютъ, что нѣкоторыя дворища имѣютъ по 32 прента въ ширину, а въ длину еще больше первыхъ, несмотря на лучшее иногда качество земли, третія — по 24 прента. Неодинаковую величину дворищъ ревизоры объясняютъ размѣрами платы, внесенной княземъ валашскимъ старостѣ за право осадить село (iako kthory na szadzeniu kniaz wielie pieniedzy dal). Лит. Метр. IV В. № 22, л. 3 об.

[2]) Завадзицы, Невѣстино во владѣніи nob. Стецька въ селѣ Погорцы, A. gr. XIV, p. 81. Юрково дворище XIV, p. 477, Павлово XIII, p. 78. Бартниково дворище ib. p. 167. Studzino, A. gr. XI, p. 325.

1400 г. Дворище Жаворонковича (Голов. Пам. p. 19), дворища пустая Боднарская (ib. p. 32), Нелятича дворище (ib. p. 35), Шестовича дворище (ib. p. 38), дворище Ярополково пустое (ib. p. 42); curia alias dworzyscze Collocelowa, curia Radwonice, dworzyscze Czyrkowice, dworzyscze Kisielowa (Cod. dipl. Min. Pol. III. № 715, актъ 1357 г.).

[3]) A. gr. XIV p. 156 Иванъ и Вацъ въ с. Гаѣ de una curia. Иванъ съ братомъ de una area, XII 90. Василій cum genere ipsius de una area XII, 120; Zan, Tanasch et mulier Damna de una area XII, 167. Иванецъ съ братомъ, Ленецъ и Мартынецъ de uno pane ib. 203. XI 338., de uno pane et de integra area. XIII 163. Станко Чичовицкій закладываетъ дворище, на которомъ сидятъ Артемій, Степанъ, Васько.

[4]) Лит. Метр. IV В. № 12, p. 682 об.

Въ Львовской землѣ въ с. Карачиновѣ на одномъ дворищѣ 17 кметовъ, платящихъ огуломъ чиншъ съ дворища[1]).

Приведенные примѣры вполнѣ подтверждаютъ опредѣленіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова „*дворище* форма общинно-родовая, имѣющая значительное сходство съ Хорватской задругой. Дворищемъ (въ смыслѣ личнаго состава) называется общество лицъ, связанныхъ въ главной части своей родовымъ единствомъ, но допускающее примѣсь чужеродцевъ, имѣющее одного главу (который обыкновенно и даетъ имя дворищу) и членовъ, именуемыхъ потужниками (послѣдняго наименованія мы въ галицкорусскихъ актахъ не встрѣтили). Дворищемъ въ объективномъ смыслѣ называется участокъ земли усадебной, пахатной и угодьевъ, — состоящій во владѣніи одной группы лицъ"[2]).

Вполнѣ правильнымъ является и другое положеніе уважаемаго автора, что дворище есть явленіе исконное, бытовое, общинно-родовая форма, которое коренится въ глубочайшей почвѣ семейныхъ и имущественныхъ основъ общества[3]).

Съ дворищами мы встрѣчаемся въ самыхъ раннихъ актахъ галицкорусскихъ, и именно какъ съ формой общинно-семейнаго владѣнія. Такъ въ 1371 г. панъ Вятславъ Дмитровскій купилъ „дворище и съ землею яко изъ вѣка слушало къ тому дворищю... у Василя іему же рѣчютъ Скибичь и въ іего брата на имя оу Гѣнка и въ іехъ сновця у Оленка... тогды они пришедши вшитци и своимъ племенемъ оуздали пану Вятславу со всѣми объѣзды того дворища по своіей доброй воли и за иныѣ молвили, абы в добромъ покои вжити тѣхъ вжитковъ пану Вятславу..."[4]).

Совладѣтелями дворища здѣсь являются два брата съ племянниками. Имущество это родовое, такъ какъ на отчужденіе его требуется согласіе не только однихъ совладѣльцевъ, но и всего рода.

На отдѣльныхъ дворищахъ сидятъ какъ крестьяне, такъ и шляхтичи[5]). Владѣнія мелкаго, захудалаго потомка древнихъ

---

[1]) Ib. IV B. 19, p. 159 об.

[2]) Кіевск. сб. p. 358.

[3]) Ib. p. 369.

[4]) Акты зап. Рос. I p. 20. Головацкій, Пам. p. 7. Въ первомъ изданіи актъ отнесенъ къ 1351 г., Головацкимъ къ 1371. Встрѣчаемъ дворища еще раньше въ грамотахъ Львa.

[5]) Nob. Оваčко и Дронъ продаютъ curiam suam dictam Sepyolowskie за 80 м. A. gr. XIII p. 65 и 594. Nob. Катерина съ мужемъ уступаютъ curiam al. дворище *ubi soli* sedent. ib. p. 293.

русскихъ бояръ или обѣднѣвшаго шляхтича сводились иногда къ одному — двумъ дворищамъ. Такое обезземеленіе могло между прочимъ произойти и путемъ раздѣла наслѣдства между совладѣльцами[1]). Поэтому-то случалось часто, что получившій грамоту на какое-либо имѣніе заставалъ тамъ, кромѣ крестьянъ, цѣлый рядъ мелкихъ владѣтелей шляхтичей, имѣвшихъ во владѣніи одно—два дворища. Въ результатѣ возникали частые процессы (о нихъ см. предыдущую главу), ибо новые владѣльцы нерѣдко вступались въ права старыхъ, требуя отъ нихъ чинша и повинностей за ихъ участки[2]).

Въ XIV и XV ст., при обиліи пустыхъ земель, свободѣ передвиженія и заманчивой волѣ, обращавшей галицко-русскихъ крестьянъ въ кочевниковъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто, мы не замѣчаемъ еще такого дробленія дворищъ, какое застаемъ въ XVI вѣкѣ. Осѣдлый, bene collocatus, bene possessionatus крестьянинъ и дворище въ большинствѣ актовъ — синонимы[3]). Kmethones areales, curiales, de integra area чаще всего фигурируютъ въ актахъ. Иногда крестьяне держатъ по два дворища, или такое количество земли, что должны поставить на свое мѣсто при выходѣ нѣсколько человѣкъ[4]). На цѣлыхъ дворищахъ

[1]) A. gr. XIV p. 81—3. Какъ дробились дворища, видно изъ XIII, p. 201, гдѣ одна изъ сонаслѣдницъ получаетъ вводъ во владѣніе одной пятою частью дворища.

[2]) См. выше p. 65, пр. См. еще любопытный актъ въ Akta gr. XV, p. 435, судебное дѣло изъ-за владѣнія имѣніемъ Чайковцы: совладѣтелями имѣнія являются 20 человѣкъ *nobiles* (въ томъ числѣ три женщины), несомнѣнно состоявшіе между собою въ родствѣ; они не имѣютъ оправдательныхъ документовъ на свое владѣніе, а только утверждаютъ «eadem bona Czajkovicze ipsorum esse hereditaria et perpetualia ex atavis, avis et patribus et non Regalia, submittentes se hoc probare probis ac idoneis, veris et perpetuis terrarum Russie heredibus, de quibus in medium nostri nominaverunt et produxerunt octodecim... Судъ выбралъ изъ числа этихъ свидѣтелей шесть, показавшихъ подъ присягой, что имѣніе Чайковцы находилось извѣчно во владѣніи отвѣтчиковъ, и послѣ этой присяги права отвѣтчиковъ были утверждены судомъ.

См. еще судебную грамоту старосты русскаго Яну Бѣлецкому съ Иваномъ Лопатичемъ 1421, напечатанную нами въ журн. Мин. Нар. Просв. 1891 г. № 7, приложеніе I.

См. еще A. gr. XV, p. 9 и 17. Наиболѣе древнія упоминанія дворищъ въ вышенапечатанной грамотѣ Казимира безъ даты и въ грамотѣ 1357 Чаплинцу (Cod. dipl. Min. Pol. III, № 715). Къ еще болѣе раннему времени относится упоминаніе о дворищахъ въ грамотѣ Льва Сенькѣ Татариновичу — Левъ даетъ ему quatuor curias въ Самборской землѣ (Inventarium, ed. Rykaczewsky, p. 249) впрочемъ, грамота эта до насъ не дошла, и о подлинности ея поэтому судить не можемъ. См. еще у Шаравѣвича, Rys wewn. stos. gal. wschodnej, p. 54, пр. 76.

[3]) A. gr. XIII, p. 6. intromissio in duos kmethones seu duo dworziska.

[4]) A. gr. XII, p. 187. de media altera area, media tercia area. XIV, p. 188. N. Язъ

сидятъ не только мужчины, но и женщины[1]). Вообще осѣдлый, debite locatus et possessus кметъ — зажиточный хозяинъ, имѣющій достаточный инвентарь для веденія хозяйства[2]). Экономическая цѣнность такого крестьянина вычисляется обыкновенно въ 10 гр. При залогѣ осѣдлыхъ дворищъ каждое идетъ обыкновенно за 10 гр. Средняя норма чинша съ дворища опредѣляется въ 1 гр.

Уже въ XV ст. на ряду съ дворищемъ появляется и полудворище (media curia). Въ XVI ст. раздробленіе дворищъ идетъ гораздо дальше — на четверти и еще болѣе мелкія части дворища. Эта форма въ XVI ст. теряетъ уже свое прежнее значеніе[3]). Дворища размѣриваются на равномѣрные участки, хотя не только въ разныхъ старостваxъ, но и въ предѣлахъ одного и того же староства величина дворищъ еще не одинакова, но въ предѣлахъ одного и того же села дворища и отдѣльныя его части стараются подвести подъ одинъ знаменатель.

На раздробленіе дворищъ должны были повліять съ одной стороны закрѣпощеніе крестьянъ, съ другой измѣненія въ финансовой системѣ государства.

Населеніе дворища съ теченіемъ времени разросталось, а между тѣмъ выходъ для крестьянъ постепенно затруднялся. Съ другой стороны, владѣльцы стараются перевести повинности на меньшія единицы, привлекая къ обложенію возможно большее количество лицъ.

Въ XIV и XV ст. повинности падаютъ еще на все дворище, даже подымное собиралось, повидимому, еще не съ каждаго дыма, а съ каждаго дворища, такъ какъ въ актахъ термины curia, fumus и kmetho употребляются какъ синонимы.

Въ XVI ст. подать идетъ не только съ дворищъ и ихъ частей, находящихся въ отдѣльномъ владѣніи, но разныя повинности (подымное, стаціи, ахтеловое) собираются съ каждаго кмета, хотя бы и не имѣющаго даже своего дыма.

Давыдовскій утверждаетъ, что крестьянинъ Петръ имѣлъ два участка (ager), одно осадилъ при выходѣ, другое нѣтъ. Кметъ, наоборотъ, говоритъ, что осадилъ тотъ участокъ, на которомъ сидѣлъ, а другого не имѣлъ. XIV, p. 386. Кметъ Яковъ debet collocare agrum Ianussio et debet statuere *tres* homines ad collocandum agrum... homines debent fieri valentes pro collocando agro.

[1]) A. gr. XII, p. 210. mulier Chotca de integra area cum omni iure *sicut aliquis kmetho arealis*.

[2]) A. gr. XIII, p. 62, 195. Kmetho cum duobus bobus laboratoribus.

[3]) Лишь кое гдѣ, какъ въ Стрыйскомъ старостваѣ, она удѣлила въ наибольшей чистотѣ.

Изслѣдованіе размѣра крестьянскихъ повинностей въ Черв. Руси XIV—XV в. представляетъ значительныя затрудненія. Для этого періода мы лишены того драгоцѣннаго матеріала, который даютъ намъ для послѣдующихъ вѣковъ люстраціи. Точное указаніе размѣра крестьянскихъ повинностей XIV—XV в. находимъ, главнымъ образомъ, въ эрекціонныхъ грамотахъ на нѣмецкое право. Данныхъ для изученія размѣра повинностей въ поселеніяхъ на правѣ русскомъ, польскомъ, валашскомъ очень мало. Однако необыкновенно широкое распространеніе нѣмецкаго права въ Черв. Руси даетъ намъ право разсматривать размѣръ повинностей въ поселеніяхъ на этомъ правѣ какъ среднюю норму крестьянскихъ повинностей вообще. Повинности крестьянъ на всякомъ другомъ правѣ не могли особенно превосходить своимъ размѣромъ повинностей поселенцевъ на нѣмецкомъ правѣ: при свободѣ передвиженія крестьянъ въ XIV—XV в. особенно ощутительная разница въ размѣрахъ повинностей могла быть весьма невыгодной для землевладѣльцевъ: они могли остаться вовсе безъ рабочихъ рукъ. Устроители новыхъ поселеній усердно перезывали крестьянъ на новыя мѣста, сманивая ихъ разными льготами, погашая претензіи землевладѣльца къ старымъ поселенцамъ. Льготы нѣмецкаго права должны были заставлять землевладѣльцевъ сокращать размѣры повинностей тамъ, гдѣ количество ихъ превышало повинности поселеній на правѣ нѣмецкомъ.

Повинности крестьянъ на нѣмецкомъ правѣ складывались изъ слѣд. существенныхъ частей: денежнаго чинша въ пользу землевладѣльца, церковной десятины, натуральныхъ повинностей и пашцины.

Въ XIV ст. размѣръ всѣхъ этихъ повинностей еще очень не великъ. Размѣръ чинша, отъ 8 грошей до 1 гривны съ лана, десятина отъ 1 гр. до 6 гр. и 1 ferto, натуральныя повинности отъ 1 до 3 мѣръ хлѣба, иногда еще 2 куръ, 12 яицъ. Кромѣ того крестьяне давали еще на содержаніе плебана извѣстное количество хлѣба и всѣ совмѣстно складывались на два prandia землевладѣльцу, пріѣзжавшему въ село для отправленія правосудія (такихъ iudicia magna бывало по 3 въ годъ, и издержки пребыванія владѣльца одинъ разъ принималъ на себя солтысъ, два раза крестьяне); крестьяне могли откупаться отъ устройства prandium'a (уплачивая владѣльцу отъ 16 грошей до полугривны за prandium[1]).

[1]) См. Akta gr. III, № 9; VIII, № 1, 2, 4, 6, 7, 10, 11, 12, 15, 19; IX, № 6; Prochaska, Mat. arch. № 12; Cod. diplom. Min. Pol. III, № 721, 812.

Кромѣ повинностей и платъ въ пользу владѣльца на крестьянахъ лежали еще, правда, очень незначительныя, государственныя и общественныя повинности. Крестьяне платили подымщину по 2 гр. съ лана, иногда военщину (expidicionales) (въ одномъ актѣ 2 гр.)[1]), поправляли замокъ, мосты, плотины, помогали при спускѣ ставовъ и т. д.

Замѣтимъ еще одно важное обстоятельство: *панщина*, работы въ пользу владѣльца или солтыса, *въ грамотахъ XIV в. ни разу не упоминается*. Свобода отъ повинностей въ актахъ XIV в. дается отъ 8 до 20 лѣтъ.

Выше приведенныя данныя относятся какъ къ королевскимъ (наибольшее число) землямъ такъ и къ имѣніямъ духовенства и частныхъ лицъ. Наивысшій чиншъ (1 гривна), какъ и наивысшую десятину, находимъ въ имѣніи, принадлежащемъ духовенству. Чиншъ въ частномъ имѣніи ($^1/_2$ гривны) равняется наивысшему чинту въ имѣніяхъ королевскихъ. Число льготныхъ лѣтъ одинаково во всѣхъ грамотахъ (8 и 20 л., въ одномъ актѣ 12 и 20). Десятина очень разнообразна. Натуральныя повинности (въ одномъ актѣ названныя honoraciones) лишь въ 4 изъ приведенныхъ актовъ.

Однако число извѣстныхъ намъ актовъ слишкомъ незначительно, чтобы изъ нихъ составить какія-либо заключенія относительно разницъ въ размѣрѣ повинностей имѣній королевскихъ, духовныхъ и частныхъ. Нѣкоторая разница въ размѣрѣ повинностей могла происходить отъ неодинаковаго качества эксплуатируемой земли. Вообще же (что и понятно) размѣры повинностей въ земляхъ королевскихъ, духовныхъ и частныхъ въ XIV в. (какъ увидимъ дальше въ XV в.) колеблются незначительно около одной и той же общей нормы. Одинаковая для всѣхъ потребность въ рабочей силѣ привела къ такому молчаливому соглашенію всѣхъ землевладѣльцевъ.

XV вѣкъ вноситъ существенныя измѣненія въ экономическое положеніе червонорусскагокрестьянина.

Мы уже указывали выше[2]), что хотя червонорусскій крестьянинъ имѣлъ еще право выхода въ XV в., но что выходъ его подлежалъ уже извѣстнымъ ограниченіямъ. Жившій на нѣмецкомъ

---

[1]) Въ эрекціонныхъ грамотахъ XIV в. на нѣм. право, впрочемъ, упоминается лишь военщина въ одномъ актѣ. Подымное также въ этихъ грамотахъ не упоминается, хотя находится въ большинствѣ жалованныхъ грамотъ на земли.

[2]) См. р. 127.

правѣ крестьянинъ долженъ былъ осадить передъ выходомъ свой участокъ другимъ крестьяниномъ. Пользовавшійся льготою въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ долженъ былъ отработать столько лѣтъ, сколько сидѣлъ на волѣ. Эти условія въ значительной степени связывали свободу крестьянскаго передвиженія.

Съ другой стороны, и самые шляхтичи червонорусскіе стали болѣе осѣдлыми и принялись за хозяйство. Политическія условія польскаго государства послѣ соединенія съ Литвой дали возможность приняться въ болѣе широкихъ размѣрахъ за торговлю, увеличили сбытъ сырыхъ продуктовъ, въ особенности хлѣба. Это обстоятельство заставило шляхту, жившую вначалѣ исключительно насчетъ чиншей и другихъ даней съ своихъ крестьянъ, приняться за обработку земли на свой страхъ. Рабочая сила, уже значительно ограниченная въ правахъ передвиженія, находилась тутъ же въ лицѣ своихъ крестьянъ. И вотъ съ XV в. въ Черв. Руси появляется (хотя и въ ограниченныхъ на первыхъ порахъ размѣрахъ) панщина.

Размѣры панщины, какъ и размѣры другихъ повинностей, и въ XV в. въ имѣніяхъ королевскихъ, духовныхъ и частныхъ приближались къ одной общей нормѣ. Къ срединѣ XV в. мы находимъ панщину въ размѣрѣ 14 дней съ лана. Такую норму опредѣляютъ двѣ грамоты на нѣмецкое право, одна въ королевскомъ имѣніи, другая въ имѣніи частномъ[1]). На существованіе общей нормы размѣра панщины для поселеній на нѣмецкомъ правѣ указываетъ эрекціонная грамота для имѣній Львовской духовной капитулы — здѣсь панщина должна отбываться secundum consuetudinem aliarum villarum in ius theutunicum majdburgense in terra Russie locatarum[2]). Норму 14 дневной панщины съ лана мы находимъ въ разныхъ мѣстахъ Черв. Руси въ продолженіе большей части XV в.[3]).

---

[1]) Akta gr. II, № 73, 1447 г. для с. Мальчицы Град. пов. съ лана 13 дней панщины въ пользу землевладѣльца и 1 день въ пользу солтыса. Крестьяне, сидящіе на полуланѣ, спрягаются по два и отбываютъ одинъ день панщины въ пользу солтыса. Помимо этого на крестьянахъ лежитъ еще обязанность поправки плотинъ. Въ королевскомъ имѣніи Dzuschicze (ib. № 74, 1448 г.) Гродецк. пов. панщина опредѣлена въ размѣрѣ 14 дней.

[2]) A. gr. II, № 76, 1453 г., с. Ставчаны Льв. пов.

[3]) Наиболѣе ранній актъ отъ 1424 г. (A. gr. XI, p. 7, въ землѣ Саноцкой). 14-дневная панщина въ 1430 г. упоминается въ грамотѣ на н. право Providо Roidoni de Winniki (Самб. земли Л.М. 4 В., № 22, p. 433 об.). Эту норму застаемъ еще въ 1474 г. (A. gr. XII, p. 357 въ с. Липицѣ Гал. земли). Въ одномъ лишь актѣ

Норма 14-дневной панщины съ лана представляется еще весьма сносной, если сравнить ее съ нормою XVI в. Въ люстраціяхъ королевскихъ имѣній въ Черв. Руси (1565 г.) панщина достигаетъ громадныхъ размѣровъ отъ 2 до 3, 5 дней въ недѣлю. Крестьяне нѣкоторыхъ селъ работаютъ въ замковыхъ фольваркахъ ежедневно[1]).

Незначительный размѣръ панщины въ XV в. объясняется, конечно, слабымъ еще развитіемъ фольварочнаго хозяйства. Фольварочное хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ появляется въ Польшѣ лишь въ XVI в.[2]). Первое общее постановленіе о пан-

---

начала второй половины XV в. находимъ 19 дней панщины (A. gr. IV, № 99, 1461 с. Зимнавода, съ лана 19 дн., съ полулана 10 дн., ortulani 4 дня). Но съ другой стороны еще въ концѣ XV в. находимъ въ одномъ частномъ имѣніи 10 дней панщины, изъ которыхъ 3 дня толоки на хлѣбѣ владѣльца (A. gr. IX, № 96, 1487 г.). Въ одномъ актѣ 1460 г. встрѣчаемъ панщину въ 7 дней (A. gr. XIII, p. 350); въ другомъ актѣ 1448 г. крестьяне pro prandio обязаны отбыть 8 дней панщины (Prochaska, Mat. arch., № 142). Но съ другой стороны еще въ 1440 г. встрѣчаемъ еженедѣльную панщину (A. gr. XII, p. 78) ...scrutari, si Dmitr solveret decimas, *Sabbatinos dies laborabit,* decimam mellificam dabit et alia cedat ut vicini sui. Labores часто встрѣчаются въ перечисленіи крестьянскихъ повинностей XV в. (Akta gr. XI—XVI), но только въ рѣдкихъ случаяхъ размѣры ихъ опредѣлены. Эти labores состоятъ какъ въ панщинѣ на фольваркахъ (labores ad curiam, XI, p. 270, ager qui colebatur pro curia, XII, 385, seminatio hiemalis et estivalis in agris curiensibus, XI, 446), такъ и въ возкѣ дровъ, сѣна, хлѣба съ фольварочныхъ полей (XI, 382 возка дровъ, XIII, 223 снять и свезти посѣвъ, XI, 436—3 дня убирать сѣно, 1 день (пахать?) озимое и 1 день яровое, XIII, 454 складывать хлѣбъ, ib. 454—6 крестьянъ сѣютъ 6 колодъ овса и 6 ordei. Замѣчательно, однако, что еще въ XVI в. державцы иногда обработывали поля наемными рабочими (Л. Метр. IV B. 12, p. 648) или отдаютъ крестьянамъ поля съ копы (скопщина въ XV в., кажется, опредѣлялась десятымъ сноповъ — campum cum decimis al. skopyami XII, p. 286). Въ XVI ст. встрѣчаемъ десятую и седьмую копу, Л. М. IV B. 12, при описи Пустолоцкаго и Замковаго фольварковъ Гал. староства. Въ концѣ концовъ можно, кажется, на основаніи приведенныхъ фактовъ, прійти къ заключенію, что 14-дневная панщина представляла въ XV в. максимумъ обычной нормы. Норма 14 дней встрѣчается еще въ XVI в. Такъ, въ с. Миховчицы Льв. з. по привилегіи 1524 г. крестьяне работали лишь по 14 дн. въ годъ, хотя къ серединѣ XVI в. панщина въ этомъ селѣ была значительно увеличена (Лит. Метр. IV B. 19, p. 172 об.). Въ той же землѣ крестьяне трехъ селъ жалуются, что ихъ заставляютъ работать ежедневно, тогда какъ крестьяне другихъ селъ работаютъ лишь отъ 8—14 д. въ годъ (ibid., p. 178).

[1]) Лит. Метр. IV, B., № 12, p. 625 об. Села Льв. земли Велеполе, Залѣсье, Любанье, Попѣлины, Миклашовъ, Демня работаютъ ежедневно, кромѣ рыночнаго дня (Л. М. IV B. 19, p. 160, 177—8). Многія села Теребовльской земли работаютъ ежедневно съ полудня.

Въ Галицкой землѣ многія села работаютъ по 3 дня въ недѣлю. Одно село отбывало ежедневную панщину, но откупилось отъ нея деньгами (Л. М. IV B. 12, p. 616).

[2]) Stawiski, Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego, Warszawa. 1858. Pe-

щинѣ появляется лишь въ 1520 г.[1]). Размѣръ панщины опредѣленъ здѣсь однимъ днемъ въ недѣлю.

Введеніе панщины въ XV в. не было замѣною новой повинностью какихъ-либо прежнихъ; панщина является вездѣ прибавкою къ прежнимъ повинностямъ. Размѣры всѣхъ прочихъ повинностей не только не уменьшаются, но, хотя и не особенно быстро, растутъ въ XV в.

Денежный чиншъ въ XV в. поднимается до 1 гривны съ лана — такой размѣръ денежнаго чинша повсемѣстенъ въ Черв. Руси XV в., это общая норма для кмета bene possesionato[2]).

Десятина точно также въ большинствѣ случаевъ приводится къ одной общей нормѣ — 6 гр. съ лана[3]).

Натуральныя повинности повидимому остаются почти на нормѣ XIV в. — отъ 1—2 мѣръ (колода, бочка) хлѣба, отъ 2—4 куръ и 12—20 яицъ, иногда сыры.

Такимъ образомъ мы можемъ вычислить средній размѣръ крестьянскихъ повинностей XV в. въ 1 гривну чинша, 2 мѣры хлѣба, 2 куръ, 12 яицъ, 14 дней панщины, 6 грошей десятины, 2 гр. подымнаго и 2 мѣры хлѣба въ пользу плебана (послѣдняя подать часто собиралась какъ съ католиковъ, такъ и съ право-

---

визоръ 1565 г. отмѣчаетъ убыль подымнаго и объясняетъ это тѣмъ, что «scliachta rozmnoziwszi szie zegnali kmieczi niemalo szobie na folwarki dlya swej ziwnosczi» (Л. М. IV B. 19, p. 50). Подобные факты изрѣдка случались и въ XV в. Такъ въ 1444 г. agazones Regales de Stawczani жалуются, что львовскій архіепископъ fecit sibi allodia de ipsorum curiis et agris (XIV, p. 186—138).

[1]) Vol. leg. I. p. 178.

[2]) Эту норму встрѣчаемъ во множествѣ актовъ, въ судебныхъ книгахъ XV в. и многихъ грамотахъ на нѣм. право (см. напр. A. gr. VIII № 30, 40, 65; IX, 15). Но, конечно, отъ этой общей нормы встрѣчаются и отступленія — $^1/_2$ гр., $^1/_3$ копы, даже 20, 15 и $10^1/_2$ гр. съ лана (A. gr. II № 73, 74, 76, 128, 130; IV № 99; IX № 96).

[3]) A. gr. III, № 55, 1392 г. и особенно актъ 1426 г. (A. gr. III № 100), въ которомъ Ягелло разрѣшаетъ споръ между львовскимъ архіепископомъ и его паствою о десятинѣ, — архіепископъ требовалъ съ каждаго лана по 1 ferto какъ съ католиковъ, такъ и съ православныхъ; шляхта утверждаетъ, что ему слѣдуетъ лишь 6 гр. и то только съ becтановъ, обработываемыхъ католиками, и съ тѣхъ изъ православныхъ, которые пріобрѣли земли у католиковъ. Споръ рѣшается компромиссомъ, по которому десятина опредѣляется въ 6 гр. съ каждаго обработываемаго лана съ католиковъ, равно какъ и съ православныхъ. Десятину въ 1 ferto архіепископъ получаетъ только съ львовянъ и львовскихъ колоновъ. Въ Перемышльской епархіи еще раньше (въ 1395) послѣдовало соглашеніе между шляхтою и епископомъ о 6-грошевой съ лана десятинѣ, при чемъ, однако, платившіе больше 6 грошей должны были и впредь платить попрежнему, платившіе же меньше — 6 грошей (A. gr. VIII № 24).

славныхъ [1]). Какому проценту доходовъ крестьянина соотвѣтствовала эта совокупность повинностей?

Дабы сдѣлать подобное вычисленіе, мы должны перевести всѣ натуральныя повинности на деньги, и обратно — полученную денежную сумму перевести на хлѣбъ, затѣмъ вычислить средній урожай съ лана земли, сравнить полученное нами при расчетѣ количество хлѣба, соотвѣтствующее величинѣ всѣхъ повинностей, съ общей суммой урожая.

По изслѣдованію Пѣкосинскаго [2]) только два лана были въ употребленіи въ Польшѣ при основаніи селъ на нѣмецкомъ правѣ: 1) ланъ малый, фламандскій или хелминскій, называемый также шродскимъ = 30 старыхъ польскихъ морговъ, и ланъ большой, франконскій или нѣмецкій = $43^1/_3$ морга. Меньшіе ланы — большой кметій въ $21^1/_2$ моргъ и малый кметій въ 12 м. произошли, по мнѣнію Пѣкосинскаго, вслѣдствіе дѣленія большаго франконскаго лана на полъ ланки и четверти и составляли такимъ образомъ лишь части лана. По Гревенецу [3]) ланъ въ Польшѣ начала XVI ст. равнялся, по крайней мѣрѣ, магдебургской Hufe въ 30 магдебургскихъ морговъ.

Примемъ эту мѣру въ 30 морговъ за среднюю мѣру лана [4]). При трехпольной системѣ хозяйства на каждое поле придется около 10 морговъ.

По Гревенецу при трехпольномъ хозяйствѣ высѣвается на такомъ ланѣ 10 четвертей озимаго хлѣба. Принимая средній урожай за самъ 5, получимъ всего озимаго урожая 50 четвертей.

При переводѣ крестьянскихъ повинностей на деньги мы можемъ держаться слѣд. расчета. Въ XV в. средняя цѣна колоды хлѣба (ржи) была отъ полугривны до 1 гривны, пару куръ можемъ считать въ 1 грошъ, 12 яицъ также въ 1 грошъ [5]). Что

---

[1]) См., напр., A. gr. II № 90, 117, 220; VI, № 115.

[2]) Fr. Piekosinski, O łanach w Polsce wieków srednich, Krak. 1887 (Rozprawy Akad. Umiejętn. wydz. histor. filozof. t. 21).

[3]) Der Bauer in Polen, Berlin 1818, p. 11—13.

[4]) Люстраторъ Самборской земли говоритъ о селахъ на нѣм. правѣ въ этой области: Lanow pomiar iesth tez w nich ad bene placitum rozny (Л. Метр. IV B. 22, p. 5).

[5]) Разсчетъ этотъ мы произвели на основаніи слѣд. данныхъ: мѣра (truncus, колода) ржи стоила въ XV в. отъ 16 грошей до 1 гривны; чаще однако встрѣчается цѣна въ полгривны (A. gr. XI, p. 173). 2 малдрата (24 четверти) ржи — 8 гривенъ безъ 12 грошей; ib. мѣра ржи (mensura) — 16 грошей. XII, p. 175 20 колодъ (truncus) ржи — 10 копъ; XIII, p. 259 truncus ржи — $^1/_2$ копы; ib., 240 — 20 cassulae ржи — 10 гривенъ; truncus ржи 16 гр.; ib., p. 148 $1^1/_2$ trunci ржи — $1^1/_2$ гривны (A. gr. XIV); 12 trunci ржи — 2 гривны; 80 cassulae ржи — 5 копъ.

касается панщины, то однодневную панщину, обработку морга подъ пахоть, примемъ, по расчету Гревенеца,[1]) стоимостью въ 8 мацъ ржи ($7^1/_2$ польскихъ гарнцевъ по Стависскому)[2]). При та-

---

Для овса встрѣчаемъ слѣд. цѣны: отъ $^1/_4$ гривны до $^1/_2$ гривны за колоду (A. gr. XI, p. 155); 4 мѣры овса — 2 гривны; XII, p. 162 8 колодъ овса — 2 коня; Въ львовскихъ актахъ 10 колодъ овса — 4 гр.; XV, p. 153 — 24 trunci avenae tritulatae — 4 гривны.

Цѣна мѣры пшеницы — отъ $^1/_2$ гривны до 1 гривны за колоду (A. gr. XI, p. 153, мѣра пшеницы — 1 кона) XII, p. 175 — 20 trunci — 10 конъ; XIII, p. 240 — 25 cassulae — 15 гр.; въ Львовской землѣ — 60 cassulae — 4 гр., 14 trunci — 7 гр. (A. gr. XIV, p. 164); ib., p. 513 — 10 tr. пшеницы — 10 гривенъ. A. gr. XV, p. 45 — 3 trunci tritici — 3 fert.; ib., p. 343 — 10 cassulae tritici in valore quinque tumnarum, quaelibet tumna pro illo tempora per florenum.

Колода заключала въ себѣ 8 полмѣрокъ, полмѣрка — 2 мацы (Л. М. IV, B. 22, p. 5). Впрочемъ, мѣры были не вездѣ одинаковы. Люстраторъ XVI в. замѣчаетъ, что мѣра галицкая меньше снятинской и коломыйской, но немного больше рогатинской (Л. М. IV, B. 12, p. 563). Въ Сокальскомъ старостве хлѣбъ мѣрили третинниками, мѣра одинаковая съ каменецкою (Dod. do gaz. Lwowsk. 1859 г.).

Ревизоръ XVI в. Самборской земли дѣлаетъ такую расцѣнку средняго урожая (plennoscz zboza srednia miedzy liathem urodzainem y nieurodzainem):

Пшеницы	кона	даетъ	полмѣрокъ	2
Жита	»	»	»	3
Ячменя	»	»	»	3
Овса	»	»	»	3
Татарки	»	»	»	3
Проса	»	»	»	2
Гороха	»	»	»	$1^1/_2$

Въ XVI в. пара куръ стоила 2 гроша, 20 яицъ — около 1 гроша (люстр. XVI в.).

Названіе мѣръ въ XVI в.: truncus — колода (бочка), viccus — джберъ (XII, p. 425), chorum, tricorum — четверть (четвертка — A. gr. II, p. 161, 220, 234); полумѣрка (XII, p. 95); cassula — кона (A. gr. II, № 61); acervus, cumulus, arthonium — стогъ; manipulus — снопъ (XV, № 279).

Названіе хлѣбовъ: пшеница — triticum (XIII, p. 513); scrutum — просо; siligo — рожь (у Du Cang'a: *siligo* Latinis scriptoribus est selecta farinae medulla, ex siligine frumenti genere, de quo Plinius (L. 18, c. 8) et Isidorus (L. 17, c. 2): siligo, genus tritici a selecto dictum (поэтому-то Klotz, Handwört. der lat. Sprache неправильно: siligo — Art feinen Waizens, Winterwaizen). At postremi aevi auctoribus usurpatur pro secali, vulgo *segle*. «Lebiński, Materyały do Słownika średniowiecznej Łaciny i starożytności polskich. Poznań. 1885. Siligo — cfr. modius (?)»), spand. Kętrzyński odnosi do пудъ, pud.). Ordeum, hordeum — ячмень. Pisum — горохъ. Braseum — солодъ (мѣра brasei — $^1/_2$ гривны, A. gr. XI, p. 153; мѣра ordei — 12 грошей, ib., p. 173).

[1]) Гревенецъ (l. cit., p. 13) принимаетъ стоимость рабочаго дня — подъемъ плугомъ съ тремя лошадьми большого морга — въ 8 мацъ ржи, т.-е. по нашему расчету въ $^1/_4$ гривны, т. к. на колоду шло 16 мацъ.

[2]) L. c., p. 89; прим.

комъ расчетѣ вся сумма повинностей съ лана равняется 1 гривнѣ чинша + 2 гривны за 4 мѣры хлѣба[1]) + 6 грошей за десятину + 1 грошъ за куры + 2 гроша подымнаго + 1 грошъ за яйца, + 3½ гривны за панщину. Итого въ итогѣ около 7 польскихъ гривенъ. Въ переводѣ на хлѣбъ, считая мѣру хлѣба въ полъ гривны, = 14 мѣръ хлѣба. Такимъ образомъ крестьянинъ XV в. по приблизительному расчету оплачивалъ свои повинности одной третью озимаго урожая. На его долю такимъ образомъ оставалось около ⅔ озимаго урожая, весь яровой посѣвъ и значительная часть дохода съ прочихъ угодій (съ луговъ, озеръ, прудовъ, etc.; такъ какъ иногда крестьяне обязывались еще доставкой извѣстнаго количества сѣна и дровъ владѣльцу). Размѣръ повинностей такимъ образомъ представляется для XV в. еще весьма умѣреннымъ особенно если сравнить его съ размѣромъ повинностей XV в.[2]).

Нѣмецкое право, какъ мы видѣли, не всегда распространялось на всѣхъ жителей села: въ эрекціонныхъ на нѣмецкое право грамотахъ нерѣдка прибавка, что правомъ этимъ будутъ пользоваться только католики. Такимъ образомъ и въ самыхъ поселеніяхъ на нѣмецкомъ правѣ оставалась часть населенія, сидѣвшая на иномъ правѣ (валашскомъ, русскомъ). Мы уже видѣли, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Черв. Руси даже въ XV в. число поселеній на валашскомъ правѣ превышало число поселеній на правѣ нѣмецкомъ. Сравнительно меньше осталось въ XV в. поселеній на правѣ русскомъ, хотя такія поселенія мы находимъ какъ въ королевскихъ земляхъ, такъ и въ земляхъ духовныхъ и частныхъ лицъ.

Какова была сумма повинностей въ этихъ поселеніяхъ и каково было ея отношеніе къ суммѣ повинностей поселеній нѣмецкаго права? При надѣленіи нѣмецкимъ правомъ крестьяне освобождаются обыкновенно отъ цѣлаго ряда повинностей quae jus teutunicum perturbare solent, но повинности эти перечисляются въ очень общихъ выраженіяхъ, размѣръ ихъ не опредѣляется[3]).

[1]) Мы берем среднюю по актамъ цѣну мѣры хлѣба (ржи).

[2]) При трехдневной въ недѣлю панщинѣ по предыдущему расчету одна панщина равнялась бы стоимости почти всего озимаго съ лана урожая. Но и цѣны XVI в. развились отъ цѣнъ XV в. Въ Самб. землѣ колода жита въ XVI в. стоила 1 гривну 26 грошей, пшеницы — 8 гр. 6 грош. (Л. М. IV, В. 22, p. 5, съ другой стороны и цѣна денегъ была въ XVI в. иная, чѣмъ въ XV в.).

[3]) Exacciones, daciones, contribuciones, soluciones, staciones, responsiones, equitaturae, vecturae, angariae et perangariae.

Уставныхъ грамотъ для поселеній на русскомъ правѣ не сохранилось ни одной, да ихъ, повидимому, и не было. Повинности поселенцевъ на русскомъ правѣ опредѣлялись старымъ обычаемъ. Основанія новыхъ поселеній на русскомъ правѣ мы почти не встрѣчаемъ въ XIV—XV в.

Одно можно, кажется, утверждать съ нѣкоторымъ основаніемъ, что въ поселеніяхъ на русскомъ правѣ повинности не раскладывались на каждаго крестьянина отдѣльно, а вся община облагалась огуломъ извѣстной суммой преимущественно натуральныхъ повинностей. Кромѣ натуральныхъ повинностей крестьяне на русскомъ правѣ въ XV в. отбывали и пащину[1]).

Нѣсколько больше данныхъ сохранили акты относительно повинностей крестьянъ на валашскомъ правѣ. Какъ кажется, первые валашскіе выходцы въ Черв. Руси составляли, подобно словакамъ въ Венгріи[2]), нѣчто въ родѣ пограничной стражи. Таковы, какъ кажется, были Болоховцы XIII в. Въ XIV ст. упоминается валашскій воевода (Vojewoda Valachorum Georgius de Stupnicza). На общую военную повинность всѣхъ валаховъ указываетъ одно постановленіе шляхетскаго вѣча 1444 г.: когда Львовская и Галицкая земли пойдутъ въ походъ, то владѣльны должны посылать всѣхъ своихъ валаховъ[3]).

Занимаясь преимущественно скотоводствомъ, валахи, уплачивали всѣ свои повинности первоначально скотомъ и его продуктами[4]).

---

[1]) Крестьянинъ с. Костировичъ платитъ за чиншъ старостѣ non ad daciam regalem duos bonos marduros на Р. Х., отбываетъ 5 дней пащины (3 дня на уборку сѣна, 1 день на запашку (?) подъ озимое, день подъ ярину) и отбываетъ съ людьми повинность гахтеловое (A. gr. XII, p. 436).

[2]) Cf. Pič, Ueber die Abstammung der Rumänen, p. 138 о русскихъ въ Угріи.

[3]) Item eciam quando movebitur Leopoliensis et Haliciensis terra ad expedicionem, extunc omnes domini debent destinare omnes ipsorum Walachos (A. gr. XII, p. 129).

Въ привилегіи Ладомиру Волоху 1487 г. (Prochaska, Mat. arch. № 207) крестьяне servire tenebuntur more aliorum Walachorum in bonis seu villis episcopalibus consistentium.

[4]) 1430 г. Ягелло записываетъ Ивану Дзирецъ и Климашку (fratres germani de Stupnicza — не дѣти ли это валашскаго воеводы?) 200 гр. на валашскомъ поселеніи (villa Walachorum) Высоцкомъ въ Самб. землѣ. Братья должны ежегодно давать 100 барановъ pro dacione et stacione regali.

По эрекціонной грамотѣ Ладомиру Валаху на княжество (1487 г.) въ Перем. землѣ повинности крестьянъ состояли въ 4 баранахъ съ лана, 2 валашскихъ сырахъ, 2 подпругахъ, десятинѣ со свиней (кто не разводилъ свиней, платилъ по $^1/_2$ грошу), всѣ вмѣстѣ pro prandio $^1/_2$ гривны. Въ пользу солтиса крестьяне отбываютъ 2 дня толоки (laborabunt duos dies in anno, quibus ipse (Ladomir) comestionem et bibitionem, ut moris est, circa tales labores tenebitur (Proch. Mat. № 207).

Размѣръ повинностей въ XV вѣкѣ былъ весьма умѣренный[1]).

Въ XV ст. валашскіе поселенцы, особенно въ подгорныхъ мѣстностяхъ, кажется еще не отбывали панщины.

A. gr. XI, p. 348. Дѣло крайника орѣховскаго cum dom. vexillifero и его людьми pro agnis mensualibus al. *dan.* pro castro Sanok dandis annuatim. На Корчинскомъ сеймѣ 1472 г. временная подать (contributio fertonum) была опредѣлена съ лана по 6 гр., но «Valachi a quolibet centenario ovium per sex grossos dabunt (Bandtkie, I. Pol. p. 311).

[1]) Если считать барана въ 4 гр. (A. gr. XI), 2 сыра въ 2 гр., 2 подпруги въ 2 гр. (?) и $^1/_2$ гроша за porcorum decima, то всѣхъ платъ съ лана приходилось лишь около полугривны.

ГЛАВА III.

Мѣщанство въ Галицкой Руси XIV—XV в.

Въ княжескую эпоху, насколько можно судить по лѣтописнымъ даннымъ, галицко-русскій городъ не игралъ въ исторіи своей земли такой роли, какую играли города въ другихъ русскихъ земляхъ. Сила, какую пріобрѣло въ Галицкой Руси боярство. убила здѣсь самодѣятельность городскихъ общинъ. Не онѣ, а боярство является здѣсь рѣшителемъ судебъ земли. Боярство, а не вѣче, приглашаетъ и изгоняетъ князей, съ боярами, а не съ горожанами сносятся разные, какъ русскіе, такъ и иноземные, претенденты на княжескій столъ; бояре находятъ иногда возможнымъ обойтись и безъ князя, „вокняжиться“. На протяженіи нѣсколькихъ столѣтій мы едва два-три раза встрѣчаемся съ вѣчемъ въ галицко-русскихъ городахъ, да и то въ случаяхъ экстраординарныхъ[1]); на вѣче, какъ на нормальное явленіе, не находимъ никакихъ указаній.

---

*) Отдѣлъ о мѣщанствѣ будетъ очень кратокъ. До сихъ поръ издано слишкомъ мало матеріала для внутренней исторіи города Галицкой Руси. Занятія же въ архивѣ магистратскомъ Львова были для автора почти невозможны по причинамъ, указаннымъ имъ въ статьѣ Архивы въ Галиціи («Кіевская Старина», 1888, №№ 8 и 10). Поэтому-то нѣкоторые труды, какъ Kronika miasta Lwowa Зубрицкаго и Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie Лозиньскаго, по необходимости, играютъ роль первоисточниковъ, какъ основанные на архивномъ матерьалѣ (нерѣдко приводимомъ въ нихъ in extenso).

1) Ип. 228, вѣче въ Звенигородѣ во время осады его Всеволодомъ Ольговичемъ. 1144 г. Галичане приглашаютъ Ивана Ростиславича (Ип. 226), но лѣтопись очень часто подъ галичанами разумѣетъ галицкихъ бояръ. Лишь 2—3 раза упоминаются гражане. Ип. 586 («и посласа ко гражанамъ, рекуще «предайтеся, князь вашъ ятъ бысть») ib. 517... и бывшю ему (Даніилу) третіи день у Галичи, любяхуть же и гражане. Подъѣхавшю же ему подъ городъ, и рече имъ «о мужи градьстіи, доколѣ хощете терпѣти иноплеменьныхъ князий державу? Они же воскликнувше, рѣша «яко се есть держатель нашь, Богомъ данный...). Единственный разъ въ лѣтописи выступаетъ галицкая земля. Почувствовавъ приближеніе смерти, Ярославъ «созва мужа своя и всю галичкую землю, позва же и зборы вся и монастыря, и нищая и силныя и худыя» (Ип. 442), но у земли онъ проситъ лишь отпущенія грѣховъ («а отци и братья! простите и отдайте»), послѣднія же свои государственныя распоряженія (раз-

Нѣсколько бо́льшее, чѣмъ въ Галицкой Руси, значеніе имѣло, какъ кажется, вѣче на Волыни, но и тамъ оно рано глохнетъ[1]).

Органы городскаго управленія въ княжескій періодъ извѣстны намъ очень мало.

Въ болѣе крупныхъ городскихъ центрахъ находимъ воеводъ и тысяцкихъ. Мы думаемъ, что въ завѣдываніи тысяцкаго находилось какъ городское населеніе, такъ и населеніе подгородныхъ селъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ городомъ тысячу. Не можемъ для галицкой земли рѣшить вопроса о сосуществованіи должностей тысяцкаго и другихъ мѣстныхъ правителей. Однако по лѣтописи мы знаемъ только тысяцкихъ галицкихъ и перемышльскихъ; въ меньшихъ центрахъ упоминаются воеводы и даже тіуны. Не только одна близость тысяцкаго къ князю — въ перипетіяхъ XIII в. мы находимъ тысяцкихъ постоянно на сторонѣ князя — но и прямыя указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что тысяцкій — *княжескій* чиновникъ, а не земскій: тысяцкаго назначаетъ князь[2]).

лѣтъ княженія) излагаетъ только передъ мужами галицкими (такъ лѣтопись очень часто называетъ бояръ) и ихъ только приводитъ ко кресту.

[1]) Ип. 175, Василько и Володарь осаждаютъ Владиміръ «и посласта к Володимерцемъ» съ требованіемъ выдачи Туряка, Лазаря и Василія, совѣтниковъ Давыда на ослѣпленіе Василька; «гражани же слышавше се и созвониша вѣче, и рекоша Давидови людье на вѣчи: «выдай мужи сия, мы не бьемъся за сихъ, а за тя можемъ ся бити, а за сихъ не бьемъся; аще ли, то отворимъ ворота городу, а самъ промышляй о собѣ». Способъ созыва вѣча и тонъ рѣчи Владимерцевъ соотвѣтствуютъ фактамъ нормальной вѣчевой жизни Кіева и Новгорода.

Другой подобный же фактъ находимъ въ эпизодѣ той же борьбы Ростиславичей съ Давыдомъ. Смерть Мстислава Святополковича, убитаго при осадѣ Владиміра «таиша 3 дни, и въ четвертый повѣдаша и на вѣчи; и рекоша людье: «се князь убьенъ, да аще ся вдамы, и Святополкъ погубитъ ны» и послаша къ Святополку, глаголюще: «се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаемъ голодомъ; аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти» (Ип. 178). Активную роль играютъ Владимирцы и въ событіяхъ времени малолѣтства Романовичей (Ип. 481—82).

Самый поздній фактъ, свидѣтельствующій объ извѣстномъ значеніи Владимирской городской общины, принадлежитъ концу XIII в. Наслѣдникъ Владиміра Васильковича, Мстиславъ Даніиловичъ «вземъ же рядъ с братомъ, поѣха до Володимѣря, и пріѣхавъ Володимѣрь ѣха во пископью ко святѣй Богородици: и созва бояры Володимѣрьскыя брата своего, и мѣстичѣ Русцин и Нѣмцѣ и повелѣ передо всими чести грамоту братву о даньи землѣ и всѣхъ городовъ и столнаго города Володимѣря; и слышаша вси отъ мала и до велика» (Ип. 596).

Замѣтимъ, что боярство не играетъ на Волыни въ княжескій періодъ такой огромной роли, какъ въ Галицкой Руси.

[2]) Ип. 527 «Ростиславъ же... вои собравъ и Володислава невѣрного, пойде на Галичь; и пришедъ къ Печерѣ Домамири, и прельсти е Володиславъ, и вдашася Ростиславу; и оттуда, поима, пойде ко Галичю, рекый: «яко твой есть Галичь», *а самъ прия тысячю отъ него.*

Подъ тысяцкимъ находились сотскіе, число которыхъ намъ неизвѣстно [1]). Обѣ должности, и тысяцкаго, и сотскаго, постоянныя; тысяцкій начальствуетъ своимъ полкомъ въ походѣ — изъ этихъ двухъ фактовъ возможно съ вѣроятностью заключить объ административно-военномъ значеніи обѣихъ должностей.

О правахъ горожанъ, компетенціи городской общины въ княжескій періодъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго на основаніи сохранившихся данныхъ.

Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ основаній утверждать о какой-либо сословной отдѣльности городского населенія Черв. Руси въ княжескій періодъ.

Въ совершенно новый, кореннымъ образомъ отличный отъ стараго, фазисъ развитія вступаетъ южно-русскій городъ со времени польскаго владычества. Онъ обособляется отъ земли въ отдѣльную замкнутую общину съ своими правами и привилегіями; мѣщанство изъ класса становится сословіемъ.

Это обособленіе городского сословія явилось результатомъ введенія въ червонорусскіе города нѣмецкаго права.

Мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе вопроса, имѣли ли польскіе короли при введеніи нѣмецкаго устройства въ города цѣли только финансовыя, или вмѣстѣ съ тѣмъ и политическія, т.-е. хотѣли ли они создать третье сословіе, на которомъ бы, по примѣру королей западныхъ, могли съ теченіемъ времени опереться въ борьбѣ съ постоянно возроставшей силой шляхетства. Не будемъ также останавливаться и на общемъ вопросѣ о благопріятномъ или неблагопріятномъ вліяніи нѣмецкаго права на развитіе города въ Рѣчи Посполитой (послѣдній вопросъ изслѣдованъ уже въ двухъ русскихъ трудахъ)[2]), хотя не можемъ не замѣтить, что въ описываемый нами періодъ нѣмецкое право отразилось на городѣ скорѣе своими хорошими сторонами, чѣмъ дурными.

---

[1]) Въ XVI ст. населеніе и тѣхъ городовъ, которые уже пользовались нѣмецкимъ правомъ, было расписано на десятки, но такая организація имѣетъ уже иное значеніе. Такъ по люстраціи 1552 г. въ Кременцѣ «мѣщане подъ Марборскимъ правомъ въ месте и на передместью. *А росписаныхъ на десятки для обороны часу потребы* на замъку и въ месте: десятковъ всѣхъ 31, а домовъ триста семьдесятъ 6, а которые подъ присудомъ замковымъ» (Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VII, т. II, p. 30). Въ Барѣ, въ его русской части (miasto Ruskie) 12 десятковъ (12 десятниковъ; ib. p. 131).

[2]) М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ. С.-Пб. 1868, и В. Б. Антоновича (Архивъ Юго-Западной Руси, ч. V, т. I, Акты о городахъ 1432—1798 г.)

Въ послѣдующемъ насъ будутъ интересовать лишь слѣдующіе вопросы: 1) Каково было отношеніе новаго устройства города къ его старому русскому строю, т.-е. иначе, въ чемъ состояли коренныя отличія обоихъ устройствъ. 2) Остались ли какія черты стараго русскаго устройства при новыхъ порядкахъ. 3) Каковы были взаимныя отношенія разныхъ общинъ, составлявшихъ городъ (такъ какъ изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что новое устройство не охватывало цѣликомъ всего городского населенія) и 4) Какими особенностями въ устройствѣ и въ юридическихъ правахъ отличались эти общины [1]).

Нѣмецкое право появляется въ галицко-русскихъ городахъ еще въ русское время; но до времени польскаго господства оно имѣло здѣсь лишь характеръ частной привиллегіи нѣмецкимъ обитателямъ города — они еще въ русское время составляли въ городѣ

---

[1]) Галицко-русскіе города еще ждутъ своихъ историковъ. Въ городскихъ архивахъ многихъ изъ нихъ (особенно Львова и Перемышля) хранится богатѣйшій, очень мало еще разработанный, матеріалъ для внутренней исторіи червонорусскихъ городовъ съ конца XIV в. (нѣкоторыя указанія см. въ нашей статьѣ, Архивы въ Галиціи, «Кіевская старина», 1888 г., №№ 8 и 10). Къ изданію этого матеріала приступили только въ самое послѣднее время. Тамъ въ Akta grodzkie i ziemskie I—IX изданы почти всѣ грамоты до XVI в., касающіяся Львова, и много грамотъ, касающихся исторіи другихъ городовъ Гал. Руси. Богатый матеріалъ для исторіи внутренней жизни въ городахъ находится въ судебныхъ книгахъ галицко-русскихъ (Akta gr. XI—XVI). Львовскій магистратъ съ 1892 г. сталъ издавать древнѣйшія магистратскія книги своего архива (Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. I. Najstarsza księga miejska 1382—1389, wydal Dr. Aleksander Czołowski, we Lwowie, 1892).

Исторіи важнѣйшаго изъ галицко-русскихъ городовъ, Львова, посвящено и наибольшее число трудовъ. Кромѣ старыхъ трудовъ Зиморовича, Triplex Leopolis (польскій переводъ Пивоцкаго, Lwów 1833) Іозефовича (Annales urbis Leopoliensis — издана только часть), Ходынецкаго (Hystorya miasta Lwowa, Lwów 1829), Зубрицкаго (Kronika miasta Lwowa, Lwów 1844, — трудъ, не потерявшій цѣны по сіе время, хотя и содержитъ не мало ошибокъ), отмѣтимъ цѣнныя статьи Распа (Beiträge zur Geschichte der Stadt Lemberg, Archiv für oesterr. Gesch. Bd. 43), статьи Дѣлицкаго въ Słownik geograf. król. polskiego, и особенно талантливый трудъ Влад. Лозиньскаго, Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI и XVII wieku, изд. 2-е, we Lwowie, 1892 г.

Древней исторіи Львова посвящены труды Шаранѣвича, Стародавній Львівъ, Львовъ 1861 и Алекс. Чоловскаго (Lwów za ruskich czasów, we Lwowie 1891).

Для исторіи Перемышля см. Hauser, Monografia miasta Przemyśla; Anat. Lewicki, Obrazki z najdawniejszych dziejów Przemyśla, Przemyśl, 1881.

Для Галича, Із. Szaraniewicz, Trzy opisy historyczne staroksiężęczego grodu Halicza, Lwów 1883; Al. Czołowski, O położeniu starego Halicza, Lwów 1890. Библіографію исторіи прочихъ червонорусскихъ городовъ см. въ Słownik geogr. król. polskiego а также въ новомъ изданіе Starożytna Polska Балинскаго и Липинскаго.

отдѣльную общину съ своимъ войтомъ[1]). Такія же отдѣльныя общины вѣроятно составляли и другіе инородцы, жившіе въ городѣ. Въ русское время мы знаемъ только одну попытку распространить нѣмецкое устройство на весь городъ — попытка эта принадлежала Болеславу-Юрію, послѣднему галицко-русскому князю.

Совсѣмъ иное значеніе для города имѣетъ введеніе нѣмецкаго права со времени присоединенія Черв. Руси къ Польшѣ. Новое устройство распространяется теперь на весь городъ, который освобождается отъ власти мѣстныхъ правителей и образуетъ замкнутую самоуправляющуюся и самопополняющуюся общину. Для нѣкоторыхъ городовъ, гдѣ дѣйствительно существовали нѣмецкія общины, этотъ фактъ пріобрѣталъ какъ бы значеніе возвышенія нѣмецкой общины надъ всѣми прочими и подчиненія ей другихъ общинъ. Войтъ — представитель нѣмецкой общины — становится теперь представителемъ всего города. Такъ было напр. во Львовѣ, гдѣ долгое время войтъ и райцы были исключительно нѣмцы.

Обособивъ городъ отъ „земли“, нѣмецкое право съузило самое понятіе о городѣ, ввело въ старую демократическую русскую общину новые элементы — исключительности и аристократизма. Равные прежде по правамъ обитатели города рѣзко раздѣлились теперь на два класса — полноправныхъ мѣщанъ и неполноправныхъ обитателей. Съ теченіемъ времени и первый классъ разбился на два разряда, патриціевъ и плебеевъ. Хотя юридической разницы въ правахъ обоихъ разрядовъ перваго класса и не было, но de facto вся судьба города находилась въ рукахъ крѣпко сплоченнаго богатаго купечества. Только жители города въ тѣсномъ смыслѣ считались полноправными мѣщанами и пользовались всѣми выгодами нѣмецкаго права. Предмѣщане не имѣли правъ горожанъ.

Условіями для пріобрѣтенія права гражданства были: законное происхожденіе, христіанское вѣроисповѣданіе, добрая нравственность, засвидѣтельствованная какой-либо уважаемой личностью или урядомъ того мѣста, изъ котораго происходилъ аспирантъ,

---

[1]) Войтъ львовскій упоминается еще за время Льва (A. gr. II, № 1 подъ 1352 — жалованная грамота Казимира дѣтямъ умершаго львовскаго войта Матвѣя, подтверждающая имъ владѣніе имѣніемъ, пожалованнымъ ихъ *дѣду Бертольду, львовскому войту, княземъ Львомъ*). Въ Перемышлѣ войтъ упоминается еще подъ 1359 и 1366 г. (A. gr. VIII, № 3 и 5). Въ Ярославѣ подъ 1871 Михно войтъ ярославскій (Головацкій, № 4).

и наконецъ владѣніе недвижимой собственностью въ городѣ, стоимостью въ 300 зл.[1]). Иногда только католикамъ предоставлялось пользоваться нѣмецкимъ правомъ.

---

[1]) Дѣдицкій въ Słownik georg. król. polskiego, t. V, p. 506. Но Лозиньскій увеличиваетъ эту сумму до цыфры отъ 3000—6000 зл. (Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie, изд. 2-е, p. 17). Зубрицкій (p. 73) приводитъ фактъ, доказывающій необходимость владѣнія недвижимой собственностью въ городѣ для пріобрѣтенія городского права. Когда въ 1406 г. райца львовскій Леонгардъ подарилъ свой домъ на госпиталь, городская рада (въ видѣ исключенія) дала ему обязательство не принуждать его къ покупкѣ недвижимой собственности и дозволять ему и безъ этого торговать въ городѣ. Въ 1418 г. было постановлено, что для принятія въ городское право нужно было быть женатымъ и владѣть недвижимой собственностью, иначе платить въ городскую казну по 10 гривенъ (ib. p. 84). Не могли получить права мѣщанства холостые (ib. p. 26); они платили особую подать vectigal taurinum (bykowe въ люстраціяхъ XVI в.) (во Львовѣ съ 1411, Зубрицкій, Kr. M. Lw. 79). Принятый въ городскую общину платилъ вступное въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Подъ христіанской религіей иногда подразумѣвалось только католическое вѣроисповѣданіе. Въ нѣкоторыхъ наданіяхъ нѣм. права выразительно говорится, что имъ будутъ пользоваться только католики. См. напр. грамоту Витовта г. Соколову 1424 г. Starož. polska, 2-е изд. т. III, p. 531 (Mieszczan i włościan rodu polskiego lub niemieckiego przenosimy z prawa polskiego, lub ruskiego na niemieckie, zwane srodzkiem; *Rusinów zaś przi ich prawach zostawiamy).* Въ эрекціонной грамотѣ Казимира Львову на нѣм. право послѣднее, правда, распространяется на всѣхъ жителей города безъ ограниченія вѣроисповѣданіемъ (... et licet totae civitati predictae et omnibus habitantibus et commorantibus in ea tribuimus jus Magdeburgense... и выше: absolvimus insuper civitatem predictam et incolas ipsius quoslibet ab omnibus jurisdictionibus palatinorum etc.), но изъ многихъ актовъ мы видимъ, что и во Львовѣ для принятія армянина въ нѣм. право нужно было особое королевское разрѣшеніе. (A. gr. V, p. № 42, 78, 141. Въ послѣднемъ актѣ король разрѣшаетъ тремъ братьямъ армянамъ, Васькѣ, Стецьку и Ѳомѣ пользоваться нѣм. правомъ ...assecurantes et absolventes ab omnibus arrestacionibus, exaccionibus et solucionibus theloneorum nostrorum regalium, prefatos Armenos nostros iure simili gaudere facientes et uti, prout eciam serenissimus dominus rex Vladislaus, felicis recordii noster genitor carissimus, *aliis Armenos eodem iure civili consolabatur ex gracia speciali).*

Въ Перемышлѣ только въ 1458 г. всѣ cives et suburbani переводятся съ польскаго и русскаго права на нѣмецкое (A. gr. VI, № 28), между тѣмъ какъ н. право Перемышль получилъ въ 1389 г. (грамота Ягелла въ A. gr. V, № 19, но еще раньше упоминается войтъ перемышльскій въ грамотѣ 1359 г. (Головацкій, l. c. № 2 «Панъ войтъ перемышльскій» и A. gr. VIII, № 5; войтъ и райцы подъ 1386 г., ib. № 16).

Формулу аттестата въ доброй нравственности и хорошемъ поведеніи мы находимъ въ грамотѣ новосандецкаго магистрата, рекомендующаго магистрату львовскому своего согражданина Яна Розу и просящаго о принятіи его въ число львовскихъ гражданъ... recognoscentes quod is providus Iohannes Rosa in civitate nostra Sandeczensi iuxta ritum sanctae matris ecclesiae, legittime coniugato thoro honesto ac legittimo, honestis ex parentibus extat progenitus, genitore Iohanne Rosa, Martha vero genitrice eius originem trahens in civitate nostra Sandeczensi famamque laudabilem, probam et honestam conversacionem ac conservacionem, in omnibus a mi-

Такія условія естественнымъ образомъ создавали рознь между двумя разрядами городскихъ обывателей и дѣлали неполноправныхъ равнодушными къ судьбѣ городской общины, въ которой

---

nimo ad maximum duxit honesteque se aput nos conservavit; de quo nulla nota infamie, imo omne bonum laudabile et honestum temporibus, quibus nobis commansit, et in exteris partibus, prout audita percepimus, prorsus innotuit. A. gr. VII. № 98. Подобное же свидѣтельство выдаютъ въ 1460 г. каменецкіе райцы Яну Тривдалу (A. gr. VI, № 38).

Не всякій, принятый въ нѣм. право, пользовался всѣми его выгодами и получалъ полныя права мѣщанства. Не-католики (въ томъ числѣ православные русскіе и армяне) не могли быть избираемы въ лаву и магистратъ; русскіе и армяне не могли пріобрѣтать домовъ въ рынкѣ (Losiński, l. c. p. 340); de facto однако послѣднее ограниченіе и русскимъ и армянамъ удавалось обходить, что впрочемъ вело къ нескончаемымъ процессамъ. Лоянскій (p. 350) говоритъ, что хотя въ 1708 г. львовскіе русскіе вмѣстѣ со ставропигіей приняли унію, магистратъ львовскій все же не хотѣлъ допускать русскихъ къ городскимъ должностямъ, и права участвовать въ городской лавѣ и магистратѣ русскіе добились только путемъ процесса, тянувшагося 80 лѣтъ. Однако Зубрицкій (Kr. miasta Lwowa, p. 144) утверждаетъ, что до 1518 г. православные русскіе жили въ мирѣ съ католиками и вмѣстѣ съ ними засѣдали въ городской радѣ. Но въ числѣ приводимыхъ имъ райцевъ XIV—XV в. мы нашли только двухъ русскихъ — Hanuszko Czerkes Rusin (p. 73 и 84 подъ 1407 г.) и Mikuła Rusin (p. 114 подъ 1463 г.). Nicolaus Reuse (p. 76 ad. a. 1410) упоминается еще въ магистратскихъ книгахъ XIV в. (Pomn. dzieiowe Lwowa, № 590, 641). Однако есть основаніе считать его католикомъ. Подъ 1383 (ib. p. 57) выступаетъ Jencz *Ruteni*, т.-е. сынъ русскаго (filius quondam Johannis Reuse), а такъ обозначались лица русскаго происхожденія, перешедшія въ католицизмъ (ct. Johannes *Rutheni* Rector parochialis Ecclesie sancte Marie in Lemburga, A. gr. III, p. 92, 126). Замѣтимъ еще, что Neco Reuse былъ войтомъ въ 1403 г. (A. gr. II, p. 48), а райцею въ 1406—7 г. (A. gr. IV, p. 15, 21, 43, 47, 55; еще раньше въ 1402 г. лавникомъ, ib. p. 9, а Лаврентій Reusse — въ 1443—4 (A. gr. V, p. 118, XIV, p. 123).

Nicolaus Rutenus въ числѣ райцевъ встрѣчался подъ 1359 г. (A. gr. III, p. 23). Вѣроисповѣданіе двухъ райцевъ русскихъ (Ганушка Черкеса и Микиты) намъ не извѣстно. Пріобрѣтеніе недвижимой собственности въ городѣ для русскихъ и армянъ было ограничено опредѣленными пунктами (улицы Русская и Армянская). Русскіе и армяне долго не имѣли доступа въ нѣкоторые цехи (Losiński, l. c. p. 341), напр. въ цехи плавильщиковъ, золотарей. Въ 1386 г. перемышльскіе шевцы получаютъ тѣ же привилегіи, что и львовскіе, но, судя по тексту грамоты, дѣло идетъ только о шевцахъ католикахъ (A. gr. VI, № 1: omnia iura et singulas consuetudines, *quibus ipsi sutores catholici, Polonici sive Teutonici,* utuntur fruuntur et mancipiuntur in civitate Lemburgensi, in nullo prorsus diminuendo, eisdem dedimus, donavimus et temporibus perennibus contulimus inviolabiter observari. Русскіе шевцы, жившіе подъ Перемышльскимъ замкомъ, только въ 1439 г. получаютъ право: artem ipsorum sutoriam, prout ab antiquo laborabant et exercebant, exercere, laborare et ad eam quomodolibet necessaria in foro et extra forum eiusdem civitatis emere, vendere, comutare et de factis per eos indutiis disponere libere, secure et sine quovis advocati, consulum, civium, incolarum, sutorum et quorumcumque hominum eiusdem civitatis Polonicalium et in iure Teutonico manentium impedimento, prout alii ipsius civitatis Przemysliensis su-

они несли большія тяготы, но не пользовались никакими привилегіями.

Надѣляя городъ нѣмецкимъ правомъ, короли однако не разрушали разнородныхъ общинъ, населявшихъ городъ. Эти общины подчинялись теперь въ полицейскомъ и административномъ отношеніи городскому правительству, но въ извѣстныхъ границахъ продолжали сохранять свои права и привиллегіи. Въ судебномъ отношеніи зависимость этихъ общинъ отъ городского управленія не была безусловной: лицамъ, принадлежавшимъ къ національнымъ общинамъ предоставлялось право или судиться на основаніи нормъ нѣмецкаго права, или же на основаніи своего обычнаго права въ особыхъ смѣсныхъ судахъ, въ которыхъ судьями были представители ихъ общинъ, а предсѣдателемъ — представитель города, войтъ. Вопросъ о предѣлахъ компетенціи городскаго правительства надъ представителями разныхъ національностей, обитавшихъ въ городѣ, составлялъ постоянно objectum litis между національными общинами и городскимъ магистратомъ. De facto дѣло сводилось къ тому, что судебные казусы между представителями одной и той же общины рѣшались на судѣ однихъ ея представителей, а смѣсные суды играютъ роль главнымъ образомъ по претензіямъ третьихъ лицъ къ членамъ данной національной общины.

Въ грамотѣ Казимира Львову на нѣмецкое право указаны слѣдующія національности, которымъ дозволялось судиться смѣснымъ судомъ: армяне, русскіе, сарацины и евреи (хотя это право предоставлялось и aliis gentibus cujuscunque status vel conditionis existant). Что Армяне и Евреи составляли особыя общины со своими старшинами, это давно извѣстно; объ этихъ общинахъ мы скажемъ ниже.

Составляли ли русскіе, не пользовавшіеся нѣмецкимъ правомъ, такія же общины, какъ Армяне и Евреи?[1]).

Нѣкоторые изъ историковъ Львова[2]) утверждаютъ, что, въ противоположность Армянамъ, составлявшимъ отдѣльную автономическо-правовую общину, существовавшую на основаніи ряда привилегій, Русскіе составляли въ городахъ только вѣроиспо-

---

tores laborant, emunt, vendunt et exercent (A. gr. VI, № 19). Съ XVI ст. иноземцы съ трудомъприобрѣтаютъ городское право; почетное званіе мѣщанина обходится имъ очень дорого (Loziński, p. 19).

[1]) Замѣчательно, что армяне, какъ увидимъ ниже, перешедшіе на право нѣмецкое, не теряли связи со своей общиной.

[2]) Loziński, l, c. p. 14 и 308.

вѣдную общину, а не правовую, слѣдовательно не имѣли правильной организаціи.

Замѣтимъ на это слѣдующее: вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ не только доступъ къ полнымъ гражданскимъ правамъ, но и прочная осѣдлость были ограничены въ городѣ для не-католиковъ. Но юрисдикція городскаго магистрата распространялась первоначально только на городъ въ тѣсномъ смыслѣ. Городскія предмѣстья только съ теченіемъ времени мало-по-малу были подчиняемы городской юрисдикціи; неполноправное населеніе города (въ его широкомъ смыслѣ), бѣднѣйшіе классы ютились преимущественно въ предмѣстьяхъ (и подчиненные городскому магистрату предмѣщане не пользовались полными правами гражданства). Здѣсь по преимуществу живутъ Русскіе, Армяне и Евреи.

Въ періодъ независимости отъ городского правительства предмѣщане должны были имѣть свою отдѣльную организацію и юрисдикцію и свое *право*.

Изъ многихъ судебныхъ рѣшеній мы можемъ заключить, что не подчиненное городскому магистрату населеніе предмѣстья было подчинено въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ замковому уряду. Во главѣ завѣдыванія предмѣстьями стоялъ, какъ кажется, воевода. Подъ воеводой находились *сотскіе*, которымъ принадлежало какъ ближайшее завѣдываніе населеніемъ предмѣстій, такъ и завѣдываніе подзамковыми сотными людьми[1]).

Населеніе предмѣстій жило на *правѣ русскомъ* и слѣдовательно и судилось по тому же праву въ замковомъ судѣ[2]).

---

[1]) Въ Pomniki dzeyowe Lwowa, № 421 упоминается *староста* Михаилъ подъ 1386 г. Въ это время старостой (capitaneus) львовскимъ былъ Андрей. Не былъ ли это какой представитель львовской русской общины? Тіунъ перемышльскій Богданъ упоминается подъ 1359 и 1366 г. (Головацкій, № 2 и 3. A. gr. VIII, № 3 и 5), тіунъ de Sczirzicz подъ 1405 г. (A. gr. IV, p. 21).

[2]) A. gr. XIV, p. 128, львовскій бальщикъ Манько продаетъ армянскому бальщику Лазарю два дома ante portam Cracoviensem *in iure castri Ruthenico* existentes, обязываясь защищать покупателя отъ претензій своихъ родственниковъ iuxta consuetudinem iuris Ruthenici.

Въ 1415 г. армяне, приписанные къ церкви св. Іоанна въ Львовскомъ предмѣстьи, переводятся съ *права русскаго* на право армянское (A. gr. IV, № 32).

Въ Каменцѣ Подольскомъ еще въ 1565 г. русскіе составляли отдѣльную общину и судились по праву русскому (Miasto Kamieniecz ma w szobie troyaki narod ludzki, *troyaki obiczai prawa*. Poliaczy autoritate praeeminent, a szadza szie prawem Maydemburskym; *Ruse prawem y zwiczaiem ruskym sadza szie y woytha swego maja*; Ormiane—obiczaiem armenskym y woytha tez swego maya (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. II, p. 165).

Не всѣ предмѣстья въ XV в. переходятъ подъ юрисдикцію города; нѣкоторыя изъ нихъ остаются въ завѣдываніи замка[1]); но и въ тѣхъ предмѣстьяхъ, которыя были подчинены городскому магистрату, оставалось населеніе, подчиненное замку.

На русскомъ правѣ въ предмѣстьяхъ жили не одни Русскіе, а и инородцы, напр. Армяне.

Въ исторіи южно-русскаго города средняго періода армянамъ принадлежитъ весьма видное мѣсто[2]). Безъ всякаго преувеличенія

---

[1]) Во Львовѣ различаются Suburbium civile и Suburbium castrense (A. gr. XIV, p. 396, providus Paulus de suburbio civili); изъ A. gr. XIV, p. 155 можно бы заключить, что въ городскомъ предмѣстьи былъ свой войтъ (Hanusch advocatus in suburbio in Cerdonibus: въ этомъ году городскимъ войтомъ былъ Лаврентій, ib. p. 123 и A. gr. V, p. 118). Дома in suburbio ante portam Cracoviensem находятся in iure castrensi (A. gr. XIV, p. 164). Съ нихъ идетъ служба замку (A. gr. XV, p. 189). Предмѣстье pod zamczie оставалось въ вѣдѣніи замка и въ XVI в. (Л. М. IV B. 19, л. 152 об.).

[2]) Лучшій трудъ по исторіи южнорусскихъ армянъ принадлежитъ проф. Громницкому (Ormianie w Polsce, ich historya, prawa i przywileje, Warszawa 1889). Въ предисловіи къ этому труду (основанному по большей части на дипломатическомъ матеріалѣ) приведена и литература предмета. Изъ приведенныхъ авторомъ трудовъ наиболѣе важны: Sadok Barącz, Zywoty sławnych ormyan w Polsce, Lwów 1856 (богатство матеріала, но не мало увлеченій и ошибокъ), труды Бишофа: Ferd. Bichoff, Das alte Recht der Armenier in Polen (Oesterr. Blätter für Litteratur und Kunst, Wien 1857), Das alte Recht der Armenier in Lemberg, Wien 1862, Urkunden zur Geschichte der Armenier in Lemberg (Archiv für Kunde oesterr. Geschichtsquellen, Wien 1864), Zacharjasiewicz, Wiadomoszi o ormyanach w Polsce (Bibl. nauk. zakł. im. Ossol. 1842, т. II), Шараневичъ (Szkola, r. 1868), Sadok Barącz, Rys dziejów ormyanskich; Siarczyński, Galicya, jej ziemia, płody i ludy (Dod. tyg. przy Gaz. Lwowskiy 1857 r.). Очень много цѣннаго матеріала по исторіи армянъ въ галицкорусскихъ городахъ находится въ Akta grodzkie i ziemskie. (Многія изъ собранныхъ Бишофомъ привилегій армянамъ перепечатаны съ оригиналовъ въ первыхъ IX томахъ). Для бытовой исторіи львовскихъ армянъ особенно важны: Akta gr. т. XIV—XV и Pomniki dziejowe Lwowa, Lwow 1892. Не мало любопытныхъ бытовыхъ подробностей даетъ Wl. Loziński въ соч. Lwów starożytny II, Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI—XVII w. (главнымъ образомъ по неизданному матеріалу изъ Львовскаго городского архива). Въ Кіевскомъ центр. архивѣ, насколько намъ извѣстно, хранятся книги армянскаго суда въ Каменцѣ Подольскомъ (на арм. языкѣ). Книги Барскихъ армянъ возвращены изъ этого архива въ Баръ. Выписки изъ каменецъ-под. армянскихъ книгъ были дѣланы для Эмчіадзинской патріаршей библіотеки. О каменецкихъ армянахъ см. dr. Antoni J. Zamecki Podolskie I—III Warszawa 1880. О торговлѣ южнорусскихъ армянъ см. еще St. Koczynski, Osteurop. Handel im XV Jahrh. (Jahrb. für Nationalrekon. u. Statistik, XXXIV (1879 г.), p. 498. Латинскій текстъ сборника армянскаго права изданъ Бишофомъ (Das alte Recht der Arm. in Lemberg), польскій — Войцицкимъ въ Bibl. Warsz. 1842 и Bibl. starożytna pisarzów polskich, I. Важно было бы изученіе этого сборника и выдѣленіе изъ него

можно утверждать, что наиболѣе крупные торговые центры южной Руси, какъ Львовъ, Луцкъ, Каменецъ Подольскій, обязаны въ значительной степени своимъ богатствомъ, блескомъ и значеніемъ преимущественно армянамъ. Благодаря преимущественно этому бойкому, оборотливому и предпріимчивому народу южнорусскіе торговые центры стали посредниками торговли Востока съ Западомъ. Знакомые съ условіями жизни на Востокѣ, владѣвшіе восточными языками, хорошо оріентированные въ торговыхъ путяхъ на Востокъ, не лишенные личной храбрости и умѣнья владѣть оружіемъ, качествъ необходимыхъ для рискованныхъ экскурсій на Востокъ черезъ обширныя земли разбойническихъ народовъ, Армяне очень рано принялись за сухопутную торговлю Запада съ Востокомъ, а съ паденіемъ итальянскихъ колоній въ Крыму забрали ее въ свои ловкія руки.

Обширными торговыми оборотами и разными другими, часто менѣе почтенными, путями наживы Армяне достигли на Руси большаго богатства и личнаго значенія. Несмотря однако на это, Армянамъ не удалось пріобрѣсть даже въ тѣхъ центрахъ, которые, благодаря ихъ предпріимчивости и завидному примѣру, вступили на широкій путь торговой предпріимчивости, уваженія и юридическаго значенія. Въ общественномъ мнѣніи армяне стояли правда ступенью выше, чѣмъ Евреи, но во всякомъ случаѣ ниже нѣмцевъ.

Такое положеніе армянъ объясняется съ одной стороны ихъ религіозной отдѣльностью: и католики и православные одинаково считали ихъ за раскольниковъ, невѣрныхъ (infideles). Съ другой стороны это былъ народъ пришлый, стойкій въ своихъ оригинальныхъ восточныхъ обычаяхъ, народъ восточный, а къ Востоку и Русь и поляки и нѣмцы относились всегда съ недовѣріемъ. По физическому складу, языку, обычаямъ Армяне составляли группу совершенно отдѣльную, группировались въ своей общинѣ, рѣзко отличаясь отъ туземцевъ и западныхъ колонистовъ. Наконецъ личный характеръ Армянъ и нѣкоторыя не особенно

разныхъ наслоеній. Попытку этого дѣлаетъ I. Kohler, Das Recht der Armenier (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, VII Bd. I. Heft, Stuttgart, 1887). Исторія принятія армянами уніи — въ трудѣ проф. Павинскаго, Dzieje zjednocenia ormyan polskich z Kosciolom Rzymskiem, Źródla dziejowe, т. II, Warsz. 1876, см. еще Іозефовича, Annalium urbis Leopoliensis tomus extraneus (рукопись библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ). О языкѣ армянъ польскихъ см. I. Hanusz, o języku ormyan polskich, Rozpr. wydz. filolog. Akad. umiej., т. XI. Его же Einige slovischen Namen armenischer und türkischer Herkunft, Архивъ Ягича, Bd. IX, H. III.

симпатичныя отрасли ихъ дѣятельности (какъ лихва), а въ значительной мѣрѣ, конечно, и зависть къ богатству пришлыхъ инородцевъ, подрывавшихъ личные интересы мѣстнаго промышленнаго класса — все вмѣстѣ заставляло буржуазію южнорусскихъ городовъ недоброжелательно относиться къ Армянамъ [1]).

Появляются Армяне на Руси очень рано. Хотя мы и не можемъ признать достовѣрною грамоту, будто бы выданную имъ кіевскимъ великимъ княземъ въ 1062 г. [2]), но пребываніе Армянъ на Руси въ XI в. не подлежитъ сомнѣнію. Въ житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго есть разсказъ о его преніяхъ съ армянами кіевскими о вѣрѣ. И въ Кіевѣ конечно Армяне занимались торговлей и ремеслами.

Съ паденіемъ Кіева Армяне передвигаются въ юго-западные торговые центры; въ XIII ст. мы ихъ находимъ во Владимирѣ.

---

[1]) Громницкій утверждаетъ, что армяне не играли видной роли на Руси вслѣдствіе своей малочисленности (p. 52). Малочисленность армянъ была только относительная. Въ городахъ (а армяне въ нихъ-то почти исключительно и ютились) процентъ армянскаго населенія былъ весьма значителенъ, что видно изъ фактовъ, приведенныхъ у него въ гл. 9—10. Такъ въ Каменцѣ было около 900 домовъ, принадлежавшихъ армянамъ (p. 70), и около 1200 армянскихъ семействъ. Въ 1407 г. въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ Львова числилось 63 армянскихъ семьи, а 534 семьи остальныхъ обывателей: нѣмцевъ, русскихъ, поляковъ, татаръ. Zubrzycki, Kron. miasta Lwowa, p. 68. По Сярчинскому (Galicya, Dod. przy Gaz. Lwow. 1857) въ 1413 г. 3 тысячи армянскихъ семей пришли въ Молдавію, осѣли въ Сучавѣ и другихъ городахъ, часть оттуда перешла во Львовъ въ эпоху борьбы между наслѣдниками господаря Александра. Когда внутреннія раздоры нѣсколько улеглись въ Молдавіи, туда въ срединѣ XV в. переселилось снова немало армянъ изъ Львова (Kuczynski, l. c.).

[2]) См. у Бишофа, Urk. zur Gesch. der Arm. in Lemberg, и у Громницкаго по копіи 17 в. «privilegium Theodori Demetrii Ducis Russiae ex Ruthenico idiomate in latinum transpositum in an. Dei 1062 Armenis datum, cujus ea sunt verba: Ecce Magni Ducis Theodori Demetrii filii Nosohacensibus Armenis, qui huc volunt venire, veniant in auxilium meum, et ego vobis dabo libertatem ad tres annos et cum fueritis apud me, ubi quis voluerit, illuc ibit libere. Захарьясевичъ (у Громницкаго, p. 8), видѣвшій русскій оригиналъ этой грамоты, утверждаетъ, что на ней нѣтъ даты, тоже говоритъ и Бѣловскій (Bischof, l. c.), замѣчающій, что въ оригиналѣ нѣтъ и praenomen Zub (Theodor Zub), встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ копіяхъ, и что въ текстѣ можно прочесть — носохачкимъ и косокачкимъ армянамъ (б. м. наиболѣе правильное чтеніе — ко солхачскимъ). Дату 1062 Захарьясевичъ, какъ намъ кажется, удачно объясняетъ годомъ перевода грамоты на латинскій языкъ по армянскому лѣтоисчисленію (1062 = 1615 г.). Дата 1062 г. ввела многихъ въ заблужденіе — грамоту на основаніи такой даты относили къ XI в., а такъ какъ въ 1062 не было великаго князя Ѳедора Дмитріевича, то грамоту сочли подложной. Позволимъ себѣ предположеніе — не исходитъ ли эта грамота отъ Волынскаго князя Ѳедора Любартовича (христіанское имя Любарта — Димитрій); онъ скончался въ 1431 г. Dlugosch ed. Przezdziecki, l. XI, p. 455, Wolf, Ród. Gedymina, p. 76.

Съ усиліемъ значенія Львова, какъ торговаго центра, сюда стекаются изъ разныхъ мѣстъ Армяне, и здѣсь они свили себѣ самое прочное гнѣздо.

Кромѣ Львова очень рано находимъ Армянъ въ Луцкѣ, Каменцѣ Подольскомъ, Галичѣ, Ярославѣ и вообще во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ торговыхъ центрахъ Юго-Западной Руси[1]).

Вездѣ, куда только Армяне стекались въ значительномъ количествѣ, они составляли отдѣльную общину, имѣвшую самоуправленіе, своего войта, свое собраніе старѣйшинъ, своихъ священниковъ и въ болѣе крупныхъ центрахъ и епископовъ[2]).

Объемъ сферы самоуправленія армянской общины составляли постоянно objectum litis между армянами и горожанами. Первые стремились расширить его компетенцію, послѣдніе хотѣли подчинить армянъ присуду городскихъ властей. Съ третьей стороны, наконецъ, и старосты стремились подчинить своей судебной компетенціи не только армянскую общину, но и всѣхъ армянъ, которые были приняты въ городскую общину и, слѣдовательно, находились въ нѣмецкомъ правѣ[3]). Въ результатѣ безконечныя жалобы, протесты и процессы трехъ заинтересованныхъ сторонъ.

Наиболѣе данныхъ сохранили намъ акты о судьбѣ армянской общины во Львовѣ. Передадимъ здѣсь вкратцѣ исторію этой общины, останавливаясь главнымъ образомъ на вопросѣ о юридическомъ положеніи армянъ, не пользовавшихся нѣмецкимъ правомъ.

Мы не знаемъ о существованіи какихъ-либо особенно древнихъ грамотъ утверждавшихъ армянъ въ ихъ правахъ (о грамотѣ Ѳеодора Дмитріевича мы говорили выше). Казимиръ повидимому не выдалъ армянамъ отдѣльной грамоты, опредѣлявшей точно ихъ права и привиллегіи. Въ грамотѣ Львову на нѣмецкое право армянамъ, какъ и остальнымъ народамъ, заселявшимъ

---

[1]) Данныя о распространеніи армянъ въ предѣлахъ Польши собраны Громницкимъ, l. c., гл. 9—10. Въ 1432 г. луцкимъ армянамъ и евреямъ даются тѣ же привилегіи, что и львовскимъ (Inventarium priviligiorum etc. 271).

[2]) Во Львовѣ было даже два армянскихъ войта, одинъ въ городѣ, другой въ предмѣстьи (Pomn. dz. Lwowa, № 397. Богданъ, advocatus Armenorum, — 1386. A. gr. XIV, p. 166 упоминается advocatus Armenorum de suburbio). Consilium Armenorum A. gr. XIV, p. 141. Епископы армянскіе были во Львовѣ въ XIV в. (Pomn. dz. Lw. № 696, Gromnicki, p. 52), въ Луцкѣ, Каменцѣ Под., Ярославѣ (Громницкій, p. 69—71).

[3]) A. gr. XIV, p. 204.

Львовъ (русскимъ, евреямъ, сарацинамъ), подтверждаются ихъ старыя права, но въ очень общихъ выраженіяхъ.

Такъ же глухо говорятъ о правахъ армянъ и другія древнѣйшія грамоты польскихъ королей, ссылавшихся впрочемъ обыкновенно на привиллегіи удѣленныя армянамъ Казимиромъ.

Что во второй половинѣ XIV в. армяне имѣли своего собственнаго войта, это видно изъ грамоты Елисаветы армянамъ и львовскихъ магистратскихъ книгъ XIV в.

Самоуправленіе армянской общины постоянно стояло бѣльмомъ въ глазу у львовской городской общины. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій тянется процессъ львовскаго магистрата съ армянами о подсудности послѣднихъ. Городская община утверждала, что въ городѣ долженъ быть одинъ войтъ и его суду подчиняться всѣ горожане безъ различія національностей, на этомъ основаніи требовали упраздненія отдѣльнаго армянскаго войта.

Въ виду подобныхъ противоположныхъ претензій короли чувствовали себя въ довольно неловкомъ положеніи — имъ не хотѣлось обижать армянъ, приносившимъ правительству, по собственному заявленію, немалыя выгоды[1]), съ другой стороны значительные доходы съ городской общины дѣлали королей весьма снисходительными къ „вѣрнымъ и любезнымъ“ (fideles et dilecti) горожанамъ. Вѣсы королевскаго правосудія склонялась то на ту, то на другую сторону, то принимали нейтральное положеніе — компромиссомъ старались успокоить обѣ стороны.

На чьей сторонѣ были большія права?

Положеніе армянъ въ львовской городской общинѣ было дѣйствительно не совсѣмъ удобное — кромѣ платы общихъ городскихъ налоговъ и пошлинъ, на армянахъ лежала еще спеціальная подать[2]), отъ которой не освобождены были и армяне, получившіе

---

[1]) A quibus nobis comoda crescunt non modica, A. gr. V, № 42.

[2]) *Кошовица?* (A. gr. XV, p. 296). Въ 1440 король велитъ: «quod omnes et singuli Armeni, fide Armenorum viventes, quorum multi de iure suo Armenico se in ius Teutonicum transtulerunt, eoque pociantur et fruantur, ita scilicet quod dum et quociens ipsi Armeni per nos tanquam nostri subditi pro aliquibus dacionibus sive solucionibus requirentur, omnes unanimiter iuxta uniuscuiusque exigenciam pro eisdem solucionibus aut dacionibus ipsis per nos impositis contribuant et componant... (A. gr. V, p. 99).

Въ 1436 г. король проситъ Львовъ принять въ нѣм. право армянъ луцкихъ Сенька, Haczile и Мелешка, но послѣднихъ не освобождаетъ отъ пошлинъ, уплачиваемыхъ армянами (Bischoff, № 7). Но съ другой стороны, давая львовскимъ армянамъ Ивашку, Стецьку и Ѳомѣ нѣм. право, король освобождаетъ ихъ «a quibusvis

нѣмецкое право. Далѣе, обычное право армянъ отличалось значительно отъ постановленій права нѣмецкаго и польскаго. Однако армяне, повидимому, хотѣли судиться по своему праву и у своихъ судей не только между собою, но и по претензіи третьихъ лицъ — не армянъ, отказываясь въ такихъ случаяхъ подчиняться общему городскому присуду. Естественно, что городъ защищалъ свои права, требуя подсудности армянъ-отвѣтчиковъ по претензіямъ горожанъ другихъ національностей городскому войту.

Жалуя Львову нѣмецкое право, Казимиръ подтвердилъ въ то же время права разныхъ народовъ, обитавшихъ во Львовѣ, какъ-то: армянъ, жидовъ, сарацинъ, татаръ и русскихъ, при этомъ всѣмъ инородцамъ разрѣшено по дѣламъ, возникающимъ между членами отдѣльныхъ національностей или по иску членовъ одной національности къ членамъ другой [1]), судиться или по нѣмецкому праву, или по своимъ правамъ, но въ присутствіи и предсѣдательствѣ городского войта.

Подтверждая права и привилегіи армянъ, Елисавета поручаетъ ихъ опекѣ старостъ [2]), между тѣмъ какъ грамотой Казимира львовскіе армяне подчинялись присуду городского войта (въ смѣсномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ войта). Это противорѣчіе въ актахъ имѣло для армянъ непріятныя послѣдствія: жившіе за чертою города армяне находились на *правѣ русскомъ* и были подчинены присуду замка [3]).

---

theloneis et foralibus Leopoliensibus, nobis per ceteros Armenos solvi et dari consuetis» (A. gr. V, p. 182). Въ 1563 г. Армяне жалуются королю, что нѣкоторые изъ нихъ выходятъ изъ-подъ армянскаго права въ другія права simulque onera debita denegare consueverunt (Bischoff, № 35). Король запрещаетъ армянамъ переходъ подъ другое право.

[1]) Такъ я понимаю выраженіе грамоты: «dantes tamen facultatem eis ut pro quibuscumque causis vel criminibus inter ipsos aut inter eos vel *alias* (nationes?) quibuscumque super causis vel articulis emergentibus, habuerint questionem, licitum sit eis pridicti Iure Madeburgense uti coram advocati et perfrui juxta eorum peticionem petitam et oblatam. (A. gr. III, № 5).

[2]) A. gr. III, № 29... vobis nichilominus nostro fideli Baroni domino Ianussio, Capitaneo terre sepius nominate, singulariter committimus, insimantes, quatinus superios dictos Armenos ab hominum quorum libet iniurys, molestys et perturbacionibus universis tueri et protegere sollicite debeatis et in eorum iure per vos et quemlibet vestrum nec non alios in terra Russie constitutos more pristino permittatis cum effectu. Армянамъ въ общихъ выраженіяхъ подтверждаются права въ привилегіи, какими они пользовались въ эпоху Казимира. Грамоту Елисаветы подтверждаютъ Людовикъ и Ягелло (ib. № 31 и 45).

[3]) Только въ 1415 г. Армяне, жившіе на землѣ церкви св. Іоанна extra muros civitatis Leopoliensis переводятся съ права русскаго на право армянское, какимъ

Старосты стремятся и всѣхъ армянъ подчинить своей власти. Въ этомъ отношеніи характерно дѣло, занесенное въ львовскія гродскія книги подъ 1446 г.[1]). Львовскій староста, Петръ Одровонжсъ, требуетъ, чтобы всѣ армяне, находившіеся на правѣ нѣмецкомъ, подчинялись замковому суду и требуетъ этого подъ угрозою смертной казни. Армянскій войтъ Христко храбро однако отстаиваетъ права своихъ соплеменниковъ. Онъ не хочетъ назвать армянъ, находящихся на правѣ нѣмецкомъ. „Я не могу приказывать имъ, такъ какъ они живутъ на правѣ нѣмецкомъ, и судятся по этому праву".

Въ этомъ процессѣ, по всей вѣроятности, принялъ участіе и городъ, отстаивавшій подчиненіе своему присуду армянъ, жившихъ на правѣ нѣмецкомъ. Участіе города въ этомъ процессѣ ясно изъ соглашенія львовскаго магистрата со старостою, состоявшемся въ 1460 г.[2]). Староста отказывается отъ претензій на юрисдикцію надъ армянами, какъ жившими во Львовѣ, такъ и за его стѣнами, сохраняя только юрисдикцію надъ армянами, жившими издревле подъ замкомъ. Однако львовскій магистратъ не хотѣлъ ограничиться этой побѣдой. Отдѣльность армянской общины, имѣвшей своихъ войтовъ (одного въ городѣ, одного въ предмѣстьи)[3]), своихъ старѣйшинъ[4]), свое право, подчинен-

пользовались армяне львовскіе, освобождаются отъ присуда замковыхъ чиновниковъ, получаютъ своего войта, отвѣчающаго только передъ каноникомъ церкви; войтъ судитъ ихъ по армянскому праву и по тому же праву отвѣчаетъ самъ передъ каноникомъ (A. gr. IV, № 32. Замѣчательно, что формула грамоты буквально сходна съ формой грамоты на право нѣмецкое).

[1]) A. gr. XIV, p. 204.

[2]) A. gr. VI, № 41.

[3]) Войтъ армянскій упоминается еще въ концѣ XIV ст. Pomniki dziejowe Lwowa, № 497. Войтъ предмѣстья, A. gr. XIV, p. 166. По Лозинскому (l. c. p. 277) первый изъ старѣйшихъ армянскихъ (войтъ?) носилъ громкое названіе «начальника армянскаго народа» (dyrektor narodu ormiańskiego) или по-армянски «erospochan».

[4]) Послѣдніе именуются «armeni scabini iurati» (A. gr. XV, p. 269), seniores consilii Armenorum (A. gr. XIV, p. 141). Въ Pomn. dziejowe Lwowa (№ 492) есть случай смѣснаго суда надъ армянами Sewoncz filio Meletschy и Tholak filio Thaycz — судъ in iure provinciali — предсѣдательствуетъ Pascho de Odirborg, pallatinus parvi castri съ 3 шляхетскими асессорами, Богданомъ армянскимъ войтомъ и армяниномъ Herbytho, сыномъ Тенегана изъ Владимира (a. 1387). Нужно думать, что судившіеся армяне жили въ львовскомъ предмѣстьи и поэтому подчинялись присуду замка.

Для смѣснаго суда старости съ армянскими старѣйшинами см. A. gr. XIV, p. 107, 110, 115—116. Для суда городского войта съ армянскими старѣйшинами см. A. gr. VII, № 69 (1474). Засѣданія такого суда происходили in pretorio Leopoliensi (A. gr. XV, p. 269) Armeni scabini iurati in pretorio Leopoliensi iudicialiter residentes). Впрочемъ львовяне изъ за мѣста засѣданій такого смѣснаго суда спо-

ной только въ ограниченныхъ размѣрахъ присуду городскаго магистрата, стояла бѣльмомъ въ глазу у гордыхъ львовскихъ патриціевъ. И вотъ начинается долгій процессъ магистрата съ армянами объ ихъ взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ.

Какъ мы уже говорили, дѣла между армянами судились на смѣсномъ судѣ; судьями были армянскіе старѣйшины, предсѣдательствовалъ городской войтъ; такой судъ рѣшалъ дѣла по праву армянскому.

Но кромѣ мѣстныхъ армянъ, постоянныхъ обитателей Львова, въ этотъ центральный торговый городъ южной Руси массами постоянно наѣзжали армяне изъ другихъ южнорусскихъ городовъ, изъ Крыма, Арменіи, Венеціи и пр. Вопросъ о подсудности иногородныхъ и иноземныхъ армянъ составлялъ долго камень раздора между тремя заинтересованными въ этомъ дѣлѣ сторонами — львовской армянской общиной, городскимъ магистратомъ и старостами. Старосты стремились подчинить своей юрисдикціи всѣхъ иноземныхъ купцовъ, прибывавшихъ въ городъ. Городской магистратъ требовалъ ихъ подчиненія своему суду по праву нѣмецкому. Наконецъ въ частности относительно армянъ возникалъ еще вопросъ о *правѣ*, по которому они должны судиться: магистратъ утверждалъ, что иноземные армяне, какъ прочіе иноземные купцы, должны судиться по праву нѣмецкому; армяне требовали того же смѣснаго суда для иноземныхъ армянъ, какой былъ установленъ для армянъ львовскихъ. Всѣ три стороны, помимо вопроса о предѣлахъ своей юридической компетенціи, были въ этомъ дѣлѣ заинтересованы и съ финансовой стороны — кто судилъ, тому и шли судебныя пошлины.

Сначала побѣду надъ остальными конкуррентами одержалъ городъ. Въ 1444 г. король подчиняетъ всѣхъ пребывающихъ во Львовѣ иноземныхъ купцовъ, грековъ, армянъ, сарацинъ, евреевъ, бесерменъ и представителей всякихъ другихъ національностей, будь то христіане или язычники, присуду городского суда по праву нѣмецкому[1]).

рили съ армянами: армяне утверждали, что въ смѣсномъ судѣ войта съ армянскими старѣйшинами послѣдніе должны засѣдать in pretorio et scabellis et locis scabinorum, райцы львовскіе утверждаютъ, что армянскіе старѣйшины могутъ засѣдать in pretorio, только не in subsellis scabinorum. Король рѣшаетъ дѣло въ пользу львовскихъ райцевъ. Смыслъ спора понятенъ — львовскіе райцы хотятъ этой мелочной формальной придиркой оттѣнить неполноправность армянъ, лишенныхъ права принимать активное участіе въ городскомъ управленіи (документъ въ сборникѣ Бишофа № 27).

[1]) A. gr. V, № 104.

Однако королевскія грамоты и городскія привиллегіи имѣли весьма мало значенія въ глазахъ такихъ самовластныхъ распорядителей судебъ Червоной Руси, какими были въ XV в. Одрованжи. Мы видѣли, что послѣдніе путемъ разныхъ угрозъ (а вѣроятно и насилій) хотѣли подчинить своей компетенціи даже мѣстныхъ армянъ, принятыхъ въ нѣмецкое право. Только въ 1460 г. львовскій староста Андрей Одрованжъ призналъ право городского суда надъ прибывающими въ городъ иноземными купцами[1]).

Споры города съ армянской общиной о подсудности иноземныхъ армянъ, прибывавшихъ во Львовъ, продолжались дольше. Къ нѣкоторому соглашенію пришли обѣ стороны въ 1469 г. — дѣла между армянами львовскими попрежнему должны были рѣшаться въ смѣсномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ городского войта, и въ такомъ случаѣ судебныя пошлины шли въ пользу армянскихъ старѣйшинъ, но по дѣламъ между иноземными армянами всѣ пошлины судебныя поступали цѣликомъ въ пользу городского войта[2]).

Судебная компетенція армянской общины была однако еще болѣе ограничена грамотами королевскими 1476 и 1510 г. Первой уголовныя дѣла (насиліе, убійство, пораненія), возникавшія между львовскими армянами были изъяты изъ смѣснаго суда и подчинены суду войта и городскихъ лавниковъ, въ остальныхъ дѣлахъ былъ оставленъ прежній порядокъ суда. Аппелляція отъ суда войта шла въ судъ королевскій[3]).

Еще болѣе ограничиваетъ судебную компетенцію армянской общины королевскій декретъ 1510 г.[4]). Еще во время пребы-

---

[1]) A. gr. VI, № 41 ...hospites eciam ab undecunque venientes et signanter hospites transmarinos tam Christianos quam paganos cuiuscunque generis et conditionis extiterint, in iurisdicionem et civitatem Leopoliensem venientes, pro omnibus questionibus coram nemine de se querulantibus respondebunt, nisi in iure civili coram advocato Leopoliensi. Этому соглашенію предшествовалъ долгій процессъ, въ которомъ приняли участіе разные польскіе города, какъ Познань и Данцигъ, свидѣтельствовавшіе передъ королемъ, что Львову издревле принадлежала юрисдикція надъ иноземными купцами (ib. № 34 и 35). Любопытно, что львовянамъ нужно было такое свидѣтельство третьихъ лицъ въ то время, когда они имѣли совершенно опредѣленно устанавливавшую это право королевскую грамоту 1444 г.

[2]) Gromnicki, l. c. p. 54. Въ сборникѣ Бишофа ни этой грамоты, ни слѣдующей 1476 нѣтъ; послѣдняя находится въ сборникѣ армянскихъ привиллегій, собранныхъ Бѣловскимъ и хранящемся въ музеѣ Оссолинскихъ во Львовѣ.

[3]) Gromnicki, ibidem.

[4]) Bischof, l. c. № 23.

ванія короля во Львовѣ магистратъ жалуется ему, что армяне не хотятъ подчиняться городскому войту, утверждая, что имѣютъ своего войта. Король отложилъ рѣшеніе этого спора до будущаго Петроковскаго сейма, куда были вызваны обѣ стороны. Львовяне представили на сеймѣ документальныя доказательства того, что въ городѣ долженъ быть только одинъ войтъ, суду котораго подлежатъ представители всѣхъ національностей, жившихъ въ городѣ Армяне не могли доказать своего права на отдѣльнаго войта. Процессъ былъ поэтому выигранъ львовскимъ магистратомъ[1]). Однако и декретомъ 1510 г. судебная компетенція армянской общины не была окончательно упразднена; она была только значительно ограничена. Изъ вѣдѣнія смѣснаго суда, кромѣ дѣлъ, упомянутыхъ въ декретѣ 1469 г. (насиліе, убійство, и въ актѣ 1510 г. еще воровство) были изъяты еще всѣ дѣла по недвижимой собственности (pro bonis et rebus immobilibus, puta hereditatibus, domibus, hortis et agris et aliis ejus generis). Такія дѣла были теперь подчинены суду городского войта. По всѣмъ остальнымъ дѣламъ (pro aliis rebus et eventibus pro tempore Armenos contingentibus, hoc est si alieni in aliqua culpabiles essent) оставленъ прежній смѣсный судъ войта съ шестью армянскими старѣйшинами loco scabinorum, которые судятъ ихъ по нормамъ армянскаго права. Апелляція по дѣламъ перваго рода должна была итти въ высшій судъ по нѣмецкому праву (jus Theutonicum superius), по дѣламъ второго рода — прямо къ королю.

Вслѣдствіе возникшихъ споровъ по вопросу о взиманіи судебныхъ пошлинъ декретомъ 1518 г. судебныя пошлины въ смѣсныхъ дѣлахъ рѣшено дѣлить пополамъ между войтомъ и армянскими старѣйшинами, засѣдавшими на судѣ[2]).

Мы не станемъ здѣсь слѣдить за дальнѣйшими прерѣканіями армянской общины съ городомъ; замѣтимъ только, что армянская община съ своими отдѣльными правами просуществовала во Львовѣ до самаго конца XVIII ст.[3]). Еще въ 1519 г. армяне представили королю латинскій переводъ своего національнаго кодекса и въ указанныхъ выше случаяхъ судились по своему

[1]) Bischoff, № 23.

[2]) Ib. № 26.

[3]) Армяне продолжали жить отдѣльной общиной, имѣли свои собранія, на которыхъ выбирали епископовъ, священниковъ, разбирали вопросы церковнаго характера, занимались дѣлами о призрѣніи бѣдныхъ (они имѣли свои школы и госпитали), дѣлами по завѣщаніямъ и пр. (Bischoff. l. c. № 36 и 50.

праву до 1784 г., когда были упразднены спеціальные армянскіе суды[2]).

Несмотря на то, что многіе армяне были приняты въ нѣмецкое право, магистратъ львовскій никакъ не хотѣлъ признавать равноправность армянъ съ другими горожанами. Онъ утверждалъ, что армяне вслѣдствіе разницы въ языкѣ и религіи не могутъ быть полноправными гражданами (pares ipsis non esse ac certis limitibus ultra reliquos cives Leopolienses inclusos esse[3]); львовяне не останавливались и передъ инсинуаціями: они набрасываютъ тѣнь на политическую благонадежность армянъ, заявляя, что собранія армянъ, происходившія въ ночное время за стѣнами города, весьма подозрительны[4]).

Это были конечно не совсѣмъ почтенныя орудія въ борьбѣ магистрата съ армянской общиной. Въ основаніи такого сильнаго нерасположенія львовянъ къ армянской общинѣ, помимо оскорбленнаго чувства самолюбія городскихъ патриціевъ, видѣвшихъ въ армянской общинѣ status in statu, лежали главнымъ образомъ причины экономическія. Львовяне боялись „ne universa prorsus civitas ab illis occuparetur“[5]). Они жалуются, что львовскій рынокъ грозитъ весь перейти въ руки армянъ, — въ концѣ XVI в. изъ 38 оптовыхъ лавокъ на рынкѣ (institae divites) 22 принадлежатъ армянамъ, и только 8 католикамъ и 6 русскимъ, а среди мелкихъ лавокъ (institae pauperes) католикамъ принадлежатъ 2, русскимъ 3, а остальныя 18 — армянамъ[6]).

Львовяне указываютъ, что издревле армянамъ, русскимъ и евреямъ былъ опредѣленъ извѣстный maximum домовъ, которыми они имѣли право владѣть въ городѣ[7]), просятъ запретить армянамъ покупку домовъ у католиковъ. Однако оказалось, что магистратъ былъ не совсѣмъ правъ — ни въ какихъ королевскихъ декретахъ не было обозначено число городскихъ домовъ,

---

[2]) Gromnicki, l. c. p. 56.

[3]) Bischoff. l. c. № 37.

[4]) Ib. № 36. Армяне, какъ знакомые съ восточными языками, исполняли обыкновенно важную въ то время роль толмачей (цѣлый рядъ ихъ см. въ Pomniki dziejowe Lwowa) и тайныхъ агентовъ, посылаемыхъ польскими королями на Востокъ и въ Турцію (интересныя подробности см. у Лозинскаго, l. c. глава VII). Случалось, что армяне принимались за политическія интриги и на свой страхъ, какъ напр. въ дѣлахъ Молдавіи (ib. p. 284).

[5]) Bischoff, № 36.

[6]) Bischoff. l. c. № 46.

[7]) Ex antiqua civitatis illius locatione certus numerus platearum Armenis, Ruthenis et Judeis designata est... Bischoff. l. c. № 36.

какимъ могли владѣть армяне. Дѣло окончилось компромиссомъ въ 1600 г.[1]). Король предоставилъ армянамъ право на владѣніе 73 домами въ городѣ (т.-е. вѣроятно утвердилъ во владѣніи всѣхъ наличныхъ домовладѣльцевъ-армянъ), не включая въ это число дома „qua in negociis ecclesiasticis utuntur“[2]), двухъ церковныхъ домовъ, школы и гошпиталя.

Хотя на общихъ собраніяхъ всѣхъ городскихъ чиновъ армянскіе старѣйшины и занимали второе мѣсто[3]), но и имъ, какъ некатоликамъ, нельзя было занимать городскихъ должностей и вступать въ извѣстные цехи[4]).

---

[1]) Ib. № 50.

[2]) Этотъ домъ — мѣсто собраній армянъ — называется по-армянски «хучъ» (chuc, kucz). Loziński, l. c. p. 291.

[3]) Ib. p. 265.

[4]) Впрочемъ уже въ XIV ст. мы находимъ во Львовѣ не мало армянъ-католиковъ (Pomn. dz. Lwowa, p. 4, 10, 13, 17, 26 etc.). Въ XV в. разрѣшались еще браки католиковъ съ армянками и обратно. Такъ львовскій архіепископъ разрѣшаетъ армянину Леонарду бракъ съ крещеной по католическому обряду татаркой подъ условіемъ не склонять ее ни въ какую иную вѣру, армянскую или русскую, не заставлять исполнять армянскихъ обрядовъ; дѣти отъ этого брака должны быть крещены по католическому обряду (A. gr. IX, № 84 между 1451—1477 г.).

Богатыя армянки нерѣдко выходили замужъ за русскихъ шляхтичей (A. gr. XIV, p, 433—4, 302—4, 309, 312).

Армяне-мѣщане до запрещенія мѣщанамъ владѣть землей имѣли земельныя недвижимыя имущества (A. gr. III, № 23 продажа имѣнія армяниномъ Мардромъ Яну Маховичу).

Отдѣльные армяне пріобрѣтали и шляхетское достоинство (A. gr. IX, № 28 Gregorius miles Armenicalis, A. gr. XV, p. 107 армянинъ interpres Thartarorum cubicularius Regis, nobilis, A. gr. XIV, p. 145, 260 — Nobilis Petrus armenus de Stronyathin, ib. p. 34 Nob. Holubej armenus. См. еще нѣсколько фактовъ у Лозинскаго, гл. VII. Любопытную характеристику армянъ находимъ у двухъ писателей XVII в. Янъ Аламбекъ, львовскій мѣщанинъ, такъ характеризуетъ современныхъ ему армянъ львовскихъ: «Młodzieńce czujni, nieustraszeni; mężowe przebiegli i rozmiłowani w okazałości; starcy żarliwi i gościnni; dziewczyny uparte o śniadej twarzy, kobiety troche gminne, na starość jadowite» (Loziński, l. c. p. 266).

Путешественникъ второй половины XVII в. Ulryk v. Werdum даетъ объ армянахъ львовскихъ слѣд. отзывъ: «...trzymają sią z dala od Polaków i innych narodów i religij, prawie zupełnie na podobieństwo Żydow, są jednak tak genereux i dumni (herrisch) jak tamci nędzni i służalczy (abject und knechtisch). Po ich krewkiej (robust) i ciemnej twarzy, z wypukłemi bezczelnemi oczami można ich od wszystkich innych ludzi równie łatwo odróżnić, jak Żydow niezwłocznie po ich bladej glupowatej twarzy (bleichfarbene Blödigkeit). Nie łatwo się kojarzą małżeństwem z obcymi, nie pohodzącymi z ich narodowości, a są zarazem największymi i najprzebieglejszymi kupcami, jakich znaleśc można.

Къ этому онъ прибавляетъ, что въ его время едва ли кто изъ армянъ, кромѣ язловецкихъ, понималъ письменный армянскій языкъ; современный же ихъ разговор-

Евреи появляются весьма рано на Руси[1]). Если пребываніе ихъ въ Кіевѣ въ X в. — только весьма вѣроятная гипотеза, то отъ XI и XII в. сохранилось въ лѣтописи, Патерикѣ и посланіяхъ іерарховъ не мало свѣдѣній о кіевскихъ евреяхъ. Конечно въ Кіевъ привлекала евреевъ его торговая слава, и евреи прочно осѣдаютъ тамъ, занимаясь торговлей и другими коммерческими операціями, среди которыхъ связанная съ самимъ именемъ еврея лихва занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ числѣ предметовъ торговли евреевъ живой человѣческій товаръ занималъ видное мѣсто. Естественно, что уже тогда евреи, помимо національной и религіозной антипатіи къ нимъ христіанскаго населенія, вызывали и экономическую вражду, выразившуюся жидотрепаніемъ въ самомъ началѣ XII в.

ный языкъ былъ значительно усвященъ татарскими словами (Liske, Cudzoziemcy w Polsce, Lwów, 1876, p. 81—2).

[1]) О евреяхъ въ Польшѣ и юго-западной Руси см. T. Czacki, Rozprawa o żydach i karaitach (въ изданіи Bibliotheka Polska Туровскаго); H. Sternberg, Geschichte der Juden in Polen unter den Piasten und den Jagiellonen, Leipzig, 1878; Al. Kraushar, Historia żydów w Polsce, I—II, Warszawa 1865—66; W. A. Maciejowski, Żydzi w Polsce, na Rusi i Litwie, Warsz. 1878; L. Gumplowicz, Prawodawstwo polskie względem żydów, Kraków, 1867.

Ѳ. И. Леонтовича, Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ (Кіевскія Универс. Извѣстія, 1864, №№ 3—4).

Критическая оцѣнка всѣхъ упомянутыхъ трудовъ — въ сочиненіи С. А. Бершадскаго, Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи, С.-Пб. 1883 (приложенія — 2 тома: Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ). Рецензія на соч. С. А. Бершадскаго принадлежитъ М. Ф. Владимирскому-Буданову (Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г.). См. еще Dr. Ph. Bloch, Die Generalprivilegien der polnischen Judenschaft (Zeitschrift der Hist. Gesellschaft für die Provinz Posen, 1891, и отдѣльно), Marcelli Janecki, Erhielten die Juden in Polen durch die Taufe den Adelstand, Berlin, 1888. Не доступно для нашего пользованія, какъ писанное на еврейскомъ языкѣ, соч. Dembicera, Kelilat Jofi, трактующее о львовскихъ раввинахъ и знаменитыхъ польскихъ и литовскихъ евреяхъ (см. Kwart. Historyczny, 1894 I; тамъ же перечисленіе другихъ трудовъ на еврейскомъ языкѣ, касающихся исторіи евреевъ въ Польшѣ, и резенція соч. Wetstein, Quellenschriften zur Geschichte der Juden in Polen insbesondere in Krakau).

О евреяхъ въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ см. любопытную и весьма остроумную статью И. И. Малышевскаго (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1878 г. №№ 6 и 9). Впрочемъ уважаемый авторъ, увлекаясь своей темой, придаетъ, какъ намъ кажется, слишкомъ большое значеніе дѣятельности евреевъ X—XII вѣка въ Кіевѣ. Въ разныхъ политическихъ интригахъ того времени авторъ хочетъ видѣть участіе евреевъ на томъ одномъ лишь основаніи, что евреи всегда были склонны къ всякимъ интригамъ, разъ они могли изъ нихъ извлекать для себя выгоду.

Для XVIII в. см. Арх. юго-зап. Россіи, ч. V, т. II (2 выпуска). Матеріалы для исторической статистики еврейскаго населенія въ XVIII в.

Съ паденіемъ торговаго значенія Кіева евреи направляются въ новые крупные центры какъ сѣверо-восточной, такъ и юго-западной Руси. Во второй половинѣ XII в. мы ихъ застаемъ во Владимирѣ на Клязьмѣ[1]), въ XIII ст. во Владимирѣ Волынскомъ[2]), а вѣроятно кромѣ того и въ другихъ крупныхъ торговыхъ центрахъ юго-западной Руси, Львовѣ, Холмѣ. По крайней мѣрѣ въ срединѣ XIV ст. мы застаемъ евреевъ уже крѣпко засѣвшими во Львовѣ.

Въ грамотѣ Казимира Львову на нѣмецкое право въ числѣ національностей, которымъ предоставляется судиться по нормамъ права нѣмецкаго или, если онѣ этого не хотятъ, по своему праву, но подъ предсѣдательствомъ городского войта, фигурируютъ и евреи[3]).

[1]) Ип. 401.

[2]). Ип. 605. Смерть Владимира Васильковича горько оплакивали владимирскіе евреи: «и жидове плакахуся аки и во взятье Иерусалиму».

[3]) A. gr., № 5. Въ львовскихъ магистратскихъ книгахъ конца XIV в. (Pomniki dziejowe Lwowa) мы встрѣчаемъ евреевъ почти исключительно въ роли ростовщиковъ. Евреи появляются въ этихъ документахъ только по дѣламъ о займахъ, залогахъ, запрещеніяхъ на какое-либо имущество (№№ 15, 286, 556, 311, 601, 618—19, 47, 57, 72 etc.). Чаще всего фигурируетъ въ этихъ актахъ еврей Шлома. Кромѣ него Czene (247), Яковъ, сынъ Исачка (74, 150, 248, 349), Исачко (74), Шано (128, 619, 639). Армяне въ этихъ актахъ выступаютъ несравненно чаще, чѣмъ евреи. Но въ окладной переписи 1405 г. нѣтъ евреевъ во Львовѣ; Зубрицкій (Kr. m. Lwowa, p. 69) объясняетъ это тѣмъ, что на евреевъ, какъ не подлежавшихъ городскому праву, не была наложена экстраординарная подать (pro redimenda terra Dobrynensi), послужившая поводомъ къ переписи мѣщанскаго населенія Львова.

Мы имѣемъ нѣкоторыя данныя о числѣ евреевъ въ городахъ юго-западной Руси въ люстраціяхъ второй половины XVI ст. (Лит. метр. IV, В. 12 и 19). Число евреевъ во Львовѣ не обозначено; знаемъ лишь, что городскіе евреи платили старостѣ za *zrubke* и za obrone 31 зл. Въ замковомъ предмѣстьѣ 14 еврейскихъ домовъ. Но въ 1575 г. христіане во Львовѣ уплатили экстраординарной подати 1280 зл. 29 гр., а евреи — 297 зл. 15 гр. (Зубрицкій, l. c., p. 198). Если подать была наложена на всѣхъ поровну, то это доказывало бы, что число евреевъ равнялось почти $^1/_5$ всего населенія города. С. А. Бершадскій (Лит. евреи, p. 84) находитъ это число незначительнымъ (?). Главнымъ мѣстомъ жительства львовскихъ евреевъ было Краковское предмѣстье (Loziński, l. c., p. 376).

Въ *Перемышлѣ* еврейскихъ домовъ 13, съ нихъ чинша по 4 зл. Комориковъ еврейскихъ 10, платящихъ по 2 зл.

Въ *Холмѣ* евреи платятъ королевскаго чоса 30 зл. и 12 ф. перца (въ числѣ городскихъ домовъ находимъ дома Мейера доктоpовича, Ильяша доктора, кантора еврейскаго, еврейскій госпиталь). Въ городѣ 20 крамницъ — всѣ еврейскія (между держащими крамницы — одинъ докторъ и два докторовича). Всѣхъ домовъ въ паркани — 100, на предмѣстьи — 148.

Въ *Любомлѣ* евреи платятъ королевскаго чоса — 40 зл.

Въ *Ратно* евреи чоса — 15 зл. Всѣхъ домовъ на городскомъ правѣ 249.

Но евреи львовскіе не ограничиваются этой общей грамотой, подтверждающей права всѣхъ національностей, обитавшихъ городъ. Имъ удается выхлопотать въ 1387 г. особую королевскую грамоту, распространявшую и на червонорусскихъ евреевъ тѣ привиллегіи, какими пользовались евреи въ Польшѣ[1]).

Привиллегія 1387 есть лишь подтвержденіе привилегіи Кази-

Въ *Городнѣ* евреи платятъ чосъ ałs na czapkę — зл. 12. Крамницъ еврейскихъ 7.

Въ *Грубешовѣ* евреевъ 5.

Въ *Тишовцѣ* евреи держатъ rzeznitcztwo jatecznie и платятъ, сколько есть евреевъ хозяевъ и коморниковъ, а ихъ — 42, платящихъ по камню сальцоваго лою. Всѣ евреи — чоса или za czapkę — зл. 4.

Въ *Сокалѣ* только 2 еврейскихъ дома. Но по люстраціи 1570 г. (Dod. przy Gaz. Lwowskiej 1859 г.) еврейскихъ домовъ 12 (2-е прибыли въ годъ люстраціи), платятъ по 1 флорину (всѣхъ домовъ въ Сокалѣ 222).

Въ *Хмельникѣ* 5 евреевъ (всѣхъ мѣщанъ осѣдлыхъ въ Хмельникѣ 170, предмѣщанъ 62).

Въ *Снятинѣ* евреевъ 10, платящихъ za czapkę по 52 гроша. Домовъ на старомъ мѣстѣ 72, хозяевъ въ предмѣстьи 103.

Въ *Любачевѣ* евреевъ 2 хозяина, платящихъ чосу по 2 червонныхъ злотыхъ, а третій коморникъ, платящій гр. 52.

Занимаясь почти исключительно торговлей и ремеслами, евреи естественно селяли преимущественно болѣе крупные торговые центры. Поэтому, напр., въ землѣ Саноцкой (см. A. gr., XI, предисловіе) мы почти не встрѣчаемъ евреевъ въ XV в., тогда какъ въ львовскихъ судебныхъ книгахъ XV в. евреи фигурируютъ постоянно.

Что въ Галичѣ въ XV в. было мало евреевъ, видно изъ A. gr., XII, p. 124, гдѣ по дѣлу шляхтича съ евреемъ рѣшено справиться во Львовѣ, какъ евреи приносятъ присягу. По люстраціи 1565 г. въ Галичѣ евреевъ хозяевъ 29 и 13 коморниковъ. Первые платили по 30 грошей, вторые по 15. Кромѣ того школьникъ и канторъ были освобождены отъ чинша.

Въ Теребовлѣ по люстраціи 1565 г. было всего 5 евреевъ хозяевъ и 5 коморниковъ, первые кромѣ обыкновеннаго чинша уплачивали еще старостѣ по червонному злотому, вторые по полузлотому. Всѣхъ же мѣщанъ-хозяевъ было въ Теребовлѣ 237.

[1]) См. Przewodnik naukowy 1873, т. II и Bloch, Die Generalprivilegien der polnischen Judenschaft, p. 37. «Judeis nostris in Lamburgo et tota terra Russie constitutis». Замѣтимъ, что въ 1367 г Казиміръ далъ общую привилегію малопольскимъ евреямъ («Judeis nostris in Cracovia, in Sandomiria, in Lamburgo»; (текстъ у Блоха, p. 12 sq.). Поэтому-то и не было нужды въ спеціальной привилегіи львовскимъ евреямъ. Мы думаемъ поэтому, что найденный Вислоцкимъ и напечатанный имъ (Przew. nauk. 1873, II) текстъ спеціальной будто бы грамоты львовскимъ евреямъ (въ подтвержденіи Ягелла) есть лишь *частная* копія привиллегіи малопольскимъ евреямъ, сдѣланная кѣмъ-либо ad usum; переписчикъ (б. м. для какихъ-либо цѣлей) сдѣлалъ (помимо другихъ, указанныхъ Блохомъ, измѣненій въ текстѣ) измѣненіе въ первыхъ строкахъ грамоты, замѣнивъ «Judeis in Crac., Sand. и Lamb.» вышеприведеннымъ контекстомъ — in Lamb. et tota t. R. constitutis (обѣ грамоты носятъ дату 1367 in conductu Pasche — свидѣтели одни и тѣ же). Въ такомъ видѣ грамота могла быть представлена на утвержденіе Ягелла въ 1387 г.

мира (1367) малопольскимъ евреямъ. Въ основѣ же послѣдней лежитъ привиллегія Болеслава Благочестиваго 1264 г.[1]).

Статутъ Казимира, составленный въ весьма благопріятномъ для евреевъ смыслѣ (нѣкоторые §§ статута Болеслава существенно измѣнены въ пользу евреевъ) занимается главнымъ образомъ вопросами объ отношеніи евреевъ къ христіанамъ, подсудности евреевъ, огражденіи ихъ личности и имущества, регулируетъ денежныя сдѣлки евреевъ съ христіанами и пр.

Посмотримъ теперь, каково было въ Червоной Руси положеніе евреевъ de facto (въ XIV—XV вв.), въ какомъ отношеніи къ статутамъ стояла жизненная практика.

По грамотѣ Львову на нѣмецкое право евреямъ, какъ мы видѣли, разрѣшалось судиться или по нормамъ нѣмецкаго права, или же по нормамъ своего права въ смѣсномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ городскаго войта.

По привиллегіи евреямъ 1367 г. судебная компетенція надъ евреями принадлежитъ старостѣ или воеводѣ или назначенному старостой судьѣ евреевъ (judex Judeorum), который долженъ судить евреевъ по ихъ праву, въ присутствіи еврейскихъ судей (старшинъ)[2]).

По находящимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ мы можемъ здѣсь говорить главнымъ образомъ о практикѣ суда въ отношеніи евреевъ, подчиненныхъ старостѣ[3]).

---

[1]) Въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе отношеній однихъ привиллегій къ другимъ. Отсылаемъ по этому вопросу читателя къ указанному сочиненію Блоха

[2]) §§ о подсудности евреевъ изложены крайне запутанно въ разныхъ редакціяхъ Статута 1367 г. Такъ въ § 8 по дѣламъ между евреями въ одной редакціи говорится о судѣ старосты, воеводы или войта (?), а въ другой о судѣ воеводы или еврейскаго войта (I: sed nos tantummodo aut noster capitaneus, pallatinus vel advocatus judicium exercebit..., въ другой редакціи — nostri capitanei palatinus vel *advocatus ipsorum* (Bloch, p. 16). Въ §§ 15, 18, 19, 23 говорится о спеціальномъ судьѣ евреевъ (Iudex Judeorum), см. особенно § 19: Item Iudex eorum non debet sententiam sine Judeis promulgare nec proferre, при чемъ въ одной редакціи добавлено nisi prius habito super hoc speciali ipsorum Judeorum consensu. Въ Львовскомъ предмѣстьи находимъ въ XV в. еврейскаго войта (A. gr. XV, p. 297—8).

[3]) Евреи жились главнымъ образомъ по предмѣстьямъ, а, какъ мы видѣли, предмѣстья и послѣ надѣленія города нѣм. правомъ оставались еще въ вѣдѣніи замковаго уряда. Въ люстраціи Львовскаго староства 1570 г. (Sprawozdanie dyrekcyi c. k. Wyższego gimnazyum realnego w Stryju za rok szkolny 1890, w Stryju, 1890, p. 9) читаемъ о евреяхъ: «Żydowie w mieście i na miejskiem gruncie mieszkający tylko z strony prowentów, które powinni królowi Jmci, panu staroście podlegli pod jurysdykcyą starościna. A ci co pokupili na przedmieściu zamkowem u przedmieszczan domy i grunty, weszli in iurisdictionem castrensem et in omnia onera i prowentów tych domów i gruntów zarówno jako insi tegoż przedmiescia incolae.

Привиллегія 1367 г. устанавливаетъ слѣдующій порядокъ вызова евреевъ въ судъ: истецъ повидимому долженъ обращаться сначала къ еврейскому суду при синагогѣ, или школѣ; вызывать евреевъ въ общіе суды имѣетъ право только староста[1]).

Такой порядокъ подтверждается и актами: евреи требуютъ вызова въ судъ черезъ своего школьника[2]). Судъ происходитъ въ еврейской синагогѣ, или школѣ; судятъ еврейскіе старѣйшины подъ предсѣдательствомъ судьи евреевъ.

Судья евреевъ – должность постоянная. Староста назначаетъ такимъ судьей кого-либо изъ шляхтичей[3]).

Апелляція отъ judicium Judeorum идетъ въ судъ гродскій. Судъ производитъ или самъ староста, или подстароста, или спеціально для такихъ дѣлъ назначаемый судья вмѣстѣ съ шляхетскими асессорами и еврейскими старшинами[4]).

О чинѣ съ евреевъ предмѣстья ревизоры замѣчаютъ: Dyferencyą tę tak deklarowaliśmy, iż 30 florenorum w regestrze rewizorskim stoi, tedy non obstantibus quietationibus demortuorum quorundam capitaneorum na 18 otrzymanych, mają dawać per fl. 30. (ib., p. 33).

[1]) Такъ я понимаю крайне плохо изложенные §§ 31 и 23: Item contra Judeum non nisi in scholis vel ubi judicantur Judei omnes prope dotem (по объясненію Бloxa dos означаетъ школу еврейскую) exceptis nobis aut nostro capitaneo qui eos possumus ad nostram presentiam evocare.

§ 23: Item si judex Judeorum secundum causam inter eos ortam judicium deducat, ubi per querimoniam est invitatus, Judei circa scholas vel ubi elegerint, debent iudicare ante meridiem.

[2]) A. gr. XIV, p. 270 ...domini, adiudicato michi super ea penam, quia me non debite citavit *secundum ius meum, non schkolnykem* nolo sibi respondere.

Ib. p. 484. Fam. ds. Clemens civis Leop. nobili Francisco de Dzewyanthniki pro Aaron Judeo fideiussit ipsum statuere in duob. sept. *ante scolam Judeorum*.

[3]) Въ этой должности находимъ подъ 1440 г. Стефана Быдловскаго (A. gr. XIV, p. 20), а съ 1445—47 г. — Николая Страдовскаго (ib., p. 182—8, 3, 193, 238).

[4]) Составъ суда по еврейскимъ дѣламъ въ гродѣ весьма разнообразенъ: то мы находимъ въ такомъ судѣ постояннаго судью евреевъ вмѣстѣ съ гродскимъ судьей и еврейскими старшинами (A. gr. XIV, p. 193), то старосту съ подстаростою, асессорами и евр. старш. (ib. p. 330), то подстаросту съ асессорами и евр. старш. (ib. p. 333), то подстаросту съ асессорами, magistro civium, райцами, представителями итальянскихъ купцовъ, евр. старш. (ib., p. 360), cf. 383 — подстароста, гродскій судья, львовскіе райцы и евр. старш., то спеціально назначеннаго судью (judex Judeorum specialiter deputatus) съ евр. старш. (ib., p. 19), то подстаросту съ гродскимъ судьей и евр. старш. (ib., p. 484, XV, 337, 360, 295, 303, 339, 191, 282, 402, 356). Такимъ образомъ мы видимъ, что постояннымъ лицомъ въ такомъ jure iudaico castrensi (ib., p. 333, 282) является подстароста; другіе асессоры (кромѣ, конечно, гродскаго судьи, по большей части засѣдающаго въ такомъ судѣ) появляются здѣсь случайно, то въ качествѣ экспертовъ, то свидѣтелей. Встрѣчаемъ случаи (cf. выше), когда судъ производитъ подстароста съ еврейскими старѣйшинами и безъ гродскаго судьи. Подстароста, какъ кажется, завѣдывалъ евреями и въ полицейскомъ отношеніи.

Въ такомъ судѣ рѣшеніе постановлялось на основаніи права еврейскаго.

Но евреи могли отступать отъ своего еврейскаго права (recedere a jure suo Judeico) и просить суда на основаніи нормъ общаго права[1]).

Изъ многихъ судебныхъ дѣлъ видно, что судъ въ постановленіи рѣшеній держался довольно строго привиллегій евреямъ. Встрѣчаемъ даже прямыя ссылки на привиллегіи[2]).

Существовали особые libri Judeorum, куда вносились протоколы еврейскаго суда (XIV, 237, XV, p. 397 liber Belzensis Judaicus, Acta d. Pal. Belzensis iuris Judaici). Книги эти велись отдѣльно отъ книгъ гродскаго суда (A. gr. XV, p. 282 ...hanc inscriptionem Smoel ad primam posicionem librorum Judaicorum sub vadio centum marc. inducere in libruum Judaicum debet).

[1]) A. gr. XIV, p. 374, 383, 478, XV, 185.

[2]) A. gr. XV, p. 350 Nos itaque Moysi Judeo decrevimus sexaginta marcas pro capite patris ipsius *iuxta cittacionem et literam seu privilegium Judaycum datum sub sigillo et titulo olym Kazymiri Regis Polonie M. D. Lithwanie.* Et pene Regie Majestatis, prout sua Serenitas gratiam suam sibi ostendet.

Ib. p. 351. Nos itaque decrevimus pro capite ipsius Jude nomine Thobiam per ipsum Cristofforum interfectum sangwinem ipsius effudendo iuxta privilegium Judaycum, quem habent datum sub sigillo et titulo olym Kazymiri Regis Polonie, quod Cristofforus debet solvere sexaginta marc. et bona ipsius mobilia et immobilia in gratiam Johannis Alberti Regis Pol. prout sua Serenitas gratiam suam sibi ostendet.

cf. §§ 10 и 11 привилегіи Казимира (Bloch, p. 16); эти §§ ближе подходятъ къ рѣшенію суда, чѣмъ §§ статута 1447 (Bandtkie, Jus Pol. §§ 13 и 14), на который ссылается судъ: такъ въ § 10: item si Christianus Judeum occiderit, digno iudicis puniatur, collum et omnia reorum mobilia et immobilia in nostram transeant potestatem.

§ 11. Item si Judeum Christianus occiderit ita tamen quod sanguinem non effudit, poena simili requiratur secundum consuetudinem nostram, quemadmodum in terra nostra pro nobili est consuetum si vero pecuniam habere non poterit, idem pro commisso, sicut statutum fuerit, punietur, vel caput pro capite decernatur.

По статуту 1447 г. конфискація имущества примѣняется къ христіанину, убѣжавшему послѣ убійства еврея.

Таксу въ 60 гр. находимъ и въ дѣлѣ о повѣшеніи щирецкимъ войтомъ львовскаго еврея (A. gr. XIV, p. 249 — pro capite 63 m. 18 gr.).

Присяга евреевъ происходитъ также согласно еврейскимъ привиллегіямъ: A. gr. XV, p. 403. Судъ рѣшаетъ «quod Judeus habet iurare ad rotam al. *ukoly*, quod prefatas res suprascriptas non subtraxit neque de eis scit et *hoc ideo Judeus debet iurare ad rotam, alias ukolcza, quia Judei non debent iurare ad eandem rotam alias ukolcza, nisi pro re, que se extendit ad quinquaginta marc.*

Но въ ст. Казимира (Bloch, § 20): Item statuimus, quod nullus Judeus iurabit super *rodale* ipsorum, nisi se causa extendat usque ad quinquaginta marcas argenti puri fusi, vel sit ad nostram presenciam causa revoluta, *pro minoribus autem* causis iurabit ad rotulam scholae implicite et inficte (у Бандтке: «ante scholas ante ostium dictae scholae»). Bloch объясняетъ rodale — Torahrolle, a rotula (rota) — Thürring).

Но если со стороны правительства евреи встрѣчали не только защиту, но и расположеніе[1]), то въ мѣстномъ населеніи они постоянно вызываютъ экономическую и національную вражду.

Львовяне жалуются, что евреи обходятъ львовскій складъ товаровъ, ведутъ не дозволенную имъ торговлю вразбродь и пр. (1484 г.). Дѣло это тянется много лѣтъ. Король вызываетъ въ 1488 г. обѣ стороны въ судъ. Евреи могли представить только свои общія привиллегіи (privilegium, continens ius quo admissi sunt in regnum et quo agitare et iudicari debent sine aliqua mencione et concessione faciente ad eorum propositum), въ которыхъ не было никакихъ частныхъ постановленій о способахъ производства торговли, почему король и рѣшаетъ дѣло въ пользу львовянъ[2]).

Однако евреи, опираясь на покровительство магнатовъ[3]), пропускаютъ мимо ушей это королевское рѣшеніе и продолжаютъ

Форма еврейской присяги A. gr. XIV, p. 479. Sic me Deus vivus adiuvat et lex Moysi et decem precepta Dei, quia scio et testificor etc. (форма присяги на 10 заповѣдяхъ у Bandtkie, J. Pol., p. 20).

Привесеніе евреемъ присяги свидѣтельствуетъ школьникъ (A. gr. XV, p. 303).

Невыкупленные въ теченіе 1 года и 1 дня залоги могутъ быть евреями проданы (A. gr. XV, p. 337, 297); cf. § 28 у Блоха.

Претензіи христіанъ къ евреямъ должны быть доказываемы свидѣтелями христіанами и евреями (A. gr. XIV, p. 360, cf. Bloch, § 1).

[1]) Отдѣльнымъ лицамъ еврейскаго происхожденія короли даже жалуютъ земли; т. н. въ 1425 г. Ягелло жалуетъ львовскому мытнику, еврею Волчку, пустошь Вербежъ пожизненно, а въ 1427 г. дозволяетъ устроить въ немъ солтысство (A. gr. II, № 45 и 46; король точно извиняется, что такъ милостивъ по отношенію къ еврею: considerato et attento, quod Wolczko, Judeus de Leopoli, Thelonator noster sui moras incolatus in medio Cristi fidelium faciens et in ritu suo execrabili se exercens quantum in eo suarum virium sufficiebat facultas, ad mandata nostre Majestatis pronum reddidit....).

Въ роли сборщиковъ податей постоянно находимъ евреевъ (A. gr. XIV Schachno Judeus, львовскій сборщикъ; Nathko Judeus, thelonator Grodecensis et zupparius Drohobyczensis; ib. Moyses Jordan A. gr. XV, p. 316 etc. Только на Радомскомъ сеймѣ 1505 г. евреямъ было запрещено брать на откупа мыта и вообще исправлять какія-либо общественныя должности (Арх. Бернард. A. Castr. Prem., t. IV, p. 69; § 5: De Judeis ad officia non instituendis. Judei theloneis et tributis exigendis reliquisque officiis publicis non preficiantur).

[2]) A. gr. VII, №№ 74, 89, 94.

[3]) A. gr. IX, № 143: Verum quia hac vice nonnulli Judei de Myedzibosche et *Ostrog* huiusmodi depositorium Leopoliense fuerant transgressi et eorum merces propterea fuerunt per eosdem cives Leopolienses iuxta eorum iura arestate, quas licet *ad magnas preces omnium consiliariorum Maiestati nostre factas*, cum difficultate relaxavimus....

попрежнему обходить львовскій складъ. Въ 1502 г. король подтверждаетъ прежнее постановленіе, запрещавшее обходить львовскій складъ подъ угрозою конфискаціи товаровъ[1]).

Но и это королевское постановленіе произвело очень мало впечатлѣнія на евреевъ, и жалобы львовянъ на противную львовскимъ привиллегіямъ торговлю евреевъ продолжаются постоянно[2]).

Но несмотря на всѣ протестаціи львовянъ, еврейство, имѣвшее сильную опору въ лицѣ магнатовъ, тѣснилось со всѣхъ сторонъ въ этотъ крупнѣйшій торговый центръ южной Руси, и къ срединѣ XVII в. захватило въ свои руки всю его торговлю[3]).

Что касается прочихъ инородныхъ обитателей Львова, то мы не имѣемъ данныхъ, чтобы они составляли отдѣльныя общины со своими спеціальными правами. Временно пріѣзжавшіе иностранные купцы подчинялись юрисдикціи городскаго магистрата, а переселившіеся на постоянное жительство во Львовъ иностранцы часто пріобрѣтали городское право[4]).

Изъ всего сказаннаго видно, что городу для успѣшнаго внутренняго развитія недоставало единенія горожанъ. Городъ состоитъ изъ внѣшняго агломерата отдѣльныхъ общинъ, каждая со своими спеціальными правами и привиллегіями; разобщенность интересовъ, національная и экономическая вражда характеризуютъ взаимныя отношенія этихъ общинъ.

---

[1]) Ib. Жалобы на незаконную торговлю евреевъ въ Львовскомъ предмѣстьи, A. gr IX, № 119. cf. A. gr. XV, p. 385.

[2]) Зубрицкій, Kr. m. Lwowa, p. 136, 143, 151—2.

[3]) См. любопытную жалобу у Лозинскаго, l. c., p. 192—3.

Кромѣ евреевъ-раввинистовъ во Львовѣ были и караимы: см. A. gr. XV, p. 179.

[4]) Итальянцы, ведшіе обширныя торговыя сношенія со Львовомъ, имѣли здѣсь своего консула (Messopero Petrus Italicus de Ansaldo, heres Licostomi, consul Francorum, A. gr. XIV, p. 35, 37 etc. См. и главу V у Лозинскаго, Patr. i miesz. Lw.).

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Къ р. I, прим. 1. См. еще: В. Милькович, Студія критичнѣ над исторіею русько-полською. Часть I, 1340—1387. Львôвъ, 1893.

Іванов, Картка з исторії Волині на початку XIV віку (Записки наукового товариства імени Шевченка, т. II, у Львові, 1893).

Къ р. 16, пр. 10 воевода Саноцкій, A. gr. VIII, № 17 (1388 г.) и № 25 (1396 г.).

Къ р. 20, пр. 2; A. gr. VII, № 13 (1377) Костко Болестратицкій княжны писарь. Панъ судья Сіаноцькый въ документѣ Казимира слузѣ своіему Иванови (Арх. Чартор. Diplom. № 164, см. дальше, р. 195).

Къ р. 22. Convencio in Moscisca 1438 г., куда ѣздили львовскіе райцы «in arduis causis civitatis» (Зубрицкій, Kron. miasta Lwowa, p. 99). Convencio въ Коломыѣ 1444 г. всѣхъ старостъ Руси подъ предсѣдательствомъ краковскаго старосты и каштеляна Яна de Ciszow locum seren. d. Regis in Regno Pol. tenentis cum Mf. P. Odrow. Pol. Leop., totiusque terre R. Cap. gen., J. de Knyeh. d. Halic., Nic. Parawa de Lublin, Cap. Rohat. ex. Halic., nec non Nic. de Gologor et gen. Mich. Muzilo de Buczacz Cap. Colom. et. Sniatin. ceterisque omnibus capitaneis et dominis in terra R. constitutis). A. gr. V, № 97 (10 февр. 1444).

Къ р. 55 пр. Inventar. ed. Rykaczewski, p. 249. 2 грамоты Сеньку Татариновичу (Leo dux Russiae servitori suo Siemkoni Tatarzynowicz in bonis Samboriensibus donat certas sortes seu Drożysczcza (sic! дворища) dąbrowa dictas. Datum in antiqua Sambor, a. 1265.

Leo dux Russiae servitoribus suis donat Latinow in Praemisliensi districtu.

Головацкій, Пам. дипл. яз., № 55, грамота 1415 г. Ягелла попу Михаилу Терлецкому «а также оставляемъ его іако за князя Льва были, за русскихъ княжатъ» (Та же грамота на лат. яз. у Тургенева, Supplem. ad hist. Russ. monum., № 165).

Лит. Метр. IV B., 8, p. 148. Hordinsczi. Hordinie i Dorozewo. Okazali listh xzięczia Lwa przess Krola J. M. dzisiejszego approbowany na wiess Hordinie, Dorozewo, listh dobry stari quatenus in usu, a wsakze iednak pothem vznanie o takowych liscziech od xyiązęczia Lwa do drugiego seymu Krol. J. M. odlozil, zgadalosia iednak przi takich liscziech revisiei panom niemalo zeby takie byly dobre, ktore mają pieczęczi z zubem. A isz snacz iusz byl mial bycz iakiss decreth Lubelski okolo nich. A tak przed drugiem seymem dostacz bendzie decrethu Lubelskiego.

Ib., p. 148 об. Kolcziczki. Kolczicze.

Roman Kolcziczki listh na wiesz Kolczicze od tegoss Lwa list dobry quatenus in usu albo czego (?) iesth in possessione, yednak ysz takowy list p. Deputacze do Krola J. M. A Krol J. M. potem jako y pierwszi na drugi seym.

Ib. 127. Od Pawla Marczina y Andrzeia Rogozinskich, od Barthossa i Mikolaia Ritherowskich y ynych p. Jan Wolosieczki, ktorego zona ma tesz do thego interessa. Ukazal listi na Ritherowicze, Rogozno i liasz Radochon od xziązeczią Lwa przesz Wladzislawa y Kazimierza confirmowane, a wsakze isz iescze o takich liscziech

kziązęczią Lwa niebyla nigdi cognitia, iesli maią bicz trzimane, czili nie, do Krola J. M. A Krol J. M. pothem uznawanie okolo takich listow na drugi seym przelosicz raczil.

Къ p. 65. См. еще A. gr. XVI, p. 63: *Nobil. Rutheni* heredes de Dobra, Mass, Iwan *faber* cum Mal filio, Siemon Bryz, Jacow, Damko, Danilo, Michitha, Michalo Wasilovicz, Siemion Zinowicz, Andrej Kyelb, Hricz Klisschovisz, Siemion Craczko, Iwan Philovicz, Hricz Chodorow vendiderunt totam suam partem hereditatis et dominii in eadem villa Dobra, que spectat eis in tercia parte eiusdem ville Dobra nfo. Nicolao Pyeniazek de Wittowicze Succ. Crac. et Cap. Sanocz. pro sexaginta marcis.

Къ p. 87. Холопъ и раба въ договорѣ Любарта съ Казимиромъ: а за избѣга можемъ его добыти и выдати, аже его не можемъ добыти, можемъ его искати съ обою сторону, аже побѣгнеть Русинъ а любо Руска, или во Львовъ или холопъ чии, или роба, выдать его... (Голов., Пам., № I).

Къ p. 142; см. о покорѣ А. И. Павинскаго, O pojednaniu w zabójstwie, Warszawa, 1884 (акты о покорѣ въ приложеніи 3).

Къ p. 143, A. gr. XI, p. 357. Item Fedor, Michalko Jacobus, Turko tenentur penam talem, *sicut ipsorum ius canit.*

Къ p. 144. cf. соч. Jos. Hube, Geschichtliche Darstellung der Erbfolgerechte der Slaven, Posen, 1836.

Къ p. 173. Въ люстраціи с. Викторова Гал. земли (Лит. Метр. IV, B. 12, p. 577об.) крестьяне даютъ подстаростѣ, чтобы къ нимъ два раза въ годъ пріѣзжалъ „ządzicz wiecza...“ за каждый пріѣздъ по 3 гр. съ лана.

Къ p. 178. Крайники Брылинскій и Устрицкій въ Перемышл. землѣ (Л. М. IV, B. 19, p. 812, 818).

Къ стр. 237. Отношеніе львовянъ къ евреямъ ярко характеризуется слѣд. записью въ львовскихъ гродскихъ книгахъ (подъ 1500 г.): Nob. Henricus Regie Mai. Cubicularius nomine Sue Magestatis vallavit vadium decem milia marc. super Consules Leopol. mandans ipsis ut defenderent Judeos Leop. ab iniuriis et infestacionibus Cruciferorum, *ipsi vero Consules vadium suscipere nec Judeos defendere volebant,* quod vadium idem Cubicularius nomine Regie Maiest. in librum castr. Leop. inscribere iussit.

Къ p. 238, np. 3. Venientes Judei suburbii castr. Leop. recognoverunt dictj *Caraymowcie,* quia Judeos dictos *Rabany* eiusdem eciam suburbii castr. Leop. de omnibus custodiis, laboribus, daciis et a labore cuttium alias *od suranow* et etiam quod fures non debent ducere ad castrum nec custodire eosdem et in adventu Maiestatis Regie ad currus et ad coquinas nichil habere debent perpetue et in evum emiserunt presentibusque emittunt, tantum excepto, quod ipsi Judei *Rabany* cum eisdem Caraymis debent simul redditus solvere super fossatam alias *na przekop* et censum annualem, hoc est quinque marcas eciam in simul exolvere debebunt et tenebuntur. Et iterum stantes circa eadem acta Judei pretuiti *Rabanowye* recognoverunt, quia eosdem Judeos Caraymos effecerunt liberos perpetue et in evum ab omnibus solucionibus tam Regalibus quam aliis domini Capitanei. Et surpa hoc utraque pars memorial posuit, quod iudicium recepit.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
2	4 св.	ея	его
—	пр. 4 св.	względzie	względzie
—	пр. 10 св.	Pomniejscze	Pomniejsze
3	пр. 15 св.	audirimus	audivimus
4	10 св.	обратилась	обратилась бы
9	пр. 1 сн.	Нарн.	Народн.
10	пр. 8 сн.	consenu	consensu
11	24 св.	Polonia	Polonico
—	29 св.	заселявшіе	населявшіе
—	1 сн.	потсараемся	постараемся
12	5 св.	известна	извѣстна
13	1 сн.	[5]	[6]
14	пр. 7 сн.	что сельское населеніе было раздѣлено	что часть сельскаго населенія была раздѣлена
15	пр. 2 св.	они появляются	она появляется
17	14 св.	децентрализація	децентрализація
—	пр. 2 сн.	Бальзера	Бальцера
18	12 св.	Бальзеромъ.	Бальцеромъ
22	пр. 7 св.	Саноцкаго о пр.	Саноцкаго — о
23	пр. 5 св.	ободинарныхъ	ордынарныхъ
25	11 сн.	привести эту реформу къ концу	довести этой реформы до конца
27	11 св.	обязанности	обязанность
40	9 сн.	утверждаетъ	утверждаютъ
45	пр. 1 сн.	H. IV. B.	M. IV. B. 9,
53	18 св.	упорня	упорная
55	пр. 6 сн.	Anta	Akta
60	5 сн.	силезскаго	Мазовецкаго
61	3 св.	Юрін	Юріѣ
—	14 св.	силезскаго	Мазовецкаго
62	4 св.	praemonem	praenomen
63	17 св.	сохранившимся	сохранявшимся
64	пр. 10 сн.	процесса	процессѣ
67	пр. 13 сн.	starosta kaze	starosta kaze (Dodatek przy Gaz. Lw. 1859 r.)
98	пр. 18 сн.	Бальзеру	Бальцеру
99	пр. 2 сн.	per.	per Dom.
100	пр. 5 сн.	vocipiantur	recipiantur
109	пр. 16 сн.	sus	sui
113	2 сн.	area [1]	area [2]
—	1 св.	Описимъ [2]	Описимъ [3]
—	пр. 9 св.		вставить [4]
128	10 сн.	pecunio	pecunia
—	пр. 4 сн.	istcsyenko	iste syenko
129	пр. 1 св.	tunc nos judices — do reclinavit — вычеркнуть	
142	пр 12 сн.	idse	ipse
—	пр. 10	eumu esd	eum sed
175	пр. 16 сн.	Бальзеромъ	Бальцеромъ
176	пр. 14 сн.	Перм.	Перем.
186	пр. 1 сн.	Pieskosisnki	Piekosiński
188	13 св.	большая	бо́льшая
190	пр. 17 сн.	вмѣсто напечатаннаго: Левъ далъ самоуправленіе только нѣмецкой общинѣ Львова, между тѣмъ какъ Казимиръ распространилъ нѣмецкое устройство на всю городскую общину.	
195	пр. 9 св.	uduas	duas
201	16 св.	чинту	чиншу

HN 418
G3L5

HN 418 .G3 .L5 C.1
Charty iz istorii sotsiovil v I
Stanford University Libraries
3 6105 037 909 798

	DATE DUE		
			1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305